

Ужасная сводная сестра

Незаконченные сказки. Книга 1

А Й Я Л И Н Г

ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ • КНИГИ О ЛЮБВИ

Когда Кэт случайно разрывает старую книжку с картинками, то обнаруживает, что попала в мир Золушки — в облике Катрионы, одной из ужасных сводных сестер. Её жизнь переворачивается вверх тормашками, так как теперь она — высокородная леди, и должна научиться выживать в высшем свете, в том числе, понять, как проходить через дверь в огромной юбке с кринолином. Чтобы вернуться назад, Кэт должна довести сказку до счастливого финала. Но проблем множество: другая сводная сестра просто невероятно красивая, мама-фея крёстная куда-то исчезла, а принц, несмотря на свою необыкновенную привлекательную внешность, искренне не любит балы. Сможет ли она снова вернуться в современный мир?

Айя Линг

«Ужасная сводная сестра»

Оригинальное Название : *The Ugly Stepsister by*

Айя Линг — «Ужасная сводная сестра», серия «Незаконченные сказки» № 1

Автор перевода: *Настя Гулик*

Редактор: *Алёна Дьяченко*

Вычитка: *Анна Игнатова*

Оформление: *Евгения Апухтина*

Обложка: *Ира Белинская*

Глава 1

Когда я встречаю потрясающего парня, со мной обычно происходят три вещи:

1. Молчу. Я открываю рот, но не могу произнести ни слова. Я способна лишь стоять и глупо пялиться на него, со ртом, открытым до такой степени, что туда спокойно может поместиться тройной бургер, в то время как мои мозги превращаются в кашу.

2. Заикаюсь. Я способна часами болтать по телефону с подругой, но если оказываюсь рядом с симпатичным парнем — бац! Питание отключается, и в мозгу происходит короткое замыкание. Вам повезёт, если удастся услышать что-то кроме: эм... ум... хм, а затем я краснею.

3. Спотыкаюсь. Я могу упасть на ровном месте. Да, это легко, когда твой рост пять футов и семь дюймов, и ты неуклюжая. К тому же, в пятилетнем возрасте, мне удалось довести до слёз своего учителя танцев. И даже хуже, могу что-нибудь разбить или опрокинуть.

Всё это произошло в течение трех минут, когда этим утром, я натолкнулась на Габриеля Кастеллано.

Захожу в класс, когда начинает вибрировать мой мобильник, и на экране появляется сообщение от мамы: "Детка, сегодня на работе у меня сверхурочные. После школы СРАЗУ ЖЕ иди домой".

Мама начала брать подработку, когда только можно, в надежде отложить деньги на мой

колледж. Мне бы хотелось, чтобы она так не делала... и предложила пойти на временную работу, но кому-то нужно сидеть по вечерам с Пейдж, и кроме того, мне надо много заниматься, для получения стипендии. Те, у кого были высокие оценки, имели больше возможностей спасти себя от переворачивания бургеров несколько часов в неделю. И всё же, мне было неловко, когда мама приходила в десять часов уставшая до изнеможения.

Опускаю плечи, и, смотря себе под ноги, сворачиваю за угол, чуть ли не наталкиваясь на парня, идущего в мою сторону. Я прошла бы мимо, но он заговаривает со мной.

— Простите. Вы не подскажете, где находится спортзал?

Замираю. Шесть футов чистого неподдельного секса. В голосе слышится лёгкий акцент, но, на мой взгляд, это делает его ещё более привлекательным.

— Я здесь новенький, — произносит парень с извиняющейся улыбкой. — Вчера перевёлся из Австралии.

— О... эм... привет, — мои губы становятся сухими, изо всех сил стараюсь не пялиться на него. О чём он спрашивает? — Спортзал... вон там.

— Спасибо, — парень ослепительно улыбается и уходит. И тут меня, внезапно, осеняет: Я указала ему неправильное направление.

— Эй! Это в другую сторону! — приходится поспешить, чтобы приноровиться к его длинным шагам. Моя нога зацепляется за нижнюю ступеньку, я спотыкаюсь и падаю, ударяясь коленями о цемент. Книжки и мобильник, которые несусь, рассыпаются вокруг меня.

Класс. И как я забыла о ступеньке? Кто из нас здесь новенький?

— С тобой всё в порядке? — парень приседает и помогает собирать мои вещи, но я отмахиваюсь от него.

— Серьёзно, все хорошо, — не хочу, чтобы он увидел мой телефон — старенькую черно-белую модель "Нокии". Точно так же, как не хочу, чтобы Габриель поднимал потрёпанную *"Энн из Зеленых Крыш"*, которую я планировала почитать в классе. Не хватает ещё, чтобы он понял, что я фрик, который всё ещё читает классику. Детскую классику, вообще-то.

— Габриель! — слышу девичий визг. Это Эшли из младших классов, красивая и утонченная, недавно переехавшая сюда из Нью-Йорка и пребывающая в трауре оттого, что ничто в Окли не соответствует её многообразному вкусу. Впервые вижу её такой оживлённой. — Я везде тебя ищу! Звонок скоро прозвенит. Пошли, мистер П. убьёт нас, если мы опоздаем.

Я быстро собираю свои вещи и убегаю. Такова моя удача — никогда не смогу вести себя нормально при виде любого симпатичного парня.

Дома Пейдж приклеилась к телевизору, и смотрит "Губку Боба". Никак не понимаю, что может быть привлекательного в уродливом жёлтом персонаже, который живёт в ананасе, на дне моря (Сэйлор Мун я ещё могу понять), но это всего лишь одно из многих отличий между нами. Ей — десять, мне — семнадцать. Ей нравится ТВ, а мне предпочтительнее — чтение (хотя мы обе, до смешного, много времени проводим сидя в интернете). Она красива, как мама, тогда как я... ну, каждый раз при взгляде на отца, мне хочется наорать на него из-за того, что ЕГО гены вытеснили мамины. Понимаете, мамина семья из латиноамериканцев. Несмотря на то, что ей почти сорок, по ней этого никогда не скажешь. У неё орехового цвета волосы, густые и пышные, ресницы настолько длинные, что похожи на крылья бабочки, и полные губы, которым не нужна никакая помада. Разумеется, у нее нет модельной фигуры, но это не имеет значения. Если она улыбается, её большие глаза загораются, а глаза мужчин

просто стекленеют.

Пейдж, счастливица Пейдж, выглядит в точности как мама. Когда она ходила в детский сад, то получила тридцать семь валентинок. У меня было две. Мама выглядит как чуть более упитанная версия Пенелопы Круз, тогда как я больше похожа на Джо Марч из *"Маленьких женщин"*. У меня длинные руки и большие ноги. И по всему носу рассыпаны веснушки. Те, кто говорит, что лимонный сок помогает — вруны.

Единственное, что есть во мне привлекательного — это волосы, такие же, как у Джо. Они густые и волнистые, как у мамы, и красновато-коричневые. В первом классе мальчик обозвал меня "морковкой", но я была слишком слабой, чтобы ударить его по голове, как Энн Ширли поступила с Гилбертом Блайтом. Как и Джо, мне нравится читать. Мама говорит — это чудо, что мне не нужны очки, если исходить из того, как я проглатываю книги, с тех пор, когда она впервые отвела меня в библиотеку, в четыре года. Если бы я получила в подарок от Чудовища такую же библиотеку, как и Белль, то тоже вышла бы за него. Книги открывают мне новый мир. Жизнь в маленьком Окли ужасающе скучна, у нас есть всего лишь одна главная улица, на которой находятся все магазины, остальное — только лишь обычные жилые районы.

Когда начинается реклама, Пейдж вскакивает на ноги.

— Привет, Кэт! — возбужденно произносит сестра. — Угадай, что сегодня на ужин?

Понятия не имею, почему Пейдж так радуется. Когда мамы нет дома, то обычно мы питаемся остатками замороженной еды. Вообще-то, даже если она дома, мы почти всегда пользуемся микроволновкой, или берём еду на вынос, из-за мамы, она слишком устаёт, чтобы на скорую руку приготовить что-нибудь свежее.

Пейдж тащит меня в кухню, и заставляет сесть на стул.

— Закрой глаза.

Мне слышно, как она открывает холодильник. Затем раздаётся стук миски, поставленной на стол.

— Теперь я могу их открыть?

— Пока нет, — слышу ещё шорох. Пейдж открывает пластиковый пакет, как мне кажется. — Хорошо, теперь открывай.

Передо мной стоит большая миска, наполненная кусочками сочных красных томатов, сиреневого лука, присыпанных зелёной кинзой. Рядом с миской стоит тарелка с кукурузными чипсами.

— Ты сделала сальсу?

— Бабушка прислала рецепт по почте, — сияя, отвечает Пейдж. — Она сказала, что сальсу нужно есть только свежей. Ты же знаешь, как бабушка ненавидит консервированную еду, которую мы покупаем в супермаркете. Нужно было только все порезать и смешать с лимонным соком и солью. Давай, попробуй.

Я окунаю чипсину в сальсу и откусываю кусочек. Сладкая, пикантная смесь взрывается у меня во рту, смешиваясь в идеальной гармонии.

— Это потрясающе, — произношу я. — А ты ещё более потрясающая, потому что сделала это.

Она светится от гордости. В отличие от меня, Пейдж искренне радуется, когда занимается домашней работой, хотя становится невероятно ленивой, если дело доходит до уроков. Ещё одна вещь, которая показывает различие между нами, будь то внешность, или черта характера.

Реклама заканчивается, Пейдж забирается назад на диван.

— Кстати, мама сказала, что ты должна убрать на чердаке, — напоминает сестра, и её глаза сразу же приклеиваются к экрану телевизора. — Она говорит, у тебя там слишком много книг. На выходные будет гаражная распродажа, и мама хочет попробовать продать то, что не выглядит как макулатура.

Закатываю глаза. Ладно, признаюсь, я много тратила на книги ещё с тех пор, как папа был с нами. До сих пор получаю кучу книг, отдаваемых по дешёвке, но это потому, что много электронных книг, к тому же, вам не нужно беспокоиться погрызут ли их мыши.

Но, даже если я уберу чердак, вряд ли у нас появятся вещи, чтобы его наполнить. После развода мама стала необычайно экономной.

Вздыхаю. Не хочу расставаться со своими книгами, но большинство из них, вероятно, уже слишком детские для моего возраста. Господь знает, в моей комнате их набралось достаточное количество.

Я поднимаюсь на чердак, пока не стемнело. Никогда не говорила Пейдж, что боюсь ходить туда ночью. Лампочка там тусклая и мигающая, а на чердаке нет окон. Когда выключен свет, кажется, что он населён призраками.

Проведя пять минут на пыльном чердаке, начинаю чихать. Не удивительно, что мама хочет избавиться от вещей, здесь становится слишком тесно. Коробки моих книг уже заняли примерно половину помещения.

И все же, продолжаю открывать коробку за коробкой и проверять содержимое перед тем, как спустить их вниз. Мне нужно знать, какие книги отправятся на гаражную распродажу. Не хочу лишиться тех, которые больше не издаются, но в любом случае, никто не захочет покупать настолько старую книгу.

Перетаскивая коробки в гараж, я выдыхаюсь и сажусь на пол немного передохнуть.

И тут звонит мой телефон, это Блейк — главный редактор нашей школьной газеты.

— Привет, Кэт! Мы все встречаемся завтра, так что постарайся припарковать свою задницу в нашем уголке за ланчем.

— Хорошо. Есть какие-нибудь идеи для следующего выпуска?

— О, да, — его голос звучит довольно. — Я подумываю взять интервью у новенького парня, который только что переехал из Австралии.

— Габриеля?

— Ты с ним уже встречалась?

— Ну... вроде того.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты проинтервьюировала его. Он первый студент, который появился у нас по обмену.

В груди поднимается паника. Не-е-е-е-ет! Я не могу даже заговорить с ним без заикания и глупых ошибок.

— Я... Я не думаю, что у меня получится это сделать, — начинаю придумывать отмазку, чтобы отказаться от интервью. — Блейк, я редактор, а не писатель. И, кстати, зачем нам, вообще брать у него интервью? Нашу газету все равно никто не читает.

— Спасибо за воодушевление, — отвечает он язвительно. — Но в принципе, ты права. Мне кажется, что если мы задействуем Габриеля, её будет читать больше людей. Девушки буквально чуть не свернули себе головы, когда парень проходил сегодня по коридору.

Да, представляю эту картину. Эшли, которая пренебрежительно разговаривала со всеми и буквально визжала, когда звала Габриеля.

Но я не могу. Хотя крошечная часть меня в восторге от возможности поговорить с ним, не хочу снова строить из себя идиотку перед Габриелем. Он уже знает, что я послала его в неправильном направлении в школе, где проучилась два года, и видел мое падение лицом на пол. Я просто не смогу этого сделать.

— Найди кого-нибудь ещё, Блейк. Уверена, что любой другой, с радостью, на это согласится.

Отключаясь, вздыхаю и тянусь за последней коробкой — она пахнет древесными опилками. Открываю её: одна часть содержимого заполнена плюшевыми игрушками, вторую часть заполнили книжки с картинками.

Не удивительно, что я не помню эту коробку. Этим книжкам сколько, лет двенадцать?

И хотя, коробка не выглядит знакомой, но книжки — да. Я вытаскиваю томик сказок Ханса Кристиана Андерсена, с золотым обрезом, великолепно иллюстрированную версию *"Спящей красавицы"*, и большую, тонкую книгу в твёрдом переплёте *"Золушку"*.

Открываю её. Страницы пожелтели, края обложки облезли, а переплёт истрепался. Осторожно переворачиваю страницу. На первой картинке нарисована служанка, сидящая на коленях перед камином.

— Однажды, давным-давно...

Ну, разумеется. Есть ли хоть одна сказка, которая не начинается с этой знаменитой строчки?

— Кэт! Кэт!

Пейдж зовёт меня, я поднимаюсь, держа книжку в левой руке, и каким-то образом, она рассыпается. В руках остается твёрдая обложка, а остальная часть книги вываливается. Я в ужасе смотрю, как страницы рассыпаются по полу.

— Кэт? — снизу лестницы раздаётся мамин голос. — Ты можешь спуститься на секунду?

— Иду!

Я опускаю обложку на пол и начинаю спускаться по лестнице. Ноги за что-то зацепляются, я теряю равновесие и качусь по ступенькам, отчаянно ища, за что ухватиться — неужели моя неуклюжесть может быть ещё хуже? А потом мою голову пронзает острая боль, и всё вокруг становится чёрным...

Глава 2

Когда я просыпаюсь, моя голова пульсирует, руки болят, а спина ноет. Открываю глаза, моргаю и обнаруживаю, что лежу на кровати королевских размеров, с огромным балдахином.

Боже, наверное, я вижу восхитительный сон, в котором мы все купаемся в деньгах.

— Мисс Катриона! — слышу женский голос.

Я снова моргаю, и комната постепенно начинает обретать очертания. Не верю своим глазам. Балдахин — это не плод моего воображения. Он нависает над всей кроватью, привязанный бархатными ленточками к деревянным столбам. На маленьком столике, рядом с кроватью, стоит канделябр с тремя зажжёнными свечами! А в углу комнаты комод с керамическим кувшином, последний раз я видела такой в музее в деловой части города.

Ладно, пора просыпаться. Я щипаю себя за руку. Очень сильно.

— Ой!

— Где у вас болит, мисс Катриона? — снова женский голос. Теперь я её вижу, женщину средних лет, одетую в белый чепчик, фартук во всю длину и чёрное хлопковое платье.

Я визжу.

— Кто... кто вы? Где Пейдж? Что вы здесь делаете?

Она странно на меня смотрит.

— Вы и правда сильно ударились головой, не так ли? Я — Марта, мисс. Я меняла ваше бельё, когда вы ещё только ползали по этому дому.

Теперь я бросаю на неё странный взгляд.

— Как вы только что называли меня?

— Мисс?

— Вы называли меня Катриона. Моё имя Кэтрин.

Её челюсть отвисает.

— Святые небеса, мисс Катриона! Нам стоит позвать к вам врача, вы не то говорите!

Что, чёрт возьми, происходит? Я сажусь и отбрасываю одеяло. Оно соскальзывает с моих ног, и Я замечаю, что одета в кремовую ночную рубашку, определённо, сшитую из шёлка. С десятков розово-белых бантиков спускаются до самого низа.

Выпрыгиваю из постели и бросаюсь к зеркалу с такой скоростью, словно за мной полыхает пламя. Слава Богу, моя внешность не изменилась. Может, я стала чуть худее, но мои волосы всё ещё рыжие, глаза такие же серые. И тут замечаю, что количество веснушек увеличилось — теперь они расползлись по моим щекам и носу. Чёрт. Ночная рубашка ужасно старомодная: с длинными рукавами, высоким воротничком и доходит до лодыжек. На мне даже имеется смехотворный ночной чепчик, завязанный под подбородком.

Тут от двери раздаётся мягкий молодой голос.

— Можно войти?

Я разворачиваюсь. В дверях стоит девушка, примерно моего возраста, одетая как служанка Марта. У неё медового цвета волосы, спрятанные под чепчиком, большие, невинные голубые глаза и лицо в форме сердечка, которое, несмотря на то, что перепачкано сажей, кажется очень красивым.

— Я пришла вымести очаг, если позволите, — говорит девушка. В руках она держит совок и метлу, изготовленные достаточно грубо.

— Эм... — осматриваю комнату и вижу настоящий камин перед моей кроватью. С кусками угля. Чёрт возьми. — *Кто* ты?

— Вернитесь в постель, мисс. Вы не очень хорошо себя чувствуете. Завтра мы позовём к вам доктора, — говорит Марта и, обращаясь к девушке, шепчет. — У неё не всё в порядке с головой, с тех пор как она свалилась с лестницы. Она даже не помнит, кто я такая.

Глаза девушки испуганно расширяются, и она неуверенно шагает в сторону моей кровати.

— Вы меня не помните, мисс? Я — Элла. Элла Татчер. Я была вашей служанкой несколько лет.

— Эм...

Марта подталкивает её локтем и кивает.

— Я же тебе говорила.

— Сейчас зажгу камин, в комнате становится холодно, — говорит девушка. Она берёт железную кочергу, лежащую у каминной решётки, и собирает уголь в большую кучу.

— Может, завтра ей станет лучше?

Эта мысль мне нравится. Голова всё ещё болит. Наверное, я до сих пор вижу сон. Через несколько часов опять проснусь в своей собственной постели, в Окли, штат Индиана. Это всё окажется просто ночным кошмаром.

— Девочка, просыпайся.

Я снова открываю глаза. На этот раз вокруг темно, но благодаря лунному свету, проникающему в мою комнату через окно, чувствую, что всё ещё нахожусь в этой незнакомой, старомодно обставленной комнате. Канделябр у моей кровати не горит. Огонь в камине уже погас, но угли ещё тлеют.

И тут я вижу нечто более шокирующее, чем странная комната, в которой нахожусь.

Полупрозрачное существо парит в воздухе, прямо над кроватью. Оно выглядит достаточно уродливым: глаза и нос как будто сдавлены, тело коренастое, а руки и ноги странно короткие по сравнению с торсом.

Я настолько потрясена, что могу лишь смотреть с широко раскрытым ртом. Этот призрак хочет меня съесть?

— Уже проснулась? — спрашивает он пронзительным голосом, с нотками игривости.

О нет, только не снова. Опять щипаю себя за руку, на этот раз, действительно сильно и взвизгиваю от боли. К тому месту, где я себя ущипнула, приливает кровь.

Призрак начинает смеяться.

— Прошла уже сотня лет, а люди все так же глупы.

Мой желудок сжимается. Я нахожусь в странной комнате с уродливым призраком и не имею понятия как проснуться.

Наверное, я умерла. Вероятно, при падении с лестницы что-то очень сильно повредила и истекла кровью. Ой. Провожу рукой по своей голове, но чувствую лишь болезненную точку, которая похожа скорее на шишку, чем на зияющую рану. Кроме того, эта комната далека от моих представлений об аде.

— Эй, ты, — обращаюсь к призраку. — Я что, умерла? Это место, где люди оказываются перед тем, как попадают в рай?

Его голова откидывается назад, и он хохочет высоким, пронзительным звуком. Удивляюсь, почему его никто не слышит; либо они не могут слышать призрака, либо спят слишком глубоко.

— Девчонка считает, будто попала в рай! Постойте, я ещё расскажу Его Величеству...

Чёрт побори, что тут происходит?

— Разве ты не призрак?

От этого он смеётся ещё сильнее, хватаясь за бока, и хрипит, словно я лучший комедиант в мире.

— Ты — тупоголовый человек с мозгом размером с горошину, — выдыхает он и вытирает свои слёзы. — Разве ты никогда раньше не видела этой комнаты?

— В музее, в городе?

— Нет, глупая, в книге.

Лунный свет проникает сквозь окно. На стене висит несколько картин в рамках, на самой большой из них нарисован прекрасный сад. Пейзаж выглядит знакомым. На нём не хватает служанки, стоящей на коленях перед камином.

— "Золушка"? — выдыхаю я. Эта комната из картинки в книжке на первой странице. — Почему я вижу её во сне?

— Она всё ещё считает это сном... — бормочет призрак и качает головой. — Слушай, разве ты не помнишь, что произошло с книжкой?

Тру висок.

— Она... порвалась?

Существо кивает.

— Когда ты разорвала её, наш король создал проклятие, с помощью своей магии. И в качестве наказания, ты перенеслась в книгу.

— Ваш король? — история становится просто смешной. — Кто этот король и кто ты?

Призрак приседает на краешек моей кровати.

— Видимо, придётся тебе сказать, потому что сама ты никогда не догадаешься. Меня зовут Крю. Я нахожусь на службе Его Величества, Бартелиуса, короля Гоблинов.

— Гоблины? — откидываюсь на подушку, чуть не ударяясь об изголовье кровати. — Пожалуйста, скажи, что у меня галлюцинации, или я получила сотрясение мозга.

— Мы существуем в другом измерении, но наш король всегда интересуется человеческими историями. Именно поэтому он создал свои собственные книги сотни лет назад и оставил несколько экземпляров в вашем мире, но никогда не ожидал, что кто-нибудь их разорвёт.

— Боже мой! — я зарываюсь глубже в одеяла. Здесь, наверное, какая-то ошибка.

— Скоро ты сама это признаешь или можешь продолжить себя щипать, — он взмывает в воздух, и я замечаю у него пару крошечных крылышек. — Пока.

— Постой! — выпаливаю я и сажусь. — Ладно, предположим, что я тебе верю. Как мне вернуться назад?

Крю усмехается и показывает ряд острых зубов.

— Теперь ты меня слушаешь. Тебе, всего-то — нужно снова собрать всю историю.

— Что?

— Довести историю до самого конца, до места, где говорится, что они жили долго и счастливо.

Проклятие. Я попала в ролевую игру. Не то, чтобы я играла в одну из них, но мне просто так показалось.

Кстати, о ролевых играх...

Та женщина, Марта, назвала меня Катрионой. Она говорила, что у меня потеря памяти, значит, я не новоприбывшая в этом мире.

— Так кто же я?

Его выпученные жабы глаза блестят.

— Угадай.

Хмуро смотрю на Крю. Ну, в любом случае не Золушка, исходя из моей шёлковой ночной рубашки. И, также очевидно, что не её злая мачеха. В зеркале я выглядела такой, как была, а не женщиной средних лет.

— Одна из ужасных сводных сестёр?

Его ухмылка становится шире.

Чёрт.

— Если я оказалась в сказке, тогда почему бы мне не стать Золушкой?

Гоблин снова заходится смехом.

— Золушка! Девчонка считает себя достаточно красивой, чтобы быть Золушкой! — он снова и снова переворачивается в воздухе, пока я не ощущаю головокружение и смущение. —

Разве ты не знаешь, как работает проклятие? Ты играешь ту роль, к которой больше всего подходишь.

Да уж, спасибо, что указали мне на невозможность стать главной героиней. Предполагаю, вот если бы в книге оказалась Пейдж, то она вполне могла бы стать Золушкой.

И хотя ситуация всё ещё нелепая, мне все же любопытно.

— Значит все, что мне нужно — это доставить Золушку на бал, где принц влюбится в неё, проклятие разрушится, и я смогу вернуться?

Он тыкает в меня скрюченным пальцем.

— Не совсем. Ты не можешь закончить балом, где Золушка сбегает и оставляет свою туфельку. Ты должна пройти весь путь до конца. История закончится только тогда, когда они поженятся, прозвенят свадебные колокола и в воздух полетят белые голуби.

Ого.

— И когда же будет бал?

— Понятия не имею.

— И где фея-крёстная?

— Не знаю.

У меня отвисает челюсть.

— Эй? Ты хочешь сказать, что мне нужно устроить всё самостоятельно, а ты просто будешь парить в воздухе и ничего не делать?

Он пожимает плечами.

— Так случилось потому, что ты разорвала всё на первой странице. Проклятие начинается с того места, где ты закончила.

— А если я ничего не сделаю? А если принц не захочет устраивать бал? А если я не смогу найти крестную?

Крю зловеще усмехается. Меня охватывает ужасное чувство обречённости.

— Тогда ты останешься в книжке. Навеки.

Глава 3

— Ты не можешь говорить всерьёз!

Крю, наверное, заколдовал комнату. Либо так, либо это действительно сон, исходя из того, как громко кричу. Я никогда ни на кого не кричу, разве что речь идёт о вопросах жизни и смерти. Когда мне было меньше, чем Пейдж сейчас, мама взяла меня в бассейн. И, даже несмотря на все мои старания слушать тренера, я продолжала брызгаться, царапаться и отбиваться, и да, кричать изо всех сил.

До сегодняшнего дня помню ужасное чувство беспомощности, когда вода заливала мой нос, уши и рот, и я лихорадочно пыталась схватить что-нибудь надёжное, но получала лишь пригоршни воды.

Сегодняшний день может соперничать с днем, когда я чуть не утонула.

— Ты не можешь так со мной поступить! — кричу. — Я хочу домой. Немедленно!

Продолжаю орать, но он в ответ лишь усмехается.

— Король тоже не ожидал, что такое может когда-нибудь произойти. Ему чрезвычайно любопытно увидеть, как ты доведёшь историю до конца. Для тебя же будет лучше, если ты устроишь ему хорошее представление. Увидимся!

Дьявольски усмехаясь, Крю подпрыгивает в воздух и исчезает. Всё происходит очень быстро, вот он сидит и улыбается как безумный, а в следующую секунду уже никого нет.

Воцаряется полная темнота.

— Не-е-е-е-ет!

Подпрыгиваю на кровати и понимаю, что весь мой разговор с ним был сном, но я все ещё в ловушке в Сказочном Мире. В мире "Золушки".

Протягиваю руку и прикасаюсь к бархатной шторе, висящей на кровати с четырьмя столбиками. Тяжёлая, плотная, дорогая. Провожу пальцем по золотому узору.

Это не может быть реальным.

Вылезаю из-под одеяла и шиплю, когда голые ступни касаются пола. Я скучаю по круглому меховому коврику, лежащему у моей кровати. Брр... как же здесь холодно. Огонь в камине давным-давно погас. Осталась только кучка пепла.

Сейчас, когда в окна падает утренний свет, я могу всё рассмотреть получше. Определённо, это не моя простая захламлённая комната, полная книжек и блокнотов. С правой стороны кровати стоит умывальник из берёзы, в комплекте с тазом, полотенцем и керамическим кувшином. Также здесь находится туалетный столик, заваленный бутылочками с духами, шкатулками для украшений и рукоделия, салфеточки, игольник, саше из сухих цветов, две щётки и расчёска. На мой вкус, слишком женственно.

У камина располагается ведёрко для угля, защитный экран и широкая каминная полка, задрапированная тканью с цветочным узором. На ней стоит фигурка пастушки из голубого китайского фарфора, миска с восковыми фруктами, большая розовая раковина и часы в стеклянном футляре. На циферблате стрелки в виде двух рук указывают время: чуть больше восьми утра. Перед камином стоит кресло, с которого свисает бархатная шаль. Я накидываю её на плечи и на цыпочках подхожу к окну.

— Что за...

У меня в желудке образовывается ком, и я хватаюсь за подоконник. Но сразу же одёргиваю руку, потому что он ледяной. Дом, в котором сейчас нахожусь, стоит в ряду таунхаусов из жёлтого кирпича, высотой в три этажа. Здания окружает железный забор. По улице, потихоньку, катится карета, запряжённая четверкой лошадей. Я могу видеть даже длинный хлыст в руках у кучера. Не имеет значения, как сильно мне не хочется признавать происходящее. С замирающим ужасом осознаю, что живу в причудливом новом измерении.

Это не может происходить на самом деле! Здесь должно быть какая-то ошибка! Мне хочется домой!

Поворачиваясь, трясую головой и крепко зажмуриваюсь. Всё та же комната с камином и кроватью с четырьмя столбиками.

— Нет... — шепчу я, прижимая руки к щекам и опускаясь на холодный твёрдый пол. Мои конечности немеют, в голове пусто. Не знаю, сколько времени сижу, свернувшись калачиком, в позе эмбриона, не имея ни малейшего понятия, что мне делать дальше, когда внезапно раздаётся лихорадочный стук в дверь.

Девушка, с лицом в форме сердечка, влетает в комнату с большим кувшином, ведром и фланелевыми тряпками.

— Мисс Катриона! — выдыхает она и приседает в коротком реверансе. — Простите, что так опоздала сегодня утром. Мисс Бьянка захотела новую причёску, и мне никак не удавалось добиться того, что ей нужно.

В моей голове возникает первая страница из книжки. Девушка с длинными волосами

медового цвета, заплетёнными в косу, в чёрном чепце и белом фартуке, была удивительно похожа на "Золушку" с картинки.

Боже мой, девушка, наверное, и есть "Золушка". Я нашла её.

— Мисс Катриона? — тихо произносит "Золушка" и теребит свой фартук. — Вы злитесь на меня?

Требуется две секунды, чтобы мой мозг осознал, что я сейчас — Катриона, а не Кэт.

— Хм, не волнуйся, — говорю, махнув рукой. — Я всего лишь на мгновение отключилась.

Теперь она морщит лоб.

— Отключились?

Упс. Видимо, их речь сильно отличается от современной американской. — Не обращай внимания. Просто хочу сказать, что совсем не злюсь.

Вижу, что девушка ставит кувшин на комод, и иду к ней. В древней комнате без центрального отопления я продолжаю дрожать. От кувшина идёт пар, и можно было бы немного согреться с помощью горячей воды.

— Прости, ты видимо, забыла про чашки?

— Чашки? — её глаза расширяются.

— Ага, — говорю я, мысленно ударяя себя по лбу. Отныне мне нужно говорить только "да".

— Умираю от жажды. Если тебя не слишком затруднит, не могла бы ты принести мне чашку?

Она смотрит на меня, как на сумасшедшую. Я что, опять говорю что-то не то? Мой желудок трепещет, а в голове раздаётся слабая пульсация.

Мне кажется, что проходит вечность, когда "Золушка", наконец, заговаривает.

— Вода в кувшине для ежедневного умывания, мисс Катриона, и не предназначена для питья.

Упс.

— Может, нам все же, стоит вызвать врача. Кажется, ваша память сильно повредилась после падения с лестницы.

— Нет! — быстро говорю я. Если мне необходимо завершить историю, то не нужно чтобы меня считали сумасшедшей.

— Я в порядке. Просто нужно немного времени всё вспомнить. Память... быстро восстановится. Правда.

— Если вы настаиваете, — девушка всё ещё сомневается. — Голова ещё болит? Могу принести вам бальзам.

Вообще-то, меня до сих пор терзает тупая боль, но чем меньше беспокойства, тем лучше.

— Нет, не утруждай себя.

"Золушка" начинает наливать воду в большую миску на комод. Из неё поднимаются клубы пара. Затем она смачивает в воде кусок фланели, берёт мыло и выжидающе смотрит на меня. Не смею больше задавать вопросы, так как боюсь, что девушка решит, будто я спятила, и позовёт врача, и стараюсь действовать так, как делала раньше.

— Вашу руку, мисс.

Она начинает протирать мою правую руку намыленной тряпкой, вытирает её сухой, затем переходит ко второй руке. Вначале мне немного неудобно, особенно когда приходится

вытягивать ногу, но "Золушка" кажется быстрой и умелой, мытьё заканчивается быстрее, чем мне представлялось. Она бросает тряпки в ведро, заполненное мыльной водой.

Ломая себе голову, пытаюсь вспомнить её имя. Прошлой ночью... здесь была служанка постарше, по имени Марта, которая решила, будто я потеряла память, а затем "Золушка" сказала мне, что её зовут Элла Татчер. Вот оно.

— Хм... Элла? — решаюсь я.

— Да, мисс?

— Как давно ты работаешь здесь служанкой?

— С тех пор как здесь живу, мисс.

— Вот как? — но, ведь "Золушка" не родилась служанкой. Она стала ею после смерти своей мамы, и с тех пор, как её мачеха стала обращаться с ней как с грязью, ведь так? Не понимаю, почему девушка ведёт себя со мной так уважительно, вежливо и услужливо. Меня удивляет, почему Элла не возмущается, и называет свою сводную сестру "мисс". Но, с другой стороны, в сказке она всегда была безвольной.

— А ты не против работать здесь служанкой? Никогда не возмущалась? На её лбу появляется лёгкая морщинка.

— Я не совсем понимаю, о чем вы, мисс, — произносит она. — Мадам была очень щедра, когда предложила мне здесь кров.

Затем она направляется к креслу, стоящему справа от моей кровати, на спинке которого висит кучка белой одежды. Сначала мне приходится надеть хлопчатобумажное платье с глубоким вырезом, которое Элла называет сорочкой. Потом некое изделие, длиной до колена, под названием "пantalоны". За ними следуют чулки, которые держатся на месте, благодаря подвязкам.

Мне не верится в происходящее. Подвязки. Маму хватит удар, если она меня увидит.

Но всё только начинается. Элла достаёт корсет, который выглядит как сбывшийся ночной кошмар. Массивный металлический костяк в форме песочных часов, с лабиринтом из ленточек, пересекающихся крест — накрест на спине.

Не-е-е-е-е-ет!

— А мы можем, хм, обходиться без него? — шепчу я. Сейчас мне полностью понятно, почему Кира Найтли в *"Пиратах Карибского моря"* ненавидела носить корсеты.

— Прошу прощения?

Прежде чем я успеваю повторить вопрос, Элла обёртывает корсет вокруг меня. На удивление, он не такой тугой, как показалось вначале. Корсет уютно облегает моё тело в нужных местах и не сковывает движений. Пока я поражаюсь комфорту, Элла достаёт две юбки: одну из простого белого хлопка, вторую из шёлка, с рюшечками и оборками по подолу.

Сейчас я, определённо, похожа на снежную бабу.

Элла подходит к гардеробу и открывает его. У меня отвисает челюсть. Море шелка и бархата, с рисунком и вышивкой просто поражает. Роскошные платья, с отделкой из кружев, расшитые шёлком и украшенные бантами. Чувствую себя гадким утенком, которому предоставляется шанс побыть лебедем.

— Вот, мисс, — Элла вытаскивает переливающееся платье на шёлковой серебристой подкладке. Несколько ярдов подола волочатся по полу, что делает его больше похожим на свадебное.

— Хм... по-моему, не очень удачный выбор.

— Но у вас сегодня занятия по этикету, — говорит Элла. — Мастер Пьерр велел, чтобы вы надели более длинное платье, которое будет похоже на наряд для представления королеве.

Представление? Королеве? Во что я себя втягиваю?

Сначала мне немного неудобно оттого, что мне помогают одеваться, но платье выглядит таким дорогим и непрочным, что мне страшно повредить его из-за собственной неуклюжести. Слои кисеи покрывают юбку. Жемчужные пуговички спускаются до самого низа. Более того, когда я вижу, как Элла управляет с завязками за моей спиной, то понимаю, что у меня нет никакого шанса одеться самостоятельно. На лифе, наверное, сотня крючков! Когда девушка, наконец, заканчивает, я встаю перед зеркалом. Я не выгляжу уродиной, только не в таком красивом платье, но как в нём передвигаться?

— ЭЛЛА! — воздух пререзает голос: пронзительный, сердитый, требовательный.

— Куда ты дела моё жемчужное ожерелье? Не могу его нигде найти!

— Иду! — Элла делает последнее усилие, надежно укрепляя конструкцию на моей талии.

— Мисс Бьянка зовёт меня. Я вернусь позже и причешу вас.

Бьянка. Наверное, другая сводная сестра... упс, моя сестра сейчас. Слыша такой повелительный голос, звучащий сквозь стены, мне не слишком-то хочется с ней встретиться.

— Не беспокойся, — тянусь за расчёской. Возможно, я понятия не имею, как надевать ужасающе длинное платье, но мне известно, как причесывать собственные волосы.

— Я сама справлюсь. Спасибо, Элла.

Девушка смотрит ошеломлённо.

— Вы только что сказали мне "спасибо"?

— Потому что ты помогала одеться, — отвечаю я, также ошарашено смотря на неё. — Мне бы без тебя не справиться.

Элла слегка хмурится.

— Но я же служанка и вы никогда не... хм, не обращайтесь внимания. Пожалуйста, мисс Катриона.

Судя по требовательному тону Бьянки, предполагаю, что Элла никогда не ожидала благодарности от нас. Боже, я знаю, здесь совершенно другой мир (могу спорить, что в их конституции не говорится, что все люди рождены равными), но неужели так сложно произнести простое "спасибо"?

Я иду к туалетному столику, присесть и расчесать волосы перед зеркалом. Не успеваю сделать и шага, как наступаю на подол платья и хватаюсь за столбик кровати, чтобы не упасть.

Господи, Боже мой. Быть благородной леди действительно так тяжело, как рассказывают в сказках.

Глава 4

Я спускаюсь к завтраку в серебристом платье, на что у меня уходит целая вечность. Не могу ступить и шагу, не опуская глаза вниз на своё платье. Мелькает мысль, сможет ли ещё одно падение с лестницы переместить меня назад, в Америку. Обдумав такой вариант, решаю не рисковать.

Интересно, как мадам... упс... мама выглядит? И как выглядит Бьянка?

Мне казалось, что лестница будет застелена ковром, исходя из того, какой роскошной была моя комната, но обнаруживаю всего лишь голый холодный мрамор, отполированный настолько тщательно, что создаётся ощущение скольжения.

Достигая низа, я вздыхаю с облегчением. Никогда в своей жизни так не радовалась возможности в целости и сохранности спуститься с лестницы.

— Катриона!

Высокая стройная женщина подбегает ко мне. Она красива, хотя, если судить по шее, это уже не лучшие ее годы. Длинное платье развевается при каждом шаге, а каблуки туфель стучат по полу. Понятия не имею, как ей удаётся ходить так быстро и не спотыкаться. Через несколько секунд она хватается меня за плечи и разворачивает кругом.

— Что ты сделала со своими волосами?

Упс. Когда Элла ушла к Бьянке, мне не удалось найти ни резинок, ни повязок для волос — только ленты и шпильки в резной шкатулке из слоновой кости на столе. Инстинкт подсказал мне, что конский хвост будет слишком уж неуместным и я предпочла сделать маленький хвостик, и оставить волосы свободно спускаться на спину.

— Я... хм... решила попробовать новый образ? — высказываю я предположение с обезоруживающей улыбкой.

— И не делай резких движений, когда спускаешься по лестнице. Ты забыла свои уроки? Всегда скользи так, словно ты шагаешь по облакам, — женщина качает головой. — Тысячный раз говорю, что ты должна учиться у своей сестры. Если бы твоя походка хоть наполовину напоминала её, то твой выбор ухажёров стал бы больше.

— Не трать своё время на неё, мама. Некоторые вещи даются при рождении, им нельзя научить.

Женский голос, который я уже узнаю. На этот раз он прямо сочится презрением и высокомерием. Бьянка, моя "сестра", спускается по лестнице с видом императрицы.

Ни фиги себе. У меня отнимается язык, хотя я и собираюсь дать ей отпор. Бьянка настолько красивая, что могла бы стать звездой в Голливуде, даже если бы отвратительно играла. Серьёзно. Вы бы никогда не сказали, что мы сестры. Её глаза тёмные и сияют, словно большие обсидианы, обрамлённые чёрными ресницами, такими длинными и густыми, что их можно принять за современные искусственные. Лицо овальное, но не слишком длинное, а губы красные даже без помады. А её походка, к слову, элегантная, скользящая, уверенная. Она напоминает мне Одри Хепберн, хотя в ней полностью отсутствует приятность.

— Умоляю тебя, Катриона, — произносит она, опускаясь на последнюю ступеньку. — Ты смотришь на меня так, словно раньше никогда не видела. Элла испортила мою причёску? — И она вынимает из кармана зеркало. Вау. Она носит с собой зеркало, даже в собственном доме.

Прочищаю горло.

— Не обращай внимания, Бьянка. Я просто думаю о... — неожиданно у меня урчит в животе, — завтраке.

Она поднимает идеальную бровь.

— С каких пор ты думаешь о еде? Разве ты не поклялась есть только раз в день, до тех пор, пока не сможешь влезть в мой размер?

— Разве? — Боже, не удивительно, что я выгляжу худее. Значит, всё было сделано

специально.

В холле раздаются лёгкие шаги. Элла и ещё несколько одинаково одетых служанок в чёрных чепцах и белых фартуках приближаются к нам и делают реверанс.

— Мадам, Мисс Бьянка, Мисс Катриона. Завтрак уже можно подавать. Не хотите ли вы пройти в столовую?

— Я установила жёсткое правило, по которому завтрак должен начинаться в восемь утра, — говорит мадам, окидывая слуг неодобрительным взглядом. — Если вы ещё раз не выполните мои приказы — уволю. Какая польза от служанки, если она не может выполнить то, что ей приказывают?

Сужаю глаза, поскольку обидно за Эллу. Она ведь опоздала из-за Бьянки. И правда, почему у Эллы так много обязанностей? Она убирает мою комнату, помогает нам с Бьянкой одеваться, видимо, она ещё занимается какой-то готовкой, или как минимум, накрывает на стол. У меня на языке вертится вопрос, почему "мама" заставляет слуг так много работать, но я его прикусываю. Как будто мне нужно привлекать к себе ещё больше внимания.

Это вымышленный мир, Кэт. Нет необходимости так сильно вживаться в роль.

Мы входим в столовую. Мне приходится сдерживать себя и не рассматривать экстравагантную комнату с открытым ртом. Обои с цветочным рисунком, хрустальная люстра, которая висит над столом, нежный рисунок на китайском сервизе, в паре с серебряными ложками и вилками. Слуги отодвигают стулья и ждут нас. Всё очень смахивает на дорогой ресторан, в котором, правда, отсутствует пианист или арфистка.

Бьянка задевает локтём сложенную салфетку, и та падает на отполированный мраморный пол. Элла поднимает её, и Бьянка берёт салфетку, но не благодарит и даже не удостоивает служанку взглядом. Так вот почему Элла была так удивлена моей благодарностью. И ещё, когда Элла встаёт рядом с Бьянкой, становится ТАК очевидно, что звезда тут Бьянка. Не имеет смысла их сравнивать. Элла красивая, в плане девочки по соседству, но от Бьянки захватывает дух. Все на балу будут в восторге от неё, в точности как я, несколькими секундами ранее. Если она выглядит как богиня в собственном доме, то сколько же внимания она привлечёт, когда окажется на балу? Боже мой. Где это видано, чтобы сводная сестра была красивее "Золушки"?

— Кофе или чай, мисс? — спрашивает служанка.

— Апельсиновый сок, пожалуйста, — рассеянно отвечаю я. Вижу удивлённый взгляд (что уже входит в привычку), и понимаю, что здесь люди не пьют на завтрак апельсиновый сок.

— Хм, кофе. Со сливками и сахаром.

Сидящая наискосок Бьянка снова поднимает бровь. Не уверена, это из-за моего промаха или просто от удивления, что я хочу сливки и сахар.

Плевать. В мои цели не входит заполучить Прекрасного Принца. У меня в животе снова громко урчит, и я занимаюсь яичницей, сосисками и беконом, с которого капает жир. Кого вообще заботят диеты?

Кстати о принце.

Я прочищаю горло.

— Во дворце случайно не намечается бал в ближайшее время?

Тишина.

Мадам смотрит на меня, как на безумную.

— Бал был всего лишь месяц назад.

— На день рождения Королевы, — говорит Бьянка. — Боже, ты никогда не блистала умом, но не думала, что твои мозги могут вообще перестать работать.

Я игнорирую оскорбление.

— Значит, нет никаких шансов на новый бал в ближайшем будущем?

— Для бала нужны месяцы подготовки, ты, глупое дитя, — говорит Мадам. — Кстати, почему тебя это так интересует?

Хм... наверное, потому, что мне нужно женить принца на Элле и вернуться в настоящий мир?

Я притворяюсь, что занимаюсь своим беконом и запечённой фасолью.

— Просто любопытно.

— Наверное, она умирает от желания снова увидеть дворец, — говорит Бьянка и макает в кофе кусочек булочки с черникой. Её движения плавные и элегантные. На стол не падает ни одна крошка. У меня не получится этому научиться даже за миллион лет.

Мадам фыркает.

— Ты получишь свой шанс, когда тебя будут представлять королеве. Но я разрешу тебе пойти только в том случае, если Пьерр скажет, что ты достаточно презентабельна. Не позволю одной моей дочери разрушить все перспективы для брака другой моей дочери.

Я не имею ни малейшего понятия, что значит быть представленной королеве (звучит страшно), но понимаю, она не захочет видеть меня поблизости, пока я не научусь вести себя как леди. Всё так похоже на *"Гордость и Предубеждение"*. Сейчас я стала Лидией, которая была помехой для Джейн и Элизабет на их пути к браку.

Я нахожусь в замешательстве. Всё выглядит так, как будто в ближайшее время не ожидается никакого бала. В таком случае, мне придётся убедить принца устроить его, но для того, чтобы увидеть принца, сначала нужно попасть во дворец.

И вообще, что такое это "представление королеве"?

Как оказалось, прежде чем пройдёт представление, необходимо выполнить МНОГО подготовительной работы.

Когда завтрак заканчивается, я иду с Бьянкой на нижний этаж, где располагается огромная гостиная, и в страхе осматриваюсь. Из всех комнат, которые мне удалось увидеть, эта выглядит самой огромной. Здесь высокие потолки, отполированные деревянные панели с кронштейнами для цветов, тяжёлые раздвинутые занавески, открывающие длинные, узкие окна в виде витражей с изображением папоротников. На стенах висят картины в золочёных рамах с нарисованными на них пейзажами и портретами. В одном из углов комнаты стоит сверкающий чёрный рояль в окружении стульев и вазонов с цветами. Стол и стулья из чёрного орехового дерева стоят поближе к камину и оставляют пустовать большую часть пола, за исключением лежащего там толстого ковра. Меня удивляет малое количество мебели, но вскоре понимаю, что так сделано специально. Стол и стулья отодвигают и оставляют нам с Бьянкой достаточно места для подготовки перед нашим представлением королеве.

Только представьте, мы должны провести всё утро в до смешного длинных платьях со шлейфами, похожими на те, которые надевают на свадьбу, и *научиться в них ходить*. Со шлейфом, который волочится по полу позади нас. Супермодели, чтобы научиться ходить, кладут на голову книги, но это превосходит всё.

Учитель этикета, монсеньёр Пьерр, следит за нашими движениями. Мужчина средних лет, высокий, костлявый, с идеально завитыми усами, манжетами на рукавах, в колготках,

пышных шортах и туфлях. Он похож на актёра из шекспировского театра.

— Отлично, мисс Бредшоу. Абсолютно идеально, — восклицает он, хлопая в ладони. Разумеется, Бьянка выполняет проход задом наперёд как настоящий профессионал. Интересно, сможет ли она повторить "лунную походку" Майкла Джексона, если покажу ей видео клип на "Ютубе".

Я хихикаю, Бьянка в бальном платье танцует "лунную походку". МД перевернётся в гробу.

Пьерр поворачивается ко мне с презрительным выражением лица.

— Над чем вы смеётесь, мисс Катриона?

— Ни над чем. Моя вина... то есть, прошу прощения, — я пытаюсь придать своему лицу непроницаемое выражение.

— Тогда давайте посмотрим на ваше исполнение.

Пьерр подходит ко мне справа, наверное, в профиль я выгляжу лучше, а Бьянка встаёт слева и скрещивает руки. На её лице читается самодовольство. Определённо, она ожидает, что я споткнусь и упаду.

— Сейчас представьте, будто вон та ваза — королева, — Пьерр делает жест рукой в сторону гигантской китайской вазы с букетом из роз и папоротника, стоящей на высоком столике передо мной. — И не сводите с неё глаз, пока выполняете реверанс. Помните, реверанс при дворе сильно отличается от того, который используется в минуете или гавоте. Слегка склоняйте голову, пока будете приседать. Переносите свой вес на левую ногу, когда поднимаетесь, слегка раздвигайте уголки губ. НЕ показывайте зубы!

Не имею ни малейшего представления о пользе таких глупых занятий, но Мадам сказала, что у меня не получится попасть во дворец, пока не научусь вести себя как леди. А если я не попаду во дворец, то, как же смогу попросить принца устроить бал?

Ну ладно. Приступаем.

Следуя его инструкциям, встаю, слегка расставив ноги. Затем отодвигаю левую ногу и ставлю её за правую. Пьерр сказал, что мне нужно ставить её только на палец, но я его игнорирую. Удерживать равновесие гораздо важнее. И, кроме того, кто что увидит под длинным платьем?

Требуется повторить всё множество раз, когда Пьерр, наконец, говорит с неохотой, что мне можно приступать к отходу назад. Я поднимаю левую ногу и осторожно делаю шаг назад. Твёрдый пол, Слава Богу. Теперь ещё один шаг.

— Смотрите прямо вперёд, мисс Катриона! Не поворачивайте голову, за вами нет никаких призраков, готовящихся ухватить вас за пятки! Смотрите прямо на вазу и УЛЫБАЙТЕСЬ! Вы не сможете впечатлить королеву, если на вашем лице будет такое застывшее деревянное выражение.

Пьерр лихорадочно машет руками, как будто чем сильнее он будет хлопать, тем быстрее я всё усвою. Ему нужно было стать комедиантом, он выглядит смешным, даже тогда, когда не пытается так выглядеть.

За долю секунды, когда мне не удаётся сконцентрироваться на движении назад, моя левая нога соскальзывает.

— А-а-а-а-а!

Теперь приходит мой черёд махать руками, словно перепуганная курица. Я пытаюсь восстановить равновесие, но мне не удаётся, и я падаю, ударяясь задницей об пол. Сильно.

Бьянка смотрит на меня с холодным презрением. Даже несмотря на мою поддержку

Эллы, я не могу не думать, что Бьянка выглядит по-королевски, более величественной. У меня не получается представить Элли сидящей на троне, держащей скипетр и отдающей приказы.

Пьерр стонет, его плечи сникают.

— А я думал, что у вас намечаются улучшения, мисс Катриона! Даже когда у вас всё шло хуже некуда, вы никогда не падали.

Если у меня не выйдет попасть во дворец, то я найду поезд и брошусь под него. Мне плевать на встречу с королевой, но мне нужно все это проверить.

Поднимаюсь, отряхиваю руки и пробую снова. Снова и снова. Пьерру надоедает возиться со мной, он прогоняет меня в соседнюю комнату и наблюдает за уроком танцев Бьянки. Очевидно, что она подаёт намного больше надежд, чем я.

Тоже желая уйти, я застаю в дверном проходе. Дурацкий кринолин не проходит в двери. Пьерр громко рычит. Мне приходится поворачиваться и прицеливаться, чтобы нормально выйти из комнаты.

Когда двери закрываются, усаживаюсь на пол (насколько позволяет кринолин), потому что мои ноги ноют, а задница в синяках и болит. Я скучаю по своей семье и хочу домой. Хочется снять тяжёлое роскошное платье, надеть свои тренировочные брюки и футболку и свернуться на диване с книжкой. Быть леди так утомительно и неприятно, не говоря уже о том, что скучно.

— Мисс Катриона?

Голос Эллы мягкий и колеблющийся. Я даже не услышала, как она вошла.

— С вами все хорошо? — с тревогой шепчет она. — А где мисс Бьянка и мастер Пьерр?

— Они сбежали вместе.

Когда на её лице появляется выражение ужаса, и она выдыхает, то быстро поправляюсь.

— Просто шучу. Они всё ещё в главной комнате. Бьянка практикуется в танцах.

На лице Эллы читается облегчение.

— Что за слово вы сказали "шучу"?

Упс.

— Забудь, — говорю я и быстро меняю тему. — Элла, ты можешь оказать мне услугу? Не говори никому о моих пробелах в памяти. Я... — пытаюсь объяснить. — Я не хочу, чтобы меня отправили в лечебницу.

Её рука подлетает ко рту.

— Мисс Катриона! Как вы только можете верить в то, что Мадам с вами так поступит!

— Знаю, она... моя мать, — говорю я. Это нелегко произносить. Она ни капли не похожа на мою маму. — В любом случае, можешь не говорить остальным? Всего лишь шишка на голове. Скоро все придёт в норму.

Она выглядит слегка испуганной, но кивает.

— Обещаю. Будет несправедливо, если вы пострадаете после того падения.

— Да, потеря памяти — это достаточно плохо, — я встаю. — Ладно, итак, мой первый вопрос, почему Пьерр так настаивает, чтобы меня представили королеве? Я сделала что-то значимое и достойна королевского внимания? Думаю, вряд ли, так как Бьянке это тоже предстоит. Так в чем же всё-таки дело?

— Молодых леди представляют королеве, когда они достигают определённого возраста. Вам семнадцать, вот время и пришло. Когда вас представят, это будет значить, что вас официально выставляют на брачный рынок.

Брак! Господи, я едва выживала в старшей школе, что же тогда будет, когда речь пойдёт о замужестве.

Ну ладно. Чего только не сделаешь, чтобы попасть во дворец. Когда принц согласится устроить бал, следующим пунктом в списке будет...

— У тебя есть фея... эм... у тебя есть крёстная, Элла?

Она бросает на меня ничего не выражающий взгляд.

— Нет.

Мне стоило понять это ещё утром. Если бы Элла знала, что у неё есть фея-крёстная, то она бы начала умолять её помочь давным-давно и не давала бы себя топтать, словно половую тряпку.

Обхватываю голову руками, уверенная, что я не могу это сделать. Другая сводная сестра просто до смерти красива. Принц должен быть слепым, чтобы выбрать Эллу, вместо Бьянки. Моей единственной надеждой было то, что фея-крёстная своей магией сможет каким-то образом превратить Эллу в ещё более невероятную красавицу. Но, где же фея-крёстная?

Проклятие! Где, чёрт побери, "Гугл Поиск", когда он нужен?

— Расскажи мне побольше об этом месте, — наконец произношу я. — О стране, монархии, обо всем.

Глава 5

Когда приходит время ланча, мне уже кое-что известно. Фамилия моей семьи — Бредшоу. Леди Бредшоу, которую они называют "Мадам" — вдова Эрла Бредшоу, который жил в сельской местности, под названием Лодчен. Бьянка на год старше меня и раз в десять чванливее. Страна называется Ателия, и в данный момент ей управляют король Леон и королева Изольда. Я попыталась получить от неё инфу о принце, но, к сожалению, Элла о нём ничего не знает.

Во время ланча леди Бредшоу выказывает неудовольствие моим нулевым прогрессом — или, скорее, регрессом — в моём исполнении.

— Нет никакой возможности представить тебя королеве, если ты не можешь нормально ходить, — говорит она, нарезая ножом ягнятину. — Я уже внесла Бьянку в расписание представления через три недели. Если ты провалишься с уроками этикета, то у меня не будет другого выбора, кроме как позволить ей идти одной.

Моя вилка падает на тарелку с громким стуком, и я давлюсь глотком воды. Ситуация становится ещё хуже. Леди Бредшоу и Бьянка смотрят на меня с отвращением.

— Сколько раз я тебе говорила, — ледяным тоном говорит леди Бредшоу, — нельзя есть и пить одновременно. Серьёзно, Катриона, твоё нынешнее поведение просто ужасно.

— Вообще-то, едва ли кто предположит, что мы родственники, — говорит Бьянка даже не глядя в мою сторону.

Леди Бредшоу выглядит так, словно ожидает катастрофу.

— Дорогая, я не хочу, чтобы имелась хоть какая-то потенциальная возможность повлиять на твою репутацию. Мы должны вести себя осторожно, если ты... — она замолкает, бросая на Бьянку многозначительный взгляд, — если ты намерена надолго поселиться во дворце.

Впервые за всё время замечаю вспышку нервозности в глазах Бьянки, что не похоже на

её холодный, собранный характер. Видимо, когда речь заходит о Прекрасном Принце, даже королева красоты теряет уверенность в себе.

— Нам нужно нанести несколько визитов этим утром, — холодно произносит Бьянка. — Возможно, у меня получится узнать новости, если удастся убедить некоторых девушек довериться мне.

— В самом деле, нам остаётся надеяться, что принц в ближайшее время заявит о своих намерениях жениться. Как бы ему ни была безразлична эта идея, мужчине его ранга и положения понадобится жена.

Бьянка встает.

— Пойду переоденусь. Катриона, советую тебе отказаться от этого абрикосового пудинга — он вреден для твоей фигуры.

Её тон звучит так снисходительно, что я начинаю бороться с искушением зачерпнуть ложкой один из двух упомянутых пудингов на моей тарелке.

— Катриона, — строго говорит леди Бредшоу. — отправляйся со своей сестрой.

Когда я возвращаюсь в свою комнату, Элла снимает с меня серебристое платье вместе со шлейфом (наконец-то), кладёт его на спинку стула и идёт к моему гардеробу.

— Зачем мы должны наносить визиты? — шепчу я. — И что происходит во время этих визитов? Прости. Я всё ещё не помню эту часть.

— Вы наносите визиты молодым леди из вашего социального круга, они делают то же самое. Так вы заводите знакомства и узнаете о готовящихся событиях.

Важные события. Да, мне определённо стоит сходить и посмотреть, может получится узнать какую-нибудь полезную инфу. Какая жалость, что у них нет "Фейсбука" или "Твиттера".

— Похоже на тусовку с друзьями, — говорю я, понимая, что использую очередное современное слово. — Хм, есть какие-то правила, которые мне нужно соблюдать при нанесении визитов?

Элла колеблется.

— Меня никогда не учили этикету, но уверена, вам не о чем будет беспокоиться, если мисс Бьянка будет рядом. Просто повторяйте за ней все её действия.

Брр, сомневаюсь, что всё будет настолько просто. Мне никогда не удаётся формальное общение. Но я должна попытаться.

Когда Элла заканчивает, на мне надеты: шоколадно-коричневое платье, достигающее до лодыжек, ботинки на толстой подошве, шерстяная мантия, коричневые перчатки и бархатный капот. Мои глаза округляются, когда рассматриваю своё отражение в зеркале: я как будто сошла со страниц романа Джейн Остин.

— А можно ли пойти без него? — я тяну за завязки своего капота.

Элла выглядит удивлённой.

— Но, мисс Катриона, вы потратили на капот половину своих карманных денег, а надевали его всего два раза.

Упс. Наверное, лучше оставаться в нём и действовать так, как старая Катриона.

Бьянка уже ждёт меня у кареты со скрещенными на груди руками. Хмурясь, она продолжает стучать пальцами по верхней руке.

— Поторопись, дороги будут забиты, когда все начнут выезжать, — затем обращается к молодому человеку, который придерживает запряжённую в карету лошадь. — Вен, убедись, что тебе удастся объехать все лужи. Мама будет в ярости, если новая карета будет заляпана

грязью.

— Да, мисс Бьянка, — краснеет парень, пылко кивая головой. — Я постараюсь быть осторожным.

— Увидим, как у тебя получится, — Бьянка игнорирует его протянутую руку и без проблем поднимается в карету. Я стараюсь делать то же самое, но в перчатках сложно ухватиться за что-нибудь, для поддержки. Рука соскальзывает, и, ударяясь локтем, вваливаюсь в карету. Бьянка закатывает глаза и бормочет:

— Неуклюжая корова.

Когда карета трогается, я не могу удержаться от того, чтобы рассмотреть город — новый город, в который недавно прибыла. У меня такое чувство, будто я только что вышла из шкафа и оказалась в Нарнии. Или стала Гарри Поттером, впервые попавшим в "Косой Переулок".

Дорога вымощена булыжником, а не асфальтирована, что делает поездку жесткой из-за ухабов. Слава Богу, наша карета завалена подушечками. Бьянка переносит каждый толчок с абсолютно нормальным лицом, тогда как я пишу, стону и думаю, что лучше ехать стоя. Несмотря на многочисленные слои одежды, думаю, на моей заднице всё равно будут синяки. Но не только сама по себе езда кажется неприятной. Через некоторое время высокие, представительные городские дома постепенно исчезают, улицы становятся более узкими и более переполненными, в воздухе воняет лошадиным навозом, дымом, и, фу, канализацией. Продавцы цветов и газет, уличные разносчики орут и кричат, смешиваются с движением; просто удивительно, как они умудряются двигаться между лошадьми, каретами и повозками. Здесь даже есть живой оркестр с волынками, скрипками и барабанами. Я прикладываю к ушам руки, пока мы проезжаем мимо; какофония звуков от оркестра и уличных продавцов просто оглушает.

Все одеты в тёмные накидки, костюмы и платья, как и я, что неудивительно. Когда мы сворачиваем за угол, мне слышно, как какая-то женщина громко выдыхает. Кто-то верхом на лошади проносится мимо неё, обдаёт волной грязи и глины, обрызгивая её капот и лицо.

Слава Богу, наше средство передвижения с крышей и дверьми.

— Кого мы навещаем сегодня? — спрашиваю я.

— Клер, Мейбл и Глорию, конечно, Лорны, наверное, не будет дома, её служанка проинформировала нас, что она всё ещё путешествует. Я не уверена на счет Харриет, которая в прошлый раз не нанесла ответный визит, — Бьянка скрещивает руки и кривит губы. — Думает, она выше остальных, с тех пор как вернулась после года проведённого за границей. Однако даже если она приобрела экзотичные наряды, её способности к танцам и пению никогда не превзойдут мои.

Карета поворачивает. Мы проезжаем мимо книжного магазина — как же странно он выглядит. Дверь открыта, огромные и прозрачные витрины открывают кучи и кучи книжек, все в твердых переплетах и сваленные горами. Мужчина в жилетке курит трубку, пока делает выбор. Другой мужчина, одетый в длинный зелёный фартук стоит на лестнице и вытирает пыль. С крыши криво свисает вывеска: "Книжный червь".

Вау. Я бы с удовольствием зашла в этот магазин.

— Катриона, — голос Бьянки рассеивает мои мечты. — Мы уже приехали.

Я смотрю на большой белый дом, высотой в четыре этажа. Мужчина (о, дворецкий?) шагает на террасу и смотрит, как мы высаживаемся. В руках он держит серебряный поднос, на котором абсолютно ничего нет. Даже малюсенькой чашечки чая.

Бьянка вытаскивает серебряную коробочку из своего ридикюля — я мельком вижу большую, витиеватую "Б", выгравированную в центре. Девушка достаёт ярко раскрашенную карточку, зажимает левый уголок и кладёт её на поднос. Мне бы хотелось прочесть, что там написано, но дворецкий оказывается слишком быстрым. Он кланяется и через секунду исчезает.

Я сгораю от любопытства, но не смею задавать Бьянке вопросы. В любом случае, кажется, что это похоже на визитную карточку, но вот только она гораздо причудливее, и передаётся слугам.

Дворецкий скоро возвращается.

— Мисс Бредшоу. И мисс Катриона. Мисс Фремонт ожидает встречи с вами. Могу я взять ваши пальто?

— Спасибо вам, — Бьянка передаёт ему свою тяжелую горностаевую накидку. Я делаю то же самое.

Нас проводят в элегантно обставленную маленькую гостиную. Кремового цвета обои, стулья из розового дерева, несколько ваз с букетами из роз и папоротников. Две молодые девушки разговаривают между собой и встают при нашем появлении.

Одна из них подходит к Бьянке и раскрывает объятия. Она очень красивая, может, не настолько красивая, как Бьянка, но если принцу нравятся блондинки, то у девушки имеются определённые преимущества. Светлые блестящие золотистые локоны струятся по её плечам. Цвет лица выглядит идеальным, без единого пятнышка — сливочный блеск её кожи с лёгким макияжем напоминает мне о молоке и розах. Цвет её платья (яблочно-зеленый) идеально сочетается с белым шарфом, а жемчужное ожерелье и золотой браслет — с одеждой, что выглядит немного экстравагантно, но не чересчур.

— Бьянка! С нашей последней встречи прошла целая вечность, проходи, садись. Мне так много нужно тебе рассказать, — она делает движение рукой в сторону стула рядом с ней. — О, и твоя сестра с тобой. Какое удовольствие видеть тебя. Не хочешь ли присесть?

Она держится как хозяйка дома, это, должно быть, Клер.

— А вот моя кузина Поппи. Может, вы помните, её отец помещик в одном из северных графств страны. Она провела там всё детство, но сейчас её родители решили, что пришло время представить её ко двору. Она приехала и останется у нас на весь сезон.

Поппи хихикает. Рядом с Клер она выглядит бледной. У неё соломенного цвета волосы, прямой нос, и россыпь веснушек, как и у меня.

— Ой, я с нетерпением ждала приезда в город. Разве это... мм... не самое восхитительное место? Я так рада познакомиться с вами, девочки. В глуши ужасно одиноко, ближайший город находится от нас в дне езды.

— Очаровательно, — голос Бьянки звучит холодно, но достаточно вежливо. Она наклоняется, думаю, чтобы поцеловать Поппи в щёчку. Не удивительно. Такую амбициозную мисс не впечатляет деревенская девушка, даже если та из дворянства.

— Чай, дамы? — спрашивает Клер. Она кивает в сторону молодой женщины в фартуке, стоящей у двери. — Ханна, принеси нам чёрный чай и шоколадные эклеры, которые Кук принес домой этим утром.

Шоколадные эклеры. Всё, в чём есть шоколад — мне подходит.

Мы все присаживаемся. Следуя примеру «сестры», я разглаживаю свою юбку и складываю руки на коленях.

— Итак, — говорит Бьянка, — какими интересными новостями ты хотела с нами

поделиться?

Клер вздыхает.

— Их не так уж много, разве что Амелия Фейрфакс разорвала свою помолвку... снова. Мне кажется, она считает, будто может заполучить кого-то получше, чем банкир.

Бьянка издевательски фыркает.

— Наверное, ожидает графа или виконта. Добавление титула обладает большей привлекательностью, чем просто жена джентльмена.

Поппи выглядит так, словно желает возмутиться, но вместо этого берёт свою чашку. Думаю, что она хотела поспорить с Бьянкой, но не посмела. Я тоже хочу, но не вижу смысла. У меня нет не малейшего представления о том, кто такая Амелия Фейрфакс.

— Но не все ровесники являются желательной парой, — говорит Клер, разглаживая свое платье. — И, кроме того, достаточно много сыновей женились на дочках *нуворишей*, чтобы сохранить свои разваливающиеся поместья. Когда нет возможности всё содержать, одного титула не хватит.

Я размышляю над тем, как перевести тему на разговор о дворце и не показаться слишком нетерпеливой. Леди Бредшоу сказала, что вряд ли в ближайшем времени, во дворце будут давать бал, но всё же надеюсь на возможность встретиться с кем-то из представителей королевской семьи и убедить его устроить бал для принца. Чем скорее мне удастся уговорить королевскую семью, тем лучше.

Клер берёт шоколадный эклер, и я замечаю, что она тоже овладела искусством есть, не роняя из рта ни одной крошки, как Бьянка.

— Разве тебя не будут представлять королеве на следующей неделе?

— О, ты тоже ещё не представлена? — возбуждённо спрашивает Поппи. — Наверное, мы сможем пойти все вместе! Умираю от желания увидеть дворец. Я так много о нём слышала.

— Всё зависит от даты, — равнодушным тоном говорит Бьянка.

— Поппи, успокойся, — пожимая плечами, Клер обращается к нам с «сестрой», — она надеется хоть мельком увидеть принца. Я посоветовала ей не надеяться зря.

Я наклоняюсь поближе, моё сердце бьётся.

— Принц что, уже помолвлен? Его требования слишком завышены?

Бьянка улыбается, ее глаза сверкают от удовольствия.

— А ты вообще знаешь, как он выглядит, Поппи?

— Ну... — Поппи запинается. — Слышала, он очень красив. Высокий и сильный.

— Половина дворцовой стражи подходит под это описание.

— Не знаю, говорила ли тебе Клер, но принц Эдвард может не оправдать твои ожидания, — говорит Бьянка, пожимая элегантными плечами. — Всем известно, что его не слишком волнуют балы и вечеринки. Ему не нравится общаться с людьми — особенно с теми, с кем он не слишком близко знаком. На вечеринке в честь дня рождения Королевы, он почти не разговаривал и кивал чаще, чем открывал рот.

— Это правда? — Поппи смотрит на меня для подтверждения, но что я могу ей сказать?

— Эм... да, — мне неизвестно, как принц выглядит, и только сегодня узнала, как его зовут.

— Хотя его недружелюбное общение не слишком мешает, — говорит Клер. Она на секунду стреляет глазами в сторону Бьянки. — Он красивый, богатый, и единственный наследник трона. Даже если принц будет на двадцать лет старше и на пятьдесят фунтов

тяжелее, девушки всё равно выстроятся к нему в очередь.

Бьянка прочищает горло.

— Всё правда, но очень маловероятно, что он женится на простолюдинке, ведь так не останется шансов большинству девушек в Ателии. В идеале, принц должен взять в жёны иностранную принцессу, но, разумеется, это невозможно.

— Почему? — спрашивает Поппи, и я ей благодарна. Деревенское воспитание делает её почти такой же невежественной, как и меня.

Бьянка и Клер смеются.

— Принцесса Мария всё ещё ползает по полу в детских платьицах, — поясняет Клер.

— Так что остаются... — Поппи хмурится, — дочки герцогов или маркизов?

— Как минимум.

— Ох, — Поппи на мгновение опускает глаза, пожимая плечами. — Наверное, Я не возражаю. Мама говорит, что девушка должна выйти замуж, но не взлетать слишком высоко, иначе мы можем оказаться социально несовместимыми. Кроме того, если всё о принце правда, думаю, жизнь с ним может оказаться скучной.

Клер выглядит удивлённой.

— Поппи, Поппи, — говорит она, качая головой. — Ты можешь посрамить всех девушек, которые жаждут заполучить принца. Я советую тебе открыть глаза и повзрослеть, но хочу, чтобы ты сохранила своё чистое, идеализированное восприятие.

Поппи вспыхивает.

— Я не ребёнок, Клер, и ты знаешь, я не настолько наивна, чтобы хотеть выйти замуж по любви.

— Согласна. Кроме того, не думаю, что принцу нравится, когда его расценивают как приз... в смысле, как кучу денег.

Клер и Бьянка пристально смотрят на меня. Вообще-то, я и сама удивлена тем, что выпалила посреди их разговора. Наверное, мне не понравились покровительственные манеры Клер. Она напомнила Эшли, которая всё время жаловалась на скуку в Окли и хвасталась своим детством в Нью-Йорке. Лучше бы она там и осталась.

Поппи улыбается мне, я улыбаюсь в ответ, но сейчас меня беспокоит принц. Замкнутый представитель королевской семьи, который избегает вечеринок? Класс. Теперь мне нужно волноваться не только о том, как доставить Эллу на бал, но ещё и о том, как убедить парня появиться на нём.

Прочищая горло, стараюсь сменить тему.

— А разве принц не имеет права сам выбирать свою будущую невесту?

Бьянка ухмыляется, а Клер задумывается.

— Исходя из того, что я слышала о его характере, он, и правда, больше способен на принятие собственных решений, но ещё не проявлял особой привязанности к кому-либо из женщин. Его может не слишком заботить родительский выбор невесты.

Чёрт возьми! Пожалуйста, только бы принц не оказался геем. Как я смогу выдать Эллу за принца, если тот смотрит в другом направлении? Она, определённо, не тянет на мужчину в женской одежде.

— Пока мы не можем быть уверены, — говорит Бьянка, пристально смотря на меня. — Эдвард может избегать людей на вечеринках, но это не значит, что он не интересуется женщинами. Общение и развлечения могут его просто не слишком заботить.

— Ты говоришь так, словно хорошо с ним знакома, — произносит Клер с натянутой

улыбкой.

— Я всего лишь формирую мнение, исходя из собственных наблюдений, — отвечает Бьянка с такой же недружелюбной улыбкой. — Хотя, разумеется, могу и ошибаться.

Если бы всё происходило в мультике, то сейчас, когда их взгляды встретились, появились бы молнии. О-о-о-о, становится интересно. Определенно, у Бьянки появилась соперница.

Клер берёт свою чашку с чаем.

— Ты будешь на представлении вместе с сестрой, Катриона?

Она впервые обращается непосредственно ко мне. Подозреваю, что если бы Клер сейчас не вступила в холодную войну с Бьянкой, то меня бы и не заметила.

— Надеюсь, да, — говорю я, — но процесс подготовки очень уж трудный.

— Полностью согласна, — со смехом произносит Клер. — Я споткнулась несколько раз, прежде чем смогла сделать больше чем один шаг.

Бьянка встаёт.

— Не будем больше злоупотреблять твоим гостеприимством, Клер. К тому же, нам нужно заехать ещё в несколько мест и я не намерена туда опаздывать.

— Господи, только посмотрите, который час! — Клер тоже поднимается. — Что же я за зверь такой, задерживаю вас. Ханна, пожалуйста, не могла бы ты принести дамам пальто? И скажи их кучеру, пусть ждёт у двери.

Когда мы уходим, Поппи касается моей руки.

— Было очень приятно познакомиться с тобой, Катриона, — шепчет она. — Не против, если я буду называть тебя Кэт? Так звучит более дружелюбно, чем Катриона.

— Разумеется.

Кажется, Поппи мне нравится. Я предпочитаю, чтобы меня называли моим настоящим именем.

Глава 6

Без интернета и телевидения вечер кажется ужасно скучным. Мне велели практиковаться в вышивке — леди Бредшоу строго сказала, что женщина должна мастерски владеть иглой, вне зависимости от положения. Разумеется, я не обратила на неё внимания.

Я осматриваю письменный столик в углу своей комнаты, над которым располагается небольшая книжная полка. В коллекции находятся: *"Дамская карманная книга по этикету"* и *"Учебник по Вежливости"* (серьезно, том по этикету на пятьсот страниц), *"Бальный Помощник"* и *"Путеводитель по танцам"* (фу, фу, фу), *"Поклонниковедение: Пятьдесят Правил Флирта с Вашим Поклонником"* (да вы, наверное, издеваетесь надо мной).

С неохотой, решаю попрактиковаться в представлении ко двору. Не заботясь о том, чтобы надеть серебристое платье, обвязываю вокруг талии одно из покрывал.

— Веселишься?

Гоблин Крю появляется как раз в тот момент, когда я отставляю ногу назад.

— Ты! — я теряю равновесие и приземляюсь на пол.

Он парит передо мной, ухмыляясь от уха до уха. Пытаюсь ударить его по лицу, но гоблин исчезает и через секунду появляется на каминной полке, усаживаясь между часами и морской раковинкой.

— Король послал меня проверить, как ты тут справляешься.

— Ну, скажи ему, что мне не о чем отчитываться, — рычу я. — Ни одна вещь не идёт как надо. Честно говоря, разве он не может просто отменить проклятие? Я с лёгкостью могу купить для него книжку о "Золушке" в "Barnes & Noble", у них точно найдется парочка экземпляров.

— Ты и правда, считаешь, что проблема именно в этом? — у Крю вырывается смешок. — Не будет никакой пользы, даже если ты дашь ему сотню книг. Они все только фабричное массовое производство человеческих товаров.

— Тогда я склею книгу, — срывая покрывало, плюхаюсь на кровать. — Я отнесу её в магазин подержанных книг, и там всё исправят.

— Тс-с-с, ты всё ещё ничего не поняла, — Крю хмурит брови. — Проклятие нельзя снять вещами из человеческого мира, поэтому перестань выдавать бесполезные предложения. И вполне нормально, что у тебя возникают трудности, ты в самом начале истории! В каждой книжке главный герой должен преодолеть препятствия, прежде чем он получит свой счастливый эпилог.

— Но я же не просила, чтобы меня сделали частью истории, — говорю в отчаянии. — И не знала о существовании проклятия в старой книжке! Знала бы — вообще не вынимала бы её из коробки.

— История стала твоей обязанностью, с тех пор, как ты повредила книгу, — Крю пожимает плечами. — Все проклятия так работают. Мы не можем наносить ущерб магии без катастрофических последствий. Даже сам Бартелиус. Теперь иди и сделай то, что должна.

Ухмыляясь, он машет рукой и исчезает.

Я смотрю в темноту: выхода нет никакого, нужно что-то делать.

Спрыгивая с кровати, подношу канделябр к письменному столу. Затем вытаскиваю какой-то грубый на вид пергамент — совсем как в *Гарри Поттере*. Но нет никаких перьев — уже появились перьевые ручки. Без разницы. Я покусываю ручку и задумываюсь над следующим шагом. Через несколько минут начинаю писать.

Первое, убедить принца или кого-нибудь ещё из членов королевской семьи, что нужно устроить бал, и рассказать принцу, как ему необходимо найти невесту. (Мда, исходя из описаний парня, которые дали Бьянка и Клер, всё будет о-о-о-очень непросто).

Второе, найти фею-крёстную. (Вообще, почему, чёрт возьми, она не появляется в сказке раньше? Почему она находится в стороне, пока Элла надрывает задницу и появляется только тогда, когда ей нужно попасть на бал?).

Третье, устроить так, чтобы фея-крёстная появилась ПОСЛЕ того, как Бьянка (будет ли это включать и меня?) отправится на бал. Скрестить пальцы и молиться о том, чтобы принц влюбился в Эллу. (Он должен. Просто обязан.)

Я комкаю пергамент и бросаю в корзину. Потом, поразмыслив, вытаскиваю комок и швыряю его в камин. Боже упаси, если Марта или Элла наткнутся на мою писанину.

У меня не получится. Это невозможно.

Утром ко мне пришла Марта, чтобы помочь одеться. Надеюсь, она не обратила внимания на мои глаза. Я была вполне уверена, что прошлой ночью легла спать далеко за полночь. Ворочаясь с боку на бок, пыталась придумать способ, как довести историю до конца и самое лучшее, что смогла придумала — сделать своим приоритетом нахождение феи-крёстной. В подобной ситуации мне просто необходима магия.

— А где Элла?

— Она пошла домой, — говорит Марта и застёгивает пуговички у меня на спине. — Сегодня у неё выходной.

— У Эллы... есть другой дом?

— Разумеется, есть, мисс. Её мать и двое братьев живут в другой части города. Думала, вы уже давно знаете.

Хм? Мама "Золушки" жива и у неё есть два брата? Разве не предполагается, что леди Бредшоу должна быть её мачехой? Потом... припоминаю, что фамилия Эллы — Тетчер. Не Бредшоу, что объясняет наличие у неё семьи.

Марта смотрит мне в глаза, и я вижу, как она хмурится. Скорее всего, до сих пор подозревает у меня потерю памяти. Чтобы избавиться от неё как можно быстрее, пожимаю плечами, и говорю ей, будто мне нужно попрактиковаться в представлении, прежде чем придёт Пьерр.

Тайна происхождения Эллы меня беспокоит. У меня не выйдет найти фею-крестную, пока не узнаю, кто её родители. Здесь какая-то адаптированная версия "*Золушки*", в которой крестная должна оказаться другом её семьи, вот только она скрывает свои магические способности, чтобы люди не беспокоили её. Да, точно. Мне нужно подходить к каждому из домочадцев и спрашивать, не является ли он феей под прикрытием.

Нет, слишком рискованно. Ведь предполагается, что фея-крестная где-то существует? Нельзя полагаться на её автоматическое появление перед балом. Если он будет. Мне всё ещё предстоит поработать над этим. Исходя из вчерашних рассказов Клер и Бьянки, я настроена не слишком оптимистично. Определенно, женитьба в планы принца не входит, но даже, если и входит, то ожидается, что он женится на аристократке.

Господи, ну что с этим можно сделать?

Двумя часами позже, я сижу в двухместной коляске, вполтину меньше кареты. Понятия не имею, как мне всё удалось — видимо, наконец-то перепало немножко удачи, хотя раньше её не было совсем. Я просто сказала нашему кучеру — Вену, что хочу найти Эллу. Он с неохотой согласился отвезти меня. Кажется, он обеспокоен перспективой возить меня по городу одну.

— Вам не следует выезжать без сопровождения, мисс Катриона, — говорит он, потирая затылок. — Так не полагается.

Без сопровождения, ну уж нет. А дальше, видимо, мне придётся носить вуаль и закрывать лицо.

В конце концов, его удалось подкупить локоном волос Бьянки. Не нужно быть гением, чтобы понять, что он влюблён в неё. Вот только Вену придётся, каким-то образом, оказаться потерянным наследником какого-нибудь королевства и тогда Бьянка перестанет обращаться с ним как с грязью.

Леди Бредшоу поехала с Бьянкой за покупками (как будто у той и без того мало одежды, а я из тех сестёр, которых игнорируют, а одежды в моём гардеробе хватит на трёх девушек) и они не собирались возвращаться до ланча. Без их начальственного присутствия, слуги были в хорошем настроении, и кто станет их в этом винить?

И вот я обнаруживаю себя едущей по городу и придерживающей свой капот (Марта была непреклонна в том, что мне нельзя выходить на улицу без него) на ветру. На мгновение, забываю о своём беспокойстве. Всё кажется таким реальным, хотя и сюрреалистическим одновременно. Дома, люди, улицы. До сих пор не могу поверить в то, что живу в мире, который напоминает адаптацию книг Джейн Остин.

Коляска останавливается. Школьники, одетые в голубую с белым униформу переходят улицу. Несколько из них едят сахарную вату. Одна маленькая девочка крепко сжимает тряпичную куклу. Пара мальчиков перебрасывают друг другу мяч. Две женщины средних лет, в красивых шляпах с перьями, сопровождают детей, словно наседки. На самом деле, они не слишком отличаются от школьников из фильмов.

Затем мы снова едем, постепенно въезжая в часть города, которая выглядит неприглядно. Из-за невзрачной одежды прохожих, вони человеческих отходов и мусора, запущенных домов, сказочный мир кажется другим. Мимо нас пробегают несколько босоногих детей, одетых в лохмотья. Один из них останавливается и смотрит на меня, но когда я смотрю на него, он удирает, словно перепуганный кролик.

Мы подъезжаем к крошечной, полуразрушенной лачуге. Запах ужасен: тухлое мясо, кислое молоко, навоз и что-то ещё, что невозможно определить. Я вытираю руки о своё платье и стараюсь ни на кого не смотреть. А если кто-то попытается меня ограбить?

— Мы на месте, — говорит Вен.

Я смотрю на дом передо мной, пытаюсь подготовить свои нервы. Не хочется заходить внутрь. Тут распаивается входная дверь, и из неё выбегает молодая женщина, которая чуть не налетает на меня. Выбрасывая руки вперёд, хватаю её за плечи.

— Мисс Катриона! — выдыхает Элла. — Что вы здесь делаете?

Прежде чем я успеваю ответить, она замечает Вена и хватается меня за руку.

— О, мисс, не позволите ли вы одолжить у вас коляску, только один раз? Пожалуйста, умоляю вас!

— Что?

— Моя мама ужасно больна и мне нужно привезти к ней доктора, — слёзы текут по лицу Эллы. — Будет намного быстрее, если я воспользуюсь двуколкой, чем буду искать омнибус.

Я не вижу причин для отказа и подталкиваю её к коляске.

— Разумеется. Поехали к доктору.

Вен хмурится.

— Но это запрещено. Мадам не понравится, если служанка воспользуется её повозкой.

— Пофиг, — говорю я и у Вена и Эллы на лицах появляется одинаковое недоумевающее выражение; Кашляя, быстро продолжаю. — В смысле, дело же срочное. Мы не можем терять время.

Видя, как он всё ещё колеблется, хватаю за край коляски и бросаю на него уничтожающий взгляд.

— ВЕН! Если с мамой Эллы случится беда из-за того, что мы медлили, то виноват в этом будешь ты.

Плечи Вена поникают. Вдыхая, он сдаётся и забирается в седло спереди коляски.

— Доктор Дженсен?

Элла замирает; её руки белеют на фоне бордовой юбки.

— Да. Я не переживу, если с мамочкой что-нибудь случится.

Вен взмахивает кнутом, и вскоре мы уже мчимся по улице. Дети в грязных лохмотьях, с худыми и измождёнными лицами отпрыгивают с дороги. Я прикусываю губу и опускаю глаза на свои колени.

Пока мы едем, Элла всхлипывает, пряча своё лицо в платке. Не зная, чем могу помочь, имитирую то, что видела по телевизору. Я накрываю её руку своей рукой.

— Держись, всё будет хорошо.

Она медленно поднимает голову.

— Я так боюсь, мисс, — шепчет она. — У мамочки было такое трудное время, с тех пор как папа ушёл. Если, её не станет, не знаю, что буду делать.

Я сжимаю ее руку.

— С ней всё будет в порядке. Моя мама тоже... — я начинаю говорить о маме, но вспоминаю, ведь предполагается, что моя мама — леди Бредшоу. — Твоя мама, должно быть, сильная женщина, если заботится обо всей семье. Она будет также достаточно сильной, чтобы выздороветь.

Элла кивает, но слезы продолжают капать.

— Я говорю себе тоже самое.

Коляска останавливается перед большим городским домом. Элла начинает идти к двери, но останавливается. Она расправляет своё поношенное платье.

— Как вы думаете, доктор не откажется принять меня?

Беру её за руку и подталкиваю вперед. Как будто я могу позволить ей сдаться, когда мы уже так далеко зашли. Ищу звонок, затем вспоминаю, что мы в сказочном мире и стучу по двери костяшками пальцев.

Дверь распахивается. Служанка с самым непроницаемым лицом, которое я когда-либо видела, смотрит на нас.

— Что вы хотите?

— Мы хотим увидеть доктора, — говорю я, так как Элла всё ещё близка к потере самообладания. — У нас больной пациент, который не может ходить.

— Доктора здесь нет, — говорит она, и её лицо всё ещё не выражает никаких эмоций. Наверное, это приходит с опытом служения у врача. Не сомневаюсь, она получает свою долю истерики и спешки членов семей пациентов. — Он уехал к другому пациенту.

Служанка собирается закрыть дверь.

— Эй! — я выставляю ногу и ставлю её между дверью и рамой. К счастью, толстая кожа моего ботинка и шерстяной носок скрывают боль.

— Когда он вернется?

Служанка выглядит раздражённой.

— Не знаю, мы никогда не знаем, когда он на вызове.

Моё сердце падает. Меня это удивлять не должно. В сказочном мире со мной не происходит ничего хорошего.

— Простите, но разве доктор Дженсен сейчас не свободен?

Тёплый, приятный голос, произношение культурное и образованное. Я разворачиваюсь, всё ещё держа ногу в дверном проеме.

Глава 7

Молодой человек, как мне кажется, лет двадцати, стоит позади нас. У него невероятно кудрявые волосы, большие, бестолковые уши, низкий лоб и мягкие карие глаза, как у оленя. Мне он сразу же нравится. Он выглядит как человек, которому можно доверять. Не далеко, позади нашей коляски останавливается карета. Другой молодой человек опирается о дверцу и скрещивает на груди руки. Издалека сложно рассматривать выражение его лица, но он,

определённо, смотрит на нас. На ящике кареты сидит ещё один мужчина, настолько огромный, что может самостоятельно поднимать карету.

Дверь внезапно распахивается.

— Его... его сейчас нет, мистер Генри, — говорит служанка, её лицо пылает. Сейчас дверь была широко открыта, — но вы можете пройти и подождать, когда он вернется.

Ого. И что вы теперь скажете о двойных стандартах.

— Мы лучше пойдем, поищем другого доктора, — говорю я Элле. — Никто не говорит нам, когда этот доктор вернется, а твоей маме нужна помощь.

Она кивает, но колеблется.

— Я не знаю никого другого. Если Мадам подхватывает простуду, к нам всегда приходит доктор Дженсен.

— Может, я смогу вам помочь? — говорит Генри. — Хотя я всего лишь ученик доктора Дженсена, но практикуюсь в медицине уже больше трёх лет. Если вы опишите симптомы пациентки, то я, может быть, смогу что-то сделать.

Элла делает глубокий вдох.

— Ну, её всё время рвёт и она, хм..., часто ходит в отхожее место.

— Диарея, я думаю, — говорит Генри. — Продолжайте, пожалуйста.

— У неё запавшие глаза, губы сухие и потрескавшиеся, а кожа ужасно холодная и липкая.

— А цвет её кожи... имеет голубоватый оттенок, не так ли?

— Пожалуй, да, сэр, — в глазах Эллы мелькает проблеск надежды. — Вы знаете, что это за болезнь?

— Я не могу быть абсолютно уверен, возможно, холера, — поправляя своё пальто, Генри идёт к карете, где всё ещё ждёт другой парень. — Проведите нас к вашей маме. Вон там ваша коляска?

— Пошли, Элла, — я беру её за руку и тащу к двуколке. — Пошли.

Мы быстро возвращаемся к дому Эллы. Я смотрю через плечо, желая убедиться, что карета Генри следует за нами. Слава Богу, он не поворачивает назад, когда мы въезжаем в бедный район.

— Мы приехали, — Элла выпрыгивает из коляски. Следуя за ней, я благодарна за выбор не самого нарядного платья. Господь знает, что может сказать Марта, если оно испачкается.

Девушка рывком открывает дверь.

— Мамочка, я привела к тебе доктора.

Внутри была только одна комната. Одна тёмная, закопчённая, грязная комната. В окнах видны трещины, стены прогнили, а пол грязный и скользкий. В углу размещается печка и несколько почерневших кастрюль. В другом углу — два соломенных матраса. Рядом с ними находится ещё один матрас, на котором лежит женщина средних лет. Её лицо было угловатым, болезненно бледным, а волосы путанные, с седыми прядями.

Мы с Эллой хотим подойти к ней, но Генри останавливает меня.

— Не подходите слишком близко, её болезнь может быть заразной, — парень вытаскивает носовой платок и прижимает его к лицу. — Вы можете принести мне немного чистой воды?

— Сейчас, — девушка закатывает рукава.

В этот момент, в комнату вбегает маленький мальчик, лет пяти.

— Элла! — потом, замечает нас, подбегает, и прячется за ней. — Они... они не

собираются забрать нас?

— Разумеется, нет, — успокаивает его Элла. — Они пришли помочь нам, Билли. Видишь человека в чёрном, с чемоданчиком? Это доктор.

— Доктор... — Билли смотрит на него. — Тот, кто спасает людей?

— Да, он пришёл к мамочке. Просто постой минутку. Мне нужно помочь ему, — сестра трепет брата по голове. — Сейчас вернусь.

Элла скрывается за дверью. И тут до меня доходит, что другой парень, предполагаю, друг Генри, — проследовал за нами внутрь. Я бросаю на него взгляд, и мои щёки пылают. Ничего себе... откуда появилось это ходячее воплощение привлекательности? У него были самые сексуальные глаза из всех, что мне довелось увидеть: с тяжёлыми веками, цвета эспрессо с добавлением корицы, обрамлённые густыми ресницами. Остальные его черты были также идеальны: овальное лицо, мужественный подбородок, точёный нос, тёмные, волнистые волосы, спускавшиеся до шеи. Ах да, за его фигуру можно умереть. Рост больше шести футов и телосложение как у боксёра-чемпиона, что, в принципе, может, так и есть. С лицом, за которое "мистер Дарси" отдал бы все свои деньги.

Но я... не могу использовать шанс и заговорить с ним. Парень рассматривает меня бесстрастным, оценивающим взглядом, как математическое уравнение, которое он пытается решить.

Вместо этого, приседаю рядом с Билли. Он был до ужаса худым — его глаза, казалось, заполняют всё лицо.

— Что за штука у тебя в руках? — я пытаюсь придать своему голосу как можно более дружелюбный, не несущий угрозы тон.

Мальчик колеблется, рассматривая меня несколько секунд, а затем показывает руки.

— Я нашёл сегодня три бутылки, — с гордостью говорит он. — Мы можем обменять их на целую буханку хлеба.

Я замечаю многочисленные крошечные шрамы и царапины на его руках, даже обильное количество грязи не может скрыть раны.

— Почему бы нам не отложить их, Билли? Стекло может поранить твою кожу, — я использую тот же самый уговаривающий тон, какой применяла к Пейдж, когда та намеревалась нести на стол тяжёлую суповую миску.

— Где ты нашёл бутылки? — спрашивает "мистер Дарси".

— Возле реки, — Билли горделиво улыбается. — Обычно, мне не удаётся найти ничего, кроме объедков. Сегодня я принёс больше, чем Джимми.

У меня перехватывает дыхание.

— Вы ведь не ходите в школу, я права?

Билли качает головой.

Возвращается Элла, неся кастрюлю с водой.

— Вот, — выдыхает она. — Достала из колодца.

Генри вынимает маленькую бутылочку из своего чемоданчика, откупоривает её и смешивает с водой несколько капель.

— Что вы делаете? — встревожено спрашивает Элла.

— Это йод, что-то вроде химического препарата, — говорю я. — Он очищает воду, и её можно будет пить.

Генри пристально смотрит на меня. Мне не видно лица "мистера Дарси", но чувствую на себе его взгляд.

— Откуда вы знаете? — недоумевая, спрашивает Генри. — О йоде слышала лишь некоторая часть образованных людей, и то, если занимается медициной. Услышать это от такой молодой леди, как вы, это... невероятно.

Чёрт. Забыла, что в этом мире обычные люди не имеют дела с химией.

— Я...я прочитала об этом в книге, — заикаясь, отвечаю я. — Очень давно, не помню, в какой именно.

Больная женщина начинает кашлять и привлекает всеобщее внимание. Генри даёт ей дозу лекарства из другой бутылочки и хлопает по спине.

— Мамочка... с ней всё будет в порядке? — спрашивает Элла испуганно.

— Пока о ней будут хорошо заботиться, — отвечает Генри, улыбаясь тёплой, ободряющей улыбкой. — Убедитесь, что она пьёт чистую воду и моет руки перед едой. Холеру вызывает бактериальная инфекция, попадающая с водой, поэтому не нужно ухудшать ситуацию. Она поправится, но потребуются месяцы строгого надзора.

Элла и Билли обмениваются взглядами, в их глазах было написано отчаяние. Если бы я только могла перенести их в современный мир. Нам никогда не приходилось даже задумываться о подобных болезнях.

— Хо... хорошо, — говорит Элла. — Мы сделаем всё, что в наших силах. Сколько стоит эта бутылочка? Та, которую вы использовали, чтобы сделать воду чистой.

— Я могу... — начинаю я, но Генри останавливает меня. Он пишет что-то на клочке бумаги и передаёт его Элле.

— Вы можете оплатить частями. Не беспокойтесь, я не беру никаких процентов и не устанавливаю конечный срок.

Элла кивает.

— Спасибо вам, мистер...

— Генри, — улыбаясь, сказал он. — Просто Генри вполне подойдет.

Я мысленно даю себе пощёчину. Разумеется, это было лучшее решение. Судя по её лицу, Элла не такой человек, чтобы с радостью принять благотворительность. Она получает зарплату, и какой бы скудной она ни была, девушка предпочитает не полагаться на других.

И все же, моё сердце болит за неё и за её семью. Маленький Билли, ухватившийся за юбку сестры своими израненными ручками. Мама Эллы, лежащая на грязном матрасе в хижине с одной комнатой. И, кажется, Билли упоминал о ещё одном брате по имени Джимми? Он не может быть намного старше его, если собирает меньше стеклянных бутылок, чем Билли.

— Что за идиоты управляют этой страной? — у меня не получается сдержаться.

Генри кашляет, кажется, он изо всех сил старается не смеяться. Не понимаю почему, ведь говорю вполне серьёзно. В новостях я видела ещё более ужасные вещи, но никогда лично не была свидетелем трагедии. Даже в этом Сказочном Мире, она кажется реальной. Настолько реальной, что мне хочется вырвать.

Элла прикасается к моему рукаву и качает головой, но я ещё не закончила.

— Серьёзно, — я машу рукой в сторону Билли. — Ребенок его возраста должен быть в школе, но он занимается тем, что ищет бутылки. Здесь нет никаких благотворительных служб, которые могут ему помочь? Здесь нет законов, согласно которым дети должны учиться?

Повисает тишина. Я тяжело дышу, зная, что моё лицо покраснело, а веснушки проявились сильнее. Должно быть, у меня дикий, беспринципный и невежественный вид, и

это перед двумя потрясающими мужчинами, но не сожалею об этом. Мне далеко до филантропии; Я не волонтер, не организую сборы средств или ещё что-нибудь в этом роде, но просто не могу молчать при виде на Билли всех шрамов.

"Мистер Дарси" поворачивается ко мне с непроницаемым выражением лица. Я смотрю на него, желая себе не отступать.

— Определенно, есть многое, что необходимо улучшить, леди, — голос "Дарси" богатый, тёплый, как тёмный шоколад. — Правительство выдумывает слишком много оправданий ради прогресса, игнорируя жертвы, которые оказываются вне сцены.

Генри поворачивается к Элле.

— С вашего разрешения, я могу поискать добропорядочного ремесленника и посмотреть, сможет ли он взять к себе Билли учеником.

В глазах Эллы блестят слёзы. На мгновение она стала даже красивее Бьянки, и это кое о чём говорит.

— Думаю, было бы замечательно, мистер Генри. О, я и без того не знаю, как мне благодарить вас должным образом.

Уши Генри краснеют, и он нарочито кашляет, отворачиваясь к маме Эллы.

И тут в голову приходит мысль, что цель моей поездки сюда: узнать о происхождении Эллы, но увидев, как её мама безмятежно спит, решаю, что всё может подождать. Как долго я здесь? Успею ли вернуться к обеду?

— Мне нужно идти, — говорю я. — Элла, оставайся здесь и присмотри за мамой.

Её глаза расширяются, а рот чуть приоткрывается.

— Я не могу, мисс. Вы и так много для меня сделали.

— Уверена, Мадам... то есть мама, сможет один вечер обойтись без тебя, — Я твердо ей киваю. — Не волнуйся. Семья важнее, чем несколько часов домашней работы.

Она смотрит на меня, словно я только что заговорила по-русски. В моей голове звенит тревожный звоночек, наверное, старая Катриона никогда бы так не сказала.

— Увидимся завтра, — говорю своим самым непререкаемым голосом, отворачиваясь прежде, чем Элла успевает снова начать протестовать. Я киваю Генри и "Мистеру Дарси". Наверное, мне стоило бы сделать реверанс, потому что Пьерр говорил, будто это лучший способ выразить мужчине благодарность, но я не доверяю себе и своей координации.

Выйдя на улицу, зову Вена. Когда я уже собираюсь сесть в коляску, кто-то зовёт меня.

— Леди.

Голос, похожий на тёмный шоколад. Ко мне приближается "Мистер Дарси", его глаза прикованы к моему лицу.

— Могу я иметь удовольствие узнать ваше имя?

Удары моего сердца звучат в ушах. Мужчина, стоящий передо мной, может быть и одет в одежду этого периода, но он сексуальнее любого мужчины, которого я когда либо видела, будь то в реальной жизни или на экране.

— Эм... — пишу я. После своего выпада ко мне снова вернулся обычный бесхарактерный режим. — Кэт. Катриона Бредшоу.

— Бредшоу? А вы, случайно, не дочь последнего графа Бредшоу?

— Приемная дочь, — уточняю я.

— А та девушка ваша служанка?

Я киваю.

— А вы часто сопровождаете своих слуг и наносите визиты их семьям?

Хм, это не совсем правда, но не могу же сказать ему, будто бы нанесла визит семье Эллы только потому, что хотела спросить её о крестной.

— Простите, мне нужно ехать. У...у меня есть дела дома.

— Тогда простите, что я позволил себе вас задержать, — он отступает на шаг, но уверена, что все ещё смотрит на мою спину, пока я поднимаюсь в коляску. Моя правая нога соскальзывает, но мне удаётся ухватиться и удержаться, усевшись, наконец, на сидение. Я не оглядываюсь; наверное, у меня был неуклюжий и глупый вид.

Скоро я уже еду домой. Когда коляска оказывается на главных оживлённых улицах, по спине бежит холодок волнения. Мне было жаль Эллу и её маму, и сожалею, что мне не удалось получить больше информации о происхождении Эллы, но подозреваю, что если бы не я, то маме Эллы могло стать значительно хуже. И я встретила с двумя горячими парнями. Ну, вообще-то Генри не совсем "горячий", он похож скорее на "парня по соседству", но "мистер Дарси" более чем восполнял всё остальное.

Господи, даже при одной мысли о нём, мне требовался вентилятор.

Ладно, Кэт. В конце концов — это *сказочный мир*, так что возьми себя в руки. Тебе нет никакого смысла пускать слюни по придуманным персонажам. Помни о деле.

Глава 8

На следующий день на завтраке Бьянка, определённо, сияет. На ней золотой кулон в форме розы, который подчеркивает её лебединую шею. Наверное, это одна из тех вещей, которую она купила. Элла, наливающая ей чай, просто не может соревноваться с ней. Только сравните её потрескавшиеся мозолистые руки и гладкие мраморно-белые руки Бьянки. Поскольку пластической хирургии ещё не существует, сомневаюсь, что фея-крёстная сможет заставить принца влюбиться в Эллу. Бьянка, вероятно, самая красивая девушка во всей Ателии. При таком количестве девушек вокруг, как принц вообще заметит Эллу?

И все же, если я хочу вернуться в настоящий мир, мне нужно попытаться. По пути от дома Эллы, мне в голову приходит план.

— Ма... мама, — начинаю я. — Мы же должны быть во дворце на следующей неделе, не так ли?

Леди Бредшоу поднимает бровь.

— И?

— Ну... Я подумала. Насчет шанса, что Бьянка выйдет замуж за принца.

Бьянка давится чаем. Не могу сдержаться и устоять против гордости за саму себя. Одно очко в мою пользу, Мисс Совершенство потеряла самообладание.

— Король и королева не против, чтобы принц выбрал невесту сам, но он не заинтересован в женитьбе, — говорю я, помня о том, что Бьянка рассказала Поппи. — Значит, ему не интересны дочери герцогов. А если предложить королю компромисс?

— Но как? — спрашивает Бьянка.

— Ну, может, мы могли бы убедить его устроить бал для принца. И поставить условие — приглашается каждая девушка в королевстве в возрасте от пятнадцати до двадцати. Король больше не будет настаивать, чтобы принц женился на высокородной леди, но с другой стороны — принц сам выберет себе невесту.

Глаза леди Бредшоу блестят.

— Интересная концепция. Но пойдет ли принц на компромисс?

Пожимаю плечами. Я не знаю принца и всего лишь следую сказке!

— Если он не сможет найти никого из всех подходящих девушек в королевстве, тогда мы, по крайней мере, будем знать, что нет смысла пытаться.

— Разве что, — леди Бредшоу закусывает губу, — у него есть тайная возлюбленная.

Бьянка фыркает. Каким-то образом, придерживая платок у рта, она умудряется даже фыркать изящно.

— Если это правда, то он очень хорошо её скрывает. Пока, большую часть времени принц проводит со своим эксцентричным кузеном.

Вот оно. Он точно гей. Инцест! А-а-а-а!

— Возможно, в идее Катрионы есть смысл, — говорит леди Бредшоу. — Я попытаюсь предложить её королеве во время угощения, после представления. Позволить принцу выбрать невесту с некоторой долей свободы, ему это может понравиться. И когда перед ним предстанут все достойные девушки королевства, у него больше не будет причин для отказа.

Бьянка допивает чай.

— Подобное предложение, совсем новое в своей концепции, может оказаться неподъёмным.

Ладно. Леди Бредшоу одобрила, теперь остаётся только надеяться, что королю и королеве тоже понравится эта идея.

— Стойте ровно, мисс, — говорит Элла.

Стискивая зубы, стараюсь держаться спокойно. Корсет, сделанный для презентации, не настолько удобен, как те, которые я ношу каждый день. Вообще-то, мне удалось обнаружить, что мои корсеты становятся меньше, видимо, это из-за десертов, которые тайком ем. Когда Элла завязывает шнурки на спине, появляется чувство, словно мои лёгкие сплюсциваются.

Я едва узнаю себя в зеркале. Мои волосы собраны на макушке и удерживаются с помощью многочисленных булавок и даже нескольких страусиных перьев, привет сумасшедшему дому! Но это ещё не всё. Элла достаёт длинную белую вуаль и цепляет её к моему скальпу вместе со всеми цветами и перьями.

— Последнее веяние моды при представлении ко двору, — говорит она. — Ольга говорила мне, когда я забирала чулки для мисс Бьянки. Я бы доверилась лучшей швее в городе.

Я смотрю вниз на платье. Белый сатин, задрапированный двойным слоем белого тюля, расшитый золотыми розами и листьями. Оно великолепно, но белое платье и вуаль наводят меня на мысль о том, что я выхожу замуж.

— Как дела у твоей мамы?

Мягкая улыбка озаряет лицо Эллы; она выглядит невероятно милой.

— Ей становится лучше. Мистер Генри приходит каждый день и смешивает соль и сахар в воде, которая творит чудеса. Он сказал, что если мы будем держать окна открытыми и давать ей чистую воду, она постепенно восстановится.

— Рада это слышать, — отвечаю я.

Элла застёгивает на моей шее рубиновую подвеску. Камень ложится как раз во впадинку. Он выглядит мило, но не слишком помогает мне чувствовать себя менее обнажённой.

— Это всё ваша заслуга, с того момента, как вы заставили мистера Генри пойти с нами в тот день, — девушка смотрит на моё отражение в зеркале и хлопает в ладоши. — Готово.

Вы выглядите прелестно, и я желаю вам удачи, мисс.

Я оглядываюсь на мерзкий трёхрядовый шлейф, волочащийся по полу. Удача. Да, она определённо мне нужна.

Теперь понимаю, почему леди Бредшоу купила новую карету, хотя у нас уже есть двуколка. Она ярко сверкает в лучах полуденного солнца, золотая сбруя блестит ярче. Кучер новый, представительный парень, одет в красивый серый костюм, сидит на высоком сидении, покрытом новой голубой накидкой, расшитой серебряными нитями. Вен и ещё один лакей стоят на крошечной платформе в задней части кареты. И я, уже вполне могу себе представить, что значит быть "Золушкой".

Пока карета приближается к дворцу, я закрываю глаза и делаю глубокий, успокаивающий вдох. Сегодня меня представляют королеве. Моя голова тяжёлая и мне неудобно, в моём мозгу туман и пустота — сколько же булавок Элла засунула в мою причёску? Напротив меня Бьянка выглядит так, словно слегка нервничает. Она смотрит в окно, её руки крепко сцеплены на коленях так, что костяшки побелели. Леди Бредшоу тоже молчит. Должно быть, размышляет над тем, как подать королеве моё предложение о бале.

Кажется, проходит целая вечность. Наш экипаж движется всё медленнее и медленнее, пока, наконец, не останавливается. Я выглядываю из окна — на улице собралось много зевак, их взгляды полны любопытства и восхищения, как будто мы все являемся участниками бразильского карнавала. Вообще-то, быть частью публичного спектакля, немного смущает.

Затем раздаётся стук в окно — подпрыгнув, чуть не ударяюсь о потолок кареты. Слава Богу, мне это не удаётся, иначе все мои перья могли бы сломаться.

Снаружи стоит смешного вида мужчина с круглым красным носом.

— Не нуждается ли мадам в помощи с причёской?

Леди Бредшоу открывает дверцу.

— Была бы весьма признательна.

Бьянка проскальзывает вперед меня. Красноносый мужчина распрямляет её вуаль, поправляет цветы и добавляет ещё несколько булавок, чтобы лучше всё закрепить. Затем он проделывает со мной тоже самое, я вскрикиваю, когда булавка впивается мне в голову. Мужчина извиняется, но заверяет, что я выгляжу прелестно и напоминает мне не трести головой, и не испортить его работу.

Когда он исчезает, спрашиваю у леди Бредшоу кто это.

— Монсеньор Этьенн, конечно же. Мы не могли бы желать лучшего, чтобы нанести завершающие штрихи перед вашим представлением.

Ого. Зная, что представление важное событие, все же не ожидала, что всё будет настолько серьёзно.

— Мы на месте, — произносит Бьянка. Она выглядит спокойной и холодной, но я ощущаю нотки возбуждения в её голосе.

— Вместе с сотней других ландо и карет, — говорит леди Бредшоу, выглядывая в окно. — Бьянка, дорогая, не забывай, что твоя улыбка должна расцвести медленно, когда ты встретишься взглядом с королевой и отвечай на вопросы кратко, если она решит заговорить с тобой. Крайне важно, какое впечатление ты произведёшь. Что же касается тебя, — она поворачивается ко мне с видом, словно только вспомнила о моём существовании, — не оступись.

Я выхожу из кареты, внимательно смотря себе под ноги, и, твердо встав на землю, оглядываюсь.

О.
Мой.
Бог.

Словно наяву возникает замок, который появляется на каждой диснеевской заставке в начале картины. Великолепное белое мраморное здание возвышается перед нами, с бесчисленным количеством окон и балконов, сверкающих на солнце. На верхушке каждой башни и башенки, увенчанных синими крышами, развеваются флаги. Вход — огромные ворота из железа и бронзы, размещены в конце длинной дорожки, вымощенной гладкими белыми камнями.

Моя рука скользит в карман, но нащупывает лишь носовой платок. Очень жаль, что моя камера не перенеслась вместе со мной. Мне ОЧЕНЬ хочется сфотографировать этот замок и показать его дома.

— Перестань пялиться, Катриона, — голос Бьянки возвращает меня с небес на землю. — Ты ведёшь себя так, словно никогда не бывала здесь раньше.

Я едва обращаю внимание на её снисходительный тон, на миг забывая обо всех своих тревогах. Правой рукой я приподнимаю платье за ткань у бёдер и надеюсь пройти, не опасаясь, что оно запутается в моих лодыжках; левой рукой берусь за шлейф, обертывая его вокруг руки, и начинаю движение по дорожке.

Я живу во сне. Вау.

Каким-то чудом мне удаётся спокойно добраться до входа. Четверо здоровенных охранников открывают ворота, и мы оказываемся во внутреннем дворе.

— Бьянка! Катриона! — возбужденный голос Поппи звенит в воздухе, одетая в платье цвета бледно-желтого лютика, она побегает к нам. Спотыкается, но быстро восстанавливает равновесие.

— Итак, ты тоже сегодня представляешься, — кивает ей Бьянка.

— Тётушка смогла урегулировать моё расписание, — Поппи широко улыбается. — Я так рада видеть вас обеих. Я уже собиралась перестать ждать и пойти внутрь, но тут вы, наконец, появились! О, я в таком восхищении оттого, что нахожусь здесь. Мама рассказывала мне истории о замке, но увидеть его своими глазами — разве не важнее?

— Да, он невероятный, — сердечно отвечаю я. — Не могу дождаться, чтобы попасть внутрь.

Бьянка приподнимает брови, словно я была деревенщиной.

Поппи берёт меня под руку и улыбается до ушей.

— Пошли, пойдем вместе.

Интерьер замка не разочаровывает. Через двойные двери мы входим внутрь, и я наполовину пьянею, разглядывая интерьер. Огромные комнаты раз в десять больше нашей гостиной. Хрустальные люстры свисают с разрисованных потолков, резная и полированная мебель с позолоченными краями, бархатные ковры, тянущиеся из комнаты в комнату, винтовые лестницы, гобелены, закрывающие стену от пола до потолка, слуги, одетые в аккуратную голубую с серебряным униформу, придворные в великолепной одежде, словно появившиеся из киношных гардеробных.

— Боже милостивый, — выдыхает Поппи. Мы проходим через невероятно огромную комнату, высотой в два этажа, со сводчатым потолком и балконом вдоль уровня второго этажа. Высокие, узкие окна открывают вид на сад. Наши каблуки громко стучат по отполированному мраморному полу. Мне хочется закричать и проверить, появится ли эхо.

— Это бальный зал, — бесстрастно говорит нам слуга, который сопровождает нас.

Тут мне приходит в голову, что именно здесь и будет происходить бал. В сказке, Золушка привлекла всеобщее внимание, спускаясь по лестнице. Но в этой комнате, никаких лестниц не видно. Я осматриваюсь, может подойти центральный балкон. Если ей необходимо блистать в центре всеобщего внимания, она должна стоять там, где принц сможет созерцать её красоту. Интересно, как мне затащить туда Эллу.

Наконец, мы попадаем в комнату, которая похожа на зал ожидания. Бьянка говорит Поппи, что она называется прихожей. Леди Бредшоу предлагают подождать в другой комнате, вместе с другими сопровождающими. Она приказывает мне и Бьянке вести себя "безукоризненно" перед королевой, хотя, на меня, она едва взглянет. Бьянка — единственная дочь, которая имеет вес.

В комнате ожидают ещё около дюжины других девушек, одетых в похожие платья белого или кремового цвета. Некоторые ведут себя надменно, другие нервничают, третьим просто скучно.

— Бьянка, — зовёт нас Клер. Она выглядит абсолютно потрясающе в белом сатиновом платье, и её золотистые локоны мягко спускаются на плечи. — А я всё думала, когда же вы появитесь.

— Как давно вы ждёте? — спрашивает Бьянка, усаживаясь на стул рядом с Клер. Они без сомнения являются самыми красивыми девушками из всех нас, одна тёмноволосая, другая светленькая. Чёрт. Бьянки и так уже достаточно, а теперь есть ещё и Клер, и Бог знает, сколько ещё других девушек.

— Уже около часа, — Клер разворачивает веер. Хотелось бы и мне его иметь; дюжина девушек в длинных, шуршащих платьях в одной комнате — так душно. Когда представление закончится, я с радостью окажусь на свежем воздухе.

— Хотелось бы, чтобы они поторопились, — бормочет какая-то девушка. У неё масса каштановых волос, собранных вместе.

Поппи садится рядом, но продолжает сжимать пальцы, в то время как мне ужасно хочется снять перчатки.

После того, как проходит еще около часа, нас вызывают к королеве. Два лакея убирают пару резных деревянных перегородок, и мы оказываемся в комнате, в которой можно только стоять. К этому времени мы все слишком нервничаем, чтобы разговаривать или перешептываться. Человек, одетый в красно-золотую ливрею, позже я узнала, что это ливрейный лакей, распрямляет наши шлейфы. Третий мужчина, держит рулон пергамента, с которого он зачитывает фамилии. Мы должны проходить по одной, друг за другом.

Когда называют моё имя, сердце бьётся в десять раз быстрее. Стараясь дышать спокойно, говорю себе, что это сказочный мир, и то, что я споткнусь или упаду, не будет иметь никакого значения. Но не хочется выставить себя на посмешище. Сказочный мир или нет, я чувствую, слышу и прикасаюсь ко всему, что меня окружает.

С того места, где сидит королева, её едва можно рассмотреть. Её платье разложено многочисленными складками и украшено вышивкой. На шее висит тяжёлое ожерелье из золотых бусин. Позади неё стоят несколько человек, одетых также роскошно; наверное, члены королевской семьи. К королевскому трону проложен красный ковёр, по обеим сторонам которого стоят мягкие стулья. Бьянка, Поппи, и те, кто прошёл передо мной, сидели на них, аккуратно сложив руки на коленях, со спинами прямыми, словно доска для резки хлеба.

Сжимая руки, закрываю глаза. Начинается.

Я медленно иду по проходу, один шаг за другим. Боль терзает мои пятки, но изо всех сил стараюсь ее игнорировать. Я много прошла с тех пор, как вышла из кареты и теперь мои ноги ноют.

Вдох. Выдох. Вот так. Это легко.

Я подхожу к королеве. У неё круглое лицо, широкие скулы и карие глаза. Я ожидала, что она будет прекрасной, великолепной, как и подобает монарху, но её внешность всего лишь чуть выше среднего.

Теперь пришло время реверанса. Стараясь вспомнить всё, чему меня учил Пьерр, приседаю так низко, как только могу. Колени словно трещат.

— Ваше величество, — голос походит на писк. По крайней мере, я не падаю — чудо, если вспомнить о моей неуклюжести.

— Леди Катриона Бредшоу, — произносит королева. — Для меня удовольствие, видеть вас снова.

— Эм... для меня тоже, Ваше Величество, — заикаясь, отвечаю я. Пожалуйста, только не спрашивайте меня о наших прошлых встречах.

К счастью, она лишь улыбается и царственно махает мне, бриллианты на её пальцах сверкают.

— Вы можете подняться.

Я не могу сдержать вздох облегчения. Сохраняя на лице почтительную улыбку, начинаю опасное путешествие назад с этим ужасающим шлейфом.

Пройдя половину пути, решаю, что грубо не сводить глаз с королевы, поэтому слегка отвожу взгляд. На глаза попадает знакомое лицо.

Святое Дерьмо. "Мистер Дарси" стоит прямо позади королевы, одетый в те же самые королевские цвета.

Я испускаю небольшой вздох, моя нога цепляется за шлейф, и, теряя равновесие, приземляюсь на пол в куче шелка.

Кое-кто убьёт меня. Прямо сейчас.

Глава 9

Поппи выдыхает. Мне буквально слышно, как остальные резко втягивают воздух. У какой-то женщины в толпе вырывается краткий смешок.

Я поднимаюсь на ноги. Моё лицо горит, сердце падает прямо к подошвам моих ноющих ног. Не смею даже взглянуть в сторону королевы. Или на "Мистера Дарси". Мне нужно закончить проход, но нельзя рисковать. Я беру в левую руку свой шлейф, откидываю вуаль правой, и соскальзываю на ближайший стул.

Даже несмотря на то, что мои глаза опущены, чувствую взгляд Бьянки как раз напротив меня, резкий и колючий. Её представление, наверное, прошло идеально, но, с другой стороны, моё могло быть ещё хуже. Я *произвела* впечатление, хотя и не такое, как ожидала леди Бредшоу.

Королева притворяется, что ничего не произошло, Боже, благослови её.

— Может идти следующая леди.

Клер идёт по проходу; она идеальна, воплощение светловолосой красавицы. Её волосы

струятся по спине, словно водопад чистого золота, кристально-голубые глаза, обрамлены густыми ресницами, ярко сияют, кожа розовая и светится. Она выполняет реверанс одним движением, ровно и грациозно, словно танцовщица балета.

Если бы королева была судьей на Олимпийских соревнованиях по гимнастике, она подняла бы карточку с максимальной оценкой. Тогда как мне достался бы полный ноль.

Когда я смотрю в спину Клер, замечаю, что "Мистер Дарси" рассматривает меня. Его глаза, карие, как и у королевы, сверкают, словно лучи фонаря в темноте, и он едва заметно кивает мне.

Я не отвечаю, поскольку злюсь на него, хотя он и не виноват. Судя по его одежде, он близкий родственник королевы. Ёлки-палки, это, по всей вероятности, принц!

А я сказала ему, что члены королевской семьи — идиоты. А если он рассказал королеве? Парень спрашивал, как меня зовут, и моё имя только что огласили, теперь он знает кто я. Господи, в какую же передрыгу я попала?

Кое-кто убьёт меня ещё раз.

Во время угощения с десертами, последовавшего после представления, я избегаю разговоров с другими, что оказывается, не так уж и сложно, поскольку никто и не собирался заговаривать со мной. Кроме Поппи, которая старается сказать мне несколько утешительных слов. Наверное, после того, как я унизила себя перед королевой, все посчитали за лучшее оставить меня в покое.

Ковыряясь в своей тарелке, вздыхаю. Нам подали шоколадные маффины, клюквенные сконы и слойки с лимонным кремом, разложенные в виде пирамидок на огромных серебряных подносах, рядом с которыми стоят стеклянные кувшины с холодным соком. Но прямо сейчас, даже если бы я оказалась в "Ритце", у меня не было бы аппетита, потому что мое выступление провалилось.

Бьянка болтает с другими девушками. Поппи занята со своей тётей и Клер, а я втыкаю вилку в еду и тянусь за стаканом воды, отчаянно желая, чтобы рядом внезапно оказался вентилятор.

Поэтому делаю самую логически доступную вещь: встаю, вытирая руки салфеткой, и иду прочь от стола.

— Катриона, куда ты идешь? — резко спрашивает леди Бредшоу. Ничто не укрывается от её орлиного взгляда.

— Мне просто нужно на свежий воздух, — говорю я. — Здесь душно. Скоро вернусь.

— Ты должна оставаться внутри.

— Если я не выйду на улицу, то упаду в обморок и устрою ещё более кошмарный спектакль. Я просто выйду на минутку и в любом случае, никто не станет по мне скучать.

Она кривит губы и осматривает толпу в комнате. Все болтают и хорошо проводят время.

— Хорошо. Но не уходи слишком далеко. Будет ужасно неловко, если ты потеряешься, и тебе понадобится помощь, чтобы вернуться.

Радуюсь временному облегчению, ухожу. Встречаясь с трудностями, я всегда сбегая. В современном мире, я скрываюсь в своей комнате и рыдаю, или погружаюсь в книжки, как будто они могут ослабить боль.

Я прошу слугу показать мне дорогу на улицу и скоро оказываюсь в саду. Здесь целый лабиринт из высоких зелёных изгородей, которые выглядят так, словно сошли с картинок *"Алисы в стране чудес"*. Здесь достаточно прохладно и, в данный момент, это как раз то, что мне нужно.

Войдя в лабиринт, стягиваю туфли. Мои ноги ужасно ноют. На большом пальце и на пятках появились волдыри. Наслаждаясь прогулкой босиком, мне удастся найти скамейку сразу у края лабиринта, рядом с розовым кустом.

Брр. Слава Богу, с представлением покончено. Я смотрю на небо: перистые облака плывут по голубому морю. Такие беспечные, расслабленные... в отличие от меня.

Услышав, как кто-то приближается ко мне быстрыми шагами, спрыгиваю, чтобы натянуть туфли, но уже слишком поздно. "Мистер Дарси" появляется во всём своём королевском величии: развивающийся красный плащ, кожаные сапоги, белая рубашка и шпага, прицепленная к поясу. Он выглядит совершенно непохожим на обычного парня, как в тот день. Если бы тогда на нём был его средневековый наряд принца, я бы сразу догадалась, кто он такой.

— Мисс Катриона Бредшоу, — он коротко осматривает меня. — Рад снова видеть вас.

Его взгляд падает на мои туфли, которые я продолжаю сжимать, как идиотка. Он улыбается и внезапно, меня переполняет злость. На мгновение Моя — Неуклюжесть — При — Встрече — С — Сексуальным — Парнем улетучивается.

— Вы — принц, не так ли?

— К сожалению.

— А почему вы не сказали мне кто вы? Посмотрите, что вы натворили.

— А что, конкретно, я сделал?

— Вы... — я смотрю на него. — Если бы вы сразу сказали мне кто вы, когда мы встретились у дома Эллы, то знала бы, что увижу вас на представлении! Я тогда бы не зацепилась и не упала бы на задницу, прямо перед всеми!

Принц поднимает бровь.

— Простите, но в тот день вы спешили уехать.

Вполне справедливо. Но все же...

— А разве вы не должны были находиться во дворце? Почему вы были в городе? И почему на вас была обычная, повседневная одежда? Поверить не могу, что приняла вас за... джентльмена среднего класса.

— Погодите, — он поднимает руку. — Как дочка последнего графа Бредшоу, разве вы не видели меня раньше? Даже, несмотря на то, что я редко появляюсь на публике.

Ой — ой! Я опускаю глаза.

— Я... Я раньше не обращала внимания.

Он долго смотрит на меня, словно не может в это поверить. Я не могу его винить. Из того, что Бьянка, Клер, и другие девушки говорили о нём, он, наверное, привык к тому, как с рождения все девушки трясутся над ним. В хорошем смысле слова. Чёрт, весь мой гнев начинает стихать, пока он смотрит на меня своими золотисто-кариими глазами.

— Иногда я составляю компанию своему кузену Генри, когда он посещает доктора Дженсена, — объясняет он. — Я оделся как горожанин, потому что не хотел, чтобы меня узнали. Намного меньше возни. Кроме того, если люди не знают, кто я такой, они больше склонны к разговорам. Так выгодно, если я однажды стану королём. — Он замолкает и прочищает горло. — Вообще-то, я даже удивлён, что вы дочка графа. Платье, которое было на вас, намного проще сегодняшнего.

Он быстро осматривает меня сверху вниз, но могу поклясться, его взгляд задерживается на моих обнажённых плечах чуть дольше, чем нужно.

— Я не привыкла к роскошным нарядам, — бормочу я. — Конечно, платье красивое, но

попробуйте проносить его весь день. Просто чудо, что я не упала в обморок.

— Так вот почему вы сняли свои туфли.

— О! Хм... да, — я снова сажусь на скамейку. — Мне нужно вернуться в зал, я вышла только немного подышать свежим воздухом.

— Так же, как и я, — он улыбается, и я быстренько фокусируюсь на своих ногах. *Соберись, Кэт! Не покупайся на его смазливое лицо!*

Избегая дальнейшего смущения, решаю вернуться к фуршету. У леди Бредшоу возникнут подозрения, если меня не будет слишком долго. Я приподнимаю свои юбки, всего лишь немного. Странно, знаю, ведь я привыкла носить шорты, летняя жара сводит меня с ума, но перед принцем чувствую себя неуютно, показывая ноги. Боже, я всего лишь пару недель в этом мире, у меня быстро получается адаптируюсь.

— Ваши ноги, — произносит он, указывая на мой большой палец. — Идёт кровь.

Эй, приятель, я хожу на таких каблуках уже какое-то время, благодаря твоему, до смешного, огромному замку. Но я просто закатываю глаза и говорю.

— Ну, разумеется, попробуйте пройтись на этих каблуках от входа в замок, выстоять четыре часа в ожидании представления и посмотрим, что тогда будет с вашими ногами.

Он опускается на колени и берёт мою ногу. По всему моему телу бегут мурашки, от кончиков пальцев до головы.

— Эй! — я пытаюсь забирать свою ногу назад, но он крепко удерживает её.

— Возможно, я и не проходил такую хорошую медицинскую подготовку, как Генри, — вежливо говорит он, — но могу оказать первую помощь. Если вы продолжите ходить с такими волдырями, вы нанесете себе ещё больший ущерб.

Он снимает с себя белый галстук, который в развернутом виде оказывается простой белой полоской шёлка, а не бинта. Затем своим мечом, он разрезает его пополам.

Не верю своим глазам: принц лечит мои волдыри собственным предметом одежды. Не уверена, считается ли галстук таковым, я бы назвала его скорее элементом украшения, но всё же. Я превращаюсь в статую: просто сижу, пока он ловко перематывает шёлком мои пальцы и завязывает узел на лодыжке.

— Из-за дополнительных слоев, туфли будут уже, — говорит принц, — но, по крайней мере, волдыри не станут хуже.

Мое лицо горит, и я просовываю ногу в блестящую туфлю. Он прав — они определённо туже, но при этом поврежденная ткань не трётся об обувь. Шёлк мягкий и гладкий, лучше любого бинта.

— Спасибо вам, — говорю я. Затем, вспоминаю, что он член королевской семьи и добавляю, — Ваше Высочество.

Он выпрямляется.

— Рад был помочь вам, леди. Позвольте сопроводить вас на фуршет?

— Пожалуйста, не нужно, — быстро отвечаю я. Он выглядит уязвлённым моим быстрым ответом. — Девушки в зале убьют меня, если увидят с вами.

Он корчит гримасу, но кивает.

— Как пожелаете.

Я не настолько доверяю себе, чтобы сделать красивый реверанс, поэтому киваю головой.

— Тогда я просто, хм... пойду. Ещё раз спасибо, Ваше Высочество.

Принц улыбается улыбкой, которую стоит запретить, за то, что от неё у девушек

подгибаются колени.

— Вы очень любезны, мисс Катриона.

К моему удивлению, леди Бредшоу не набрасывается на меня, когда мы возвращаемся домой.

— Кажется, королева довольно любезно восприняла моё предложение устроить бал, — улыбаясь, говорит Мадам. — Она сказала, что это замечательное предложение, и она обсудит его с королём. Не удивлюсь, если они сделают объявление еще до окончания сезона.

Моё сердце трепещет. Наконец-то одна из моих целей идет согласно плану.

— И только представьте, принц решил сопровождать свою мать на представление! — Леди Бредшоу взмахивает хлебной палочкой, прежде чем опускает её в суп. — Бьянка, дорогая, как я была права, когда настояла на том декольте! Он не мог пропустить его, когда ты делала реверанс.

Декольте? Предполагаю, она имеет в виду, что у Бьянки был слишком большой вырез.

— Но у Клер был точно такой же фасон. Он вполне может предпочесть её достоинства моим, — Бьянка склоняет голову, и мне видно, как она краснеет от шеи до лица. — Хотя, и правда, удивительно, что принц решил посетить представление. Я точно знаю, во время представления Гарриет, его не было.

— Это было два года назад, — говорит леди Бредшоу. — Может он, наконец, взялся за ум. Двадцать один сильно отличается от девятнадцати. В основном, молодые люди женятся до того, как им исполнится двадцать пять. Не удивлюсь, если родителям удалось убедить его перестать тратить время попусту.

— Надеюсь, неудача Катрионы не заденет меня, — говорит Бьянка, не обращая внимания на то, что я сижу за столом. — И без того непросто соревноваться с Клер и другими девушками. Если этот бал состоится, мне придется сделать всё возможное, чтобы превзойти остальных.

А мне придётся сделать всё возможное, чтобы Элла превзошла тебя, хочу сказать ей. Но притворяюсь, что не слушаю её.

Леди Бредшоу выглядит задумчивой.

— По правде говоря, нет никаких гарантий, что принц предпочтёт тебя всем остальным, но твои шансы больше, чем у других леди. Леди Экхарт проинформировала меня, будто её старший сын сходит по тебе с ума и она настаивала на том, чтобы мы поужинали с ними на следующей неделе.

Бьянка пожимает плечами и тянется за ещё одной хлебной палочкой.

— Зачем стремиться к звёздам, если есть солнце?

Леди Бредшоу улыбается медленной, расчётливой улыбкой.

— Очень хорошо. Мы должны стремиться к увеличению твоих шансов быть избранной, когда придёт время. Неплохо привлечь его внимание до бала, но никто не знает, в каких мероприятиях он будет принимать участие. Одного появления на представлении недостаточно.

— Может быть, — Бьянка постукивает пальцами по столу, — может, имеет смысл найти слугу в замке, который сможет снабжать нас информацией о расписании принца. Или мы могли бы поближе познакомиться с герцогом Генри. Его легче найти, так как он всё ещё посещает научные лекции в королевском институте.

Проклятие. Теперь у меня появляются дополнительные поводы для беспокойства. Кроме того, что мне нужно найти крёстную, брать уроки этикета, мне вдобавок, придётся

найти повод воспрепятствовать Бьянке встретиться с принцем. А с открытием сезона, возможностей у неё будет много.

На мгновение в моей голове мелькает образ принца, когда он присел, перевязывая мою ногу, затем поклонился и улыбнулся...

— Ой!

Я тянусь за чайником, и вместо ручки мои пальцы касаются его горячего основания. На этот раз, леди Бредшоу и Бьянка слишком заняты интригами, чтобы обратить внимание на мою неуклюжесть.

Я видела принца всего лишь дважды, но уже веду себя как влюблённая фанатка. Бог знает, что мне делать, когда по появятся сотни — нет тысячи — влюблённых в него. Как мне удастся провести Эллу мимо всех конкуренток? Для возникновения головной боли достаточно одной Бьянки.

Элла не появилась в моей комнате, даже когда прошло уже достаточно много времени после ужина. Так как Марта занята мытьём тарелок и кастрюль, я стараюсь раздеться сама. Сперва сбрасываю эти чёртовы туфли, надеюсь, что мне больше никогда не придётся их надевать. Затем вытаскиваю из волос все булавки и бросаю их в шкатулку для украшений, слушая, как они ударяются о гладкое, полированное дерево.

Затем наступает сложная часть. Завожу руки и стараюсь расшнуровывать себя, но Элла, каким-то образом, завязала всё настолько продуманно и основательно, что в итоге, я лишь ещё крепче стягиваю шнуровку. Если буду пытаться дальше, то задушю себя. Я принимаюсь ждать, но уже скоро меня охватывают расстройство и злость, моё платье настолько объемное, что нет возможности передвигаться по комнате, не натыкаясь на комод или кровать. Я уже начинаю испытывать соблазн взять ножницы и разрезать ленточки, когда входит Элла.

— Мисс Катриона! — она спешит ко мне. — Простите, что не пришла раньше. Вот, позвольте мне помочь вам.

Своими ловкими, умелыми руками она развязывает шнуровку в несколько секунд, и мне удается вздохнуть с облегчением. Я буквально чувствую, как мои лёгкие наполняются воздухом.

— На Бьянку ушло много времени? — спрашиваю я.

Дувушка кивает.

— И всё же, мне следовало вернуться пораньше. Я ходила сегодня к мамуле.

— Как она? Надеюсь, уже лучше? — торопливо спрашиваю я.

— Мама уже не так сильно кашляет и её совсем не рвёт, — Элла сияет. — Вы очень добры, мисс, если спрашиваете о ней.

Я не говорю, что настоящей причиной моего интереса к здоровью её мамы, является моё желание узнать у миссис Татчер, есть ли у Эллы крёстная.

— Есть ещё хорошая новость, — Элла помогает мне выбираться из платья. Она убирает кринолин, Слава Богу, — Мистер Генри нашёл Билли работу в книжном магазине. Он должен вытирать пыль с полок, наполнять чернильницы и выполнять другие простые поручения.

— Звучит здорово, — я всё ещё помню руки Билли, покрытые шрамами и царапинами, рваную обувь. — Нам повезло, что мы столкнулись с герцогом и при... его другом.

Элла кивает.

— Мистер Генри самый добрый человек из всех, кого я встречала, — она вспыхивает и

быстро берёт мою ночную сорочку. — Кстати, а как прошло ваше представление? Всё хорошо?

— Отстойно. То есть, хочу сказать, не очень хорошо.

Её глаза расширяются.

— Королева была недовольна?

— Она указывала на меня и смеялась.

— О, нет! — Элла останавливается, качая головой. — Вы подшучиваете надо мной, мисс.

Я усмехаюсь.

— Ну, мысленно она могла и смеяться. В любом случае, мама не очень счастлива. Я споткнулась и упала, когда шла назад, — вздыхаю. Все эти дорогостоящие уроки прошли даром.

Рука Эллы взлетает ко рту.

— Вы споткнулись. Бедная мисс Катриона, как ужасно! Вам было больно? — она указывает на мою ногу. — Вы подвернули лодыжку?

— Я в порядке. У меня волдыри от туфель, вот и все.

Она настаивает на том, чтобы принести мне немного холодного крема. Я соглашаюсь, поскольку мои ноги начинают вызывать отвращение.

Когда Элла развязывает галстук на моей ноге, она хмурится.

— Хм... не обычный бинт, он слишком хорош, — она держит испорченный кусочек шёлка и пристально смотрит на меня. — Галстук джентльмена использовали как повязку. У вас появился поклонник, мисс?

— Ах, повязка... — я стараюсь делать вид, будто тут нет ничего особенного. — Просто какой-то парень, которого встретила во дворце. Туфли убивали меня, поэтому он предложил помощь.

Элла легонько кивает, хотя всё ещё сохраняет задумчивое выражение лица. Но я ведь не обманываю. Просто не говорю ей, что этим парнем является принц Эдвард.

— Очень мило с его стороны, — она аккуратно складывает галстук. — Кто это был? Когда я его выстираю, мы могли бы ему вернуть.

— Я... Я забыла спросить имя, — заикаясь, отвечаю я. — Серьезно, не думаю, что он вспомнит. Уверена, у него куча галстуков и он вполне может обойтись без этого.

Нельзя вернуть галстук лично. Во-первых, понятия не имею, как с ним встретиться, потому что никто не может предсказать, где принц появится; во-вторых, понятия не имею, как вернуть ему галстук в частном порядке. Вообще-то, я бы даже предпочла никогда больше с ним не встречаться.

Глава 10

— Основная цель сезона, — произносит леди Бредшоу, — найти мужа.

Большой кусок сахара выскальзывает из щипчиков и плюхается в чашку. Горячий чай разливается, и на скатерти появляются коричневые пятна. Бьянка бросает на меня полный отвращения взгляд. Мы устраиваем послеобеденный чай только для нас троих, после трёх дней непрекращающихся вечеринок, и я чрезвычайно благодарна за передышку.

— Возможно, ты ещё не понимаешь, — холодно продолжает леди Бредшоу. — Но,

крайне важно обзавестись подходящим партнёром и, желательно, ещё до окончания сезона. Для молодой леди будет полным провалом, если она не получит предложение о браке в течение трёх сезонов.

Три сезона. Так как большинству девушек в Ателии, на момент представления, лет семнадцать-девятнадцать, то к двадцати одному году их можно считать неудачницами, если до этого времени они не выйдут замуж. Согласно такому определению, большинство голливудских актрис можно считать древними ископаемыми.

— И, — леди Бредшоу понижает голос, давая понять, что в этом случае наступает конец света, — если до тридцати ты всё ещё не замужем, то ты превращаешься в старую деву.

Я борюсь с желанием закатить глаза. Маме почти сорок, но она никогда не имела недостатка в свиданиях. Некоторое время она встречалась с адвокатом из Чикаго, который приезжал в Окли на выходные, но потом бросила его, когда узнала, что на самом деле он не был разведён.

Хорошо, Кэт, вспомни, ты в другом мире.

— И добиться помолвки сейчас становится всё труднее, — говорит Бьянка, рассматривая ногти. — Клер говорит, многие мужчины специально откладывают женитьбу, особенно младшие сыновья, потому что предпочитают сначала делать карьеру.

— О, я бы не волновалась насчет тебя, дорогая. У тебя уже достаточно поклонников. Если смотреть на количество полученных тобой приглашений, всё становится даже обременительным, — Леди Бредшоу ставит свою чашку с чаем и смотрит на меня долгим, изучающим взглядом. — Но, что касается тебя, юная леди, тебе стоит приложить усилие. После той... той катастрофы при дворе, твои шансы привлечь мужа, и без того низкие, стали еще меньше.

Плевать. Я вернусь в реальный мир так скоро, как только смогу, и влюбиться в какого-нибудь воображаемого "мистера Дарси" в сказочном мире — это последнее, что мне сейчас нужно.

И всё же, хотя передо мной и не стоит цель заполучить мужа, сезон тяжёлый, если не сказать, ужасно утомительный.

В школе я была человеком, который отчаянно хочет влиться в толпу и всегда жалуется на необычайно строгих родителей и комендантский час (шесть часов... ладно, должна сказать это крайне жестко), но сейчас, я бы сказала, здесь всё не так уж восхитительно. У меня красивая и популярная жизнь, и целыми днями только и делаю, что посещаю вечеринки. И ненавижу это.

Утро у нас начинается с поездки по парку, кишашему модно одетыми людьми, которые жаждут быть увиденными и представленными друг другу, либо верхом на лошади, либо в открытой коляске. Я предпочитаю коляску, ведь никогда раньше не ездила верхом, но леди Бредшоу, упирая руки в бока, настаивает на том, что такое умение также важно, особенно во время осенних охотничьих мероприятий. Думаю, из-за того, что мужчина может захотеть помочь мне взобраться на лошадь, но я никогда в жизни не соглашусь, чтобы мужчина хватал меня за задницу, талию или ноги. Бьянка, напротив, вскакивает на лошадь с элегантностью эльфа, пока я трясусь и сжимаю мёртвой хваткой поводья. Иногда мне везёт, и я вижусь с Поппи, которая помогает мне. Так как она выросла в деревне, она превосходная наездница.

Затем, где-то около половины десятого, мы возвращаемся домой сменить нашу одежду для верховой езды (короткий, обтягивающий жакет, длинная юбка, забрызганные грязью

сапоги) и переодеться в легкие хлопковые платья для завтрака (запечённые бобы — фу). Затем леди Бредшоу увозит Бьянку за покупками или на утренние визиты, пока я страдаю на уроках этикета, в основном посвященных танцам.

— Согласно нашим неофициальным данным, около половины брачных союзов начинается с танца.

Ага, конечно. Но в любом случае, мне нужно спланировать хотя бы один танец для Эллы и принца.

— Поэтому я ожидаю, что ты научишься танцевать вальс, кадрили, и все остальные танцы, которым учитель сочтёт нужным научить тебя. Не хочу повторения той катастрофы с представлением.

Брр. Из-за напряжённых танцевальных занятий к ланчу мои ноги ноют, спина болит и мучает зверзкий голод. Я с тоской смотрю на кувшин с водой, отчаянно желая осушить его до дна, вместо того, чтобы цедить из крохотной чашечки.

Вечером мы переодеваемся в подходящую одежду, исходя из мероприятия, а их много. Концерты, вечера в саду, пикники, лекции, ярмарки, матчи по крикету, боулинг, теннис, всевозможные виды активной деятельности, от которых моя голова идёт кругом. Обычно, я стараюсь найти какое-нибудь место, чтобы остаться незамеченной, или общаюсь с Поппи, если она также присутствует, и молюсь об ужине дома.

Потому, что если мы приглашены на ужин, формальное, сложное мероприятие, то требуется вечернее платье. Леди Бредшоу наставляет меня не концентрироваться на еде, а стараться заводить остроумную и веселую беседу с тем несчастным, кто будет сидеть рядом со мной. Делать это так невероятно сложно, ведь я изо всех сил стараюсь помнить, какая вилка используется для салата, и какой ложкой нужно есть суп. Кроме того, мне приходится следить за собой на предмет использования современных терминов и сленга. Всё совсем не походит на мои любимые ТВ-шоу.

Но. Это. Ещё. Не. Всё.

Еще есть театр, опера или суаре. Я ещё ни разу не была на балу, но Элла говорит, что рано или поздно, этот момент настанет. Разумеется, в театре ли опере мне приходится прилагать усилия и не спать. А я уже упоминала, что к вечерним мероприятиям мы должны также менять одежду? Даже мисс Совершенство — Бьянка, начинает терять терпение, со всеми этими переодеваниями, хотя подозреваю, только из-за того, что у неё недостаточно новых платьев для каждого раза.

Однажды я так устала после теннисного матча, скачек, суаре и ужина, что уснула во время спектакля. Мой выбор времени мог быть более удачным, я проспала всю пьесу, проснувшись как раз к окончанию, когда все уже собирались уходить.

— Ты храпела, — говорит мне Бьянка. — Если так будет продолжаться и дальше, я перестану ходить с тобой на одни и те же мероприятия. Это слишком смущает.

Класс! Если она действительно так поступит, то будет пропускать девять из десяти мероприятий, на которые мы ходим. Большинство людей достаточно внимательные, чтобы приглашать нас обеих, только если они не являются близкими знакомыми Бьянки, типа Клер. Но такое случается очень редко.

Единственное, что мне нравится во время сезона — это раздражать Бьянку. Так как я всё ещё жду, пока мама Эллы — миссис Татчер, полностью поправится (я не смею беспокоить её, так как она ещё достаточно плоха), решаю, что мне надо устранить конкуренток Эллы, начиная с Бьянки. Например, когда какой-нибудь лорд или мистер

спрашивает о Бьянке, когда она выходит за покупками, то всегда приглашаю его в дом и предлагаю подождать в прихожей. Иногда я также информирую их о расписании Бьянки, например, о том, где она планирует быть на суаре, у леди Уиллоби или на обеде у лорда Уэстина. Надеюсь, что один из них сможет убедить Бьянку, будто он ЕДИНСТВЕННЫЙ для неё, а не тот парень из дворца.

Бьянка злится, хотя леди Бредшоу и говорит ей, что нет никаких гарантий стать будущей королевой, и нужно "постелить себе соломки". Интересно, как себя чувствуют мужчины, зная, что их рассматривают как запасной вариант, но видимо, они не возражают. Пока у них есть шанс получить богиню, в конце-концов.

Однажды утром, когда мы заканчиваем кататься в коляске, леди Бредшоу приказывает мне идти домой и практиковаться в игре на пианино, а сама увозит Бьянку за покупками.

— Если ты покажешь мне некоторые улучшения в твоей игре, мы сразу поедem к мадам Ольге за новым платьем.

Ха. Как будто это когда-нибудь случится, учитывая мои похожие на сосиски пальцы. К тому же, как я уже говорила, моих платьев и так достаточно для трёх девушек.

Когда добираюсь до дома, то вижу, что на лестнице нетерпеливо топчется какой-то джентльмен, которого сразу же узнаю. Маркиз (или может быть, виконт), чьё полное имя не могу вспомнить, но из-за своих бакенбард, среди девушек он получил прозвище «Сидни Барашек».

Я прочищаю горло.

— Простите, но мне бы хотелось попасть в свой дом.

— Мисс Катриона! — Сидни поворачивается. — Как приятно видеть вас сегодня утром. — Он оглядывается, как будто Бьянка может прятаться за моей спиной. Невозможный вариант, так как она на три дюйма выше. — Ваша сестра не с вами?

Я зеваю.

— Она пошла за покупками на Хай Стрит. Могу ли я передать что-нибудь для неё?

— Вообще-то, — Сидни понижает голос. — Можно поинтересоваться, как, по-вашему, что ваша сестра думает обо мне? Моё сердце и душа изнемогают с тех пор, как мы ужинали у лорда Уэстина.

Выражение лица Бьянки, надменное и пренебрежительное, всплывает в моей голове:

"Барашек Сидни? Он такой зануда, — сказала она, когда леди Бредшоу спросила её мнение. — Его речи усыпляют сильнее, чем любая колыбельная".

Я широко улыбаюсь.

— Не волнуйтесь. Она крайне высокого о вас мнения.

— Правда? — Сидни сомневается. — Но, кажется, она не проявила никакого энтузиазма, когда я постарался вовлечь её в разговор вчера утром.

— Она просто очень застенчивая, — отвечаю я. Моё нынешнее задание — заваливать Бьянку как можно большим числом поклонников, чтобы у неё не оставалось времени или энергии на принца. — Вы же знаете, девушки не выставляют напоказ свои привязанности. На самом деле, она тайно с нетерпением ждёт ваших встреч.

У Сидни вырывается вздох облегчения.

— Я невероятно рад это слышать, мисс Катриона. Может, вы посоветуете мне, что делать? Есть ли способ привлечь её внимание и не показаться лишком настойчивым? Не хочу её напугать.

— Вы можете прислать ей подарок. Шоколад, например.

Он трёт руки.

— Я завтра же закажу коробку. С цветами.

— Замечательно! Уверена, ей понравится, — улыбаюсь ему на прощание. Разумеется, с тех пор как Бьянка опасается набрать вес, все шоколадки, в конечном итоге, оказываются в моём желудке. — Убедитесь, чтобы они были из магазина деликатесов с Хай Стрит.

— Ну, кто-нибудь уже просил твоей руки? — спрашивает меня Крю как-то вечером, когда я, сонная вхожу в комнату и падаю на кровать как мёртвая рыба.

Я закрываю глаза. Если не считать парня по имени лорд Ллойд, у которого бзик на почве рыжих волос, все остальные поклонники Бьянки. Абсолютно нормально. Да ладно вам, двойник Одри Хепберн и Джозефина Марч? Я выбираю Хепберн.

— Интересно, а в сказке уродливая сводная сестра выходит замуж? — спрашиваю я, игнорируя его вопрос.

Крю ухмыляется. Он исчезает с каминной полки, на которой сидит и перемещается на край моей кровати.

— Мы заключили пари, король, королева и я, — говорит он.

— Вот как? — у меня появляется плохое предчувствие.

— Насчёт того, сколько предложений ты получишь до конца сезона. Король считает, что два, королева — пять.

— А ты? — не могу удерживаться от вопроса.

— Одно. Но не буду говорить тебе от кого, потому что тогда ты станешь избегать его.

— Лучше бы ты ставил на ноль, — мрачно говорю я. — Нет никаких шансов выйти здесь замуж за кого-нибудь, да я и не хочу, пока не закончу школу. Это же смешно. Кроме того, вы бы больше развлекались, если бы спорили о Бьянке. Она уже отказала семерым!

Крю пожимает плечами.

— Короля не волнуют другие особы женского пола, именно ты разорвала его книжку. Кроме того, ты здесь неудачница, а Мораг проявляет к неудачникам особую симпатию.

— Симпатию? Тогда помогите мне убраться из этой книжки! — я швыряю в него подушкой, он щелкает пальцами и подушка летит назад, словно отскакивая от стены. — Слушай, ты же можешь колдовать и исчезать, и всё прочее, но ты даже пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь.

Крю приподнимает искривленную бровь.

— Как?

— Ну, хотя бы с нахождением феи-крёстной, для начала! Я же не могу снаряжать Эллу на бал самостоятельно, не могу превращать тыкву в карету, а мышей в лакеев, и Бог его знает, где смогу достать хрустальные туфли. Я хочу назад, хочу вернуться домой!

Всхлипываю. Крю, который обычно получает удовольствие от моих неудач, выглядит, будто ему слегка неловко.

— Не могу, девочка. Король создал сотню книг сто лет назад, вместе с несколькими другими. Он даже не помнит, как выглядит феякрёстная, не говоря уже о том, где она может быть.

— Seriously? Сто лет назад?

— Вещи, созданные гоблинами, хранятся дольше.

— Как меч, который Гарри Поттер использовал, чтобы убить василиска?

— О, полнейшая чушь, — Крю выглядит удивлённым. — Мы не создаём оружие, это работа троллей. А книга уже была хрупкой, когда ты к ней прикоснулась. Вещи могут

храниться дольше, но это не значит, что вечно.

— Плевать, — дело в том, что поисками феи-крестной мне придётся заниматься в одиночку. Господи, если мне будет и дальше везти, как сейчас, я застряну в этой истории навечно.

Глава 11

По утрам, когда у меня нет уроков танцев, я сворачиваюсь клубочком в постели в мешковатой ночнушке и погружаюсь в книги, которые приношу из "Книжного Червя". Так как у Эллы не так уж много свободного времени, я предложила ей, что иногда буду проверять, как там дела у Билли. Но в книжный магазин меня притягивает не только он. Мистер Уеллсли — владелец, выкладывает стопку последних бестселлеров на прилавок как раз у входа в магазин, именно так, как делают в "Barnes & Nobles". Покупатель может быстренько выбрать книгу и сразу же пойти на кассу. Вот только здесь вместо кассы используют огромную конторскую книгу.

Я купила книгу *"Тайна замка Эйнсворт"* из чистого любопытства и кто бы мог подумать! От нее невозможно оторваться. Вот что называется настоящим готическим романом. Заканчивая книгу за два утра, я даже проношу её на пикник и пытаюсь читать, когда никто не видит, и меня так и подмывает сразу же побежать за сиквелом, так как книга заканчивается огромным клиффхангером, который побуждает читателя тратить деньги на следующий том.

Однажды вечером, когда Бьянка и мадам отправляются на званый ужин, я прошу Вена отвезти меня в "Книжный червь". Было бы предпочтительнее воспользоваться омнибусом[1], но они всегда такие переполненные, и нужно ждать кучу времени. Последний раз, когда я пыталась туда залезть, мой кринолин зажало дверцей, и китовый ус чуть не треснул.

— А вот и маленькая рыжеволосая девочка! — приветствует меня мистер Уеллсли, заговорщицки подмигивая из-за прилавка. Ему около пятидесяти, при всех его морщинках и седых волосах, он более кокетлив, чем любой из молодых людей на общественных мероприятиях. Думаю, что возраст убирает часть понятий о приличиях. — Какое у тебя сегодня красивое платье. Оно подходит по цвету к твоим волосам.

— Доброе утро, — улыбаясь, снимаю свой капор. — А где Билли?

— Он пошёл за новыми перьями. Мои — уже поизносились, — мистер Уеллсли выходит из-за прилавка, вытирая пыль своим зелёным фартуком. — Что я могу предложить тебе сегодня, милочка? Какое-нибудь руководство по привлечению мужчины твоей мечты? Расскажи-ка, скольких поклонников ты уже заполучила в этом сезоне?

Он словно Крю в человеческом теле.

— Есть ли у вас продолжение *"Тайны замка Эйнсворт"*? — спрашиваю я, решая игнорировать его вопрос.

— А книга выходит только в следующем месяце, как мне кажется, — мистер Уеллсли качает головой. — Ходят слухи, что автор ругается со своими издателями по поводу гонорара. Пока всё не решится, мы не увидим продолжение.

— Чёрт! — если бы только у автора был свой сайт или новостной бюллетень. Очередное досадное неудобство старомодного мира.

Мистер Уеллсли поправляет свои очки.

— Достаточно крепкое слово для молодой леди, не так ли? — но когда я ругаю себя за то, что снова выбалтываю лишнее, он улыбается и продолжает. — Но мне очень нравится. У тебя, милочка, доброе сердце, и только оно имеет значение.

Я вспыхиваю. После того, как леди Бредшоу и Пьерр часто ругают меня, приятно слышать комплимент.

— Итак, каковы твои успехи в сезоне? — мистер Уеллсли криво улыбается. Он определённо настойчив. — Если ни один мужчина не сделал тебе предложение, я пройдусь по списку контактов и...

На миг становится темно, когда в магазин входит высокий молодой человек. Он определённо высок, хотя черты его лица напоминают мне о хоббитах, с такими вьющимися волосами, что ему всё время требуется расческа.

Герцог Генри — кузен, выводящего меня из себя принца Эдварда. Дерьмо. Надеюсь, он не услышал слова мистера Уеллсли.

— Мисс Катриона! — восклицает Генри и широко улыбается. — Как вы поживаете в такое восхитительное утро? Просто удовольствие говорить с вами.

— Пытаюсь пережить сезон, ваша светлость, — отвечаю со вздохом. — Так много дел, я вся измотана.

— Ну, я бы тоже не говорил со всей искренностью, что наслаждаюсь посещением всех значимых мероприятий с сотнями присутствующих, — жизнерадостно говорит он. — За исключением матчей по крикету. Всегда хотел стать игроком в крикет, до того как увлёкся медициной.

— А почему вы отказались от этой идеи? — будучи кузеном короля, у него для этого есть все возможности.

— Сломал руку, и сила не вернулась. Не в достаточной мере для профессионального игрока, по крайней мере, — Генри пробегается кончиком пальца по книгам, вытаскивает одну и кладёт на прилавок. — А где Билли?

Мистер Уеллсли повторяет то, что ранее ответил мне, а затем спрашивает:

— Могу я добавить экземпляр журнала *"Домашний Сад"*? Последний выпуск пришёл как раз вчера.

— Ого, садоводством вы тоже увлекаетесь? — под впечатлением спрашиваю я.

— Нет, журнал для Эдварда.

— Он? — у меня отвисает челюсть. — Я... никогда бы не подумала.

Генри ухмыляется.

— Вы не первая. У него есть личный сад, куда он почти никого не приглашает.

Представляя принца с садовыми граблями, не могу удерживаться от хихиканья. Нет, слишком по-простонародному. Действительно, с трудом представляется такое.

— Кстати, а как дела у миссис Татчер? Элла говорит, вы навещаете её через день.

— Рад сообщить, что ей намного лучше, — улыбаясь, отвечает Генри. — Она всё ещё слаба и выздоравливает постепенно, но чувствует себя достаточно хорошо, чтобы вставать с постели и брать себе хлеба, воды и овсянки.

У меня отлегает от сердца.

— Я должна сказать Элле.

— Она уже знает. Элла хлопотала возле матери, когда я пришёл, пытаюсь сделать так, чтобы она могла сама о себе позаботиться, пока её братьев весь день нет дома, — взгляд Генри смягчается. — Я этого не ожидал, но хотя она и выглядит хрупкой, как стекло, у неё

есть сильная воля.

— И к тому же, на нее приятно смотреть, — добавляет мистер Уэллсли. — Даже без макияжа и украшений, она выглядит как картинка.

Генри кивает, его щеки слегка розовеют.

— Мне пора, так как в институте скоро начнётся лекция, на которой я должен присутствовать, — говорит он. — Хорошего вам дня, мисс Катриона.

— И вам, — отвечаю я. Из всех благородных мужчин, которых мне встречались, он лучше всех. С ним легко подружиться. Тогда как его кузен...

— Милочка? — говорит мистер Уэллсли, помахав рукой перед моим лицом. — Мечтаете о каком-нибудь парне?

Я закатываю глаза.

— Не можете ли вы прислать мне сообщение, когда выйдет сиквел?

Его глаза блестят за очками-половинками.

— С удовольствием, милая леди.

Возвращаясь к коляске, говорю Вену, что наша следующая цель — дом миссис Татчер. Он морщится.

— Вы опять хотите туда ехать?

Без сомнения, он считает меня сумасшедшей. На его месте, я бы тоже так подумала.

— Хм... — пытаюсь придумать оправдание. — Я забыла там свою изумрудную брошь. А завтра состоится та садовая вечеринка и она очень подойдет к платью. Мне нужно забрать её сегодня.

Вен привычно трёт лицо рукой и вздыхает.

— Поехали.

Теперь, когда Генри сказал мне о здоровье миссис Татчер, пришло время нанести визит.

По правде говоря, я не слишком жажду снова встречаться с миссис Татчер. Или, скорее, мне страшно снова возвращаться в ту убогую, антисанитарную обстановку. Я чувствую себя неуютно из-за всех тех удобств, какие есть у меня, но мне нужно туда поехать.

Через полчаса мы добираемся до дома, который снимает миссис Татчер. Без чьей-либо помощи выбираюсь из коляски (я уже могу справляться с этим, даже в длинных юбках) и спешу к входу.

Дважды стучу, прежде чем дверь, наконец, приоткрывается и показывается растерянное лицо. Узнаю миссис Татчер, но в прошлый раз она едва ли понимала, что происходит, поэтому вряд ли она может меня узнать. Женщина всё ещё выглядит слабой: её кожа бледная, глаза смотрят невидящим взглядом, но она хотя бы твёрдо стоит на ногах.

— Доброе утро, — кивая, улыбаюсь ей. — Я Кэт... Катриона Бредшоу. Элла, может быть, упоминала обо мне?

Глаза миссис Татчер расширяются.

— Боже милостивый, так вы та младшая мисс! Она говорила, что вы привозили для меня доктора.

— О, мне было нетрудно, — смущённо говорю я. — Я всего лишь предложила её подвезти в своей коляске.

— Боже благослови вас, мисс, за вашу своевременную помощь. Не важно, что случится со мной, но кроме Эллы у меня есть ещё двое младших детей, и для них всё слишком тяжело. Хвала Господу, мой Билли нашёл работу в хорошем месте.

Я улыбаюсь, хотя по моему частному мнению, мальчику гораздо лучше пойти в школу.

— Можно войти на секундочку?

— Если вы не против нашей скромной обстановки; здесь слишком бедно для такой леди как вы, — миссис Татчер выглядит взволнованной. — С Эллой ведь всё в порядке?

Наверное, её тревожит моё серьезное выражение лица.

— С Эллой всё в порядке. Мне просто хочется задать вам несколько вопросов.

Внутри хижина не так уж изменилась, но сейчас здесь намного опрятнее и аккуратнее. Похоже, Генри даёт чёткие указания вычищать помещение и обеспечивать лучшие условия для выздоровления миссис Татчер. На матрасе лежит кучка одежды с напёрстком и игольником, видимо, она чувствует себя достаточно хорошо, чтобы включиться в работу. Осторожно присаживаюсь на единственный стул в центре комнаты.

— Чаю, мисс? — женщина тянется к ветхой жестянке на шаткой полке.

— Спасибо, но нет. Пожалуйста, не утруждайте себя, я ненадолго.

Её рука повисает, а на лице читается облегчение. Мне не хочется показаться грубой, но по санитарным причинам я слегка опасаясь пить здесь чай. К тому же, из разговоров с Эллой мне известно, как до ужаса много времени уходит на то, чтобы кипятить воду над огнем. В Ателии нет электрических плит.

— Эм... — я прочищаю горло, складывая руки на коленях. — Мне хочется узнать... а у Эллы есть крёстная?

Миссис Татчер смотрит на меня таким же озадаченным взглядом, как и Марта.

— Нет. По крайней мере, я о ней не слышала, — и она на секунду отводит взгляд.

— Но вы же ее мать. Разве вы не должны знать, есть ли у неё крёстная?

Она не отвечает. Лишь мнёт в руках свой потёртый фартук. Мне ненавистно, что причиняю ей неудобства, но мне нужно закончить свою миссию. И если она означает, что Элла получит своё "жили долго и счастливо", то позже они меня поблагодарят за всё.

— Простите, миссис Татчер, но Элла действительно ваша дочь? — я наклоняюсь вперёд и смотрю на неё, пытаюсь имитировать заботливый взгляд принца. У нее определённо встревоженный вид.

— Нет ли у неё, случайно, других родителей?

Щёлк! Жестянка падает из её рук и катится по грязному полу. Я нагибаюсь её поднять, но она машет мне, что не стоит.

— Как вы узнали? — её голос трещит, и она пристально смотрит на меня, кажется, её глаза занимают половину её худого, изможденного лица.

Хм... может потому что читала сказку? Я скрещиваю руки и закусываю нижнюю губу в поисках подходящего ответа.

— Потому... м-м-м, — в моей голове всплывают портреты из гостиной. — У нас дома есть портрет моего отчима, и есть, как бы сказать, ужасное сходство между ним и Эллой.

Теперь она выдыхает.

— Моя Элла? Дочь графа?

— Вы не знаете, кто её настоящий отец?

Миссис Татчер медленно качает головой. Между нами повисает неуютная тишина. Я удивляюсь её неосведомлённости, ведь Элла может быть дочерью графа Бредшоу, но потом до меня доходит, что если бы она знала, то попыталась бы доказать её происхождение: девушка заслуживает лучшего, чем выполнять приказы Бьянки и леди Бредшоу.

— Друг моего мужа принёс к нам Эллу младенцем. Дела у нас тогда шли лучше. Мой муж работал в шахте, и там хорошо платили. Но после его смерти, мне тяжело работать и

растить их троих.

— А тот друг ничего не упоминал о том, откуда она появилась?

— Прошло много лет, — миссис Татчер морщит лоб. — Дайте-ка вспомнить... его звали Адам... Адам Снайдер.

Во мне поднимается волна возбуждения. Наконец-то появляется зацепка.

— А где он живёт?

— Не в городе.

О нет. Как же мне его найти?

Миссис Татчер потирает руки.

— Но мне кажется... да, теперь припоминаю. У него была дочка, которая работала служанкой в богатой семье. Когда он принес Эллу, то упоминал, что виделся со своей дочерью.

— Замечательно. Так вы знаете эту семью?

Женщина грустно качает головой.

— Простите, мисс, всё было слишком давно. Кроме того, их дочка сейчас, скорее всего, замужем. А если так, то она, должно быть, покинула свою работу.

Просто класс. Хотя, при всех моих последних неудачах, чему тут удивляться?

Я тереблю свой капор, испытывая внезапное желание содрать с него все ленточки и розы.

Со стороны входа доносится скрип, дверь распахивается, и в дом, пошатываясь, входит парнишка лет десяти. Он худой как палка, с тонкими, кривоватыми ногами, в залатанной одежде, больше похож на шестидесятилетнего старика.

— Джимми! — миссис Татчер спешит к мальчику и обнимает его. — Почему ты так рано? Тебя ведь не уволили?

— Нет, кое-что произошло, — мальчик пожимает плечами. Он пытается вести себя так, словно не случилось ничего серьёзного, но в его глазах я замечаю проблеск страха. — Мистер МакВин дал нам выходной, пока они не исправят машины. — Тут он замечает меня и удивлённо хмурится. — А вы кто?

— Не смотри так, Джимми. Это грубо, — миссис Татчер кладёт руки на плечи Джимми и разворачивает его лицом ко мне. — Мисс Катриона, одна из леди, на которых работает Элла.

Глаза Джимми расширяются.

— Вы та леди, которая привезла доктора к мамочке?

— Я всего лишь предложила воспользоваться коляской, — говорю, фокусируясь на разбитом окне. То, как миссис Татчер и Джимми смотрят на меня... как будто я Человек-паук, или Бетмен. — Хм, миссис Татчер, мне лучше уйти. Вы уверены, что больше ничего не можете сказать об Адаме Снайдере?

Она на секунду прикрывает глаза, сдвигает брови, но, в конце концов, качает головой.

— Хотелось бы помочь вам, мисс, но больше ничего не могу вспомнить. Всё было так давно.

Вздыхая, если бы я могла погуглить, возможно нашлась бы сотня вариантов с фамилией Снайдер.

По дороге домой достаю флакончик духов из своего ридикюля и обильно обрызгиваю себя ароматом из смеси масел бергамота и лимона. В последний раз, когда я возвращалась от миссис Татчер, от меня воняло как от канализационной крысы и леди Бредшоу,

вытаскивая платок, спрашивала, где я была. Никогда не умела хорошо лгать, так что смогла лишь выдать, будто упала в лужу. Она подняла бровь, но к счастью, не стала расспрашивать дальше. После катастрофы с представлением при дворе, моя неуклюжесть больше не является чем-то необычным.

Я нюхаю свой рукав, и убедившись, что мне удалось хоть немного избавиться от запахов бедных кварталов, выхожу из коляски и иду к дому.

Ненси — наша служанка, открывая мне двери, указывает на центральный столик в прихожей, где лежит серебряный поднос для визитных карточек. Обычно, если к нам приходят с визитом, то на нём оставляют свои карточки и Ненси приносит их нам. С момента представления Бьянки ко двору, поднос появляется в гостиной как минимум дважды в день.

— Пришло письмо для вас и мисс Бьянки.

В центре подноса лежит длинный белый конверт. Переполняемая любопытством, ломаю печать и открываю его. Из конверта выскальзывает аккуратно сложенный белоснежный лист бумаги.

Мисс Клер Фремонт просит мисс Бредшоу оказать ей честь и посетить её в следующий четверг в два часа, чтобы поучаствовать в игре в крокет, и будет счастлива, если обе мисс Бредшоу присоединятся к вечеринке.

Крокет? У меня в голове мелькает сцена из "Алисы в Стране Чудес". Королева Сердец использует фламинго в качестве клюшки, а глупая Соня катится по траве.

Я подавляю смешок. Впервые за все время с начала сезона, с нетерпением жду определённое мероприятие.

Глава 12

Прошло несколько утомительных дней. Так как танцую я ужасно, леди Бредшоу решила, что мне стоит пропустить пару пикников и концертов и сконцентрироваться на уроках. Не знаю, что хуже, не пытаться впечатлить какого-нибудь мужчину, пока леди Бредшоу расписывает меня как желанную молодую леди, или спотыкаться о собственные ноги, пока Пьерр кричит и бьёт своей тростью по моим лодыжкам.

После двух часов жутких попыток, я все ещё ужасно танцую. Двигаясь на кухню выпить стакан холодной воды, пока никого нет поблизости, хватаю кувшин и с наслаждением делаю большой глоток. Я всегда испытываю искушение отпить воды прямо из кувшина, так как пластиковых бутылок здесь нет, а когда мне жарко и испытываю жажду, у меня никогда не хватает терпения медленно пить из чашечки китайского сервиза.

Слава Богу, уроки пока закончились. Я отправляюсь в свою комнату и сажусь у открытого окна, позволяя ветру трепать мои волосы. С историей всё ещё нет никакого прогресса. Я прохожу по своему списку, но без феи-крёстной не могу представить, что ещё можно делать. Зову Крю, но ответа нет. Может он сейчас вместе со всем гоблинским королевским двором обсуждает мою общественную жизнь и весело над ней посмеивается.

Движение на улице привлекает моё внимание. Мне машет рукой какая-то маленькая, тёмная фигурка. Я прищуриваюсь — это Джимми, младший братишка Эллы, с которым познакомилась на прошлой неделе.

Я указываю на себя, мальчик кивает и ещё более яростно машет рукой.

Спускаюсь вниз, гадая, что Джимми может от меня понадобится. Может быть, здоровье миссис Бредшоу ухудшилось?

Когда я открываю ворота и выхожу на улицу, Джимми спешит ко мне. В ярком дневном свете его глаза кажутся ещё больше. И, тем не менее, он выглядит не таким измождённым, а его рот расплывается в улыбке.

— Привет, мисс.

— Элла в помещении для стирки, — говорю я. — У тебя есть для неё какое-то сообщение? Могу его передать.

Он качает головой и засовывает руки поглубже в карманы. Из дырки в его поношенных брюках показывается палец.

— Я просто хочу поговорить с вами, мисс. Мы можем отойти чуть в сторонку? Это не то место, где меня должны видеть.

На другой стороне улицы мужчина в котелке и начищенных башмаках с пряжками бросает на нас любопытный взгляд.

— Конечно, — отвечаю я. Теперь просто сгораю от любопытства узнать, что он хочет мне сказать. Мы заходим за угол дома, подальше от главной улицы. Вязы защищают Джимми от чужих взглядов, место не идеальное, но здесь гораздо меньше прохожих.

Когда мы уходим с главной улицы, Джимми выдыхает.

— Я пришёл поговорить с вами, мисс. О том мужчине, о котором вы спрашивали.

— Каком мужчине?

— Адам как-его-там.

Внутри меня всё трепещет.

— Ты нашёл его? Ты знаешь, где можно его найти?

Джимми постукивает ногой по земле.

— Неа, но он помогал нам высаживать кусты вокруг нашего дома. Мамочка вспомнила, там, откуда он пришёл, он был садовником. Не думаю, что сильно вам помог, но вы спрашивали.

Я тоже сомневаюсь. В городе сотни садовников (у нас тоже есть) и это при том, что Адам Снайдер не из города.

— Это всё? Или твоя мама вспомнила ещё что-нибудь?

Джимми качает головой.

— Нет, — он кашляет.

Я достаю для него носовой платок, но он отмахивается.

— Не хочу портить что-то настолько дорогое.

Нас освещает луч солнца, заливая светом тротуар. Вспоминаю, что сейчас уже примерно полдень.

— Сегодня у тебя выходной?

Джимми качает головой.

— Перерыв на ланч. Я должен скоро идти.

— А когда у тебя выходной? В воскресенье?

— Никогда, — спокойно отвечает он. — Я не могу себе этого позволить, мисс. Нам платят за то время, сколько мы работаем.

По моему позвоночнику пробегает холодок. Не только от его признания, что у него нет никаких выходных, но от того, что мальчик, которому не может быть больше десяти лет сказал всё таким тоном, как нечто само собой разумеющееся, словно мы говорим о

сегодняшней погоде.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Джимми, — слабым голосом спрашиваю я. — А сколько часов в день ты работаешь?

Он удивляется, но отвечает.

— Двенадцать часов, мисс. Иногда пятнадцать, в пик сезона.

В шоке смотрю на него, с трудов веря ему.

Из дома раздаётся крик.

— Мисс Катриона, где вы? Ланч готов.

— Вам лучше уйти, мисс, — тревожно, говорит Джимми.

Киваю, но прежде чем собраться и уйти, меня охватывает неожиданный порыв: я тянусь и обнимаю его тело, мешок с костями, тонкими и ломкими, как и ожидала.

— Береги себя, — говорю я. — И не говори Элле, что приходил сюда увидеться со мной, ладно? Не могу тебе всего рассказать, но клянусь, я делаю всё, чтобы помочь ей.

Джимми выглядит удивлённым и слегка смущённым.

— Не стоило... ваше платье испачкается, мисс.

— Просто пообещай мне ничего не рассказывать Элле.

Он кивает и убегает. Заворачивая за угол, Джимми спотыкается и едва не падает. Если бы я только могла вызвать для него коляску, но не могу. Вен с неохотой возит меня без сопровождения, и я даже представить себе не могу, как он отреагирует на подобную просьбу.

— Как мне найти садовника в городе с населением в три миллиона человек? Ой, постойте, он даже не из этого города. Проклятие! Вы даже здесь не можете мне помочь. Твой король гоблинов довёл меня до сумасшествия. Несправедливо, что я не могу пользоваться магией, как ты.

Пылая от ярости, хожу взад и вперёд по комнате. Новая керосиновая лампа горит на моём комод. Предполагается, что я практикуюсь в шитье, но кого в нынешние времена волнуют подобные дамские достижения?

Крю сидит на каминной полке, болтая своими кривыми ногами. Я разворачиваюсь и бросаю на него самый уничтожающий взгляд, на который только способна. Наверное, он производит на него впечатление, и гоблин выдаёт что-то отличное от смеха.

— Ты знаешь что-нибудь об Адаме Снайдере?

Крю пожимает плечами.

— Ты когда-нибудь читала в "Золушке" о садовнике?

— Нет, но в сказке также никогда не упоминалось, что у "Золушки" была мать и двое братьев! Слушай, я пытаюсь играть в эту дурацкую игру. Ты можешь придумать какой-нибудь магический эквивалент "Гугла"?

Крю на секунду исчезает, затем появляется на подоконнике.

— Ну, у меня есть идея, — жизнерадостно предлагает он. — Мы знаем, что Адам Снайдер — садовник не из этого города, но у него есть дочка, которая здесь живёт, и которую он навещает. Очень вероятно, что их отношения не испортились, и он должен появиться в городе.

— Ты не помогаешь, — говорю я. — Или ты хочешь сказать, что мне нужно искать его дочь?

— Я хочу сказать, что у этого Снайдера должны быть и другие знакомые в городе. Он может покупать семена или инвентарь, или приносить какие-то растения оттуда, где

работает. Почему бы тебе не спрашивать в магазинах о нём.

— Мне?

— Разумеется, моя дорогая. Даже если бы я был сильно к тебе расположен, а это не так, я не смог бы такого сделать. Они меня не видят, а если бы и видели, то не стали бы слушать.

Гоблин снова усмехается, чем выводит меня из себя. Его ухмылка говорит о том, как ему нравится видеть мои страдания.

— Не думаю, что это хорошая идея, — говорю я, скрещивая на груди руки. — Во-первых, это словно искать иголку в стоге сена. Во-вторых, разве не слишком странно, если молодая девушка будет заходить в магазины и спрашивать, продают ли они лопаты, грабли и удобрения?

— Теперь её, оказывается, заботят правила приличия! — кудахчет Крю. — Девушку, которая отправилась в самый бедный район и позволила служанке ехать вместе с собой. Та девушка, которая позволила себе снять туфли в королевском саду, и храпела в театре, и...

— Ой, да заткнись ты, — рычу я. Если бы он не умел летать и исчезать, я бы свернула ему шею.

Раздаётся стук в дверь.

— Мисс Катриона?

Входит Марта с кучей свежего белья. Она прищуривается и с подозрением смотрит на меня.

— Вы разговариваете сами с собой?

Если бы она задала мне этот вопрос, когда я только здесь появилась, то начала бы запинаться и заикаться, или просто притворилась, что ничего не понимаю, но теперь "мне стало намного лучше".

— Вообще-то, Марта, я просто репетирую стихотворение, которое мне хочется прочитать на следующем суаре, — говорю, вздёргивая подбородок. — Исходя из того, что на пианино я играю ужасно, пою ещё хуже и у меня две левые ноги, то думаю, что единственный выход — продемонстрировать своё ораторское искусство.

Краем глаза замечаю, как Крю одобрительно кивает.

Марта кладёт стопку моих хлопковых ночных рубашек на кровать и начинает раскладывать всё по ящикам, демонстрируя профессиональные навыки.

— Кстати, мне хочется сегодня пойти по магазинам. Я хочу украсить свой подоконник цветами.

Она останавливается, рубашка повисает в воздухе.

— Цветами, мисс?

— А почему нет? — широко улыбаюсь я. — После посещения стольких прекрасных домов, мне хочется иметь цветы в своей комнате. В журнале по *"Домоводству для леди"* говорится, что занятия садоводством улучшают здоровье, благодаря работе на свежем воздухе. Разве вы не находите, что цветы на окне будут смотреться очень мило?

Марта смотрит на меня, затем пожимает плечами.

— Как вам будет угодно, мисс. Скажу, что после того, как вы упали с лестницы и потеряли память, вы очень изменились. Ваше желание, по крайней мере, одно из самых нормальных.

Я улыбаюсь.

— Хорошо. Приготовьте моё пальто и ботинки. Я скоро поеду.

Не верю, что могу выдать настолько хорошую ложь, что даже сама оказываюсь

поражена.

Но пока коляска катится по улице, моё радостное настроение падает. Хотя идея Крю имеет смысл, она не кажется практичной, но это то, что я могу сделать, поэтому мне нужно попытаться сделать всё возможное. Лучше уж так, чем практиковаться в игре на пианино.

Садовые магазины оказываются более привлекательными, чем я предполагала. Хижина миссис Татчер определённо была адом по сравнению с ними. Открывая дверь, понимаю, что магазин обслуживают людей из среднего класса и выше, поэтому, в основном, прохаживаюсь мимо ухоженных, даже симпатичных и элегантных горшков и корзин с папоротниками и цветами.

И хотя магазин очень милый, здесь никто не слышал об Адаме Снайдере и, по правде говоря, меня это не удивляет. Судя по возрасту Эллы, он появлялся в городе как минимум лет пятнадцать назад. А некоторым из клерков едва ли исполнилось пятнадцать. И ещё очень раздражает то, что все считают, будто причинами, по которым леди может интересоваться мужчиной, может быть: А — её жених, Б — муж, В — брат, или Г — отец.

В конце-концов, беловолосый клерк, услышав, что Снайдер, возможно, мог работать на графа Бредшоу, предлагает мне сходить во дворец и поговорить с тамошним садовником, Галеном.

— Но он может не захотеть разговаривать с вами, мэм. Он ненавидит женщин. Особенно молодых, симпатичных леди, как вы.

— Почему?

Он ухмыляется.

— Из-за того, что принц очень сильно интересуется садоводством, некоторые молодые дамы пытаются привлечь его внимание, используя Галена.

— Ох, — я вспоминаю, как мистер Уеллсли спрашивал Генри, не будет ли он покупать какой-то журнал по садоводству для принца. — Хм, заверяю вас, что мне нужно только узнать о мистере Снайдере.

— Удачи вам, мисс.

Глава 13

Когда мы прибываем во дворец, я прошу Вена сказать охране, что леди Катрионе Бредшоу необходимо обсудить важный вопрос с главным садовником. Ловлю себя на мысли, что мне удалось хорошо составить фразу, немного привыкнув к манере речи в Сказочном Мире.

Клерк не шутил насчет Галена. Мне отвечают, что главный садовник сейчас занят и советуют передать ему письмо.

Чёрт! Понятия не имею, как передать ему мой вопрос. Затем кто-то стучит по дверце моей повозки.

— Леди.

Мне требуется секунда, чтобы вспомнить, откуда он мне знаком. Это большой мускулистый человек, который управлял коляской Генри в тот день, когда впервые встретила принца. Я удивляюсь, понимая, что он, вообще-то молод, вероятно, даже моложе меня. Его щёки ещё по-детски пухлые, что контрастирует с его внешность гориллы. В данный момент парень улыбается мне щенячьей улыбкой.

— Простите, но вы...

— Бертрам, миледи. Я личный конюх Его Высочества, — он прикладывает руку к сердцу и кланяется. Для парня с телосложением игрока в футбол, его движение на удивление грациозное. — Его Высочество сейчас занят, но он может встретиться с Вами через четверть часа.

Отвечаю, что вообще-то я здесь, чтобы поговорить с главным садовником. После моей просьбы он хмурит брови, но просит выйти из коляски и следовать за ним.

Мы проходим через ворота, пересекаем ухоженные сады, сворачиваем у изгороди, затем у фонтана, пока моя голова не начинает кружиться, и я прошу Бертрама идти медленнее. Перед нами оказывается ряд теплиц. Бертрам открывает дверь и отступает в сторону, пропуская меня первой.

Внутри тепло и влажно. На длинных деревянных столах рядами стоят цветы. Бертрам проводит меня к полноватому мужчине средних лет, с большими усами, румяными щеками и огрубевшей кожей на руках, видимо из-за специфики работы. Когда мы приближаемся, он не поднимает голову, бормочет что-то себе под нос, по-прежнему увлеченно обрезая стебли томата.

— Гален, леди приехала, чтобы увидеться с вами, — объявляет Бертрам. — Леди Катриона Бредшоу, вторая дочка последнего графа Бредшоу.

Тут садовник поднимает голову и смотрит на нас с недоуменным выражением лица.

— Чем могу вам помочь, леди? — его губы плотно сжаты, он смотрит на меня с прищуром. Можно подумать, я умоляю скупого пожертвовать мне пять баксов.

Делаю глубокий вдох. Приступим.

— Прошу прощения, сэр, мне хотелось бы спросить вас, не знаете ли вы садовника, который работал на моего отца. Его имя Адам Снайдер.

Гален хмурит брови.

— Садовник по фамилии Снайдер, который работал на графа?

Да.

Он барабанит пальцами по столу.

— Имя звучит знакомо, но прошло много времени, с тех пор как я его слышал. А почему вы хотите его найти?

Я поднимаю голову так высоко, как только могу.

— Вопрос касается только меня и моей семьи.

Он мрачно смотрит на меня.

— Я занятой человек, леди, и если вы не говорите мне цель своих поисков, боюсь, не могу вам помочь.

Прикусывая губу, лихорадочно пытаюсь придумать приемлемый ответ, и тут дверь теплицы распахивается. Моя челюсть отвисает, когда вижу входящего принца с большим цветочным горшком в руках. Бертрам отходит на несколько шагов с чрезвычайно довольным собой видом.

Принц видит меня и резко останавливается.

— Мисс Катриона. Чем обязан удовольствию вас видеть?

Гален молчит с мрачным выражением. Внезапно меня осеняет гениальная мысль.

— Привет, можно поговорить с вами секунду? — слова вырываются слишком быстро, и я кашляю. — То есть, не могли бы вы уделить мне немного времени? Мне хочется поговорить с вами наедине.

Принц ставит горшок на стол. На его лице, руках и в волосах грязь, он ни капли не похож на идеально одетого принца в день представления, но это не делает его менее привлекательным. Сексуальность буквально сочится из него, особенно с закатанными до локтей рукавами, расстёгнутой рубашкой и капельками пота. Ему стоит стать моделью, если убрать цветочный горшок.

— Сколько угодно, — отвечает он. — Гален, убедитесь, чтобы все новые саженцы внесли в каталог. Семена анютиных глазок ещё не пришли?

Гален хрюкает и указывает на мешок на столе.

Принц кивает и поворачивается ко мне.

— Прошу сюда, мисс Катриона.

Я следую за ним к выходу, мимо рядов с клумбами, мимо лабиринта в виде живой изгороди, где он перевязывал мне ногу. Прогоняя воспоминание, задумываюсь, о чём же с ним говорить. Мои ладони потеют, уверена, что снова выставлю себя дурачком, но мне нужно что-то предпринять, если хочу вернуться к своей семье.

Он останавливается возле куста рододендрона.

— Ваши мама и сестра где-то во дворце?

— Что? А, нет, они отправились за покупками на Хай Стрит. Бьянке нужны перчатки... снова, — я говорю таким тоном, словно она вершит зло. Понимаете, я решила использовать каждый шанс, чтобы высмеивать Бьянку перед принцем. — Как будто дюжины пар, которые уже у неё есть, ей недостаточно.

Его лицо выражает удивление.

— То есть, вы хотите сказать, что вы здесь одна, без дуэньи?

— А зачем она мне нужна? Я вполне могу справиться сама, благодарю вас.

Его брови ползут вверх. Дерьмо, наверное, я опять сделала что-то не так. То, чего леди в Ателии не должна делать.

— Ну, вообще-то, не совсем одна, — быстро говорю я. — Меня привёз Вен, наш конюх. Кроме того, я же ехала не в казино или куда-нибудь в опасное место. Мне нужно просто спросить у Галена об одной важной вещи, так что не позаботилась о дуэнье.

Но он продолжает смотреть на меня с изумлением. Через мгновение принц отворачивается и продолжает идти. Мне нужно быстро вернуться в реальный мир. Страна, где девушка не может никуда пойти, чтобы за ней не тащилась матрона — сведёт меня с ума.

Наконец, он останавливается у большого камня, увитого плющом и жимолостью, затем вытаскивает ключ, большой причудливый золотой ключ, размером больше, чем моя ладонь и вставляет его в дверь в стене. Если добавить сюда пение малиновки, вся картинка может стать идеальным местом для экранизации *"Таинственного сада"*.

— После вас, — принц отходит в сторону. Не возражала бы, если бы он вошёл первым, но, эй, иногда, всё же приятно, когда с тобой обращаются как с леди. Хотя, я бы вполне обошлась без бесконечных правил этикета.

И я вхожу в самый красивый сад, который когда-либо видела. Справа находятся ровные ряды клумб. Узнаю лишь примулы и фиалки, но краски необычайно красивые: розовые бутоны, лимонно-жёлтые, нежно-голубые. Слева располагается беседка с ветряными колокольчиками, и подвесными корзинами с лавандой и лапчаткой, с резной каменной скамейкой внутри беседки. Также здесь растут ряды яблонь, с одной из них свисают увитые лозой качели. Из-за воздуха, пронизанного ароматом бесчисленных цветов и пения птиц в деревьях, появляется ощущение, словно я шагнула в рай.

— Бау, — только и могу сказать.

— Вам нравится? — улыбаясь, спрашивает он. — Я сам всё посадил.

Разворачиваюсь, чтобы смотреть ему в лицо.

— Вы шутите, вы не можете так говорить. Разве вам не нужно управлять страной?

— Пока нет, — отвечает он, откидывая прядь волос, упавшую на лоб. — Кроме того, у королевской семьи сейчас только консультативные полномочия. Не смотря на то, что мой отец может издавать приказы, например о поднятии налогов, сначала ему всё же нужно получить одобрение парламента.

«Типа Конгресса», — предполагаю я. Это любопытный момент, интересно, а парламент должен одобрять бал для принца? Или бал не считается. Только представьте себе группу почтенных членов парламента за голосованием: «Поднимите руки, если вы согласны на то, чтобы устроить бал для принца, на котором он может выбрать себе жену».

Принц делает жест рукой в сторону резной деревянной скамейки,

— Присаживайтесь.

Предпочитаю качели, хотя это и кажется ребячеством. Я должна быть серьёзной и убедительной, чтобы он удовлетворил мою просьбу, поэтому подхожу к скамейке и сажусь, радуясь, что выбрала платье без излишеств. Это просто боль в заднице, сидеть в кринолине во время спектаклей и на суаре. Буквально.

Налетает ветерок, и на мои колени падают сверху несколько лепестков. Делая глубокий вдох, расслабляюсь. Спокойная атмосфера намного лучше, чем суета и беготня сезона.

— Вы, и правда, посадили все эти цветы, кусты и деревья?

— Начиная с планирования, копания, посадки и полива... всё, — отвечает он с явной ноткой гордости в голосе.

Всё ещё не могу поверить.

Удивительно, но он угадывает мои мысли.

— Я хотел что-то иметь, что мог бы считать своим собственным, Мисс Катриона. Корона — это сверкающая клетка, моя жизнь предопределена с самого рождения. Это скорее привилегия, чем удовольствие, но все же, иногда мне интересно, — он смотрит на качели, которые слегка колышутся на ветру. — Иногда, мне хочется иметь возможность доказать, чего я стою, сделать что-то, не связанное с королевскими обязанностями. Сделать что-то без помощи армии слуг. Кстати, вы знаете, что в этом дворце больше одной тысячи комнат?

Захваченная врасплох внезапным вопросом, трясую головой. Боже, наверное, даже в «Эмпайр Стейт Билдинг» их меньше.

— Так много комнат, но, нет ни одной, где я чувствовал бы себя комфортно, — продолжает он. — Этот сад моё святилище, здесь я могу найти временную передышку от хаоса своей жизни.

— Я знаю, — вырывается у меня. — Хочу сказать, что у меня нет королевских обязанностей, но все мероприятия во время сезона сводят с ума. Так что моим святилищем стала моя спальня. — И описываю ему, как комфортно я себя чувствую, свернувшись в кровати с толстым томом из "Книжного червя", чашкой горячего какао на низеньком столике и весёлым огнем в камине.

Он хороший слушатель, тем не менее, я начинаю заикаться, чувствуя на себе его взгляд. Эти глаза чертовски отвлекают.

— Очевидно, что мы разделяем похожие желания, — улыбаясь, говорит он — Найти

место, где можно забыться и помечтать.

— Где ты можешь быть самым собой, — добавляю я, начиная улыбаться в ответ, пока не вспоминаю, что у меня здесь задание. Смахивая лепестки с юбки, заставляю себя говорить нормально.

— Эм... — я останавливаюсь, думая, как много можно ему рассказывать. — Мне нужна ваша помощь.

Он наклоняется вперёд, уголки его губ изгибаются вверх, подбадривая меня.

— Скажите, чем я могу помочь.

— Хм, ты помнишь Эллу, девушку, которая была со мной в тот день? Чья мать была больна?

Принц кивает.

— Генри продолжает навещать её семью.

Делаю глубокий вдох. Я всё ещё не уверена, что всё делаю правильно, но выбора у меня нет.

— Ну, это кажется странным, но думаю, что Элла может быть моей сводной сестрой.

Я смотрю на него. К чести принца, челюсть у него не отвисает, и он не хлопает по колену, а всего лишь поднимает брови. Парень не сводит с меня своего взгляда, как всегда внимательного. На этот раз я не краснею и не отвожу глаза, а затем, складывая руки, и продолжаю.

— Я навещала её маму, и она сказала мне, что Эллу удочерили, её принёс мужчина по имени Адам Снайдер. Мне удалось узнать, что этот Снайдер был садовником, поэтому я начала спрашивать, и клерк в садовом магазине сказал, будто Гален может его знать.

Я тараторю, будто за мной гонятся.

Принц прикладывает палец к подбородку и задумывается.

— Несколько вопросов, — наконец произносит он. — Первый, почему вдруг её мать сказала вам, что Эллу удочерили? Это было её собственным побуждением или у вас уже были подозрения?

— Я... — решаю придерживаться объяснения, которое дала миссис Татчер. — Существует портрет моего отчима, графа, который выглядит очень похожим на Эллу. Сходство просто поразительное.

— А мать в курсе, что граф может быть отцом Эллы?

— Нет, но её сын, Джимми, сказал мне, что Снайдер посадил куст у их дома и будто он работал садовником. Я предположила, что он мог быть садовником у графа.

— Хм-м-м. А Гален знает о Снайдере?

— Он сказал, что имя звучит знакомо, — я расцепляю сжатые руки. — Ваш садовник не хочет помогать, а мне нельзя рассказывать ему об Элле. Вы не знаете, как мне его убедить?

— Вы не доверяете ему настолько, чтобы рассказывать об этом, но доверяете мне.

Я вспыхиваю, отвожу глаза и смотрю на солнце, проникающее через ветки яблоневых деревьев.

— Если она, действительно, дочка моего отчима, тогда не стоит лишать её настоящего положения. Она заслуживает лучшей жизни.

— Вы очень заботитесь о своей служанке, — медленно говорит принц. — Очень необычно для леди.

— Она милая девушка, — отвечаю я. — Она не заслуживает, чтобы с ней дурно обращались.

И снова он бросает на меня испытующий взгляд. Я стараюсь не ёрзать. Моё поведение и, правда, настолько странное?

— Я попрошу Галена поспрашивать своих знакомых, — говорит принц, наклоняясь ближе. Я щипаю себя за ладонь, пытаюсь оторваться от его прекрасных глаз и концентрироваться на словах. — И сообщу вам, как только мы узнаем какую-нибудь информацию о садовнике. Возможно, может помочь, также, поиск по данным аристократических семей, но сомневаюсь, что в геральдические данные вносили информацию о садовниках. Я пришлю вам записку, как только узнаю что-нибудь.

Моё сердце подскакивает, я встаю и пытаюсь выполнить шаткий реверанс.

— Спасибо вам, Ваше Высочество.

— Эдвард, — произносит он, также, вставая. — Думаю, что отныне мы могли бы опустить формальности.

Интересно, что именно он считает "формальностями"? Но я помню его готовность слиться с обычными людьми, когда он сопровождает герцога Генри, поэтому улыбаюсь и протягиваю руку.

— В таком случае, вы можете называть меня Катрионой. Хотя, вообще-то, предпочла бы «Кэт».

Он пожимает мою руку. Его ладонь такая большая, что меня окутывает её тепло.

— Польщён оказанной мне честью, называть вас сокращённым именем... Кэт.

По телу пробегает тепло, когда его губы произносят моё настоящее имя. Внезапно, я беспокоюсь из-за того, что стою к нему так близко и могу чувствовать его запах, свежей земли и фиалок. И он до сих пор не выпускает мою руку, так что я пытаюсь высвободить её как можно незаметнее.

— Я лучше пойду. Я... Мне нельзя отсутствовать слишком долго.

— И правда, к тому же, вы, должно быть, устали от бесконечных мероприятий сезона, — говорит он с сочувственным взглядом.

— Большую часть времени он ужасен, хотя, есть одно мероприятие, которое звучит забавно. — Я кратко рассказываю ему о крокетной вечеринке.

— Во дворце Фрермонтов?

— Да. Это будет что-то отличное от еды и бесед. Ах да, ещё не надо будет прилагать усилия, чтобы не заснуть во время представления.

Он смеётся, и моё сердце пропускает удар. Мысленно пихаю себя под зад и спешу уйти. *Нельзя влюбляться в него как идиотка. Он предназначен для Эллы.*

Глава 14

За ланчем Бьянка элегантна, как и всегда. Оказывается, у неё даже настроение хорошее. Впервые сестра не делает никаких замечаний о моей фигуре, цвете лица или аппетите. Леди Бредшоу, кажется, тоже пребывает в хорошем расположении духа. Она не ругает Эллу за то, что та с опозданием приносит ей суп.

Интересно, почему. Может быть, королевская семья всё-таки решила устроить бал?

— А вы уверены, что ваши источники верны, мама? — спрашивает Бьянка, отрезая кусочек ростбифа.

— Юноша заверил меня, что принц отменил частную охоту после того, как получил

приглашение от Фрермонтов, — с улыбкой, говорит леди Бредшоу.

Вилка падает из моих рук на тарелку, хорошо хоть не на ковёр. Принц придёт на вечеринку Клер?

Леди Бредшоу слишком радуется новостям, чтобы обратить на меня внимание.

— Даже если он не появится, не будет никакого вреда, если ты там будешь. Вообще-то, я считаю, что Клер обидится, если ты не придёшь.

— Разумеется, — ядовито отвечает Бьянка. — Но если принц всё же придёт, то мне нужно постараться выглядеть лучше всех. Особенно, пока мы будем играть в крокет.

— Да, действительно проблема. Мы точно не можем допустить, чтобы ты играла грязной и вспотевшей. Но, если ты не станешь играть, у тебя точно будет меньше шансов привлечь его внимание.

— Да, если он будет играть.

— Думаю, Клер может его убедить. Мы должны поработать над тем, чтобы ты предстала перед принцем в наилучшем виде. К слову, большинство знакомств завязывается во время игры; хотя, даже если это и неочевидно, она предполагает невинную возможность для мужчин неформально общаться с женщинами. Разумеется, мы всегда можем использовать платье с глубоким декольте и напудрить твои плечи...

Только не это. Шпион леди Бредшоу, кем бы он ни был, кажется, убеждён в том, что принц появится на крокетной вечеринке Клер. Если так случится, Клер и Бьянка определённо сделают всё возможное, чтобы завоевать его внимание. Мне нужен отвлекающий маневр. Тут мне в голову приходит идея, а что сделать Элли этим отвлекающим маневром?

Вечером я откладываю чтение нового романа, который купила в книжном магазине мистера Уэллсли. Время действовать.

— Крю, — зову я. — Мне нужна твоя помощь. На этот раз у твоего короля не будет никаких возражений, обещаю.

— Вы уверены, что хотите, чтобы я пошла на вечеринку? — спрашивает Элла, заламывая руки и вытирая их о фартук.

— Разумеется, — заверяю её. — Ты мне нужна на случай, если у меня испортится причёска или споткнусь о мячик и упаду лицом в грязь.

— Если вы так считаете, — девушка всё ещё сомневается. — Но разве их слуги не будут наготове?

— Никто из них не будет таким умелым, — говорю я. — Ну же, ты все эти дни тяжело работала и, уверена, заслуживаешь небольшую передышку.

Я действительно имею в виду то, что говорю. Даже если моей настоящей целью является свести вместе Элли с принцем, я беспокоюсь о ней. У неё гора домашней работы, она поднимается в пять утра, ложится в десять, и ей ещё приходится дома ухаживать за мамой, когда Марта или ещё кто-нибудь из служанок прикрывают её. Пытаясь облегчить её работу, купаюсь и одеваюсь утром самостоятельно, хотя не справляюсь с лабиринтом завязок на спине.

Леди Бредшоу не возражает, когда я настаиваю на том, чтобы взять с собой Элли. Мадам лежит с простудой, и так как есть общепринятое правило, что молодые леди не должны появляться без сопровождения, она соглашается. Бьянка, разумеется, не возражает. Её сложная причёска может растрепаться во время игры в крокет, и всегда проще иметь собственную служанку, которая знакома с особенностями ваших потребностей.

Вечеринка проходит в частном саду Фрермонтов. Леди Бредшоу едко подметила, что у них один из нескольких домов в городе, где могут позволить себе величественный сад. Когда мы в последний раз наносили им визит, у меня не было возможности его увидеть, теперь же могу сказать, что их сад в городе выглядит великолепно, а наш — всего лишь узкая полоска тщательно подстриженных кустов вокруг дома. Но Фрермонты, будучи одной из старейших и уважаемых семей, располагают огромным участком земли, состоящим из лужаек, сверкающих фонтанов, симметричных цветочных клумб и павильона для дам, которые не хотят сгореть на солнце. Тут даже с одной стороны протекает река, показывая, насколько сад огромен. Вообще-то, именно река наводит меня на мысль. Я делаю себе заметку сказать об этом Крю, когда он появится.

— Драйжайшая, Бьянка! — Клер приветствует подругу преисполненным любовью тоном. — Я так рада, что вы пришли поиграть с нами.

Хотя девушка и улыбается, её улыбка выглядит слегка натянутой. Если принц и правда появится, то Клер определённо не хочет, чтобы Бьянка при этом присутствовала. Но, не важно. Мне нужно сделать так, чтобы он заметил Эллу.

— Должен сказать, что сегодня чертовски хорошая погода, — громкий грубый голос звучит со стороны лужайки. Мужчина средних лет с пивным животом, узким лбом и мясистыми, свисающими щеками, разговаривает с леди Фрермонт. Он очень похож на нашего соседа из реального мира, который не отрывается от экрана телевизора, пока не закончится игра. Вся улица слушает его голос каждый раз, когда забивается очередной гол.

— Это случайно не Эндрю МакВин? — удивлённо спрашивает Бьянка. — Тот, который сколотил состояние на производстве тканей?

— Я не хотела его приглашать, но мама меня заставила, — Клер выглядит раздражённой. — Она говорит, что времена изменились. Сейчас даже можно купить себе графский титул, если у тебя есть деньги. Ты помнишь Нормана Джонса, который заработал свои деньги на добыче угля? Прошлым летом он смог представить свою дочь королеве. Только подумай, дочка шахтера!

— Возможно, твоя мать положила на него глаз и обрабатывает, чтобы обеспечить тебе жениха.

Клэр закатывает глаза.

— Я ни капли не интересуюсь его сыновьями. Даже если они могут позволить себе пятьдесят слуг и дюжину карет.

Я слежу за её взглядом. Двое молодых парней стоят позади Эндрю МакВина. Один из них — точная копия своего отца — большой и шумный. Второй — высокий и хорошо выглядит, если не считать родинки на его щеке с растущими из неё волосками, из-за этого он похож на моржа.

Элла выглядит слегка нервной; закусывает губу и вытирает руки о фартук. Я с облегчением замечаю, что, несмотря на свою поношенную одежду, она позаботилась о том, чтобы сполоснуть своё лицо и руки, на которых ни следа сажи. Её волосы тщательно расчёсаны и заколоты, а сама девушка выглядит свежо и мило, именно так, как мне и нужно.

— Кэт!

Поппи машет мне рукой, широко улыбаясь, а я с энтузиазмом машу в ответ. В присутствии Поппи мне всегда становится менее одиноко и не так неудобно.

Радуюсь предложению не встречаться с другими людьми (впервые разделяю мнение Бьянки и Клер о парнях), направляюсь к ней.

— Как поживаешь, Поппи? — спрашиваю я. — Тебя не видно уже некоторое время. Наслаждаешься сезоном?

Девушка улыбается и убирает со лба чёлку.

— Определённо, да. Так много мероприятий! Мне нравится почти всё, кроме театра. Я однажды даже уснула. Лорд Уэстин, наверняка, посчитал меня деревенщиной, было так стыдно.

— Не стоит, — автоматически говорю я. — Мне тоже театр кажется ужасно скучным. Хотелось бы мне иметь возможность брать с собой кофе, а то я тоже захрапела перед всеми.

Мы смеёмся, Поппи вздыхает и прижимает руку ко лбу.

— Всё это могло быть простым приятным развлечением, если бы мама не говорила мне, что мне нужно искать себе мужа. Я всего лишь хочу наслаждаться, вместо того, чтобы при встрече с каждым подходящим мужчиной думать о том, хочется ли мне провести с ним остаток жизни.

— Да, такое положение нервирует, — говорю я. Даже представить себе не могу замужество в этом возрасте.

— А ты не чувствуешь, что на тебя давят? — с любопытством спрашивает Поппи. — Прости, если задеваю раны, но разве не тяжело, когда всё внимание приковано к твоей сестре?

Я бросаю быстрый взгляд на Бьянку в огромной шляпе с перьями и розами. На других такой головной убор мог бы выглядеть нелепо, но Бьянка добилаь того, чтобы смотреться в нем изысканно. В этой шляпе выделяется её длинная лебединая шея. Обычно, она носит какой-нибудь кулон или ожерелье, но сегодня на шее ничего нет, очевидно, девушка хочет показать себя. И это срабатывает: некоторые безумно влюблённые поклонники притягиваются к ней, как к магниту.

— Плевать, меня это совсем не заботит, — отвечаю я. — Всё, что мне нужно... — Я обрываю себя, так и не заканчивая фразу "сделать так, чтобы она не стояла на пути Эллы".

Поппи выжидающе смотрит на меня.

— ... стакан воды, — неловко заканчиваю я. — Разве сейчас не весна? Если судить по температуре, то лето в полном разгаре.

Я смотрю в сторону стола с закусками, который установлен возле павильона. Некоторые леди и джентльмены уже угощаются пирожными и сэндвичами.

Поппи усмехается.

— Если у тебя такие ощущения сейчас, то во время игры ты упадёшь в обморок.

Понимаю, что она говорит о крокете. Несколько слуг уже выносят на лужайку мячи и другие приспособления для игры.

Моё сердце падает. Класс. Очередной способ проявить свою неуклюжесть во всей красе. Я и без того путаюсь в платье, которое надела на меня Элла. Юбка не такая пышная, как в день представления, но всё же, она доходит мне до лодыжек и волочится шлейфом сзади. Понятия не имею, как можно передвигаться с горой кружев и лент на своей заднице. Говорю об этом Элле, но она заверяет меня, что дамы всегда надевают на игру в крокет эти платья.

— Я не знаю, как играть, — надеюсь, что Катриона не играла, или, по крайней мере, была паршивым игроком.

Поппи не принимает "нет" в качестве ответа.

— Я научу тебя, не волнуйся, — говорит девушка, хватая меня за руку. — Пошли, они уже отмеряют дистанцию между воротами.

Я ищу какие-нибудь признаки появления принца, но мне не везёт. Присутствует только герцог Генри; солнце сверкает в его выющихся волосах, а сам он разговаривает с каким-то мужчиной в очках. Некоторые девушки бросают взгляды в его сторону, но ни одна не оказывается достаточно храброй, чтобы подойти. Я раздумываю над тем, как спросить у него, не придёт ли принц, но это может лишь стать причиной недопонимания.

— Кэт? Кого ты всё время высматриваешь? — Поппи следит за моим взглядом и её глаза расширяются. — Боже мой! Ты увлеклась герцогом?

Я быстро разворачиваюсь к ней и жестами показываю, что нужно говорить тише.

— Разумеется, нет. Мне просто интересно, с кем он разговаривает.

— Наверное, с кем-то из профессоров медицинского колледжа, — отвечает девушка. — Клер говорила мне, что герцог Генри один из тех редких представителей королевской семьи, кто озабочен получением профессии. Если он тебе нравится, уверена, он стоит того, чтобы его поймать.

— Можешь оставить его себе, — смеюсь я. Как будто мне можно выйти за кого-нибудь замуж в сказочном мире. Я иду в сторону лужайки для крокета, чтобы оставить эту тему. — Разве ты не хочешь сыграть? Расскажи мне правила.

Оказывается, правила не так уж и сложны. Все, что нужно — ударить так, чтобы мяч прокатился через ряд деревянных ворот, расставленных на лужайке, используя длинную, старомодную клюшку для гольфа, которую они называют молотком. Первый игрок, чей мяч пройдёт сразу семь ворот из тринадцати, объявляется победителем.

Но, хотя правила простые, требования оказываются достаточно трудновыполнимыми. По крайней мере, для меня. Когда я в первый раз ударяю по мячу, он оказывается намного тяжелее, чем ожидалось, так как полностью сделан из дерева, и откатывается как змея, на несколько дюймов. Все смеются. Я тоже пытаюсь смеяться, но когда моя очередь подходит в следующий раз, то нацеливаюсь на то, чтобы не повторить свою ошибку.

А вот Поппи отлично играет в крокет. Каждый удар она выполняет с удивительной точностью и силой, как профи. После двух ударов её мяч уже у третьих ворот, ещё один удар и она может выиграть. Если бы эта девушка родилась в современном мире, я бы вполне могла представить её профессиональной гольфисткой.

— Будь внимательнее, Давенпорт! — выкрикивает кто-то. — Если ты не побережёшься, мисс Монтгомери обойдет тебя!

Кое-кто из мужчин начинает смеяться.

— Оставь это, Джорджи, — отвечает мужчина. Не помню, чтобы Бьянка представляла его мне, но исходя из материала его рубашки и поношенных ботинок, решаю, что он не принадлежит к высшим слоям общества. Мужчина бросает взгляд на Поппи и широко улыбается.

— К счастью, мисс Монтгомери, я не верю в правила сдерживания перед слабым полом. Я буду стараться выиграть всеми способами, чтобы удержать свою репутацию чемпиона по игре в крокет в Ателии.

Поппи улыбается.

— Не тратьте своё время, мистер Давенпорт. Могу заверить вас, что у меня нет жалости к своим конкурентам, будь то мужчина или женщина.

Когда наступает моя очередь, я замахиwaюсь своим молотком со всей силы. Конец молотка ударяется о мяч с тошнотворным звуком, и в ужасе смотрю, как он описывает в воздухе идеальную дугу. Пожалуйста, только бы не задел никого, кроме разве что ужасной

шляпы Бьянки... и мяч исчезает среди зарослей деревьев и кустов.

Боже мой. Это даже хуже, чем в предыдущий раз.

Бьянка, которая сидит в павильоне вместе с Клер, поднимает глаза к небу. Рот Клер раскрывается от удивления.

— И что мне делать дальше? — шепчу я.

— Тебе нужно найти мяч и вернуться к стартовой линии, — взволнованно отвечает Поппи. — Я пойду с тобой.

— Не волнуйся обо мне. Скоро наступит твоя очередь, а ты отлично играешь. В отличие от меня, ты не можешь позволить себе проиграть. Победи этого хвастливого Давенпорта, окей?

По правде говоря, я рада ускользнуть от насмешливых и жалостных взглядов. Не так уж весело выставлять себя дурочкой перед кучкой модных "леди" и "джентльменов".

Кусты, в особенности огромные заросли рододендрона на окраине лужайки, густые и высокие. Не горю желанием искать мяч, но он принадлежит Фрермонтам. Мне нужно хотя бы попытаться. Стараюсь осмотреть каждый закуток, когда что-то дёргает меня за шлейф. Низко свисающая ветка цепляется за мои волосы.

— Мне как всегда везёт, — бормочу я.

Именно в этот момент появляется Крю. Он висит в воздухе, скрещивая ноги, словно джин из лампы.

— Крю! — шиплю я. — Наконец-то ты появился. Ты видел реку?

— Я всё вижу, — Крю улыбается мне улыбкой Чеширского Кота. — Дай угадать... ты хочешь, чтобы я помог Элле упасть в реку? И тут же появится принц и спасет её?

— Да, план такой, — мотаю головой, и ветка отцепляется, отчего часть прядей неряшливо обвивается вокруг моей шеи. — Но для того, чтобы план сработал, сначала должен появиться принц!

Крю ухмыляется и подмигивает.

— Подожди и увидишь.

Глава 15

— Что? — я оглядываюсь по сторонам. — Он уже где-то здесь?

В кустах раздаётся шорох.

— Что-то ищете?

Принц Эдвард появляется из-за пологого склона возле кустов. Он несёт мой мяч, покрытый травой и грязью. Так вот значит, куда тот упал. Пока я осматривала кусты, мяч покатился вниз с холма. Не удивительно, что мне не удалось его найти.

— Кэт, — произносит он, склоняя голову и ухмыляясь. В его глазах светится веселье, когда он протягивает мне мяч. — Полагаю — это ваше?

— Эдвард, — я делаю неловкий реверанс. — Да, мой. Спасибо.

Беру мяч, и на секунду его пальцы соприкасаются с моими. Меня пронзает электрический разряд, или то, что я бы так назвала. Быстро хватая мяч, отвожу глаза. Моё сердце начинает биться быстрее.

Крю подпрыгивает в воздухе, изображая обморок влюблённой девушки. Я корчу гримасу и снова поворачиваюсь к Эдварду.

— Вы только что прибыли?

— Меня пригласили совершить экскурсию по теплице Фрермонтов, — он кисло улыбается. — Хотя я и заставил их садовника молчать о моём прибытии.

Ох. Думала, что он здесь ради крокетной вечеринки. Не знаю почему, но на миг меня охватывает разочарование.

Эдвард выуживает золотые карманные часы и со щелчком их открывает. На нём чёрная рубашка с двумя расстёгнутыми верхними пуговицами, а на его манжетах следы грязи, как доказательство того, что он работал в саду.

— Мне нужно идти.

Нет!

— Стой... то есть, вы разве не задержитесь на секунду? Первая игра почти закончилась, но они собираются сыграть как минимум несколько раундов, — По крайней мере, так говорит Поппи. — Займите моё место; вы не можете играть хуже, чем я.

Кроме того, одного его присутствия уже достаточно. Принц может запускать свой мяч в дерево, а им всё равно будут восхищаться.

Парень усмехается.

— Вы хотите, чтобы я остался?

И почему он строит фразу так, словно я одна из влюблённых в него фанаток?

— Моя сестра убьёт меня, если вы этого не сделаете, — выпаливаю я. Вот ещё одна возможность полить Бьянку грязью, чтобы она не стояла на пути у Эллы. — Она сходит по вам с ума. А в своем дневнике называет себя "Королева Бьянка". Вы не можете лишить её великолепной возможности увидеться с вами.

Кажется, он меня не слушает, указывая на мои волосы.

— Вы должны позаботиться об этом.

Сначала он застаёт меня босой в саду во дворце, теперь моя прическа в беспорядке. Класс.

Так как нет никакой возможности исправить всё самостоятельно, я просто тяну за ленты, пока мои волосы не падают каскадом на спину. Мне нужна расчёска, но кроме кружевного платка и флакона духов, в моём кармане ничего нет. Так что поспешно пальцами расчёсываю свои волосы, приглаживая спутавшиеся пряди. Моя прическа всё ещё выглядит дико, но, по крайней мере, я не выгляжу идиоткой, с наполовину испорченной причёской, тогда как другая её половина выглядит идеально.

Я поднимаю глаза и вижу, что принц смотрит на меня. Что-то в его взгляде заставляет мои щёки покраснеть.

Стискивая зубы, отвожу глаза.

— Давайте просто пойдем, ладно? — затем я губами шепчу инструкции Крю и иду в сторону лужайки, выбирая не прямой маршрут, и оглядываюсь лишь раз, чтобы убедиться, что Эдвард идёт за мной. Мне не хочется выглядеть так, словно я сопровождаю его, иначе Бьянка убьёт меня.

С лужайки раздаётся визг, за которым следует ещё дюжина. Как при появлении какой-то рок-звезды. В реальном мире я бы ожидала, что большинство девушек крокетной вечеринки окружают Эдварда и будут умолять его об автографе. Мне почти жалко принца, пока возвращаюсь в сад, пытаюсь идти как можно медленнее. На меня находит озарение, и я отстёгиваю свою изумрудную брошь и кладу её в карман. Пришло время осуществить мой коварный план.

Приближаясь к павильону замечаю, что обе: и Клер и Бьянка — отсутствуют. Как и все остальные женщины. За столом сидит лишь седоволосая леди, которая вяжет крючком изящное детское белое платьице. Клер представила её, как леди Грегори — эксцентричную тетюшку лорда Менсфилда, ещё одного видного представителя аристократии. Леди Бредшоу однажды сказала, что если у Бьянки не получится заарканить принца, то племянник лорда Менсфилда будет неплохим запасным вариантом.

— Не хотите ли присесть? — спрашивает она, похлопывая по месту рядом с собой.

— Хм, нет. Мне нужно найти свою служанку, Эллу, — я описываю ей Эллу, и леди Грегори кивает. — Та прелестная юная девушка с волосами медового цвета? Она у розовых кустов, дорогая.

— Спасибо, — быстро приседая, спешу удалиться.

Перед тем, как отправиться искать Эллу, бросаю взгляд на лужайку. В игре остаются только Поппи, мистер Давенпорт и ещё несколько игроков.

— Хорошо, мистер Давенпорт, — говорит Поппи, держа свой молоток словно оружие. Я едва её узнаю, она превратилась в женщину, вышедшую на тропу войны. — Посмотрим, сможете ли вы побить это. — Она с силой ударяет, делая вмятину в мяче мистера Давенпорта.

Вау. Она не только продвигается далеко со своим мячом, но ещё и эффективно портит мяч оппонента. Мне хочется выкрикнуть: "Вперед, Поппи", и исполнить танец чирлидерш.

Но у меня нет времени наблюдать за игрой. Я нахожу Эллу и притворяюсь расстроенной.

— Элла, ты не могла бы помочь найти мою изумрудную брошь? Кажется, она упала, когда я пошла искать свой мяч.

— Изумрудную брошь, которую мадам подарила вам на день рождения?

Это был подарок на день рождения?

— М-м... да.

Девушка беспокоится, словно это она потеряла брошь.

— Конечно, мисс Катриона. Где примерно вы могли её обронить?

Склоняю голову и притворяюсь, будто задумалась.

— Я нашла свой мяч возле реки. Наверное, она где-то на берегу.

Элла кланяется и уходит.

Ощуаю абсурдное желание засмеяться. Только представьте: я действую так, словно злобная сводная сестра. Через несколько минут мне кажется слышен всплеск.

Наверное, Крю выполнил своё задание. Я направляюсь к реке и вижу, что девушка находится посреди реки, откашливаясь и разбрызгивая воду. Река вполне мелкая и доходит ей лишь до плеч. Бормоча извинения, бегу назад, к крокетной лужайке.

Эдварда всё ещё окружают восхищённые им женщины, которые воркуют, хихикают или хлопают ресницами. Да, он определённо сказочная версия рок-звезды.

Останавливаюсь. Я уже намного храбрее, но у меня всё ещё не хватает смелости, чтобы пересечь лужайку и если не буду действовать быстро, Элла сама выберется из реки, и все мои усилия пропадут даром.

Так что снова иду по направлению к принцу. Наверное, он чувствует моё приближение, потому что поднимает на меня глаза как раз в тот миг, когда я оказываюсь в нескольких шагах от него. Бьянка наклоняется к нему, на её губах играет застенчивая улыбка, а ложбинка между ее грудей блестит на солнце.

Не раздумывая и подходя ближе, локтем отталкиваю Бьянку, из которой вырывается пронзительный вскрик, звучащий слишком не похоже на её обычную элегантность. Я бы согнулась пополам от смеха, если бы не отчаянное желание сделать так, чтобы принц заметил Эллу.

— Моя служанка упала в воду! Быстрее, её нужно вытащить, иначе она утонет!

Принц поднимает брови, и на короткий миг мне кажется, что он может отказаться.

— Это Элла! — добавляю я. Мой тон не может быть ещё более отчаянным, хотя он связан скорее с его согласием, чем со спасением Эллы.

— Пожалуйста, помогите мне! Не знаю, как она поскользнулась, но когда я нашла её, она уже была в воде.

Принц смотрит на меня долгим, испытывающим взглядом. Затем, Слава Богу, он бросается к реке, не говоря ни слова. Очень плохо, что Элла не носит белое, одежда служанок всегда тёмная, потому что они выполняют много грязной работы. Но, по крайней мере, надеюсь, что её платье промокнет, облепит её тело и подчеркнёт формы.

— Катриона, что всё это значит? — кричит на меня Бьянка, со смешанным выражением гнева и удивления на лице.

Я лишь пожимаю плечами и следую за принцем. Моё сердце бешено бьётся, надеюсь, что моя маленькая уловка, как минимум, заставит принца обратить внимание на Эллу. Он просто обязан.

Когда мы оказываемся у реки, моя челюсть отвисает. Одновременно раздаётся резкий выдох Поппи.

Герцог Генри выходит из реки, неся на руках абсолютно вымокшую Эллу, а Эдвард стоит на берегу, скрестив руки.

Генри выносит девушку из воды. Это должен был быть принц!

Не-е-е-е-е-е-ет!

Проклятие! Из всех вещей, которые могли пойти неправильно... почему случилось именно эта? Когда именно Генри смог оторваться от скучной беседы с профессором и вытащить Эллу из реки? Почему он оказался не в том месте и не в то время?

Я вышагиваю по своей комнате, кипя от злости. Не могу забыть выражение лица Эллы, когда он нёс её, хотя она и была смущена, но не сопротивлялась так, как должна была бы. Хочется винить её, но не могу. Генри снял свое пальто, когда вошёл в воду, и его белоснежная сорочка облепила его тело в точности, как у мистера Дарси. В том смысле, разумеется, что возможно, у Генри и лицо хоббита, но его тело вылеплено, словно у атлета. В конце концов, он ведь игрок в крокет.

Наконец, устав от хождений, сажусь у окна и начинаю смотреть на улицу. Там нет ничего интересного, кроме окон городских домов, из которых льётся свет, но, по крайней мере, свежий и холодный воздух даёт мне больше возможности придумать, как быть дальше.

Я подпираю руками подбородок. Элла НЕ ДОЛЖНА влюбиться в Генри. Она может быть бесхребетной, но она же не дурочка и должна понимать, что нет никакого шанса выйти замуж за Генри. Если только вдруг найдется Адам Снайдер и сможет доказать, что она действительно дочка графа Бредшоу.

— Мечтаешь о принце, девочка?

— Крю!

Он появляется на подоконнике с раздражающей ухмылкой на лице.

— Итак, план привёл к неожиданным результатам, да?

У меня появляется безумное желание швырнуть в него раковину с каминной полки. Хотя Крю не виноват в том, что герцог Генри спас Эллу, у него нет никакого права так радоваться.

— Я сделал так, как ты сказала, — продолжает Крю, и его улыбка становится шире. — Но этот лихой кузен принца просто случайно заметил Эллу с расстояния примерно в полмили. Хотя должен признать, он уже направлялся к ней до того, как она упала.

— Правда? Вот дерьмо! — я ударяю кулаком по подоконнику. — Ты думаешь, Элла ему нравится?

Крю гогочет.

— Как будто это не очевидно, девочка! Выражение его лица, когда он бросился в реку... он, наверное, даже забыл, что вода едва доходит ей до плеч.

— Это всего лишь увлечение, — настаиваю я. — Элла идеальная дама-в-беде. Он не может иметь по отношению к ней серьезных намерений, она всего лишь служанка.

— Служанка, которую ты пытаешься подсунуть Эдди.

— Не называй его так!

Крю уже лежит на спине и давится от смеха.

— Я рассказал королю о твоих последних усилиях, он от души посмеялся и сказал, что твой прогресс более интересен, чем мыльные оперы двадцать первого века. Принц влюбляется в тебя, а Элла завоёвывает его кузена.

— Но ведь всё должно идти иначе! — я сжимаю руки в кулаки. — Его не должна привлекать сводная сестра. Всё это неправильно.

— Слишком поздно, — отвечает Крю с ведьмовской улыбкой. — Он смотрел на тебя, как на любимый десерт, когда ты распустила свои волосы.

Теперь уже сдержаться не могу, потому хватаю его и вышвыриваю на улицу. Застигнутый врасплох, он кричит и пролетает несколько футов, прежде чем берёт себя в руки и висит в воздухе.

Тогда я захлопываю окно. Разумеется, он может вернуться с помощью волшебства, если захочет, но думаю, если он не появится снова, то значит решит, что с него хватит. Я отправляюсь в кровать и стараюсь уснуть.

Элла необычно тихая, когда приходит утром помочь мне одеться. Мне стоит чувствовать вину, за то, что она упала в реку из-за меня, но не чувствую ее. Зная, что девушка не виновата, все равно злюсь, потому что она всё испортила. Я так старалась, чтобы Эдвард её заметил.

Когда она завязывает сзади шнуровку, я ору.

— Полегче! Ты что, пытаешься выпустить из меня весь кислород?

Она вздрагивает, словно я ударяю её по лицу.

— Простите, мисс, — шепчет она.

Меня тут же охватывает чувство вины. Какое-то мгновение я молчу, но мне нужно спросить её о Генри.

— Герцог часто бывает у вас дома?

Элла вспыхивает.

— Иногда. Он говорит, что ему нужно проведывать мамочку.

— Он тебе нравится? — как только звучит вопрос, тут же жалею, что не прикусила себе язык. Как можно быть такой резкой?

Теперь Элла густо краснеет. Её рука дрожит, когда она расчесывает мои волосы. Ей

даже не нужно отвечать; настолько всё очевидно.

— Мои чувства не имеют значения, — тихо говорит она, наклоня голову. — Мне прекрасно известно мое место в обществе.

Смотря в пол, жалею, что вообще начала этот разговор. Что за бардак. Я не могу сказать Элле, держаться подальше от Генри, но должна постараться развить чувства к Эдварду.

Всё, что я могу — лишь ждать, пока не будет новостей от Галена. Мне нужна фея-крёстная. Отчаянно нужна.

Однако, случившаяся далее катастрофа отвлекает меня от поисков Адама Снайдера и необходимости завершения сказочной истории.

В тот день Элла ушла от меня всё ещё не в духе, а я, спустившись вниз на свой урок рисования, изображала скучную вазу с цветами, желая просто свернуться в кровати с новым романом из "Книжного Червя", когда вбежала Элла.

Её лицо было бледное, словно у мертвеца.

— Мистер Уэллсли прислал сообщение. Джимми раздавило голову движущейся машиной на фабрике.

Глава 16

Первое, что я делаю — это швыряю свою кисточку на пол. Всегда хотела это сделать.

— Пошли.

Вен не слишком горит желанием снова везти Эллу, но я его заставляю. Когда мы уже сидим в коляске, спрашиваю её.

— Как ты получила сообщение?

— Пришёл Билли.

— Джимми... жив?

Элла тупо кивает.

— Но он очень тяжело ранен.

— За доктором уже послали?

— Мистер Уэллсли послал за кем-то.

Девушка замолкает, но слёзы продолжают капать. Я держу её за руку — это всё, что можно сделать, пока мы едем в мучительной тишине, боясь того состояния, в котором обнаружим Джимми, когда приедем.

Дверь открыта. Внутри миссис Татчер рыдает у постели, где лежит мальчик в залатанной, потёртой и слишком большой для него рубашке. Штанины брюк сильно подвёрнуты, давая возможность предположить, что они слишком велики изначально. Сверток на кровати, вероятно — Джимми, но я едва его узнаю. Часть головы обмотана бинтами, сквозь которые просачиваются струйки крови, стекая на подушку, которая уже почти окрасилась в красный цвет. Вбежавшая Элла давится плачем, она падает на колени и обнимает мать. Билли присоединяется к ним, он всё ещё ошеломлён и пребывает в шоке.

— Мы должны остановить кровотечение, — слышу я свой голос.

Маленький мальчик поворачивается, и понимаю, что смотрю на девочку, вот только её волосы подстрижены, даже короче, чем у мальчика. Вообще-то, она похожа на ёжика.

— У вас есть чистая ткань? — спрашиваю я. — Мы не можем позволить ему потерять ещё больше крови.

Элла качает головой. Я замечаю ножницы миссис Татчер на кухонном столе, и у меня возникает идея. Взяв ножницы, подхватываю свою длинную юбку и начинаю отрезать полосы от своей белой хлопчатобумажной нижней юбки. Её только что купили и это, наверное, самая чистая вещь в этой комнате. Элла резко выдыхает, но я молча отмахиваюсь от неё, а затем подбегаю к Джимми и прикладываю хлопок к его голове. Мои пальцы дрожат, мне никогда раньше не приходилось видеть столько крови. Я делаю глубокий вдох и начинаю молиться.

За нашими спинами слышатся шаги. В дом вбегает Генри, следуя за мистером Уэллсли.

— Я... Я пытаюсь остановить кровь, — бормочу я.

Лицо Генри до ужаса мрачное — это резкий контраст с его мальчишескими, почти миловидными чертами лица.

— Вы всё делаете правильно, — говорит он. — Позвольте мне взглянуть на него.

Пока герцог осматривает Джимми, перевожу взгляд на мистера Уэллсли.

— Вы послали Билли к Элле, а сами пошли за Генри, — говорю я.

Он кивает.

— Нас предупредила Молли, — он указывает на маленькую девочку с невероятно короткими волосами. Ей не может быть больше десяти лет.

— Как вообще Джимми мог так пораниться? Они что, совсем не соблюдают никаких правил безопасности?

Ничего не выражающий взгляд Молли вполне достаточный ответ. Наверное, слово "безопасность" вообще отсутствует в её словаре.

— Джимми ползал по полу и собирал остатки хлопка, — ровно говорит она, как будто описывая то, что ела на завтрак. — Машина завертелась и обрушилась на него. Он подошёл к ней на секунду раньше, чем было нужно, так всё и случилось. Мы оттащили его так быстро, как только смогли, но было уже поздно.

Картинка слишком ужасная. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться.

— А почему Джимми вообще полез под работающую машину? Он не мог подождать, пока она остановится?

Молли смотрит на меня, широко открывая глаза.

— Хлопок очень дорогой, мисс. Мистер МакВин говорит, что не должно пропасть ни единого кусочка. Кроме того, если мы не будем их собирать, они будут разлетаться и засорять машины.

— Определённо, должен быть другой способ, — настаиваю я. — Это всё равно очень опасно.

Даже если не говорить о том, что они дети и то, что они не ходят в школу, что уже достаточно плохо, но подвергать их жизнь опасности каждый день? Если бы я знала о том, в каких условиях работает Джимми, непременно бы забрала его оттуда. Я-то думала, что Билли приходится туго, если он вынужден собирать у реки разбитые бутылки, но работа Джимми — это просто ночной кошмар.

Молли пожимает плечами, снова поражая меня тем, насколько она спокойна.

— Ему чертовски не повезло, но это неудивительно. Там очень легко пораниться. Некоторые из нас теряют пальцы, — девочка чешет голову. — Мои волосы обрезаю, когда я только начала работать, так что сейчас их стригу коротко.

Дико слышать гордость в её голосе, словно она хвастается теми испытаниями, через которые прошла. Я не понимаю этого. Ей следует возмущаться, а не смаковать свои

способности к выживанию на этой жуткой фабрике.

Генри поднимается с кровати. Элла отрывается от своей матери и брата и бросается к нему.

— Он...

— Я делаю всё, что в моих силах, — отвечает он. — Я только что остановил кровотечение, но этого недостаточно. Ему нужно наложить швы.

Миссис Татчер вытирает лицо.

— Вы хотите сказать, что его нужно зашить, словно куклу?

Генри кивает и берёт свой чемоданчик.

— Мне придётся попросить хирурга, чтобы он это сделал. Прижимайте к ране ткань, чтобы кровь больше не просачивалась.

Элла закусывает губу и яростно вытирает глаза тыльной стороной ладони.

— Конечно, мистер Генри.

Парень поднимает руку и вытирает её слезы. По тому, как он проходится пальцами по её щеке, похоже, что он хочет её обнять, но не смеет этого сделать.

— Я скоро вернусь.

Он исчезает, а я подхожу к Элле и обнимаю её. Какое-то время мы стоим прижавшись друг к другу. У меня не выходит найти слова, чтобы её утешить, ужас от раны Джимми слишком свежий, слишком шокирующий.

— Ну, я лучше пойду, — говорит Молли. — Мистер МакВин выпорот меня, если узнает, что я ушла раньше, чем нужно.

МакВин. Имя звучит странно знакомо. Я на секунду закрываю глаза, и возникает картинка пузатого мужчины средних лет, с двойным подбородком, который трясётся, когда он начинает говорить. Он был на крокетной вечеринке, но слишком увлечённая Эллой и Эдвардом, едва могу вспомнить с ним встречу.

Бьянка упоминала, что он сколотил состояние на производстве тканей. Точно. Уверена, что это тот же самый человек. Ярость поднимается в моей груди, когда я смотрю на тощую Молли и пропитанные кровью повязки Джимми.

— Я пойду с тобой, — говорит мистер Уэллсли, кладя руку на спину Молли. — Он и пальцем тебя не тронет, если я буду там.

Я сжимаю руками складки своей юбки.

— Она собирается вернуться в ту адскую дыру?

У Эллы вырывается едва слышный вздох.

— Не волнуйтесь, мисс, — говорит Молли, склоняя голову набок. — Я уже давно там работаю и хорошо знаю, как избежать этой штуковины. Особенно потому, что мои волосы короче, чем у мальчиков. Слушайте, мне и правда, нужно идти. Даже если он не выпорот меня, с меня удержат жалованье.

— Удержат жалованье?

— Да, если мы опаздываем на четверть часа, он забирает полпенни с нашей оплаты, мисс. Мне разрешили уйти лишь на час, чтобы я могла довести сюда Джимми, но сейчас мне нужно вернуться.

— Леди, — говорит мистер Уэллсли. — Мне понятно ваше беспокойство, но для Молли будет хуже, если она опоздает. Пошли, девочка, я мигом отвезу тебя назад. Билли, оставайся со своей мамой. Остаток дня ты можешь быть свободен.

Когда дверь за ними закрывается, мне уже точно известно, что сказать Эдварду, когда

увидю его в следующий раз.

Когда я возвращаюсь домой, Крю всё ещё нет. Хорошо. У меня не то настроение, чтобы слушать его насмешки. Может быть он тоже шокирован поворотом дел. В данный момент я не могу сфокусироваться на завершении сказки, потому как не могу думать ни о чем другом, кроме окровавленного и изуродованного Джимми.

Элла возвращается в дом вместе со мной, хотя я и предлагала ей остаться с матерью. Миссис Татчер определённо требуется поддержка.

— Я не могу, мисс, — говорит она со страдальческим выражением лица. — Теперь, когда Джимми не может работать, я не могу потерять свою работу. Марта уже прикрывала меня много раз, пока мамочка болела.

Так как Элла настроена работать, а мне нечем заняться, то принимаю решение, что помогу ей. Не думаю, что буду навещать Джимми, я же не врач, так что сомневаюсь, что смогу чем-то помочь, но велю Вену отвезти меня в "Книжный Червь".

Мистера Уэллсли за прилавком не оказывается, но на краешке стола находится большой серебряный звонок. Я звоню в него, и тот сразу же выходит из задней комнаты, вытирая руки о зелёный фартук.

— А, так это мисс Бредшоу, — он улыбается мне, но его глаза кажутся уставшими. Ни малейшего следа его обычного грубоватого, игривого настроения. — Простите, меня не было, когда вы прибыли. Я разбираю прессу в задней комнате.

— Как дела у Джимми? У вас есть какие-нибудь новости?

Мгновенно по его лицу пробегает мрачная тень.

— Генри недавно был здесь. Джимми не стало хуже, но и нельзя сказать, что его состояние улучшилось. Машина срезала приличный кусок плоти.

Меня передергивает.

— Но это ещё не всё, — рот мистера Уэллсли кривится. — Молли забежала ко мне перед завтраком и сказала, что работа Джимми закончилась.

Я ударяюсь локтем о стену и вздрагиваю.

— Вы хотите сказать, что он уволен?

— Владелец уже нашёл ему замену, — говорит мистер Уэллсли. — На фабрике никого не ждут.

— Но... — после того, что Молли о себе говорила, меня это не удивляет. — А как насчет компенсации Джимми? Миссис Татчер это нужно, особенно сейчас, когда он не может работать.

Мистер Уэллсли качает головой.

— Кроме платы за последние дни, больше ничего. В практику владельцев не входит выплата компенсаций, иначе это ударит по их карману. Друг Генри сказал, что треть всех несчастных случаев в больнице, где он работает, происходит на фабриках.

Боже! Чёрт возьми, не могу в это поверить!

— То есть вы хотите сказать, что он поранил свою голову ни за что, ни про что?

Мистер Уэллсли избегает моего взгляда. Если бы не его яркие, пронзительные глаза, он бы казался старше своего возраста, со своей сухой, похожей на бумагу кожей и пучками серебристо-белых волос за ушами.

— Моя дорогая, юная леди, вас оберегают и держат подальше от реальности...

— Мне плевать, что вы говорите о моем невежестве, — прерываю я. — В этом мире происходят ужасные и несправедливые вещи, и точка. Поверить не могу, что вы так

спокойно отослали Молли назад в это ужасное место.

Мистер Уэллсли вздыхает, снимает свои очки и медленно протирает их. Только тогда замечаю, что в уголках его глаз блестят слёзы.

— Вы хотите изменить положение вещей, мисс. Но перемены не происходят за одну ночь.

По дороге домой, я мучаюсь, сидя в коляске. Не знаю, должна ли говорить Элле о том, что случилось с Джимми. Я решаю опустить детали, что он потерял работу, если она об этом не спросит. Сейчас девушка, в любом случае, больше сосредоточена на его здоровье, чем на работе.

— КАТРИОНА! — леди Бредшоу стоит посреди лестницы, её причёска закончена наполовину. — Где ты была?

Я выуживаю книжку из своего ридикюля. Слава Богу, я позаботилась о своём оправдании на счет поездки в "Книжного червя".

— Ты должна ограничивать свои поездки в книжный магазин; прочитанного и так хватит тебе до конца жизни. И что за польза от книг, если ты не делаешь никаких попыток беседовать с джентльменами? Поторопись, сегодня мы идём на обед к лорду Менсфилду.

В последнее время так много приглашений, что об этом. Я наверное, забыла. Поведение Бьянки на крокетной вечеринке было таким очаровательным (отвратительное, по моему мнению), что приглашения завалили наш столик в гостиной.

— А мне обязательно идти? Мне не слишком хочется выходить на улицу, когда только что вернулась.

— Нонсенс. Какой смысл в сезоне, если твой календарь не заполнен с утра до вечера, — леди Бредшоу прищёлкивает языком. — Я настаиваю на том, чтобы ты пошла. Мы не можем позволить себе отказаться от приглашения Менсфилдов. И, кроме того, помимо одного симпатичного сына сквайра, с момента начала сезона ты не привлекла ни одного джентльмена.

На секунду вспоминаю, как Эдди держит меня за руку, внимательно смотря на меня, и нас окружает красота его личного сада, а затем прячу это воспоминание поглубже.

— Мы не можем пропустить обед у лорда Менсфилда, — продолжает леди Бредшоу. — Там будут не только титулованные джентльмены, но и те, кто заработал состояние на торговле. Если тебе не удаётся заполучить кого-нибудь благородных кровей, то хотя бы сможешь побороться за кого-то, кто обеспечит тебе приличную жизнь. Придёт тот молодой торговец чаем — Грем Гордон, так же будут сыновья МакВина.

Моё сердце подпрыгивает.

— Эндрю МакВин?

— Эджернон и Рендалл МакВин, Бога ради, — Бьянка присоединяется к нам грациозно спускаясь по лестнице. — Их отца зовут Эндрю. Серьезно, Катриона, как можно быть такой глупой? Или ты опять потеряла свою память?

Я едва обращаю внимание на её ехидство.

— Я сейчас, — подбирая свои юбки, я бегу по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки, игнорируя протесты леди Бредшоу. Впервые за всё время мне не терпится попасть к кому-то на обед.

Когда мы приближаемся к дому лорда Менсфилда, точнее сказать, к особняку, опускаются сумерки. Здание представляет собой нечто среднее между дворцом и нашим таунхаусом. Здесь достаточно места для нескольких карет, а у нас дома можно разместить лишь карету и коляску, поэтому гости оставляют свои средства передвижения за пределами дома, на тротуаре.

Идти до дома недалеко, чему я рада. Недавно шёл дождь, и в воздухе ещё держатся холод и сырость.

— Следи за своими манерами, — тихо говорит мне леди Бредшоу. — Не подпрыгивай, если какая-нибудь еда падает тебе на колени, не повышай голос, но и избегай шёпота. Не производи никаких звуков, когда будешь есть суп, и ни в коем случае не вставай, чтобы дотянуться до блюда. Вместо этого вежливо попроси сидящего рядом джентльмена передать блюдо тебе.

— М — м—м, — я едва слушаю то, что она говорит. Её голос затихает, когда мы заходим в прихожую, и нас проводят в столовую.

Столовая огромная — длинный стол, за которым могут сидеть как минимум человек сорок. Сверху свисает гигантская люстра, стена, обитая зелёным бархатом, увешана картинами в рамах, на сервантах стоят серебряные подносы и столовые приборы. Слуга отодвигает стул с такой витиеватой резьбой, что служанкам, наверное, требуются целые часы, чтобы вытереть с него пыль. Меня удивляет дополнительное количество серебряных приборов на сервантах, хотя очевидно, что посуды и так достаточно.

Я высматриваю Эндрю МакВина, но сложно найти его между всеми подсвечниками, вазами с цветами и папоротником. Бьянку усаживают между двумя слепо влюблёнными в неё молодыми людьми, и в этом нет ничего удивительного. На ней простое, винно-красное платье, с квадратным вырезом и нитью жемчуга, которые кажутся менее наворочёнными, чем её наряд на крокетной вечеринке. Не удивительно, ведь шпион леди Бредшоу сказал, что принц сегодня принимает иностранных гостей и поэтому определённо не появится здесь. И всё равно, Бьянка выглядит словно богиня.

Клер сидит напротив Бьянки, тоже в окружении заискивающих перед ней молодых людей. В своём белом кружевном платье она выглядит мило и похожа на ангела. Я удивляюсь тому, что она осмелилась надеть белое платье на ужин. Вместе они обе привлекают к себе основное внимание мужчин за столом, за исключением парня, сидящего напротив Поппи, который оказывается тем же человеком, который соревновался с ней на крокетной вечеринке. Кажется, его зовут мистер Давенпорт. Теперь эти двое снова в состоянии войны, хотя на этот раз, их разделяет стол. Они спорят считать ли обманом двойной удар по мячу и за их перепалкой забавно наблюдать.

Я удобнее устраиваюсь на своём стуле, стараясь не слишком пристально разглядывать комнату. Даже после великолепия дворца, эта столовая всё равно впечатляет.

— Довольно красиво, — раздаётся голос рядом со мной, — но за нашим обеденным столом может вестись и сотня гостей.

После краткого представления, понимаю, что возле меня оказывается Элджернон МакВин (должно быть, леди Бредшоу приложила к этому руку). Это дородный молодой человек с прилизанными каштановыми волосами в туго завязанной бабочке.

— Ох, — говорю я, изо всех сил стараясь выразить удивление. — Это, наверное... хм... ваш дом, должно быть, огромен.

— В нём с легкостью можно заблудиться, — хвастливо говорит Элджернон.

Точно, богатство — накопленное на эксплуатации бедных детей на фабрике. Леди Бредшоу бросает на меня ВЗГЛЯД через стол. Видимо она хочет, чтобы я проявила женское очарование и восхитилась юным миллионером. Сыном миллионера, если быть точной.

Я изо всех сил сдерживаю зевоту. К счастью, подают еду, и можно сконцентрировать своё внимание на ней, что не так уж сложно, потому что её целые горы. Три вида мяса: кролик, утка и говядина, не говоря уже о морских гребешках в сливках; овощах, от капусты до сельдерея с масляным соусом из красного вина. Затем скатерть с фамильным гербом Менсфилдов снимают, и мне понятно, зачем нужны лишние столовые приборы на сервантах. Подают фрукты, орехи и сыр вместе с десертом под названием «булине». Это нечто из яиц и заварного крема, запечённое до корочки. Мой желудок бунтует, и я позволяю Элджернону съесть свою порцию. Он с радостью принимает её, причмокивая губами, и отрывает после того, как доедает десерт. Мне хочется встать из-за стола как можно скорее.

Моё желание вскоре исполняется. Когда вся еда подана, леди Менсфилд встаёт.

— Дамы, — снисходительно проговаривает она. — Давайте перейдем в гостиную, чтобы выпить кофе или что-нибудь другое.

Я рада избавиться от Элджернона, но с другой стороны, мне необходимо поговорить с его отцом. Но, так как все мужчины остаются за столом, пока слуги подносят им сигары и вино, мне приходится следовать за женщинами. В любом случае, согласно процедуре, мужчины скоро присоединятся к нам в гостиной, когда покончат с сигарами.

Гостиная Менсфилдов тоже просторная и обставлена с большой роскошью. Стены оклеены богатыми коричневыми обоями с замысловатой золотой вышивкой, которая хорошо сочетается со сверкающими золотом люстрами (во множественном числе, заметьте), свисающими с разрисованного потолка. Все диваны и стулья обиты красным бархатом, с позолоченными краями и стоят на когтистых ножках. Даже белый мраморный камин сверкает золотом. В углу большой лакированный рояль, на который водружена огромная ваза с букетом роз.

Я нахожу стул как можно дальше от рояля. Если мне повезёт, они не заметят меня, и мне не придётся играть или петь.

Поппи присоединяется ко мне вместе с леди Грегори. С её морщинистым лицом и статусом старой девы, её легко игнорировать. И всё же, её компания мне нравится больше, чем присутствие Элджернона МакВина.

Бьянка и Клер садятся рядом с леди Менсфилд. Несколько девушек, роскошно одетых, но с нехваткой уверенности, стоят поблизости, желая, но не решаясь присоединиться к ним.

Ха. Даже в сказочном мире существуют группировки. Бьянка и Клер представляют красивых и популярных, группка девушек — это подражательницы, тогда как мы с Поппи — ботанки, сидящие с краю и делающие едкие, но бесполезные замечания.

— Что ты думаешь по поводу мистера Давенпорта? — спрашиваю я у Поппи. — За столом вы почти вели частный разговор.

Поппи вспыхивает. Её веснушки проявляются сильнее, когда она краснеет, но хотя Бьянка находит это отвратительным, я считаю, что это мило.

— У нас не было частного разговора, Кэт. Я беседовала и с другими людьми рядом с ним. Он просто продолжает провоцировать меня, а я не могу сдержаться.

— А мне кажется, ему это нравится, — хитро отвечаю я. — Всего лишь вопрос времени, когда он пригласит тебя на следующую игру.

— Я побью его в любое время, — заявляет Поппи. — А как насчет тебя, Кэт? Кажется, ты сидела рядом с одним из сыновей мистера МакВина, не так ли?

— Да, с ним, — стону я и рассказываю ей, какой скучный Эджернон, как он не перестаёт говорить о своём доме. — Если ему не нравится этот дом, почему он вообще здесь?

— Уверена, что дом МакВинов похож на дворец, — встревает леди Грегори. — Эндрю МакВин не скупится на украшения. Но есть некоторые вещи, которые он не может купить.

Я ожидаю, что она скажет что-то вроде "культура" или "хорошие манеры", но она показывает на вазу, стоящую на маленьком столике из вишневого дерева рядом с нами.

— Это ваза ручной работы фейри. Она не куплена, а подарена.

— Вы ведь шутите, правда, — жалуется Поппи. — Фейри не существует.

Загадочная улыбка леди Грегори напоминает мне о Моне Лизе.

— Видите крошечных созданий, нарисованных здесь? В полночь, когда все засыпают, маленький народец оживает и отправляется поиграть.

Мы с Поппи смотрим на вазу. На ней действительно нарисованы фигурки, похожие на Тинкербелл, хотя их волосы длинные, а одежда скрывает ноги.

— А вы видели, как они оживают? — спрашивает Поппи тоном, который обычно используют в беседе с детьми.

Леди Грегори мягко смеётся.

— Никто не видел. Маленький народец всегда убеждается, что люди спят. Если человек просыпается посреди ночи и начинает спускаться вниз, они слышат и возвращаются в вазу.

— О, как интересно, — замечает Поппи, но её тон свидетельствует об обратном. Наверное, в настоящем мире я кивала бы следом за ней, но после того, как оказалась в книжной сказке и увидела причудливого гоблина, появляющегося из ниоткуда, я так не думаю. Вообще-то, у меня даже появляются некоторые идеи.

— То есть вы хотите сказать, что эту вазу лорду Менсфилду дали фейри?

— Его пра-пра-прадедущке, — улыбается леди Грегори. — Лорд оказал фейри услугу, ваза была его наградой. В королевстве другой такой вы не найдете.

— А есть ещё какое-нибудь волшебство, которое могут творить фейри? Например, превратить тыкву в красивую карету?

Поппи смотрит на меня как на сумасшедшую, но глаза леди Грегори сияют.

— Дитя моё, какое у тебя богатое воображение, — с мягким смешком говорит она. — Если фейри хотят сотворить карету, им не нужна тыква. Как и магия, которая ушла на создание этой вазы, фейри нужно лишь нарисовать очертания в воздухе волшебной палочкой и навеять немного волшебной пыли, и появится настоящая карета.

— О, вау, — я собираюсь ещё расспросить её о фейри, но со стороны дверей слышатся голоса и смех, и в гостиную входят мужчины. Один из них, с рубиново-красными щеками, спотыкается, и слуга уводит его.

Голос Эндрю МакВина, громкий и пронзительный, преобладает над остальными.

— ...не позволяйте им бездельничать... ничего плохого в том, что сыновья герцогов и графов занимаются фермерством, коммерцией и торговлей, пока это приносит им доход!

Прищуриваясь, стараюсь украдкой приблизиться к МакВину. Губы пересыхают, сердце стучит; интересно, как мне заговорить с ним о Джимми.

Но прежде чем мне удастся подойти к нему, чья-то рука хватает меня за локоть.

— Катриона, дорогая, — я рывком поворачиваю голову назад. С каких это пор, леди

Бредшоу называет меня "дорогой"?

Но когда вижу возле неё молодого человека, всё становится на свои места.

— Мистер МакВин, — произносит леди Бредшоу, и её голос просто сочится медовой сладостью. — Не могу поверить, что вы уже встречались с моей дочерью Катрионой, — она притягивает меня ближе и шепчет. — Десять тысяч в год.

Ренделл вспыхивает и начинает заикаться.

— Вообще — то... Я имел удовольствие познакомиться с мисс Катрионой ранее.

Изо всех сил стараюсь не хихикать. Волоски на его родинке дрожат при каждом его движении.

— Правда? Как восхитительно, — сияет леди Бредшоу. — И когда именно это случилось? Наверное, я позабыла.

— На игре в крокет, которую устраивали Фрермонты, — отвечает Ренделл. — Ваша сестра тоже была там. — Он бросает взгляд на Бьянку, которая беседует с несколькими мужчинами у камина. По его тоскливому взгляду понятно, почему он так уверенно отвечает о том, когда мы раньше встречались.

— Вот ты где, сын! — Мистер МакВин обрушивается на нас и хлопает Ренделла рукой по плечу. — Знакомишься с дамами? Уже самое время, должен сказать. Хотя, кажется, только вчера ты ползал по ковру, тряся погремушкой! — Он громко смеётся, а вид у Ренделла такой, будто он хочет выпрыгнуть из окна. Однако, я рада, что мне не придётся самой идти к МакВину. Вот он, стоит рядом и мне предоставляется шанс задать ему вопросы.

— Мистер МакВин, — начинаю я, своим самым вежливым тоном. — Я так понимаю, что вы занимаетесь производством тканей и владеете хлопковой фабрикой. Несколькими, если быть точной.

— Что я слышу! Леди интересуется торговлей?

Леди Бредшоу крепче стискивает мой локоть.

— Да, очень, — отвечаю я прежде, чем она успевает меня остановить. — А ещё меня очень интересует, что вы нанимаете на вашей фабрике на работу детей.

Он выглядит слегка озадаченным.

— Да, это так. Кстати говоря, так все поступают. Детям можно меньше платить, они быстрее и достаточно малы, чтобы находиться рядом с машинами.

— То есть, в процессе работы вы рискуете их жизнью? — у меня не получается больше сдерживаться.

Ренделлу удаётся успешно улизнуть от нас.

Но я ещё не закончила.

— Только вчера, маленький мальчик, которому не больше десяти лет, получил травму, когда ползал под работающей машиной. Вам же должны рассказывать о таких случаях? Вы не задумывались о мерах безопасности?

— Катриона! — леди Бредшоу бросает на меня испепеляющий взгляд.

МакВин с подозрением смотрит на меня.

— Леди, я даю этим детям работу, чтобы они не голодали на улицах. Несчастные случаи бывают, но не настолько часто, чтобы о них беспокоиться.

— То есть вас не слишком заботит, что ребенок чуть не погиб? — я повышаю голос.

МакВин пожимает плечами.

— Вы преувеличиваете, юная леди! Успокойтесь, нет никакой необходимости так

волноваться, — он берёт кубок с вином у проходящего мимо официанта и передаёт его мне. — Вот, возьмите шампанское. Это вас успокоит. Такая юная, чистая душой молодая леди как вы, не должна тревожиться о таких неприятных вещах. Место женщины...

Я беру кубок и выплёскиваю содержимое на его отглаженную белоснежную рубашку.

Глава 18

Время замирает. Затем раздаётся мучительный крик.

— Моя рубашка за сотню фунтов!

Лицо МакВина краснеет. Он опускает глаза и ошарашенно следит за тем, как алкоголь стекает по его внушительному животу. Все в ужасе смотрят на меня, как на сумасшедшую.

— Катриона, — у леди Бредшоу такое выражение лица, словно она готова убить меня на месте. — Извинись немедленно!

Я прикусываю губу. Не хочу, особенно если учитывать, что извиняться должен он, но понимаю, что нет смысла проявлять упорство.

— Простите, мистер МакВин, — медленно проговариваю я, мой тон выражает всё что угодно, только не смирение.

Он вытирает рубашку огромной салфеткой, которую ему приносит официант. Не удовлетворившись результатом, швыряет салфетку на стол и уверенным шагом, не оборачиваясь, выходит из комнаты. Вероятно, в мужскую уборную.

Я тоже ускользаю. На его месте я бы точно избавилась от рубашки.

Когда я на следующее утро спускаюсь к завтраку, леди Бредшоу хватается за руку и толкает в кресло.

— Что на тебя нашло прошлым вечером? — требовательно спрашивает она, и в её голосе проскальзывают нотки ярости. — О чём ты думала, когда выливала вино на Эндрю МакВина? Это ужасное, просто отвратительное поведение!

— Он — монстр, — я стискиваю зубы. — И заслужил это.

То выражение его лица, когда шампанское стекало по его рубашке... Не могу удержаться от смеха. К несчастью, это только ещё больше злит леди Бредшоу. Она хватается за плечи и сильно трясёт.

— Бестыжая девчонка! Ты позоришь семью своим невероятно некультурным поведением. Я ожидаю от тебя раскаяния, но ты упряма, как ослица, — она зовёт одного из лакеев. — Отведите Катриону в её комнату и закройте дверь. Вы, юная леди, не выйдите из комнаты, пока не пообещаете, что больше не выставите себя на посмешище.

Я марширую вверх по лестнице в полной тишине.

О да, всё так похоже на современную мыльную оперу. Королю гоблинов, вероятно, нравится моё шоу.

Всю следующую неделю я сижу в своей комнате и выхожу, только чтобы поесть или что-то в этом роде. Леди Бредшоу отдаёт приказ не выпускать меня, и каждый, кто увидит меня, покидающей дом, должен остановить меня или сообщить семье, иначе рискует потерять часть месячной зарплаты. Элле жаль меня, однажды она даже набралась смелости и попросила леди Бредшоу "ослабить" запрет, но разумеется, моя "мама" не прислушалась. Бьянка прочитала Элле строгую лекцию о том, что слуги не должны видеть и слышать, и что она должна выполнять свои обязанности и ограничивать визиты к своей семье.

Мне вполне неплохо удастся переживать наказание, серьёзно, кроме уроков этикета, число которых увеличилось, чтобы промыть мне мозги. Я устала от непрекращающихся мероприятий сезона и беспокойстве о том, что мне нужно завершить историю, так что наказание даёт мне передышку.

В один из дней учитель по этикету слёг с простудой. Ура! После завтрака я поднимаюсь в свою комнату, сбрасываю туфли, раздеваюсь и остаюсь в одной сорочке. Забираясь на кровать с новым толстым томиком под названием *"Тайна Леди Александры"*, открываю книжку и только собираюсь погрузиться в чтение главы, где этот самый секрет раскрывается, как раздаётся стук в дверь и входит Марта.

— Вам пришло приглашение на вечеринку, мисс, — говорит она, протягивая конверт кремового цвета.

— Но я же наказана. Или... ради этого мне позволят выйти?

Марта опускает конверт на бархатное покрывало.

— Мне кажется, сюда вам разрешат пойти, — потом она понижает голос. — Я не могу вас выпустить, но, если вы хотите ещё книгу, что-нибудь из еды... или вам что-то нужно принести, не сомневайтесь и дайте мне знать.

Я моргаю.

Марта кладёт руку мне на плечо.

— То, что вы сделали тому владельцу фабрики, может и не хорошо, но мы рады, что вы так поступили, — она подмигивает, зажигает камин и уходит.

С подозрением рассматриваю конверт. Интересно, какое на него наложено заклятие, что мне позволят выйти из дома. Может оно заколдовано, как моя книга, а может там содержатся смертельные угрозы.

Бумага внутри гладкая, как шёлк и прохладная на ощупь, с позолоченными краями и приятным ароматом. Сверху на бланке герб в виде роз, оплетающих меч. Я видела его, когда была на представлении и ездила искать Галена. Это из королевского дворца, от королевской семьи.

"Герцог Сомерсет желает пригласить мисс Катриону Бредшоу в следующий вторник в девять часов. Ожидается положительный ответ".

Сначала я цепенею. Кто такой, чёрт возьми, этот герцог Сомерсет? Затем вспоминаю разговоры на суаре и вечеринках, и понимаю, что это — Генри. Герцог Генри.

— Катриона, — Бьянка бросает на меня резкий взгляд, когда я спускаюсь на ланч. — Ты что, правда получила персональное приглашение от герцога?

Я накалываю на вилку огромный кусок картошки в чесночно-розмариновом соусе и начинаю медленно жевать, наслаждаясь каждым кусочком. К этому времени уже понятно, что молчание — лучший способ реакции на Бьянкины словесные атаки.

— Полагаю, герцог посчитал, что поступает вежливо, — говорит леди Бредшоу. — Ты сделаешь всё возможное, чтобы не опозориться на этот раз, слышишь меня?

— Но почему он прислал нам отдельные приглашения? Ясно же, что он хочет видеть её, даже после того ужасного поведения на публике.

Леди Бредшоу наклоняется, её глаза сверкают.

— Катриона, как часто ты общалась с герцогом?

Вау. Всего лишь прошлым вечером она всё ещё косо смотрела на меня, а сегодня обращается со мной так, словно я её любимая дочь. Ну, разумеется, ценность дочери измеряется мужчинами, которых она привлекает. От этой мысли мне становится слегка

неуютно.

— Немного, — отвечаю я. Пусть они сходят с ума от тайны, чем я могу интересоваться герцога Генри. Вообще-то, мне и самой ужасно любопытства. Согласно урокам Пьерра, мы с ним едва знакомы. Я даже не могу обращаться к нему "Генри", только "Ваша светлость". Определённо, Генри нет никакой необходимости присылать приглашение, которое открыто выражает его желание видеть меня на танцевальном вечере. Он не может внезапно вспылать интересом ко мне, особенно, если учесть рассказ Крю, как он спасал из пруда Эллу.

Бьянка буравит меня взглядом, словно пытается понять, лгу ли я. Но это правда, я не слишком много общалась с Генри. Элла намного ближе знакома с ним, из-за травмы Джимми. Герцог, скорее всего, приходит к ней каждый день. Господи, что же мне сделать, чтобы они перестали влюбляться друг в друга? Прямо сейчас, единственным препятствием на их пути является статус Эллы — прислуга. И кто знает, вдруг Генри способен наплевать на скромное положение девушки. Он определённо на это способен, если не считать того, что Элла может оказаться дочерью графа.

— Мне можно пойти? — спрашиваю я. — Девять часов, кажется, ужасно поздно.

Они обе смотрят на меня, как на сумасшедшую.

— Отказаться от приглашения герцога? — голос леди Бредшоу резкий, как свисток. — Катриона Розалинда Бредшоу, ты совсем выжила из ума? Ты никогда в жизни не должна отказываться от приглашений членов королевской семьи, особенно если тебе вообще повезло его получить.

— Она, вероятно, беспокоится о том, что на танцевальном паркете у неё две левые ноги, — язвительно говорит Бьянка.

Я бы с удовольствием показала ей язык.

Леди Бредшоу кладёт вилку с резким стуком.

— Определённо, полученного наказания недостаточно. Хотя мне и не хочется позволять тебе выходить на публику так скоро, никто не может позволить себе отказаться от приглашения членов королевской семьи. Ты пойдёшь, и будешь вести себя правильно, иначе в следующий раз я запру тебя в погреб.

В точности, как "Золушку" в сказке. Но я же всего лишь ужасная сводная сестра, и у меня нет феи-крёстной. Довольно эффективная угроза, должна признать.

— Могу ли я пригласить вас на следующий танец, леди?

— Да, конечно, — отвечаю я автоматически. Первое правило бального этикета: *"Не отказывайтесь от приглашения партнера, если только у вас уже есть другое предложение, или вы смертельно устали"*.

Леди Бредшоу, пожелала убедиться, что я буду вести себя достойно, и создала целый список правил бального этикета, в котором оказалась целая сотня пунктов. Она заставила меня повторять их перед каждым приёмом пищи, что было утомительно для меня, но слуги сочли этот процесс увлекательным.

— Это что-то новенькое после всех благопристойных бесед, — прошептала Марта. Я закатила глаза.

В принципе, Пьерр учил меня этим правилам и раньше, но я никогда не трудилась запомнить их. Теперь, после того как повторила их бесчисленное количество раз, правила отпечатались в моём мозгу как узоры по краям зеркала.

Я медленно сплываю, радуясь следующему правилу: *"Танцевать только каждый"*

второй танец, если начнёт одолевать смертельная усталость". Дом герцога Генри не такой большой, каким я его себе представляла, даже близко не такой, как у лорда Менсфилда, но расположен прямо в центре города, недалеко от королевского института. Думаю, он предпочитает комфорту удобства в посещении медицинских лекций.

И все же здесь достаточно просторная комната с избранным количеством гостей. Не знаю, считать ли это удачей, но на балу больше мужчин, чем женщин. Я рада, что избавлена от унижения торчать у стены, но с другой стороны, меня пугают танцы. Большинство знакомых Генри выглядят великолепно в вечерних костюмах, состоящих из чёрного бархата и белых шёлковых сорочек. Их манера поведения формальная и вежливая, и это заставляет меня нервничать. Я оттаптываю не так уж много ног. Ну, я, хотя бы, следую другому правилу: *"Пусть твои манеры в бальном зале будут тихими, скромными и выдержанными"*.

Глядя на сверкающие огни люстры, висящей надо мной, думаю, что же мне делать с Эллой, когда назначат БАЛ. Если я, при всех своих ежедневных уроках танцев, веду себя как идиотка на первом балу, то Элла вряд ли справится лучше меня. Она выглядела очень нервной на крокетной вечеринке. Может мне стоит провести с ней краткий танцевальный курс?

Бьянка вальсирует мимо меня с каким-то молодым человеком, которого я не узнаю. Кажется, она стреляет взглядами по комнате, едва обращая внимание на партнера. Предполагаю, она жаждет узнать, будет ли присутствовать Эдвард.

Где-то через час я проголодалась настолько, что готова съесть лошадь. Мой партнёр предлагает составить мне компанию, но я отказываюсь. Слишком тяжело пытаться танцевать и одновременно поддерживать с ним беседу. Мне хочется минутку побыть одной. Зайдя в буфет, беру себе нарезанную курицу, сэндвичи с огурцом, несладкое печенье, желейный десерт со вкусом миндаля и молока. Официант говорит, что он называется "бланманже". Затем тянусь за стаканом холодного чая, и несколько молодых людей отскакивают от меня, как будто я собираюсь выплеснуть жидкость на их девственно-белые рубашки.

Плевать. Я ни на миг не жалею о том, что сделала с МакВином, даже если это стоит мне репутации. Как раз допиваю второй бокал, когда появляется Генри.

— Мисс Катриона, — он кланяется и дружелюбно улыбается. — Надеюсь, вы наслаждаетесь этим вечером.

— Спасибо, — улыбаюсь в ответ. — Если бы вы не прислали мне отдельное приглашение, моя мать не позволила бы мне прийти.

— О, это всего лишь мера предосторожности. Вы хорошо проводите время?

— Пока мне удаётся не наступать в танце на ногу партнера, я вполне счастлива.

Он осматривает комнату.

— Может, вы хотите немного передохнуть? Мистер Уэллсли проинформировал меня, что вы заядлая читательница. Могу показать вам свою библиотеку.

Я держу в руке пустой бокал.

— Но вы же хозяйин вечера. Разве вы не должны быть здесь, с гостями?

— Это займёт не больше минуты, — говорит он, беря меня под локоть. — Поверьте, любой поклонник книг будет рад увидеть мою коллекцию.

Чувствую, он хочет поговорить со мной наедине. Пожалуйста, пожалуйста, только не об Элле. Герцог ведёт меня по коридору, который сейчас пустует, затем вверх по узкой лестнице.

— Ваше высочество, — начинаю я. — Насчет Джимми... вы всё ещё им занимаетесь? С ним всё хорошо?

Он на миг зажмуривается.

— Я делаю всё, что могу, но, судя по его слабому состоянию... даже если он поправится физически, он может потерять свои умственные способности.

— Как овощ?

Генри хмурится.

— Прошу прощения?

— Я имею в виду, что он может превратиться в пустую оболочку, и не будет осознавать кто он такой?

— Да.

У меня по спине пробегает мороз. Мы замолкаем. Единственный слышимый звук — это шорох наших шагов по ковру на лестнице.

Наконец, мы добираемся до конца лестницы, по моим предположениям, это третий или четвертый этаж. Генри проводит меня к двери, отпирает её, и мы проходим внутрь. К моему удивлению, здесь уже тепло, в глубине горит камин, с потолка свисает зажжённая люстра и в подставках на каминных полках горят керосиновые лампы.

Чудесная библиотека с уютной мебелью, но во мне растёт подозрение. На одном из диванов, окружающих камин, сидит мужчина, который поднимается, как только мы входим.

— Эдвард, — я секунду пялюсь на него, затем поворачиваюсь к Генри. — Так вот причина, по которой вы привели меня сюда.

Он кланяется.

— Мои извинения, леди, но мой кузен просит о встрече. Вам не о чем беспокоиться, он всего лишь хочет поговорить так, чтобы вас не беспокоили, — Генри переводит взгляд на принца. — Мне нужно вернуться к гостям. Не тревожьтесь о том, чтобы дать мне знать, когда будете уходить, танцы скорее всего продлятся до утра.

Он закрывает дверь. Раздаётся звук проворачивающегося в замке ключа.

— Присаживайтесь, — говорит Эдвард, затем его голос смягчается. — Кэт, нет никаких причин меня бояться. Как и сказал Генри, мне всего лишь нужно поговорить с вами. Наедине.

— Хм... — я не боюсь, но перспектива находиться с ним в запертой комнате меня тревожит. — Окей.

В его глазах появляется недоумение.

— Вы имеете в виду...

— О, хм, это значит "очень хорошо".

Это выражение я подхватила на улице.

Сажусь на диван так, чтобы иметь возможность смотреть на полки, а не пялиться на его лицо.

— Вы хорошо проводите время танцуя? — голос Эдварда вежливый, хотя в нём и чувствуется теплота. Решаю, что он хочет, чтобы снять с меня напряжение.

— Конечно, — ухмыляюсь я. — Но мои партнеры вряд ли.

— Умоляю, объяснитесь.

— Я постоянно наступаю им на ноги. Для меня это не так болезненно, как для них, — чуть приподнимаю ногу, чтобы показать свой каблук.

Он улыбается, и мгновение я пялюсь на него, как идиотка. Seriously, это несправедливо,

быть одновременно таким красивым и быть принцем.

— Я буду счастлив научить вас как-нибудь, — предлагает принц. — Я не так уж часто танцую, но мама сделала всё, чтобы убедиться, что делаю я это хорошо. Не хотите ли вы попрактиковаться в моем саду? Нас там никто не побеспокоит, и вам не придётся волноваться о травмах.

При этих словах у меня отвисает челюсть. *Опасное предложение, Кэт. Оно заходит намного дальше вежливости и дружбы. Он только что предложил дать тебе уроки танцев в его личном саду?*

Господи, и как только я могла впутаться в подобное?

Глава 19

Я борюсь со своими эмоциями. Не отрицаю, он — потрясающий и милый, но вполне очевидно, что нельзя поощрять его. Самое безопасное сейчас — это попытаться сменить тему разговора.

— У вас есть какие-нибудь новости об Адаме Снайдере?

Блеск в его глазах исчезает.

— Мы всё ещё ищем, — мрачно отвечает он. — Гален послал письмо в загородную резиденцию графа Бредшоу, но уйдет какое-то время, прежде чем мы получим ответ.

— Ох, — я опускаю глаза, пытаюсь выглядеть не слишком расстроенной. Как жаль, что здесь нет возможности послать е-мейл.

— Я, на самом деле, хочу спросить вас ещё кое о чём, о новостях по поводу инцидента несколько дней назад. Вашего... эм... конфликта с Эндрю МакВином.

Мои руки сжимаются в кулаки.

— Вы здесь для того, чтобы читать мне лекцию о том чего не должна делать леди?

Его глаза сверкают, уголки губ приподнимаются, он считает, что я дурочка.

— Определённо, такое поведение не даёт результат. Выплёскивание вина на его одежду лишь наносит вред вашей репутации.

Плевать мне на мою репутацию. Эти слова чуть не вырываются из моего рта, но успеваю вовремя прикусывать язык.

— В мои намерения не входило его унижать, — цежу я сквозь зубы. — Джимми вообще не должен работать в этом месте и теперь он умирает, а эта задница живёт как ни в чем не бывало! Любой разозлится на моём месте.

Он поднимает брови.

— Вообще-то, это как раз и нормально. Реакция МакВина может казаться вам жестокой и бессердечной, но детский труд используется столетиями.

— Тогда это нужно менять и полностью запретить, — пылая гневом, говорю я.

Эдвард вздыхает.

— Я не говорю, что вы не правы, всем ясно, что дети страдают. И взрослые тоже, работа двенадцать часов в сутки истощает любого. Но помните, Кэт, что это родители позволяют своим детям работать. Без денег, которые они приносят, семьи будут голодать.

— Я... — мне не удастся сидеть на месте, так что я встаю и начинаю ходить вдоль камина. В его словах есть резон. Но образ маленького Джимми, его голова в повязках, и кровь, сочившаяся на подушку, снова всплывают у меня в голове.

— Давайте думать вот над чем: если у вас есть ребенок, которому приходится попрошайничать на улицах, под дождем и снегом, без малейшей гарантии получить монетку, и тут появляется возможность работы на фабрике со стабильным заработком, что вы предпочтёте?

Я перестаю ходить туда-сюда и вызывающе смотрю на него.

— Мне плевать. Если это единственные возможные варианты, которые есть у детей бедняков, тогда должна сказать, что ваше руководство — отстой. В смысле ужасно, что вы считаете нормальным позволять ребенку работать двенадцать часов при условии, что он не получает смертельную травму.

На секунду он ошеломлённо замирает, но потом у него вырывается смешок. Парень медленно поднимается, не отрывая от меня взгляда.

— Знаете, я могу вас повесить за то, что вы смеете говорить со мной в таком тоне.

— Нет, не можете. Вы же сами говорили, что у монархов лишь консультативная роль при парламентских решениях. А раз не можете влиять на исполнение важных решений, то как же вы сможете сделать так, чтобы меня повесили за то, что я считаю вас некомпетентным? Или в этой стране на троне сидит тиран? — с триумфом спрашиваю я. — И кроме того, я не впервые говорю подобное, и все ещё стою перед вами, живая и здоровая.

Теперь он смеётся, искренним и заразительным смехом. Не могу сдерживаться и улыбаюсь в ответ.

— Вы прекрасно знаете, что я говорил это в шутку, — произносит он. Смех ещё остаётся в его взгляде, в уголках глаз появляются морщинки. — Но даже если бы и обладал властью, то все равно никогда не смог бы причинить вред такой неповторимой леди, как вы.

Он отрывает взгляд от моего лица и начинает рассматривать меня, моё фиолетовое шёлковое платье с тревожно низким вырезом. Я протестовала, когда Элла его вытаскивала платье, но она мне сказала, что такова мода. Я пыталась прикрываться золотым кулоном, но ложбинку между грудей всё равно видно.

Мои щеки краснеют, а ладони потеют. Чёрт, теперь, когда мой гнев рассеивается, я снова становлюсь косноязычной и неуклюжей перед парнем, который с легкостью составляет конкуренцию деньгам мистера Дарси.

— Итак.... — мой голос превращается в жалкий писк. — Насчёт МакВина...

— Я планирую внести закон, — Эдвард снова садится. — И буду просить, чтобы его приняли. В законе будет предусмотрено, что дети в возрасте до двенадцати лет не должны работать больше десяти часов в день.

— Они вообще не должны работать!

Он поднимает руку.

— Я понимаю вашу озабоченность, но парламент всегда неохотно принимает перемены. Если мы предложим радикальные меры, гарантирую, это не принесёт никакого результата. Но если мы будем настаивать на переменах постепенно, шаг за шагом, в конце концов мы выйдем на идеальную ситуацию, о которой вы говорите.

— Восемь часов, — говорю я. Ужасно признавать, что его слова имеют смысл, но "десять часов" всё ещё звучит слишком кошмарно. Да ладно вам, мы даже в школе проводим меньше десяти часов, и ещё постоянно на это жалуемся.

Уголки его губ медленно поднимаются. В его глазах вспыхивает вспышка веселья.

— Ну что, мисс Катриона, вы хотите и дальше продолжать торговаться со мной?

— Восемь часов, — повторяю я.

Мы смотрим друг на друга, словно играем в "гляделки", пока он не кашляет и не протягивает руку.

— Договорились.

Ладно. Теперь, когда мы приходим к соглашению, я иду к дверям.

— Подождите.

Я поворачиваюсь.

— Дверь же не заперта снаружи, ведь так? — определённо, в изначальные намерения Генри входило только помешать посторонним входить в комнату.

— Нет, Генри бы не посмел, — отвечает он. — Садитесь, Кэт. Между нами всё ещё остаётся один нерешённый вопрос. — Его голос становится твёрдым и командирским. Хотя он и утверждает, что у монархии здесь нет настоящей власти, думаю, он всё же по-своему привык командовать. Дома в Окли, Эшли было достаточно лишь взмахнуть, и любой парень бросился бы выполнять её желания.

И все же, не собираюсь ему льстить. Я бросаю на него взгляд и иду обратно черепашьям шагом.

— В тот день, на вечеринке у Фрермонтов, — он постукивает пальцами по колену. — Ваше поведение вызывало у меня недоумение.

О, нет. Моё сердце уходит в пятки. Мне очень не нравится этот подозрительный блеск в его глазах.

— Когда ваша служанка упала в реку, вы попросили меня вытащить её, хотя по близости было вполне достаточно других мужчин. Однако же вам был нужен именно я. Почему?

— Хм... — я не смею поднимать на него глаза. — По... потому, что с вами я лучше знакома?

Его глаза вспыхивают.

— Даже если бы я был вашим женихом, всё равно было бы логичнее обратиться к кому-нибудь поблизости, а не искать человека, находящегося посреди крокетной лужайки.

Моё сердце бьётся сильнее. А он больше смыслит во флирте, чем кажется вначале.

Я прикусываю губу, стараясь припомнить тот день на крокетной лужайке. Вполне понятно, что нельзя выкладывать свои намерения о попытке свести его с Эллой. Но у меня плохо выходит оправдываться, а он ждёт, его взгляд внимательный и пронизывающий. Я должна что-то сказать.

— Потому что я хотела позлить Бьянку, — выпаливаю я. — Как вы, скорее всего, могли понять, мы — не самые лучшие сестры. Я... Я устала от того, что она всегда получает то, что хочет, и в тот день на неё и так обратили внимание множество мужчин. Мне не хотелось, чтобы вы также попали в её список влюбленных обожателей.

Его брови ползут вверх.

— Вы испытываете ревность к своей сестре?

С всепоглощающим ужасом понимаю, что натолкнула его на ошибочную мысль. Он может думать, что я убрала Бьянку с дороги, потому что хочу его для себя.

Нееееееет!

— Я... хм... это не так уж весело, когда все тебя игнорируют или хотят использовать, чтобы подобраться ближе к твоей сестре, — говорю я, вытирая ладони о платье. И это относится не только к Бьянке; Я привыкла, что была менее красивой, менее популярной сестрой. — И в любом случае, — продолжаю я, пытаюсь говорить более нормально, — увидев, как она с вами флиртует, захотелось вмешаться... то есть устроить диверсию.

Принц какое-то время смотрит на меня, словно пытается решить, говорю ли я ему правду.

— А как насчет других поклонников? Вы их тоже удерживаете от ухаживания за вашей сестрой?

— Нет, вообще-то... — я прикрываю рот рукой. Этот разговор становится слишком неприличным. — Бьянку они не слишком волнуют, но вы — другое дело, так что я постаралась остановить её... наверное, не стоило этого делать, но... мне нужно извиняться?

— Не нужно извинений, Кэт, — он улыбается искренней улыбкой, затронувшей его глаза. — У вас нет никаких причин, чтобы беспокоиться насчет вашей сестры. Могу заверить, что все её знаки внимания совершенно бесполезны.

Я улыбаюсь в ответ с чувством облегчения, но этого все ещё недостаточно. Мне нужно, чтобы он влюбился в Эллу. Сейчас, кажется, я ему нравлюсь, но если ясно дам ему понять, что он мне не интересен, то он поймёт намёк и обратит своё внимание на кого-то другого. Он — принц и может получить любую, которую захочет.

Хотя, смотря в его тёплые глаза кофейного цвета с золотистыми крапинками, почему-то не хочется этого делать.

Когда я возвращаюсь в бальный зал, немного запыхавшись после разговора с Эдвардом, ко мне подходит слуга.

— Мисс Катриона? — он низко кланяется. — Ваша сестра ждёт вас.

Бьянка сидит в роскошном кресле, обитом красным бархатом. Возле неё выются двое молодых мужчин, но даже издали на её лбу можно прочесть желание поскорее отделаться от них. Когда я приближаюсь, на её лице появляется выражение облегчения и даже радости.

— Наконец-то ты вернулась, — говорит она укоризненным тоном. — Мне нужно поехать домой. Я вывихнула лодыжку.

— Позвольте мне проводить вас до кареты, мисс Бредшоу, — быстро предлагает один из молодых людей.

— Нет, позвольте мне, — встречает второй. — Я могу нести ваше пальто и сопровождать вас до двери.

— В этом нет необходимости. Со мной моя сестра, — Бьянка поднимается и хватается за локоть. — Подставь мне своё плечо, Катриона. Нет, мистер Ротшильд, мой вывих не настолько серьёзен. Пожалуйста, не беспокойтесь, мистер Линдсей, вам лучше вернуться на танцпол. Есть ещё несколько молодых леди, чьё внимание не стоит игнорировать.

Когда она наклоняется вперед и переносит на меня весь свой вес, её длинные, холодные пальцы впиваются в мою кожу. Как бы сильно она была мне неприятна, я делаю всё возможное, чтобы ей помочь. Когда мы добираемся до кареты, Бьянка залазит в неё лишь с небольшими трудностями, и подозреваю, вывих лодыжки — лишь предлог уехать пораньше.

— Почему ты так спешишь? — спрашиваю я. — Сейчас же едва за полночь.

Она бросает на меня проницательный взгляд. Напряжённость чувствуется даже в темноте.

— Не лги мне, Катриона, — шипит она. — Сперва герцог присылает нам отдельные приглашения, затем он уводит тебя из столовой. Что между вами двумя происходит?

Я сглатываю. Одно ясно совершенно точно — мне нельзя говорить ей об Эдварде. Он определённо хотел, чтобы кто-то знал о его присутствии в доме своего кузена. И, кроме того, невозможно представить, в какое бешенство впадёт Бьянка, если узнает, что я оставалась

наедине с принцем.

— Он хотел показать мне свою библиотеку, — говорю я. — Там как минимум тысяча книг. Я подумала, что она впечатляющая и захотела остаться и поглазеть на книги, так что он просто оставил меня там и вернулся к гостям.

Вот так вот! Думаю, что я неплохо справляюсь. Я где-то читала, что для того, чтобы сделать ложь убедительной, нужно вплести в неё немного правды.

— А откуда он узнал, что ты любишь читать? — спрашивает Бьянка. — Чтение низкопробных книжек вошло у тебя в привычку лишь недавно. Ты с ним общалась в последнее время?

— Я... Я встречала его в "Книжном Черве", — кстати, это правда. — Они друзья с мистером Уэллсли, владельцем магазина.

— Так значит, вы оба помешаны на книгах? — она недоверчиво смотрит на меня.

— Разумеется, нет. Он, определённо, ослеплён моей потрясающей красотой.

Бьянка фыркает.

— Ты считаешь себя достаточно красивой, чтобы увлечь герцога? — её тон напоминает мне Крю, когда он рассмеялся из-за того, что я решила возомнила себя Золушкой.

Мгновением позже она хватает меня за запястье.

— Мне плевать на то, какие отношения у тебя с герцогом, но так как герцог — близкий друг принца, ты можешь сделать кое-что для меня.

Только не это. За этим последует нечто нежелательное.

— Когда ты в следующий раз увидишь герцога, мне нужно, чтобы ты узнала у него всё о принце. Его расписание, намерения, и самое важное — проявляет ли он КАКОЙ-НИБУДЬ интерес к дамам.

— Разве мама не завела шпиона в замке?

Бьянка скрещивает руки и надувает губы.

— Принц узнал о нём. Теперь слугу назначили в летний дворец в нескольких милях от замка.

Так держать, Эдвард! Так вот, значит, как ты поддерживаешь свою таинственность и отчужденность на публике.

— Но, я редко вижу герцога. И, даже если буду с ним говорить, вряд ли смогу узнать у него всё, что тебя интересует.

— Если Генри заботится о том, чтобы прислать тебе приглашение, особенно после твоего ужасного поведения с МакВином, он как минимум должен видеть в тебе нечто особенное. — *Нечто особенное?* Он действовал по указу принца.

— Узнай у него всё о принце, — командует Бьянка. Я закатываю глаза: она ведёт себя так, словно уже стала королевой. — Иначе Я скажу маме, что ты пользуешься нашей коляской, чтобы ездить в бедный район и берёшь с собой Эллу.

На этот раз я хватаю её за запястье.

— Ты знаешь?

Она вздёргивает подбородок.

— Вен сказал мне, что ты посещаешь трущобы так же часто, как и книжный магазин. Мама не будет рада это слышать. Особенно о том факте, что ты позволяешь служанке сидеть в коляске рядом с тобой, как будто вы одного круга.

— Это было срочно, — стискивая зубы, говорю я. — Мама Эллы была серьезно больна, а потом её брат получил травму...

— Это их дела, — шипит Бьянка. — Ты что, святая или сестра милосердия? Ты должна волноваться о своих перспективах выйти замуж! С начала сезона прошло два месяца, и до сих пор никто не проявляет к тебе ни малейшего интереса.

— Мистер Ллойд проявляет, — бормочу я.

— Он не считается, он невыносим.

Мои симпатии к Ллойдю возрастают.

— И твои перспективы уменьшились из-за твоей глупой истерики перед МакВином. Если бы герцог не проявлял к тебе интереса... Маме было глубоко стыдно за тебя. Она может упаковать твои вещи и отправить тебя с гувернанткой в наше загородное поместье, пока ты не научишься вести себя должным образом.

Меня передёргивает. Я определённо не хочу, чтобы это происходило. Иначе застряну в Ателии навечно.

Какое-то время мы молчим. В карете слышится лишь цокот лошадиных подков.

— Почему ты так помешана... почему ты так стремишься получить принца? — спрашиваю я.

— Я мечтаю о нём с тех пор, как впервые увидела, когда мы были детьми, — говорит Бьянка, её голос становится заметно мягче. Не знала, что она способна говорить с такой нежностью. — Ты помнишь пикник во дворце, на котором мы были, когда нам было лет десять?

— Нет, — разумеется, я не помню об этом.

У нее вырывается стон отвращения.

— Ты была занята тогда поеданием корзиночек с желе. И, в любом случае, все мальчики смотрели только на меня, он был единственным, кто не обращал на меня внимания. И тогда я поклялась себе, что добьюсь его.

Закатываю глаза. Я-то думала, что она расскажет какую-нибудь трогательную историю, а оказалось, что в Эдварда она не влюблена, а просто не выносит, когда её игнорируют.

— И я знаю, что могу. У меня больше шансов, чем у любой девушки в королевстве, — затем она снова заговаривает своим обычным, холодным голосом. — Ничто не встанет на моем пути, чтобы стать королевой, королевой Ателии. И в этом ты мне поможешь.

Глава 20

Вхожу в свою комнату и вижу, что Крю сидит на подоконнике и дремлет. Когда я захлопываю дверь и тащусь к постели на ноющих ногах, он приоткрывает один глаз, затем взлетает и висит в воздухе над кроватью. Признаюсь себе, что, несмотря на то, что он раздражает меня, приятно разговаривать с кем-то, кто знает, кто ты есть на самом деле.

— Как всё прошло? Чего на самом деле хотел герцог?

Я стаскиваю туфли и чулки, и швыряю их на ковёр. Господи, какое облегчение, наконец-то шевелить пальцами перед горящим камином. Марта или Элла, наверное, разожгли его, когда мы приехали домой.

— Все... хорошо. Мы с Генри не так уж много говорили, вообще-то.

— Не верю, — луковичные глаза Крю светятся, словно жёлтые огни светофора. — Чем более безразличной ты кажешься, тем больше я склонен считать, что произошло нечто грандиозное. Ну же, девочка. Или мне придется опрокинуть вон тот кувшин с водой на

комоде.

Проклятие, он бесит меня. Я не успела умыться и почистить зубы, и не хочу валяться в постели в своём нынешнем состоянии, поэтому предоставляю ему краткий отчёт о танцах. Мне приходится также включить в отчёт Эдварда, так как Крю уверен, что мой "безразличный тон" связан с возможной встречей с принцем, но я пытаюсь лишь ограничиться рассказом о беседе насчёт восьмичасового рабочего дня. Каким-то образом речь заходит о просьбе Бьянки, а точнее о её угрозе, чтобы я докладывала ей о расписании принца, потому что сейчас у меня "особое" знакомство с герцогом Генри.

— Она хочет, чтобы ты выпытывала информацию о дорогом Эдди у его кузена?

— Перестань. Называть. Его. Эдди.

Крю ухмыляется.

— Вот тебе идея, как насчет того, чтобы соблазнять герцога Генри?

Я чуть не падаю с кровати.

— Ты спятил!

— А почему нет? Это решает большинство твоих проблем.

Я стону.

— Во-первых, Бьянка не совсем верит в то, что Генри интересуется мной. Во-вторых, он... он скорее всего, уже интересуется Эллой.

Кувыркаясь как Спайдермен, Крю смотрит на меня с дурацкой улыбкой и болтает в воздухе ногами.

— Аха! Девочка, если ты привлекаешь к себе внимание герцога, то подходишь ближе к своей цели.

— Не вижу, каким образом.

— Ты, как обычно, глупа, — он скорбно качает головой. — Мне казалось, что твоя цель — свести Эдди со своей служанкой.

На этот раз до меня доходит. Если я отвлекаю внимание Генри на себя, тогда он забывает об Элле. Плюс, если мы с ним становимся парой, Эдвард больше не флиртует со мной.

— Но... — хватая подушку, зарываюсь в неё лицом. — Господи, у меня никогда не было постоянного парня, а ты говоришь, что мне нужно соблазнять герцога.

Это смешно! Невозможно. Я, и соблазнительница? Да я скорее услышу, что Эшли восторгается прелестями жизни в маленьком городке.

Крю продолжает подпрыгивать.

— Ну, тогда ты навсегда остаёшься в книжке. Это не так тяжело, раз ты уже привыкаешь носить широкие юбки и красивые шляпы.

Ни за что! Я ХОЧУ домой! Мне хочется носить простую удобную одежду, пользоваться горячей водой. Я скучаю по интернету, и больше всего — по своей семье. Откидывая подушку в сторону, сажусь прямо.

У меня не выходит представить Генри иначе, чем хорошего друга, но у него привлекательные физические данные, которые стали вполне очевидными после того, как он спас Эллу из реки. Он любезный, добрый, сострадательный. Чего ещё можно желать?

Я вытесняю мысли о невозможности, неловкости и ужасе попыток подцепить парня. Боже, мне следует читать больше статей в "*Seventeen*", потому что там можно найти идеи, как привлечь парня. Хотя, в этом старомодном элитарном обществе они вряд ли сработают.

— Ладно, — чувствую себя Венди, которую Капитан Крюк заставляет проходить по

планке. — Я попробую.

Леди Бредшоу удивляется моей просьбе о дополнительных уроках этикета.

— Значит, ты, наконец, понимаешь, как важно привлечь мужа? — спрашивает она, когда я заодно прошу о покупках.

— Да, мама, — отвечаю ей, пытаюсь при этом выглядеть раскисающей. — После посещения бала у герцога Генри, мне понятно, что его знакомые более желанны, чем другие.

— Хм-м-м, — леди Бредшоу поджимает губы. — Герцог больше склонен общаться с торговцами, чем с аристократией. Но я буду благодарна, если ты из-за своих последних выступлений вообще сможешь получить хоть кого-нибудь.

Вот уже несколько недель я работаю над своей внешностью и манерой держаться, пытаюсь преодолевать свою неуклюжесть в ужасно неудобных кринолинах и кошмарных юбках. У меня появляются некоторые улучшения. Всё время думаю о маме и Пейдж, и в конце концов, после долгого привыкания к культуре Ателии, я становлюсь вполне подготовленной..

Когда Пьерр заявляет, что мои походка и осанка приемлемы, решаю, что пора действовать. Я сажусь за свой письменный стол и пишу записку для Генри, в которой спрашиваю, можно ли мне снова посетить его библиотеку. Просьба кажется вполне разумной, и мне легко о ней писать, не испытывая при этом смущения.

Однако, когда посыльный возвращается, то сообщает, что герцог отсутствует, и он оставил мою записку у его дворецкого Томаса.

Ну, конечно, удача как всегда на моей стороне. Нет ничего удивительного.

Я решаю снова наведаться в книжный магазин. Эллы какое-то время нет дома. Леди Бредшоу приказывает слугам провести в доме тщательную уборку и стирку, что полностью их истощает. Я могу встретить Билли и спросить, как дела у Джимми.

В книжном магазине находится только Билли, который чистит корешки книг большим желтым пером для пыли.

— Привет, Билли, — улыбаясь, здороваюсь я. — Как твои дела сегодня? Чувствуешь энергию солнечного утра?

Он улыбается в ответ сияющей улыбкой и кивает.

— А мистера Уэллсли здесь нет? — обычно в магазине всегда находится Мистер Уэллсли, а работа Билли — быть на побегушках.

— Он в подвале, — Билли берёт меня за руку и проводит за прилавок. Мы входим в узкий коридор, который пахнет книгами и выцветшими чернилами. В конце коридора находится покосившаяся лестница, которая ведёт на нижний этаж. Осторожно спускаюсь вниз. Независимо от того, как просто я одета, от длинных юбок никуда не деться, даже в середине лета. Хотя это и благословение для поклонников Бьянки. Если они увидят её в мини юбке, выставяющей напоказ её модельного вида ноги, они из полу-идиотов превратятся в полнейших идиотов. Билли указывает мне на комнату с открытой дверью. Изнутри доносятся невнятные голоса.

Войдя в помещение, вижу за столом мистера Уэллсли и нескольких мужчин. В комнате беспорядок, валяются кучи старых изданий, которые выглядят так, словно их место в музее, и стопки книг, грозящие вот-вот развалиться.

— Кто это? — спрашивает какой-то мужчина, почему-то не слишком дружелюбным тоном. Он большой, широкоплечий, с собранными в хвост волосами и с руками, похожими на ствол дерева, создающими впечатление, что он вполне может вышвырнуть меня через

окно.

— Леди? — мистер Уэллсли бросает на меня любопытный взгляд из-под очков. — Что-то случилось?

— Хм... — я неуверенно пячусь назад, думая, не попала ли на собрание заговорщиков. — Вы же не делаете ничего нелегального?

Он ухмыляется.

— Ты угадала, леди. Мы занимаемся контрабандой опиума и наркотиков в королевстве. Теперь ты раскрыла наш маленький грязный секрет, и боюсь, что ты не выйдешь живой из этой комнаты.

Теперь мне становится ясно, что он шутит.

— Вы не смеете.

Мистер Уэллсли протирает очки своим зелёным фартуком.

— Тут я согласен. Его высочество заживо сдерёт с меня шкуру, если с тобой что-нибудь случится.

Моё сердце пропускает удар. Откуда он знает обо мне и Эдварде?

— Только что вспомнил, — мистер Уэллсли хлопает себя по лбу. — Сегодня парламент голосует за закон, который предоставил на рассмотрение его высочество.

— О восьмичасовом рабочем дне?

— Его отклонили.

У меня отвисает челюсть.

— Отклонили? Почему? Разве они не видят, что это просто бесчеловечно позволять детям работать больше чем восемь часов в день? Даже до того, как Джимми получил травму, он был таким тощим и хрупким, что на него было больно смотреть.

Мистер Уэллсли качает головой.

— Ничто не станет между недобросовестными владельцами и их неуёмной жаждой богатства. Как минимум четверть из них заседает в парламенте, и больше половины лордов так или иначе связаны с промышленностью. Это будет долгая, тяжелая кампания, если мы хотим ввести законодательный запрет на тех, кто опротестовывает право человека на труд.

— А Эндрю МакВин тоже там заседает?

— Нет, но у него десять процентов голосов. Не стоит тебе снова выплескивать на него вино. Мы об этом позаботимся.

— Как?

— Она слишком любознательна для леди, — рычит один из мужчин. — Уэллсли, если ты продолжишь отвечать на её вопросы, мы никогда не закончим.

Мужчина с конским хвостом отодвигает свой стул, поднимается и движется в мою сторону, и на миг мне кажется, что он и правда собирается меня вышвырнуть, но он лишь смотрит на меня.

— Нам здесь не нужны молодые девушки, которые суют свой нос в наши дела. Идите-ка отсюда и занимайтесь лучше вышиванием.

Горячая волна злости охватывает меня. Будь то хозяин фабрики или рабочий, взгляды по отношению к женщинам у них одинаковые. Господи, как же я скучаю по современному миру.

Мистер Уэллсли прокашливается.

— Видишь ли, Годфри, это не такая благородная леди, к которым ты привык. Она поддерживала его высочество, когда он вносил закон о восьмичасовом рабочем дне.

Годфри «Лошадиный Хвост» этим не впечатлён, кажется.

— Восемь часов — это немного резковатое начало при том, что дети вынуждены работать по двенадцать или пятнадцать часов. Принцу стоит лучше подумать над его изначальной идеей.

— Всё ещё есть надежда на поправки, — говорит мистер Уэллсли. — Слушайте, почему бы вам не продолжить дискуссию по мобилизации в фабричных городках? А я провожу леди к выходу.

Мне не слишком нравится идея с "провождением" (скорее меня гонят пинками), но я итак не намереваюсь оставаться здесь с этими сексистами. Особенно после того, как Годфри качает головой и бормочет.

— Может быть, Господь все-таки уберёжёт нас от богачей, которые считают, что они знают всё о настоящем мире.

Страхивая руку мистера Уэллсли со своего локтя, холодно говорю.

— Я могу сама найти выход, спасибо.

Он понижает голос.

— Знаю, что они не очень-то дружелюбные, но вы никак не можете помочь из-за того, кто вы есть и как выглядите. Вы — леди из привилегированного общества, и, даже если вы симпатизируете рабочему классу, все равно не поймете, что значит быть бедным и бороться с этим.

— Это не классовый вопрос, — бормочу, стряхивая пыль со своей юбки. Я не слышала от него критику в адрес Эдварда за то, что тот является частью богачей. Они видят во мне бесполезную женщину, которая не должна совать свой нос в общественные дела. По их мнению, женщины недостаточно умны.

— Для вас достаточно оказывать моральную поддержку, — говорит мистер Уэллсли. — Видите ли, мы здесь организовываем ассамблеи, формируем союзы и собираем подписи под петициями правительству. Даже если вы хотите вносить свой вклад, вы не можете проявлять себя в общественной деятельности.

— Почему нет?

Мистер Уэллсли как-то странно на меня смотрит.

— Ваш ум, определённо, работает не так, как у других молодых леди — это точно. Вы что, прибыли с другой планеты?

Ха. Очень близко к правде.

— В любом случае, — его тон резкий и твёрдый. — Вы здесь мало что можете поделать. Лучше оставьте эту проблему нам.

Меня возмущает его покровительственный тон, и я сдерживаю искушение показать ему язык.

— Кстати, разве через несколько дней не открывается ежегодное шоу цветов? Если вы не были там в прошлом году, то предлагаю вам посетить данное мероприятие. Это отвлечёт вас от тревожных вопросов. Пусть ваша прелестная головка отдыхает.

И тут до меня доходит, что я идиотка. С чего вдруг меня волнует несправедливость сказочного мира, когда это определённо не моё дело? Мне точно нужно возвращаться к своей миссии.

— Прости, что тебе снова приходится заниматься моими волосами, — говорю я, пока Элла ловко расчесывает мои волосы. Я пытаюсь сделать себе несколько модных причёсок, но, в конце концов, сдаюсь. Моя неуклюжесть простирается и на мои руки, это очевидно по

ужасающей игре на пианино: мои пальцы стучат по клавишам словно сосиски. Моя игра улучшается, но ничто не может заменить годы практики.

Возвращаясь с утренней прогулки в парке, где ругаю себя за невозможность ходить за герцогом Генри, чуть не натыкаюсь на низко висящую ветку какого-то дурацкого дерева. При этом несколько листьев застревают в моих волосах.

— Но мне нравится заниматься вашими волосами, — Элла подхватывает рыжую прядь, которая спускается на мою ключицу. — Они такие красивые, густые и волнистые, как цвет вина. И, кроме того, вы должны снять свою одежду для верховой езды, так что мы заодно можем и причесать вас заново. Могу я приколоть розу у вашего уха? Те бутоны, что вы принесли из магазина такие красивые, что жалко не использовать их.

Смотрю на своё окно. В мой последний визит во дворец Эдвард настоял на том, чтобы я взяла растения из его сада. А так как я говорила Марте, что хочу разводить цветы, то решила принять этот подарок. Розы растут хорошо, несмотря на дым из дымохода и пыль с улицы. Понятия не имею, что это за сорт, но Эдвард определённо знает, что делает: они огромные, малиново-красные с приятным ароматом.

— Но цветы такие большие, — говорю я. — разве я не буду выглядеть смешной с огромной розой в волосах?

— Ни в коем случае, — решительно отвечает Элла. — Это элегантный штрих; вы же не целый букет прикалываете. Разве вы не собираетесь на королевское цветочное шоу сегодня? Цветок в волосах как раз то, что нужно. Спорю на что угодно, что многие девушки сделают то же самое.

Девушка слегка поворачивает мою голову, чтобы дать мне возможность рассмотреть в зеркале свою причёску, и собирает мои волосы на затылке в низкий шиньон. Роза помещается как раз в центре. Честно говоря, я выгляжу красивой, и даже могу сойти за подружку невесты.

Кто-то стучит в дверь. В комнату входит горничная и несёт серебряный поднос для визитных карточек.

— Кто может приходить к нам в такое время? — я медленно поворачиваюсь, чтобы не растрепать причёску. — Ещё даже нет полудня. — К этому времени мне уже известно, что наносить визиты утром не принято. Утром могут приходить лишь самые близкие знакомые, и сомневаюсь, что у меня здесь есть таковые.

— Это не визитная карточка, — говорит Элла, передавая мне конверт. Качество бумаги и цвет мне знакомы, я получала точно такой же месяц назад. Пальцы слегка дрожат, и, открывая конверт, вынимаю из него письмо.

"Моя дорогая мисс Катриона,

После того, как я узнал, что вы восторгаетесь моей библиотекой, с сожалением вынужден сообщить вам, что моё нынешнее расписание очень загружено. Лекции по медицине, практические занятия, и, разумеется, визиты к семье Эллы, отнимают большую часть моего времени.

Однако, пусть моё текущее расписание не мешает вам наслаждаться чтением. Вам всегда рады в моём доме, и вы всегда можете пользоваться моими книгами. Я проинформировал своего дворецкого Томаса, что он должен быть готов к тому, что вы можете нанести визит, и что он должен обеспечивать вас всем необходимым.

*Искренне ваш,
Генри."*

Глава 21

Я выпускаю письмо из рук, позволяя ему упасть на колени. Герцог кажется очень внимательным, позволяя мне посещать его дом, когда он там отсутствует. Может быть, соблазнить его не так сложно, как ожидалось?

— Это от поклонника? — спрашивает Элла. Она только что срезала розу с окна. На её губах играет улыбка.

Моё первое побуждение — сказать "нет", но мы ведь сейчас говорим о герцоге Генри. О мужчине, которого я планирую удерживать подальше от Эллы.

— Это от Генри, — я машу письмом. — Он предлагает мне пользоваться его библиотекой в любое время. Разве это не щедро с его стороны? Он знает о моей любви к книгам и даже показывал мне свою коллекцию, когда присылал мне то персональное приглашение на его домашнюю вечеринку.

Элла тянется за расчёской, промахивается и берёт её в руки лишь со второй попытки.

— Как мило с его стороны, — тихо говорит она. — Мистер Генри всегда проявляет к нам только доброту. Я желаю вам удачи, мисс.

В её голосе нет горечи, но ей точно больно. Мне очень скверно, как можно сыпать соль на её не зажившие раны?

— Элла, я не... — я останавливаюсь и успокаиваюсь. Думай о маме! Думай о Пейдж! Мне нужно стать грубой, если хочу вернуться домой. Делая глубокий вдох, говорю. — Можешь помочь мне надеть новое платье, купленное купила?

Минутой позже, стоя перед зеркалом, я сожалею о своём выборе. Это платье без плеч, с таким низким декольте, что видно чуть ли не половину моей груди. Оно, определённо, было бы как раз к месту на выпускном в старшей школе, или даже на свадьбе в настоящем мире, но в этом старомодном обществе оно точно попадает в разряд платьев для шлюх. Оно напоминает мне о золотом платье, которое надевала Белль из Диснеевской *"Красавицы и Чудовища"*, вот только моё — более открытое.

Даже Бьянка поднимает брови, когда я спускаюсь вниз.

— Ты решила подцепить кого-то, с кем познакомилась на балу у герцога?

— Может быть, — я вздёргиваю подбородок, намереваясь быть с ней дерзкой.

Это не срабатывает.

— Только если твой объект не сам герцог. Он может быть и легко влюбляется, но показывать больше голого тела недостаточно, — Бьянка поправляет бриллиантовый кулон так, чтобы камень оказался как раз в ложбинке её горла. Я слышу шорох юбок и вижу, как появляется леди Бредшоу.

— Всё ещё неизвестно, появится ли принц, — говорит она с нотками раздражения в голосе. — Я слышала, как леди Менсфилд говорила, что он сейчас занят в парламенте. А из-за того, что цветочное шоу привлекает с каждым годом всё больше и больше людей, он может вообще не прийти.

— Не говоря уже о том, что его будет трудно найти в толпе, — отвечает Бьянка, сжимая руки. — Но, в любом случае, лучше к этому подготовиться.

— Катриона! — набрасывается на меня леди Бредшоу, с круглыми как блюдца глазами. — О чём ты думала, когда решила пойти на шоу в этом скандальном наряде?

Говоря о подготовке к рынку невест, я имела в виду, что твоё платье должно производить впечатление, а не выставлять напоказ тело!

Жар опалает мои щеки; Я обхватываю себя за локти и пытаюсь спорить.

— Но ты же не жаловалась, когда покупала мне это платье.

— Я считаю, что оно должно надеваться в комплекте с шалью и брошью, — рывкает леди Бредшоу и приказывает Элле принести аксессуары. Накидывая на плечи шёлковую шаль, действительно считаю, что так лучше. Если есть хотя бы минимальный шанс на появление Эдварда, мне не хочется, чтобы он увидел меня в этом "платье Белль". Я сохраню полный образ для дома Генри, планируя одеть это платье во время одного из предложенных им визитов в библиотеку, хотя с этим придётся подождать до вечера, когда будет большая вероятность того, что он окажется дома.

Цветочное шоу потрясающее. Официально оно называется "Королевская Интернациональная Садоводческая выставка", но все называют его просто — цветочным шоу. Я была в саду Эдварда, но это был всего лишь один сад с красивым дизайном. Шоу — комбинация множества садов, необычных, гениальных творений. Это микс креативных мыслей, где каждая превосходит предыдущую. Здесь есть сад, который напоминает японский дзен-сад, который я когда-то видела на фотографии: камни, низкорослые кусты и песок. Другой — выставка кактусов, со стендом на заднем фоне, изображавшем пустыню. Но не все экспозиции необычные. Здесь также можно увидеть деревянную арку, которая привлекает множество дам, бормочущих слова восхищения и детей, визжащих от восторга. Пионы, розы и лаванда переплетаются с лианами, свисая с арки, словно длинная цветочная занавесь. Я хотела сделать фотографию, но потом в сотый раз напомнила себе, что фотоаппаратов здесь не существует.

Когда Бьянка появляется у входа, несколько мужчин моментально оказываются рядом, как будто установили радар на её появление. Я пытаюсь ускользнуть, пока леди Бредшоу осматривает толпу ястребиным взглядом, выискивая в ней подходящих молодых людей. К счастью, мимо нас проходит леди средних лет в шляпе, декорированной цветами, и отвлекает её.

— Айлин! Боже мой, кажется, прошло лет десять, когда мы виделись в последний раз?

Пока леди Бредшоу занята со старой подругой, я притворяюсь, что восхищаюсь занавесью из цветов, а затем пробираюсь через толпу, словно змея в компьютерной игре "Nibbles". Оглядываясь, вижу, что леди Бредшоу нигде нет.

Да! Я мысленно хлопаю себя по спине. Последнее, что мне нужно — это поклонники, дышащие мне в спину. Теперь можно спокойно бродить по выставке в своё удовольствие.

Какое-то время я рассматриваю экспозиции и одновременно высматриваю Генри или Эдварда.

— Пять сотен фунтов за жалкий горшок с цветами? — разъярённый голос гремит где-то справа от меня. — Мне плевать какие они редкие, любая цена выше сотни фунтов — это непомерная сумма для цветов. Даже если бы принц лично их высаживал!

Эндрю МакВин. Бр — р—р, мне точно не хочется наткнуться на него. Двигаясь в противоположном направлении от его голоса, вниз по покрытым мхом ступенькам, мимо цветочных клумб в виде шаров, я добираюсь до павильона, окружённого изгородью, выстриженной в форме кошачьих и собачьих голов, и, тяжело дыша, прислоняюсь к колонне павильона. Моя шаль сползает с плеч, и я поправляю её. Место кажется пустынным, пока неожиданный голос, раздающийся за одной из гигантских кошачьих голов, даёт мне понять,

что я не одна.

— Пожалуйста, скажите, что вы не играете со мной.

Это Поппи!

Мы не часто виделись с ней после обеда у лорда Менсфилда. Она пыталась провести меня, но леди Бредшоу не пустила её, так как предполагалось, что я под домашним арестом. Меня радует, что девушка не отвернулась от меня.

Приближаясь к изгороди, осторожно выглядываю. Определённо — это Поппи. Мистер Давенпорт держит её за руки и притягивает ближе, а Поппи закрывает глаза...

Треск. Я наступаю на одну из сухих веток на траве.

Они отпрыгивают друг от друга, словно их ударило током. Я в сотый раз проклиная свою неуклюжесть.

— Простите! — с извиняющимся видом киваю Поппи. — Я не знала... в любом случае, не обращайтесь на меня внимания. Пожалуйста, продолжайте. — И приподнимая юбки, стараюсь уйти как можно быстрее.

Боже мой, не могу поверить, что только что застала Поппи за поцелуями с её бойфрендом! Или, скорее, поклонником. Так и знала, что все эти насмешки и подшучивания между ними превратятся в сексуальное притяжение. Они так мило выглядели, стоя между этими изгородями в виде звериных голов. Я точно потребую у неё отчета о деталях.

Продолжая бродить по садам, высматривая МакВина, Генри или Эдварда, натываюсь лишь на людей, с которыми познакомилась с начала сезона. Мне несколько раз вежливо кивают, но без лишнего энтузиазма. Ну ладно, наверное, все они считают, что у меня нет никаких манер и перспектив удачно выйти замуж.

Внезапно, я замечаю Галена, идущего к длинному столу с глиняным подносом, на котором стоит игрушечный коттедж, полностью увитый плющом, кустарником и цветами. Он похож на рождественский пряничный домик, где глазурь и конфеты заменили цветочными украшениями.

Интересно, есть ли у него новости о Снайпере? Прошло уже так много времени, что я почти забыла о нём.

Я направляюсь к Галену, но кое-кто добирается до него первым. Клер вместе с женщиной средних лет, в которой узнаю её мать. На них обеих роскошные платья и дорогие украшения. Я прячу улыбку, шляпа Клер в точности такая же, как и у Бьянки. Наверное, они ещё не встретились, иначе она не носила бы её.

— Прелестный домик, — говорит леди Фрермонт, кивая Галену. — Предполагаю, это работа Его высочества?

Гален напускает свой фирменный мрачный вид.

— Нет.

Но леди Фрермонт не из пугливых.

— Я так понимаю, что Его высочество не присоединится к нам сегодня?

— Нет.

— Мама, — Клер кладёт свою руку на руку матери. — Его высочество сейчас очень занят, чтобы отвлекаться на посещение шоу. Папа говорит, что он пытается провести в парламенте новый закон.

— Который отклонили, — говорит леди Фрермонт, в голосе которой сквозит неверие. — Это свидетельствует о том, что его попытки напрасны. Человек его положения предназначен для жизни, полной удовольствий. Он мог бы быть здесь и перерезать ленточку

на открытии шоу.

— Уверена, Его Высочество хотел бы быть здесь, — поспешно говорит Клер. — Но дело в том, что в данный момент он больше сосредоточен на благополучии народа.

— Разумеется, моя дорогая, — быстро отвечает леди Фрермонт. — То, что он делает вполне похвально. Но он мог бы просто организовать благотворительное мероприятие и собрать средства. Например, сделать так, чтобы средства от продажи билетов на этом шоу пошли в детский дом. Богатые могли бы сделать свой вклад, и бедняки получили бы поддержку. В этом плане ему проще получить внимание людей и при этом приложить значительно меньше усилий.

Гален ставит коттедж на стол к другим изделиям: собор, колокольня, фонтан и памятник.

— Не моё дело указывать принцу, как он должен распоряжаться своим временем. Вы лучше сами ему это скажите, мадам.

— Разумеется, я так и сделаю, — быстро отвечает леди Фрермонт. — Есть только одна незначительная проблема: где нам его найти? Вы знаете его расписание?

Ага. Леди Фрермонт, как и леди Бредшоу, тоже отчаянно желает знать, где обычно бывает Эдвард. Сомневаюсь, что Гален в курсе, но если и знает, то, думаю, наиболее вероятным его ответом станет фраза: "Не моё дело информировать других о расписании принца". Мне кажется, что если бы леди Фрермонт оказалась в нашем мире, она бы стала отличным папарацци.

— Или, может вы знаете кого-то, кто может быть знаком с расписанием принца, кроме его кузена?

Она определённо очень настойчивая.

— Леди Фрермонт, — заговариваю я, делая шаг вперёд. — Простите, что вмешиваюсь, но я не могу согласиться с тем, что вы говорили ранее.

— Кто вы? — раздраженно спрашивает леди Фрермонт. — О, вы сестра Бьянки. Как мило встретиться с вами снова. Хорошо проводите время? Клер, почему бы вам вместе не пройтись и не посмотреть, может, ты сможешь заодно увидаться с Бьянкой?

Она явно желает, чтобы я исчезла.

— Если вы, и правда, считаете, что Эд... Его Высочество делает хорошее дело, тогда бы вы не предлагали ему заниматься благотворительностью, — говорю я, решая игнорировать её предложение. — Благотворительность — это хорошо, но она даёт только временное облегчение. Но если принц сможет изменить закон, то преимущества для бедняков будут более продолжительными.

Теперь они смотрят на меня, все трое.

Если бы они знали меня в реальной жизни, то не удивлялись бы так сильно. Наверное. Хотя мы и не живём на грани бедности, мама часто жалуется, что она бы предпочла повышение зарплаты разовым бонусам.

Леди Фрермонт звонко смеётся.

— Это правда, но Его Высочество может предоставить этот вопрос парламенту. Нет никаких причин следить за всем.

— То есть вы хотите сказать, что ему следует служить только декорацией? — возмущенно спрашиваю я. — Вы считаете, что он свободен делать что угодно, и при этом зря тратит своё время, работая над возможностью улучшить жизнь подданных? По правде говоря, сомневаюсь, что Его Высочеству понравится то, что его рассматривают лишь как

красивого мальчика.

Гален фыркает. У Клер перехватывает дыхание. А леди Фрермонт пристально на меня смотрит.

— Вы обладаете очень своеобразной точкой зрения, должна сказать, — наконец выдавливают она из себя. — Клер, кажется, нам пора идти смотреть цветочные часы. Уже почти три часа, а мне говорили, что каждые три часа посетителей ожидает особый сюрприз.

Я смотрю, как они с дочерью уходят. Чуть поворачиваясь, Клер бросает на меня подозрительный взгляд. Наверное, сейчас она думает о моем участии гонке за Эдвардом, но как ни странно, мне всё равно. Раньше я была невидимкой и ничего не значила, как будто Бьянка — единственная существующая дочь леди Бредшоу. Теперь, по крайней мере, она запомнит, как меня зовут. Мне больше не хочется быть ничего не значащей младшей сестрой Бьянки.

Гален поправляет цветочный домик, отряхивает руки, а затем поворачивается ко мне.

— Чем могу помочь вам, леди? — его голос всё ещё ворчливый, но враждебность исчезла.

— Вы нашли Снайдера? — нетерпеливо спрашиваю я.

Он хмурится.

— Мне бы хотелось, чтобы Его Высочество вам сказал, но так как вы спросили меня сейчас, то ответ — "да".

Мне становится легче на сердце.

— Где он? Он всё ещё в стране?

— Он умер.

Глава 22

— Умер? — лёгкость из моей груди испаряется, сменяясь холодом. — Как он может быть мёртв?

Губы Галена дёргаются.

— Он — человек, не бессмертный. Адам Снайдер умер десять лет назад, в пьяной драке. Сердце ноет. Тупик.

— А я удивлялась, почему мы так долго ждём.

— Причина, по которой мы не могли найти Снайдера раньше — то, что вы дали нам не правильные данные.

— Я? Что же я сказала не так?

— Снайдер не был садовником у графа Бредшоу, — лаконично отвечает Гален. — Он работал на вашу мать до того, как она вышла замуж за графа. Старый дворецкий графа ответил нам и сказал, что фактически Снайдер был садовником леди Бредшоу. Следовательно, нам пришлось перенаправить письмо в её имение возле Лодчена.

Лодчен. Исходя из того, что мне известно о сказочном мире, это автономный регион на севере Ателии, со своей собственной культурой и религией. Один из поклонников Бьянки приехал оттуда с таким сильным акцентом, что мне всегда приходилось его просить повторить сказанное. Бьянка говорила о бедняге с пренебрежением, начиная с его акцента и заканчивая произношением.

— Я никогда не мечтала выйти за него замуж и переехать в его бесплодные земли на

севере! Только представь, поездка в столицу и назад станет занимать целую неделю.

Проклятие!

Мои мысли всё ещё в беспорядке, когда я покидаю цветочное шоу. До дома Генри можно пройти пешком, потому что его дом и место проведения выставки находятся в центре. Прошу Вена сообщить Бьянке и леди Бредшоу, куда Я иду и говорю, что всегда могу попросить герцога обеспечить мне транспорт, чтобы добраться домой. На его лице читается облегчение от того, что его не заставляют везти меня к Элле домой или ещё куда-нибудь, где леди не должна появляться.

Дворецкий Томас оказывается очень дружелюбным, когда приветствует меня у входа.

— А, мисс Катриона, не так ли? Мой господин сообщил мне, что можно вашего визита. Это удовольствие снова видеть вас в этом доме.

— А Генри сейчас нет?

Томас качает головой.

— Его график сейчас невероятно плотный. Однако, он предупредил нас, что ужинать будет дома.

— О, хорошо, — говорю я, хотя и ощущаю облегчение от того, что Генри сейчас нет дома. — Я не намеревалась так быстро воспользоваться его гостеприимством, но так как шоу проходит всего лишь за углом, то не могла устоять от визита.

— Не волнуйтесь, мисс Катриона, для нас всегда удовольствие, когда леди посещает дом. Особенно такая юная и очаровательная.

Он улыбается мне широкой улыбкой до ушей, берёт мою шляпу и пальто, и предлагает мне на выбор чай или кофе с бисквитами. Дворецкие, которых я встречала у Фремонтов и Менсфилдов были вежливыми, но такими жёсткими и сухими, что были похожи на роботов. Думаю, что характер хозяина отражается на его слугах, хотя то же самое сложно сказать о леди Бредшоу.

Библиотека кажется больше, чем мне запомнилось. У меня не было возможности рассмотреть всё получше, так как в прошлый раз я в основном разговаривала с Эдвардом. Сейчас, обретя свободу действия, я бродила между рядами, прикасалась рукой к корешкам и случайным образом вынимала ту или иную книгу.

По правде говоря, коллекция книг у Генри до ужаса скучна. Большинство книг имеют названия вроде *"Дискурс о философии человеческого вида"* или *"Теория знаний"*. И если судить по идеальному состоянию его книг, он едва ли их читает. Единственные книги, которые выглядели потрёпанными — книги по медицине.

Мой взгляд привлекает одно название: *"Гид по городам и сёлам Лодчена"*. Сельский дом леди Бредшоу находится в Лодчене. Я открываю книгу, которая примерно на девяносто процентов состоит из текста и на десять процентов из чёрно-белых рисунков. Её сложно назвать даже подарочным изданием. Один заголовок кажется интересным: *"Руби Ред. Знаменитая деревня, где пара может пожениться без согласия родителей"*.

Ооо. Запахло скандалом.

Руби Ред находится прямо на северной границе, и является самой ближайшей деревней, которая граничит с Ателией. Здесь человек не может жениться в возрасте до двадцати одного года без разрешения родителей, присутствующих на церемонии, а также как минимум трёх свидетелей, так что необходимый минимум составляет пять человек. Но в Руби Ред, которая всё ещё живёт по законам Лодчена, пара может пожениться при наличии одного свидетеля и священника, так что множество Ромео и Джульетт из Ателии

поженились в Руби Ред. В Ателиии пытаются сделать браки, заключенные в Руби Ред нелегальными, но пока единственным прогрессом является решение о том, что свидетелем не может быть один из жителей деревни, разве только он является прямым родственником кого-то из пары.

Я хмыкаю. Может быть, после того как примут восьмичасовой закон, Эдвард сможет перенести своё внимание на внесение поправок в брачные законы. После этого я закрываю книгу и возвращаю её на полку. В голове мелькает дикая идея: может быть мне удастся каким-нибудь образом заставить Эдварда и Эллу сбежать в Руби Ред.

Нет. Это просто невозможно. Только если ударю их по головам, как делали первобытные люди, и притащу в деревню связанными.

Я усаживаюсь перед камином. Здесь достаточно тепло, так что в пылающем огне нет необходимости.

Тихий хлопающий звук тревожит меня. Крю сидит на каминной полке, скрещивая ноги; его глаза широко раскрываются, когда он видит меня в платье девушки лёгкого поведения.

— Во имя Бартелиуса, — он издаёт кошачий визг, который удивительно походит на крик строителя, который однажды слышала дома в Окли. — Вот это платье, девочка. У Генри глаза вылезут на лоб.

По какой-то причине, при мысли о том, что Генри, добрый, вежливый, дружелюбный Генри, увидит меня с обнажёнными плечами и почти выставленной напоказ грудью, я внутренне содрогаюсь. Это так неудобно, так возмутительно, так... бр-р. Не знаю, как потом смотреть ему в глаза, или что будет, если он скажет Эдварду.

Нет.

Я не могу это сделать! Не могу соблазнить парня подобным образом. Мне вообще не хочется никого соблазнять! Я найду какой-нибудь другой способ, чтобы свести Эдварда и Эллу, уж лучше найти фею-крёстную, чем строить из себя жалкую идиотку.

Мне нужно убраться отсюда. Быстро и до того, как вернётся Генри. Я бросаюсь к двери, а потом к узкой лестнице, по которой мы с Генри поднимались в прошлый раз, и которая ведёт прямо в холл.

— Девочка! — кричит Крю. — Куда ты бежишь?

Я ускоряю шаг; может быть, если потороплюсь, то успею вернуться на цветочное шоу. Генри даже не узнает, что я была здесь. Однако, обнаруживаю, что моя шаль осталась в библиотеке, а мне ни в коем случае нельзя возвращаться домой с этим нелепым низким вырезом. Спустившись на ступеньку, резко останавливаюсь.

Зря. Моё дурацкое тело не в ладах с мозгом. Пытаясь ухватиться за перила, я промахиваюсь и лечу вперёд.

В голове проносится мысль: "Я сейчас упаду и снова вернусь в нормальный мир".

Нет.

Я приземляюсь на площадку между пролетами. Какая-то ерунда, ковёр не может быть таким тёплым. От тусклого света настенной лампы мне видно знакомое лицо, уставившееся на меня в полнейшем изумлении.

— Кэт?

— Эдвард?

Я замираю, а потом стараюсь вырваться, но какая-то невидимая сила тянет меня вниз. Глядя наверх, вижу Крю, который танцует в воздухе и ухмыляется как сумасшедший.

Чёрт! Я обнимаю принца руками за шею и снова пытаюсь подняться, но нога

запутывается в платье. Мои бесполезные усилия приводят к тому, что я падаю ему на грудь.

— Простите меня, — выдыхаю я. — Вы можете сесть? В этом дурацком платье так много складок и оборок.

— Кэт, — его голос звучит напряжённо, он сбит с толку, но не шевелится. — Скажи мне, почему ты оказалась в доме моего кузена в этом скандальном платье.

Хм, потому что я намереваюсь соблазнить его?

— Хм... у меня есть шаль, которую я сняла, потому что... потому что там слишком жарко... — мямлю я и мои щёки горят. Кажется, моё объяснение позволяет нарисовать гораздо худшую картинку.

— Вы можете, наконец, подняться? — резко спрашиваю я. — Мне нужно домой.

Его глаза блестят как у Тёмного Лорда.

— Нет, пока не объяснишь, зачем ты здесь.

Я бросаю на него самый смертоносный взгляд, на который только способна, и делаю очередную попытку, на этот раз медленную, но его рука прижимается к моей пояснице, и у меня не выходит продвинуться ни на дюйм. Даже если Крю перестанет меня мучить, у Эдварда таких намерений нет.

— Кто-нибудь может нас увидеть, — шепчу я. — Разве вас не должны волновать такие вещи, как приличия?

Рука не сдвигается. Вообще-то, кажется, что он прижимает меня ещё сильнее.

Я вздыхаю.

— Ладно. Ваш кузен сказал, что мне можно посещать его библиотеку даже тогда, когда его нет дома. Я была на цветочном шоу, и так как его дом находится так близко, то решила воспользоваться его приглашением и прийти сюда.

— На тебе была шаль, когда ты была на цветочном шоу?

— Разумеется, была! — как бы мне не хотелось соглашаться на дурацкую идею Крю с соблазнением. У меня никогда ничего не получается, и когда я пытаюсь что-нибудь сделать, в результате всё становится только хуже.

— Хорошо, — на его лице читается явное облегчение. — Гален рассказал мне, что ты выступила в мою защиту, когда леди Фрермонт нелестно обо мне отзывалась.

Я в смущении отворачиваюсь.

— Не стоит об этом упоминать. Я просто не могла согласиться с её точкой зрения.

— Что я всего лишь украшение? — его тон слегка удивлённый. — А мне казалось, что ты — единственная девушка в королевстве, которую не волнует моя внешность.

— Я была бы лицемеркой, если бы утверждала обратное.

— Так ты находишь меня привлекательным?

Я вспыхиваю. Он опять флиртует. Мне нужно положить этому конец.

— Слушай, не знаю, может быть, я объясняю недостаточно понятно, но если ты немедленно не перестанешь, я врежу тебе по носу. Обещаю, что тогда ты станешь менее привлекательным.

Он смеётся глубоким, богатым, чертовски сексуальным смехом, который поднимается в его груди и посылает вибрации по всему моему телу. Неохотно обнаруживаю, что смеюсь вместе с ним.

Парень медленно поднимается, опираясь одной рукой о пол, а вторую прижимает к моей спине, удерживая меня. Когда мы оба садимся прямо, он протягивает руку и прикасается к розе в моих волосах. Каким-то чудом она не выпала, во время моего полета с

лестницы.

— Она из моего сада?

— Да, — говорю я, и мое сердце бьётся. — Хотя она и великовата.

— Она тебе идёт.

Я встречаюсь с ним взглядом, и на секунду время замирает. Он проводит рукой по моей щеке, убирая волосы с лица, и заправляет длинную прядь мне за ухо. От его пальцев исходит жар, и по моему телу проходит дрожь от нежных прикосновений. Внезапно, меня беспокоит то, что я сижу у него на коленях, с обнажёнными плечами, мои юбки запутались в его брюках, а руки прижаты к его груди, в то время как его лицо находится лишь в паре дюймов от моего.

Тревожный сигнал. Загипнотизированная его взглядом и прикосновениями, я застываю на месте. Краем глаза замечаю Крю, парящего в воздухе с широкой улыбкой на лице. Он выглядит как репортёр, который только что застал знаменитость за изменой жене.

Я отталкиваю принца и поднимаюсь на ноги. Каким-то образом, мне удастся держаться одной рукой за перила, в то время как второй расправляю юбку. Бросаю на Эдварда быстрый взгляд, лицо которого пустое и бесстрастное. Если он и обиделся, то не показывает этого.

— Ну, — прочищаю горло. — Мне лучше подняться и забрать свою шаль. — Я отворачиваюсь, но какая-то тяжесть ложится мне на плечи.

— Не снимай его, пока не окажешься дома, — говорит принц, его голос твёрдый и повелительный. — У меня нет никакого желания думать о том, что кто-нибудь наткнётся на тебя в таком виде.

Сомневаюсь, что надевать его пальто — верное решение, но не смею с ним спорить. Голова всё ещё кружится, мысли в беспорядке. Эдвард собирался поцеловать меня! Но он же не может, ради Бога, я же одна из ужасных сводных сестер! Принц НЕ ДОЛЖЕН влюбляться в сводную сестру! Это так НЕПРАВИЛЬНО! Как мне тогда вообще вернуться в современный мир?

Глава 23

Мы возвращаемся в библиотеку. Я мёртвой хваткой держусь за перила, пока мы поднимаемся по лестнице, хотя в этом нет такой уж необходимости. Крю исчез, слава Богу, вероятно потому, что шоу закончилось.

Из-за того, что переносить тишину дальше невозможно, предпринимаю храбрую попытку заговорить.

— Теперь твоя очередь объяснять. Как ты здесь оказался?

Эдвард искоса смотрит на меня.

— Ты уже знаешь, что законопроект отклонили. Так что мы с Генри пытаемся придумать, как сделать так, чтобы его приняли в следующий раз.

Слава Богу, сейчас он снова становится обычным и серьёзным.

— И какого рода попытки вы предпринимаете?

— Генри опрашивает своих знакомых медиков, могут ли они сотрудничать и дать свидетельства того, что двенадцатичасовой рабочий день принципиально вреден для детского здоровья.

Я чуть не фыркаю.

— В парламенте сидят совсем дураки? Им нужен доклад врачей о том, что работать двенадцать часов вредно для здоровья?

— Как всегда оскорбляешь правящую партию, не так ли? — он хмыкает, но его лицо снова становится серьёзным. — Веришь или нет, но существуют недобросовестные врачи, которые утверждают, что нынешний режим не приносит никакого вреда. Я лично слышал это несколько раз. Один хотя бы, ради приличия сказал: "Поскольку я не осматривал этих детей, то не могу высказывать свое мнение", — его выражение лица мрачное, а голос напряжённый. — Но есть и другой, который на вопрос, будет ли зависеть здоровье восьмилетнего ребенка от четырнадцатичасового рабочего дня ответил: «Думаю, что нет».

У меня отвисает челюсть.

— Он сумасшедший.

Эдвард прикусывает нижнюю губу.

— Заверяю тебя — это его точные слова.

Я вижу свою шаль на диване перед камином, и, скидывая пальто Эдварда, накидываю её на плечи, застегивая брошь.

— А вы обсуждали это с мистером Уэллсли? — спрашиваю я.

Он слегка приподнимает брови.

— Ты беспокоишься о том, что мистер Уэллсли также работает с нами?

Я чуть вздёргиваю подбородок, ощущая лёгкий прилив гордости.

— Не только мистер Уэллсли, но также и другие рабочие с фабрик. Они собирают людей вместе, чтобы протестовать против несправедливости.

Теперь Эдвард кажется встревоженным.

— Что именно ты знаешь? А ты... ты присоединилась к ним?

Только не это! Чувствую, назревает лекция. Может быть не настолько презрительная, как от Конского Хвоста Годфри, но определённо, поощрений не будет.

— А что ты скажешь, если так и есть?

Он расслабляется.

— Они тебе не позволили. Я должен был знать, что у них хватит порядочности не позволять леди появляться на публике.

Во мне поднимается раздражение. Итак, он не так уж сильно отличается от Конского Хвоста Годфри.

— Значит ты считаешь, что леди должна оставаться дома и ходить на вечеринки, пока не найдёт себе мужа?

— Я верю, что положение леди не настолько двойственно, как тебе это представляется. Ты определённо не обязана посвящать себя домашним делам, но также и не должна ходить на митинги в компании рабочих.

— А как насчёт моих визитов к семье Эллы? Если бы я тогда не появилась, её мама могла бы и не поправиться.

Эдвард поджимает губы.

— Это другой вопрос, Кэт. Не сомневаюсь, что ты увлечена этим вопросом, и это даже... очаровывает. Но если говорить серьёзно, ты не так уж сильно можешь помочь.

Моё сердце пропускает удар на слове "очаровывает". Но потом я начинаю негодовать.

— Что это значит — я не сильно могу помочь? Ты считаешь, что я могу служить только украшением?

Он хмыкает.

— Кэт, рабочие мобилизуются в группы. Представь себе: ты стоишь перед ними и говоришь речь, побуждая их надавить на парламент. Как люди воспримут девушку, которая не проработала и дня, и которая симпатизирует бедным и говорит им бороться за свои права?

Представляю себе эту картинку, а потом понимаю, что зря трачу время. Я здесь, чтобы соблазнить герцога, но каким-то образом всё чуть не закончилось поцелуем с принцем. И спором с ним. Мне нужно найти альтернативу соблазнению, а не спорить о детском труде. Я настолько привыкла к этому миру, к тому, что просыпаюсь в кровати с балдахином, что ношу эти до смешного объёмные платья, езжу в коляске, что все меньше и меньше времени провожу в мыслях о том, как мне вернуться домой.

Я не могу позволить своим эмоциям взять верх. Мне нужно сфокусироваться на своей миссии.

Именно в этот момент открывается дверь. Входит герцог Генри. Наконец-то!

Кажется, он удивляется, когда находит нас обоих в библиотеке, но ничего не говорит, а вместо этого подходит ко мне.

— Боюсь, у меня для вас плохие новости, — тихо говорит он. — Джимми умирает.

Чёрт подери, я не могу в это поверить!

— Мне казалось..., вы говорили, что он тяжело ранен, но его жизнь вне опасности.

— Его состояние было недостаточно хорошим, — тихо отвечает Генри, он выглядит полностью опустошённым. — Мы могли поддерживать его жизнь только благодаря сильным дозам лекарств.

Я скептически на него смотрю.

— Тогда почему вы не сказали мне правду? Почему дали фальшивую надежду, что у него есть шансы?

— Был крошечный шанс, что он сможет выкарабкаться, мы очень на это надеялись. Но... этого не произошло, — Генри закрывает рукой глаза, и я понимаю, что он борется со слезами. — Мои глубочайшие извинения, мисс Катриона. Мне нужно было сказать вам правду в самом начале, но мне не хотелось, чтобы вы и Элла всё время пребывали в беспокойстве. Я делал всё, что мог, но всё зря.

Я опускаю глаза на отполированный пол.

— Простите, — бормочу я. — Понимаю — это не ваша вина. Вы делали всё, что могли, чтобы спасти Джимми.

И всё же, какая-то часть меня злится на него, в точности так же, как я была зла на Эдварда, из-за его веры в то, что леди не может сделать ничего стоящего. Это другой мир, но это не значит, что мне нужно просто смириться и ничего не делать.

— Я хочу привезти Эллу, — говорю я. — Вы знаете, сколько ему осталось?

Генри сглатывает.

— Доктор Дженсен говорит, что вряд ли он сможет пережить эту ночь.

Когда я добираюсь до дома, то бегу в столовую и осматриваюсь. Марта, по счастью, спускается с лестницы с корзиной белья.

— Где Элла? — требовательно спрашиваю я.

— Она наверху, помогает мисс Бьянке одеваться, — Марта ставит корзину на пол. — Разве вы не должны тоже переодеться?

— Для чего?

— Вы получили приглашение на обед, — Марта передаёт мне карточку. — Я пыталась

вам сказать, мисс, но вы очень спешили.

Я едва смотрю на карточку, она от Ллойда — моего единственного поклонника. И всё равно с гримасой возвращаю карточку назад на поднос.

— Скажите ему, что у меня простуда, или нет, скажите, что у меня сыпь из-за какого-то странного растения после посещения выставки. Всё, что угодно. Просто скажите, что у меня не получится прийти.

— Мисс Катриона! — шокировано произносит Марта. — Что теперь взбрело вам в голову?

Но я уже бегу наверх, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и сворачиваю к комнате Бьянки; двери закрыты, но ярываюсь внутрь, даже не постучав.

Я видела комнату Бьянки раньше, хотя никогда не входила туда. Она огромная, с двумя шкапами, комодом в два раза большим, чем мой, а ассортимента бутылочек на её туалетном столике хватит, чтобы заполнить прилавок в косметическом отделе. Со всеми этими штуками, вдобавок к её природной красоте, не удивительно, что она самая красивая девушка в королевстве.

Воздух влажный и сырой, в комнате теплее, чем нужно. Неприятный запах чего-то горелого попадает мне в нос. Я бросаю взгляд на пару железных щипцов на столе, рассказывающих мне о том, что делает Бьянка. Вьющиеся волосы — последний писк моды, и горе постигнет Мисс Совершенство Бредшоу, если она не будет следовать последним веяниям моды.

Сейчас она сидит перед зеркалом, опять же, в два раза большим, чем моё, а Элла стоит за её спиной и собирает волнистые волосы в большой пучок, позволяя нескольким прядям обрамлять её лицо.

Они обе с удивлением смотрят на меня, когда я вхожу.

— Элла, тебе лучше пойти сейчас со мной, — говорю я. — Я только что узнала, что Джимми умирает.

Щётка падает на пол, вместе с несколькими расчёсками и булавками. Значительная часть причёски Бьянки, изначально умело закреплённая на макушке, падает на её правое плечо.

— Ты неуклюжая идиотка! — голос Бьянки звенит от гнева. — Я и так опаздываю на обед, а ты делаешь всё только хуже.

Губы Эллы дрожат; на секунду мне кажется, что она сейчас заплачет. Подхожу к ней и хватаю её за запястье.

— Нужно спешить. Герцог сказал, что Джимми может не пережить эту ночь. Ты должна увидеться с ним до того, как его не станет.

Яркие голубые глаза Эллы наполняются слезами, и она кивает.

— Простите меня, мисс. Но мне нужно пойти домой.

— Не раньше, чем ты закончишь с моими волосами, — твёрдо говорит Бьянка. — Я не собираюсь появляться на обеде с наполовину законченной причёской.

Элла дрожит, но остаётся стоять на месте.

— Я должна идти.

Бьянка встаёт, её глаза полны ярости.

— Как. Ты. Смеешь..., — шипит она. — Ты — служанка, и ты смеешь не подчиняться своей хозяйке?

— Заткнись, Бьянка, — рявкаю я. — Её брат умирает, а тебя волнуют только твои

волосы?

Я поднимаю с пола расчёску, хватаю Бьянку за руку и хлопаю расчёской по её ладони.

— Держи. У тебя две прекрасно функционирующие руки. Так что делай всё сама.

Бьянка поражена, её лицо становится таким белым, что я сильнее, чем когда-либо жалею об отсутствии камеры. За дверью слышится глухой шум, наверное, это Марта.

Но больше нельзя терять ни минуты, поэтому тащу Эллу за собой к двери и вниз по лестнице.

Снаружи, Слава Богу, всё ещё стоит карета герцога. Затолкнув Эллу внутрь, залезаю сама и приказываю кучеру везти нас к дому миссис Татчер. И только когда карета отъезжает, я опускаю глаза на свои руки, не веря в то, что сделала.

Я только что велела Бьянке заткнуться? Боже, когда она отойдёт от шока, то будет в ярости.

Но уже слишком поздно волноваться о её состоянии. И, кроме того, после того, как я выплеснула вино на рубашку Эндрю МакВина, меня уже мало чем можно испугать.

Кучер Генри определённо уже бывал дома у Эллы, потому что мы оказываемся на месте в невероятно короткий срок. Здесь также карета Эдварда, потому что только у него может не быть никакой позолоты и украшений. Наверное, он предпочитает простой минималистический стиль, или же не хочет привлекать внимание. Предполагаю, что возможны оба варианта. Пара ребятишек в лохмотьях бродит поблизости, но они убегают, когда подъезжает наша карета.

Мы с Эллой выбираемся из неё и бежим в дом. Там невероятно много народа. Миссис Татчер тихо плачет у постели Джимми, а Билли прижимается к ней и выглядит потеряннным и несчастным. Генри разрывается между попытками их успокоить и желанием проверить состояние Джимми, который кажется настолько худым, что от него остался только скелет. Мистер Уэллсли и Эдвард стоят в углу с мрачным выражением на лицах.

Элла бросается к кровати и опускается на колени возле своего младшего брата.

— Джимми, — шепчет она, и по её щеке катится крупная слеза. — О, Джимми, Ты слышишь меня?

Маленькая ручка Джимми дёргается, затем чуть-чуть приподнимается. Элла сжимает тонкую руку в своих руках.

— Эл... Элла, — тоненький голос больше походит на писк. — Ты здесь. Не... не на работе сегодня?

Слёзы по щекам Эллы текут ещё сильнее.

— Да, милый. Я должна была увидеть тебя, поэтому, конечно, пришла.

У меня также не получается сдерживать слёзы, зрение становится размытым, а в груди появляется пустота. Взгляд Джимми падает на меня, и в его глазах читается вопрос.

— Леди... вы нашли его?

— Да, — мягко отвечаю, потому что должна так сказать, даже несмотря на слова Галена о том, что Снайдер мёртв. — Да, благодаря тебе. Я бы не смогла найти его, если бы ты не дал мне подсказку.

На его губах появляется улыбка, губы бледные и потрескавшиеся, почти белые.

— Рад, что смог помочь. Мне только... жаль... что я больше не смогу заботиться о мамочке... — Джимми протягивает другую руку Билли. — Теперь ты остаёшься мужчиной в доме и должен присматривать за мамочкой и Эллой.

Билли кивает, вытирая рукавом нос. Это абсурд, пятилетний мальчик обещает

выполнять обязанности главы семьи.

— Купи мамочке новые перчатки... её руки ужасно мёрзнут зимой, — палец Джимми шевелится, он указывает на угол комнаты. — У... меня спрятан шиллинг под тазиком... нужно поднять планку пола. Не плачь... Я не против смерти... работать на фабрике... очень тяжело. Будет... ли лучше... в раю?

— Разумеется, — шепчет Элла, её голос надламывается. — В раю не существует боли.

Мальчик снова улыбается, и внезапно, становится таким юным, каким должен выглядеть в десять лет. Когда я впервые его увидела, то подумала, что он выглядит как маленький старик, с измученным лицом и сгорбленной спиной. Теперь, освобождённый от своих обязанностей и с перспективой лучшего мира впереди, его юность вернулась.

— Тогда... Я умру счастливым.

Он медленно закрывает глаза. Всё происходит в точности как в фильмах — его рука обмякает, тело становится твёрдым, недвижимым объектом, когда из него вытекает жизненная сила.

Но это не кино. Пока я нахожусь в этом мире, он до ужаса реален. Моё первое столкновение со смертью.

У миссис Татчер вырывается крик отчаяния.

— Мой бедный мальчик... о, мой бедный Джимми, как ты мог нас оставить...

Сильные рыдания вырываются из её груди, всё тело трясётся от горя, когда Элла протягивает свои руки и сжимает мать в утешающих объятиях.

Не в силах больше этого выносить, я встаю, отхожу и начинаю смотреть в окно. Куст рододендрона растёт как раз у самого дома, предполагаю, что именно его посадил Адам Снайдер.

Чья-то рука накрывает мою руку — тёплая, утешающая, дающая надежду. Мне даже не нужно поднимать глаза, чтобы убедиться, что это Эдвард. Я сжимаю его пальцы, как будто это может дать мне силу.

Одна вещь мне известна наверняка: что бы там ни говорили Годфри или Эдвард, я не собираюсь молча сидеть и заниматься дамскими делами. Прежде чем вернуться в современный мир, мне нужно попытаться улучшить ужасные условия местного рабочего класса. Я не смогу вынести, если угаснет ещё одна детская жизнь. Не могу представить сотни, может быть тысячи, других "маленьких стариков" и "маленьких старушек", которые постоянно будут жить в страхе за свою жизнь, пока бездушные животные, такие как МакВин, набивают свои животы и никак не могут решить, сколько денег им ещё нужно получить.

Единственная проблема... как?

Глава 24

На удивление, Бьянка не орёт по моему возвращению. Я ожидаю вспышки ярости, после того как велела ей самой заниматься своими волосами. Но нет, она просто бросает на меня ледяной, недружелюбный взгляд за завтраком. Думаю, что после того, как леди Бредшоу узнала о моей дружбе с герцогом, мои "акции" возросли в цене. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, что Эдвард чуть не поцеловал меня в доме герцога. Поверила бы она мне? Переложила бы она все свои надежды на меня вместо Бьянки?

— Каковы сейчас твои отношения с герцогом? — спрашивает леди Бредшоу, делая глоток кофе. — Он одолжил тебе вчера свою карету.

Молчу. У меня нет настроения для допросов, не тогда, когда на моих глазах только что умер ребёнок.

— Катриона, — леди Бредшоу прищуривает глаза. — Я задала тебе вопрос. Я вздыхаю.

— Слушайте, сейчас не самое подходящее время. Он не смог спасти ребёнка. Когда я вчера уходила от Эллы, он выглядел ужасно.

— А он упоминал принца? — спрашивает Бьянка.

Бр-р. Как она вообще может думать об Эдварде в такой момент?

— Нет.

— Подождём немного, — говорит леди Бредшоу. — Хотя мы потеряли нашего шпиона, леди Менсфилд сказала мне, что королевская семья скоро даст объявление о бале. Они ждут лишь одобрения со стороны принца.

— Бал? — переспрашиваю я. — Он, в конце концов, состоится?

— Он мог бы уже состояться, если бы принц в последнее время не был так занят. Кажется, он сейчас работает над законом, — раздражённо отвечает леди Бредшоу. — Кстати, а где Элла? Она ещё не вернулась?

— Она готовится к похоронам, — холодно произношу я. — Её брат только что умер.

— Какое несчастье, — говорит леди Бредшоу, хотя при этом не выказывает никаких видимых признаков сочувствия. — Думаю, Бьянка, тебе придётся пользоваться услугами Марты вместо неё.

Бьянка прищуривает глаза.

— За этот месяц она отсутствует уже третий раз, когда так мне нужна. Seriously, не представляю, почему мы должны терпеть её поведение. Это непростительно.

— Третий раз за этот месяц? — леди Бредшоу поджимает губы. — Мне нужно поговорить с ней.

Я не чувствую себя в состоянии куда-нибудь сегодня выходить, поэтому говорю леди Бредшоу, что останусь в своей комнате и попрактикуюсь в вышивании. Разумеется, это не так; вместо этого беру новенький готический роман и начинаю читать.

Прочитав уже половину книги, слышу щелчок, и появляется облачко дыма. На каминной полке сидит Крю.

— Итак, как дела у вас с Эдди?

Я переворачиваю страницу и целенаправленно игнорирую его.

Крю расправляет свои крылышки, перелетает на мою кровать и приземляется на книжку.

— Я планировал помочь тебе с герцогом, — защищаясь, говорит он. — Но кто знал, что вместо него появится Эдди? И я не толкал тебя с лестницы, ты сама потеряла равновесие. Я лишь удержал тебя на месте, когда ты пыталась встать.

У меня перед глазами проносится вчерашняя сцена, когда я распласталась на Эдварде, а его грудь такая тёплая и удобная. Даже когда моей целью было соблазнение герцога, я почувствовала облегчение, узнав, что вместо него упала на Эдварда. Когда он держал меня, от его прикосновений по мне растекался жар, и его голос был низкий и волнующий. Нельзя отрицать, это было наслаждение.

— Как угодно, — ворчу я.

— Король был поражён, когда я доложил о твоих последних... успехах, — продолжает Крю, подмигивая мне. — Но Мораг угрожала убить меня.

— Почему?

— Потому что ты оттолкнула Эдди, когда увидела меня! Мораг была в ярости от того, что пропустила шоу. В следующий раз спрячусь за какой-нибудь мебелью.

— Не будет никакого следующего раза, — со злостью отвечаю я.

Крю машет пальцем.

— Ай-ай-ай, мисс Катриона. Ваша сестра отдала бы руку и ногу, чтобы быть вчера на твоём месте. Как и любая другая девушка в королевстве.

Да, тут не поспоришь. Это такой странный поворот в концепции романа — я оказываюсь способна привлечь парня, и при этом даже не стараюсь. И не какого-нибудь парня, а самого желанного жениха в королевстве. Но, наверное, этому не стоит удивляться. Из-за того, что я из современного мира, естественно, не похожа на других девушек. Моим вторым отличием является мысль о том, что дети вообще не должны работать, и что у женщин есть свобода делать то, что они хотят. Это не потому, что я особенная.

Но это в любом случае не имеет значения. Хотя меня радует, что мне удалось привлечь принца — это бесспорно.

— Ну, надеюсь, что тебе придётся ждать очень долго, — говорю я, подтягивая колени к подбородку. — Маленький брат Эллы умер. Ни принц, ни его кузен на данный момент не заинтересованы в свидании.

Крю широко раскрывает глаза.

— Паренёк умер?

Вкратце рассказываю ему о событиях вчерашнего вечера. Крю хмыкает, когда узнаёт, что я велела Бьянке заткнуться и самой заняться своими волосами.

— Мне нужно рассказать об этом королю, — ухмыляется он. — В твоём двадцать первом веке есть штукавина, которой вы пользуетесь — прибор для видео-записи, размером не больше пальца. Во имя Бартелиуса, я бы очень хотел, чтобы он у меня был.

Я фыркаю.

— Не сработает. Во-первых, я вышвырну его в окно. Во-вторых, когда его зарядка закончится, здесь нет способа зарядить его. В-третьих, сомневаюсь, что у твоего короля есть видеоплеер, или что он хотя бы знает, как им пользоваться.

Крю откидывает голову и его смех наполняет комнату.

— А ты уверен, что только я могу тебя слышать? — на всякий случай уточняю. — Могу поклясться, даже стены вибрируют.

— Абсолютно, король наложил на меня сильное ослепляющее заклятие. Мне можно немного колдовать, типа того, чтобы помочь тебе толкнуть в реку служанку, или удерживать тебя, когда ты свалилась на Эдди, но он не позволит героям книжки узнать о моём существовании.

— Но если... гипотетически... что если я расскажу им о тебе?

К моему удивлению, он ухмыляется.

— Тебе повезёт, если они тебе поверят.

Проклятие, он прав.

Вечером я жду когда Элла принесёт кувшин в водой для ночного умывания. Обычно она пунктуальна, и входит в мою комнату в половине девятого, но когда часы на каминной полке показывают девять, а служанка, по-прежнему, не появляется, то накидываю шаль на свою

шёлковую ночнушку и открываю дверь.

Внизу из гостиной слышен строгий голос леди Бредшоу.

— Вот зарплата за месяц. Теперь убирайся с моих глаз.

Элла стоит сторбившись, в пальто и в сапогах, держа в руках две поношенные сумки.

— Можно мне попрощаться с мисс Катрионой?

— Она не твоя подруга, она — твоя хозяйка. Была твоей хозяйкой. Нет никаких причин с ней разговаривать.

— Но я хотела поблагодарить её за...

— Разве ты и без того не была причиной беспокойства? Вен постоянно возил её к твоему дому.

— Перестань! — кричу я, сбегая по лестнице. Холод касается моих ног, когда я ступаю на каменный пол. — Почему вы её увольняете? Что она сделала?

Леди Бредшоу складывает руки на груди.

— Катриона, немедленно вернись в свою комнату. Ты не должна появляться внизу в ночной рубашке.

Я не двигаюсь с места.

— Что сделала Элла? Она всегда была доброй и послушной.

— Послушной? — шипит леди Бредшоу. На мгновение мне видно, как много унаследовала от неё Бьянка. Интересно, а что досталось от неё Катрионе до того, как я получила её тело. — Она бросила твою сестру не закончив её причесывать, как раз тогда, когда она волновалась о важном обеде. Такое злостное неповиновение недопустимо.

— Она не подчинилась Бьянке потому, что я ей велела, — отвечаю. — Потому что умирал её брат. Ты не можешь быть настолько бессердечной, чтобы лишить её последнего шанса увидеть своего брата живым.

На секунду Леди Бредшоу торопится. Затем рычит.

— Если бы это случилось один раз, я бы это простила. Но она несколько раз ускользала к своей семье. У неё хватало наглости ездить в нашей карете — у служанки! Господи Боже, если узнает кто-нибудь из знакомых, я умру от унижения. Так не может продолжаться и дальше. Она должна уйти.

Когда я собираюсь начать спор о том, что именно я позволяла ей пересечь границы, Элла встряхивает головой.

— Всё в порядке, мисс, — тихо говорит она. — Мне нужно уйти. Я слишком сильно пренебрегала своими обязанностями.

— Но всё это не твоя вина, — говорю я. Серьёзно, неужели здесь нет закона, который защищает права слуг? Предвижу необходимость для Эдварда во внесении ещё одного закона, как только примут закон о детском труде.

— После смерти Джимми мне лучше какое-то время остаться дома с мамочкой, — говорит Элла. — Билли с мистером Уэллсли, так что мне нужно заботиться только о мамочке.

— Но без работы, как ты собираешься заботиться о своей матери?

— Я скоро найду новую работу. Всегда есть нехватка в наёмном труде, — отвечает Элла. — Не волнуйтесь, мисс. Мы справимся.

Она распрямляет плечи и вздёргивает подбородок. Стальная решимость в её глазах говорит мне, что нет смысла её останавливать.

Элла делает реверанс перед леди Бредшоу.

— Спасибо вам, мадам, за то, что взяли меня на службу ещё ребёнком. Желаю вам и мисс Бьянке всего самого лучшего.

Повинуясь импульсу, делаю шаг вперёд и крепко её обнимаю. Поражённая леди Бредшоу выдыхает.

— Катриона! Как ты можешь!

Я игнорирую её.

— Удачи, Элла. Я буду скучать по тебе.

Её руки сжимаются вокруг меня.

— Спасибо вам, мисс. Вы были самой щедрой и доброй, и уверена, что за вашу доброту вы будете вознаграждены.

Элла отходит и берёт свои сумки. Она улыбается и кивает мне. Девушка только что лишилась работы, но совсем не выглядит разбитой. Она выглядит сильной, энергичной, и красивой, полностью отличаясь от кроткой маленькой служанки, к которой я привыкла. Если бы только Генри, в смысле Эдвард, мог её увидеть сейчас.

— Прощайте.

Глава 25

Я не разговариваю с Бьянкой следующие несколько дней. Каждое утро Марта приходит в мою комнату, чтобы помочь мне одеться и причесаться, но кроме зашнуровывания корсета, чего мне с моими неуклюжими пальцами до сих пор не удаётся добиться, а всё остальное делаю сама. Марта добрая, на свой грубоватый манер, но я всё ещё скучаю по Элле. Новая служанка, которую наняла леди Бредшоу, и вполнину не так компетентна, как Элла, что не может меня не радовать. Теперь Бьянка тратит на одевание вдвое больше обычного времени, что кое о чём свидетельствует.

О бале всё ещё нет никаких новостей, может мне стоит намекнуть о этом Эдварду, когда увижу его в следующий раз? Хотя, крайне велика вероятность того, что он неправильно меня поймет и решит, что я на него вешаюсь. А мне до сих пор не удалось найти фею-крёстную. Гален сказал мне, что на самом деле Адам Снайдер был садовником у леди Бредшоу. Может ещё остался кто-нибудь, кто может знать Снайдера.

— Марта? — зову я, когда она приходит, чтобы раздуть вечером огонь. — А у нас был садовник по имени Адам Снайдер?

— Боже мой! — Марта роняет кочергу, и она с грохотом падает на каминную решётку. — Где вы слышали это имя, мисс Катриона?

Решаю, что мне лучше не упоминать о Джимми и миссис Татчер.

— Я слышала, как кто-то говорил о нём на шоу цветов. Что он когда-то работал на маму.

Марта с опасением смотрит на меня.

— Вы слышали что-то неприятное об Адаме Снайдере?

То, как она это произносит, сразу же вызывает во мне подозрения, что между Снайдером и леди Бредшоу что-то произошло, поэтому решаю рискнуть.

— Ну, мне стало известно, что, вероятно, существовала сильная привязанность, — я сжимаю её руку, притворившись испуганной. — О, Марта, пожалуйста, скажи мне, что между ними не произошло ничего серьёзного!

Марта быстро кивает головой.

— Разумеется, нет. Это было лишь увлечением, и только со стороны Адама. Мадам никогда бы не посмотрела на такого незнатного человека как он. Но при этом неудивительно, что он делал всё, о чём бы она ни попросила. Двадцать лет назад она была очень красивой девушкой. Да и сейчас таковой остается.

Постукиваю пальцами по комоду.

— Я в этом уверена.

— Хотя она и была красавицей, мадам не так уж повезло в браке. Её первый муж потерял своё состояние, когда заболел брюшным тифом. Из-за болезни ваша мама осталась одна с вами и мисс Бьянкой, и некому было управлять поместьем. В то время вам было всего два года.

— Поместьем? — переспрашиваю я. Как мне казалось, сейчас леди Бредшоу управляла домом без малейших затруднений.

— Поместье на севере страны, разумеется. Ей нужно было выплатить долги, а ваш отец не оставил завещания. В то время нам это казалось концом света. Но затем появился граф Бредшоу. Он оказался на нашем пороге во время грозы, и мы предложили ему укрыться.

— Как раз вовремя, — говорю я.

— Как раз вовремя, — соглашается Марта. — Граф искал мать для своей дочки. А мадам нуждалась в средствах, чтобы жить достойной жизнью. Это был выгодный брак для них обоих.

Я киваю. Проведя достаточно времени в Ателии, мне уже стало известно, что браки редко являются союзом двух любящих людей. Престиж и положение в обществе гораздо более важны.

— Итак, граф повёз её в Руби Ред, чтобы пожениться, и они взяли с собой девочек — вас троих. По дороге карета перевернулась, лошади легко пугаются животных, перебегающих дорогу в глуши. Граф ударился головой о камень и умер к тому времени, как они добрались до ближайшего села.

— А что случилось с дочкой графа? — не могу удержаться от вопроса. — Она получила серьёзную травму?

— Н... нет, — Марта определённо чувствует себя неловко.

Но я давлю сильнее.

— Технически она наша сводная сестра, так почему её нигде не видно?

— Она... утонула, — Марта опускает глаза к полу. — Когда мадам вернулась с ней в поместье, девочка заблудилась во время прогулки. В лесу была река, думаю, она не заметила её, поскользнулась и упала.

— Что? — я резко поворачиваю голову, и расчёска запутывается в волосах. — Но это же... — Ведь Элла жива. Крю сказал мне, что она — "Золушка". Если только не солгал. Он получает удовольствие, видя мои страдания, но тогда с чего он продолжает мне всё время помогать?

Марта кивает.

— Я шила саван для бедняжки. Адам выкопал могилу, и хозяйка приказала, чтобы мы положили букет цветов. Печально, когда ребенок умирает в таком возрасте.

На минуту мы замолкаем. Марта продолжает расчёсывать мои волосы. Я теряюсь в своих мыслях. Если то, что Марта мне рассказала — правда, тогда "Золушка" давным-давно умерла. Если только Эллу могли похоронить заживо, и она, обладая какими-нибудь супер-

силами, могла выбраться из могилы, как Ума Турман в *"Убить Билла"*.

Невозможно! Но если "Золушка" мертва... то, как же мне довести историю до конца?

Марта кашляет.

— Вы знаете, почему мисс Бьянка захотела уволить Эллу?

Меня удивляет внезапная смена темы, но и радует.

— Потому что она бессердечная су... особа?

— Ну, я бы не сказала, что старшая мисс рассудительная, но она волнуется о том, что вы слишком сблизились с прислугой.

— Не вижу причин для неё волноваться об этом, — серьезно, Бьянка завидует моей дружбе с Эллой? Странно. Она же не играет за другую команду... или играет?

— Вы не замечали, что у мисс Бьянки очень мало друзей? Подруг, а не толп поклонников, которые следуют за ней как щенки.

Поразмыслив, я с ней соглашаюсь, Бьянка не так уж часто наносит ответные визиты девушкам, и не думаю, что Клер можно назвать её подругой, скорее — соперницей. Девушки смотрели на Бьянку с трепетом и восхищением, но сомневаюсь, что она могла бы назвать кого-нибудь своей лучшей подругой.

— Это потому, что Элла была к вам равнодушна, и мисс Бьянка почувствовала, что не привлекает так много внимания, как привыкла. А эта леди не привыкла находиться не в центре внимания.

— Это правда, — когда мы ехали в карете после бала у Генри, Бьянка сказала мне, что цель её жизни — заставить принца её заметить. — Именно поэтому она хочет заполучить Эд... в смысле принца. Потому что он и Генри, вероятно, одни из чудес света, которые не падают к её ногам.

Марта кладёт расчёску на комод.

— Вполне вероятно, что это так, мисс. Говорят, вы очень изменились после того, как упали с лестницы. В хорошем смысле. Может, стоит попробовать столкнуть с лестницы мисс Бьянку и посмотреть, не изменится ли она.

Она хмыкает, приглаживает мои волосы и выходит из комнаты.

После нашего разговора с Мартой мне трудно заснуть. "Золушка" умерла. Но как это объясняет существование Эллы? Или, может быть, Элла — это "Золушка", а Адам Снайдер смог принести её миссис Татчер. Марта сказала, что Адам сходил с ума по леди Бредшоу, хотя она и была не его круга. Кроме того, он был её слугой. У него не было никаких причин не подчиниться ей. Но также остается тот факт, что Марта видела тело утонувшей дочки графа. Ей нет смысла мне врать, значит, кто же этот мёртвый ребёнок? Может, у графа было две дочери?

Моя голова начинает болеть от хождения по кругу. В конце концов, я признаю своё поражение. Если с феей-крёстной ничего не выходит, может быть, вместо этого мне стоит сфокусироваться на Элле и Эдварде. Я начинаю разрабатывать новый план. После некоторых раздумий задуваю свечи и ёрзаю под одеялами, вскоре погружаясь в сон.

— Катриона, дорогая?

После завтрака леди Бредшоу зовёт меня. По моей коже бегут мурашки. Я бы более спокойно отреагировала на её крик, чем на обращение "дорогая". Это звучит так ненатурально, так фальшиво.

Я останавливаюсь на полпути вверх.

— Да?

— Ты была в книжном магазине в последнее время?

— Нет. А что? — она же не может внезапно заинтересоваться книгами? Единственное её чтение — инструкции на флакончиках духов.

— Тогда иди туда и посмотри, может тебе снова удастся встретиться с герцогом. Даже если и не получится, твоя значимость всё равно пойдет вверх, так как он выказал желание общаться с тобой.

Я закатываю глаза, теперь полностью понимая эссе, которое нас заставил прочитать наш учитель по английскому об объективации женщин. Формулировка леди Бредшоу заставляет меня чувствовать себя товаром, выставленным на продажу.

И всё же, поездка в книжный магазин намного лучше вечеринки или суаре. И, кроме того, я могу узнать у Билли, как дела Эллы. Надеюсь, она нашла работу.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Я пойду. Правда, не уверена, будет ли он там. Герцог сейчас очень занят.

— Он должно быть вместе с Его высочеством, и работает над принятием этого банального закона, — говорит леди Бредшоу, прищёлкивая языком. — Мне стоит поинтересоваться деталями, и подумать, можно ли как-нибудь задействовать Бьянку.

Удачи с этим! У Бьянки нет даже сострадания к служанке, которая годами работала здесь, так как же она сможет помочь тем работающим детям, которых она даже не видела?

Приехав в книжный магазин, с удивлением обнаруживаю, что тот закрыт. Неужели мистер Уэллсли взял выходной?

— Кэт?

Я подпрыгиваю. Эдвард, опять! Честно, мы уже столько раз случайно встречались, что можно подумать, что мы находимся в ужасно написанном романе. Ой, погодите-ка, в нём я и нахожусь.

Эдвард в обычном костюме, наподобие того, что был на нём, когда мы впервые встретились у дома доктора, но в этот раз на нём ещё и шляпа, типа тех, которыми пользуются волшебники, чтобы вытаскивать кроликов. Добавить бы ещё трость, и он может отправляться на фестиваль джаза.

— Эта шляпа тебе не идёт.

Он мрачно на меня смотрит.

— Я пытаюсь быть незаметным.

— Ну, ты добился обратного эффекта, — я не могу удержаться и хихикаю. — Что ты здесь делаешь?

— Могу задать тебе тот же вопрос.

В этот самый момент дверь открывается, и появляется мистер Уэллсли. Его брови ползут вверх, как и уголки губ.

— Если вам двоим нужно уединиться, сады наслаждения в другой стороне.

Мы с Эдвардом оба краснеем. Понятия не имею, что такое сады наслаждения, но само по себе название достаточно красноречивое. Он, кажется, ведёт себя вполне нормально после нашего столкновения на лестнице. С моей стороны это бессердечно, но мне нужно это сделать. Принц должен двигаться вперёд. Они никогда не остаются с ужасными сводными сестрами.

— Я пришёл вместо Генри, — говорит Эдвард необычайно деловым и профессиональным тоном.

— Генри должен был сюда прийти? — спрашиваю я. — Это насчёт закона о

восьмичасовом рабочем дне?

— Входите оба, — приглашает мистер Уэллсли, чуть шире приоткрывая двери. — А почему не пришёл герцог? У него лекции?

Эдвард пропускает меня вперёд и плотно закрывает за нами дверь.

— Его задержала герцогиня.

— Кто?

— Его мать, разумеется, — Эдвард поворачивается ко мне. — Кстати, это из-за твоей служанки. Или лучше сказать — бывшей служанки.

Я сглатываю и тру свои локти.

— Что такого сделала Элла? С ней всё в порядке?

— Держу пари, она не та девушка, которую герцогиня хотела бы для Генри, — говорит мистер Уэллсли.

Эдвард опирается о прилавок.

— Когда Генри узнал, что её уволили, он предложил ей работу в его доме. В обязанности Эллы входило приносить ему его утренний чай. А оплата эквивалентна работе домоправительницы.

Я достаточно знаю об Ателии, чтобы понимать, что домоправительница — это самая высокооплачиваемая должность из домашних работников.

Мистер Уэллсли ухмыляется.

— Идиот.

— Согласен с вами. Он сделал ей это предложение как раз тогда, когда его мать пришла к нему с визитом. В результате разразился скандал, во время которого герцогиня обвинила Генри в том, что у него нет никакого чувства гордости и приличия, и потребовала, чтобы Элла покинула дом.

— Не могу понять, какое ей до этого дело, — с негодованием говорю я, затем замолкаю. Вообще-то, если Элла примет предложение Генри, то вполне вероятно, в итоге они окажутся парой. Можно сказать, теперь я в долгу перед герцогиней. — Хотя... хм, у неё есть причины для беспокойства.

Эдвард поднимает бровь.

— И сейчас она пьёт чай с дочкой Фрермонтов.

— С Клер? — спрашиваю я.

— Кажется так, — Эдвард пожимает плечами. — Герцогиня считает, что она будет хорошей парой для него.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Бедная Клер. Она так старалась привлечь внимание Эдварда на крокетной вечеринке, а он даже не помнит её имени.

— Значит, Эллу выгнали, но я уверена, что она всё ещё должна Генри за медицинскую помощь и прочее, — я задумываюсь. Эврика! Это идеально совпадает с планом, придуманным мной прошлой ночью. — Эдвард, можно попросить тебя об услуге?

— Это твой шанс, парень, — вклинивается мистер Уэллсли. — Будь я на твоём месте, то потребовал бы поцелуй взамен, как минимум. И в губы, если быть точным.

Эдвард украдкой смотрит на меня; Я опускаю глаза. Серьёзно, с удовольствием бы свернула сейчас шею мистеру Уэллсли.

— Ты мог бы предложить Элле работу? — спрашиваю я. — Частично моя вина в том, что Эллу уволили. Я должна ей как минимум рекомендации. — И рассказываю ему о том,

как утащила девушку в самый разгар подготовки Бьянки к вечернему выходу.

Мистер Уэллсли фыркает по окончании моего рассказа.

— Хм-м. Мне кажется, что ты всё сделала правильно. Не принимай это близко к сердцу. Элла бы точно предпочла увидеть своего брата в последний раз.

Эдвард кивает.

— Я посмотрю, что могу сделать. Вообще-то Гален что-то говорил о возможности нанять ещё одного помощника. — Скоро... — он смущается... — Во дворце скоро состоится огромное мероприятие, до начала осени. Нам нужна будет помощь.

— Но он же ненавидит женщин! — вскрикиваю я.

— Гален может принять твою рекомендацию, — с улыбкой отвечает принц. — С тех пор как ты выступила в мою защиту на цветочном шоу, он крайне лестно о тебе отзывается.

Не понимаю, как несколько слов могут так быстро переменить его мнение, но в любом случае, если Элла будет работать во дворце, у них с Эдвардом будет больше возможностей узнать друг друга. Может быть, если я буду держаться от Эдварда подальше, и смогу убедить Крю сотворить немного волшебства, то вместо меня принц влюбится в Эллу. Сказка получит свой счастливый конец, и мне даже не будет нужна помощь феи-крёстной.

Я словно ощущаю укол, представляя, как Эдвард смотрит своим сексуальным внимательным взглядом на Эллу. *Успокойся, Кэт, это не твой мир!*

— Что ж, если с этим мы закончили, — бодро говорит мистер Уэллсли, — то, может быть, Его Высочество сможет сделать доклад вместо Генри. Леди, если у тебя на уме нет ничего конкретного, кроме обычного просмотра, то предлагаю тебе прийти в другой раз.

— Эй, — я уязвлена. — Не вижу причин, почему мне нельзя остаться.

Эдвард шагает по направлению ко мне, выражение его лица ясно даёт понять, что он ищет слова, чтобы убедить меня уйти. Когда он шевелится, газета, расположенная на стойке позади него, привлекает моё внимание. На первой странице чёрно-белая фотография молодой женщины с большим животом. На ней чёрный плащ, но при этом хорошо видно часть тела от шеи до живота. И что меня тревожит ещё больше — её лицо знакомо.

Боже, меня охватывает приступ тошноты, оставляющий во рту кислый привкус. Я проношусь мимо Эдварда и хватаю газету с полки.

— Это Молли?

Эдвард хмурится.

— Кто такая Молли?

— Девочка, которая работает на фабрике у МакВина.

— Это её старшая сестра, Нелл.

— Она выглядит ненамного старше, — говорю я, всматриваясь в маленькое, осунувшееся лицо. Подпись ниже говорит, что ей одиннадцать лет, и в настоящее время она на четвертом месяце. Быстро пробегая глазами статью узнаю, что Нелл работала на фабрике с Молли, пока однажды она не сбежала и не попала в руки старику, одетому как "джентльмен", который пригласил её в свой дом. Хотя полиция и выследила этого человека, его приговорили лишь к трём месяцам тюрьмы за незначительное правонарушение.

Моё горло горит, и я чувствую, что меня сейчас вырвет. Вспоминаю, как однажды приличного вида парень пытался подманить Пейдж к своей машине, обещая ей мороженое. Если бы я вовремя не увела её, кто знает, что бы тогда произошло? Она могла бы быть на месте сестры Молли.

— Кэт, — голос Эдварда пронизан беспокойством. — Кэт, посмотри на меня.

Я поднимаю на него глаза.

— Три месяца? Это не может быть всерьёз. Его должны были упрятать за решётку минимум лет на двадцать!

— Леди, успокойся, — встревоженно говорит мистер Уэллсли. — Это ужасное событие, но по закону срок наказания за подобные преступления — не больше года.

— Понимаю твоё беспокойство, — говорит Эдвард, протягивая ко мне руку, но опускает её, когда я делаю шаг назад. — Но закон нельзя изменить по первому нашему желанию. Существует причина, почему каждое изменение должно пройти через множество проверок и чтений.

— Но ведь ты же работаешь над новыми законами, ведь так? Потому что если ты не сделаешь что-нибудь прямо сейчас, то сделаю я.

И разворачиваясь на каблуках, ухожу, игнорируя призывы Эдварда. У меня больше нет настроения иметь с ним дело. Не важно, что они говорят о невозможности публичных выступлений женщин, мне нужно найти способ остановить это безумие.

Глава 26

По возвращении домой, меня у дверей ожидает Марта.

— Торопитесь, — она подталкивает меня к лестнице. — Мисс Клер и мисс Поппи пришли с визитом.

Меньше чем за минуту она снимает с меня грязное платье и надевает новое хлопковое, пахнущее лавандой и лимоном. Затем расчёсывает мои волосы и ловко скручивает их в тугой пучок. Может, Марта и не настолько умелая, как Элла, но она определённо знает своё дело.

Я сбегая вниз по лестнице, но иду медленнее, когда приближаюсь к гостиной. Бьянка уже пьёт чай, пока Клер и Поппи снимают свои шляпки и перчатки. Делаю неловкий реверанс и извиняюсь своим самым светским тоном.

— Доброе утро, дамы, — проговариваю я. — Как приятно видеть вас сегодня.

— Прошу прощения, что откладывала свой ответный визит, — отвечает Клер, хотя при этом не выглядит виноватой. — Но меня задержало неожиданное приглашение.

Бьянка обмакивает булочку в свой чёрный чай. Она молчит, но мне известно, что ей любопытно. Я ожидаю, что Поппи выпалит, в чём причина задержки Клер, но замечаю, что у той плохое настроение; натянутая вежливая улыбка не касается её глаз.

Интересно, что не так. Может она поссорилась с мистером Давенпортом? Может быть, он её обманул? Очень надеюсь, что нет. Они с Поппи так мило смотрятся вместе.

— Я знаю, что вы недавно уволили одну из ваших служанок, — говорит Клер. — Молодую, привлекательную девушку.

Бьянка поджимает губы.

— Предполагаю, ты имеешь в виду Эллу. Она искала у тебя работу?

— О, нет, — отвечает Клер с ухмылкой во взгляде. — Однако слышала, что ей предложили работу в доме Генри.

На блюде Бьянки падает крошка.

— Генри? Ты имеешь в виду герцога?

— Именно. Я вчера пила у него чай. Не стоит так удивляться, Бьянка, меня пригласила герцогиня. Очевидно, твоя бывшая горничная сразила Его светлость. Вероятно, он познакомился с ней, когда лечил её младшего брата, и сильно ею увлёкся.

Бьянка бросает на меня резкий взгляд, полный скептицизма. Всё это время

предполагалось, что я соблазняю герцога, хотя никогда не говорила ей, что он мог заинтересоваться Эллой. Упс.

— Можешь себе представить? Не секрет, что Генри склонен влюбляться, но служанка? Правда, не могу говорить, насколько ужасно то, что наше общество не защищено от подобных инцидентов. Титулы продаются и покупаются. Люди ведут себя не так как положено по статусу. Правила нарушаются, игнорируются, отменяются. Следующей новостью может быть замужество Поппи с кем-то ниже её положения.

Поппи давится своим сендвичем. Клер бросает на неё недовольный взгляд — очень похожий на взгляд Бьянки, когда "моя сестра" потрясена моим бестактным поведением.

— Хм... Поппи? — я наливаю ей стакан воды. — Не хочешь подняться в мою комнату? Мне... хочется показать тебе выкройку платья.

Жалкое извинение, но инстинкт говорит мне, что она хочет с кем-нибудь поговорить. И, кроме того, мне страшно хочется убраться подальше от Бьянки и Клер.

Поппи с облегчением смотрит на меня. Я веду её в мою комнату, что обычно делала, когда ко мне приходила моя лучшая подруга Тара, чтобы поговорить о проблемах с парнями. Потом прошу Марту принести нам две чашки горячего шоколада, который всегда творит с девушками чудеса. Сбрасывая туфли, с удобством устраиваюсь на кровати. Наступает пора для девчачьего разговора.

Поппи с лёгким удивлением смотрит на меня, когда я предлагаю ей последовать моему примеру, но соглашается. В камине горит огонь, мы садимся рядышком, подтягиваем колени к подбородкам, и делаем по глотку горячего шоколада. Несмотря на то, что уже лето, сегодня шёл дождь, и поэтому в комнате зябко и сыро. Через несколько минут она начинает говорить.

— Мистер Давенпорт... ты видела нас на цветочном шоу.

— Да, — у меня перехватывает дыхание. — Он же не обманывает тебя?

— О, нет, — быстро отвечает она. — Но мне было бы легче, если бы так и было. О, Кэт, мне кажется, что я нашла для себя мужчину. Даже если он и раздражает меня и всегда бросает вызов, разве он не самый красивый из мужчин... чёрт, я не смогу жить без него, — она прижимает руку ко рту. — Притворись, что ты не слышишь мою ругань.

— Всё в порядке, — заверяю её. Иногда я тоже ругаюсь, если это помогает мне чувствовать себя лучше.

Поппи хихикает, но скоро снова становится мрачной.

— Он сделал мне предложение, Кэт. Сказал,... что тоже не может представить себе жизнь без меня. Кажется, всё происходит слишком быстро, но папа и мама объявили о помолвке всего лишь через три дня после знакомства. Я ЗНАЮ — он единственный человек за которого мне хотелось бы выйти замуж, Кэт. Больше ни за кого.

Оо-о. Сила любви с первого взгляда.

— Несколько дней я считала себя самой счастливой девушкой на свете, — продолжает Поппи. — Но тётя Фрермонт сказала, что мои родители никогда его не одобрят. Она говорит, что привязанность — это хорошо для романтических увлечений, но, для того, чтобы брак продлился долго, он должен основываться на практических целях.

— Да, могу себе представить, как она это говорит, — сухо произношу я. — Леди Фрермонт вряд ли верит в счастливую любовь.

Поппи готова расплакаться.

— О, Кэт, что же мне делать? Мне не хочется выходить замуж за кого-то другого.

Тётушка пыталась представить меня Эджернону МакВину, но я его не переношу.

— Я тоже.

Мы хихикаем, но решения проблемы пока не видно. Я откидываюсь на подушки и глотаю шоколад. Жизнь такая сложная, застой в выполнении моей миссии, отклонение закона о восьмичасовом рабочем дне, и теперь ещё и проблемы Поппи.

— А у тебя есть поклонники, Кэт? — спрашивает подруга. — Которых ты находишь привлекательными? Ты выглядела очень хорошо на цветочном шоу. Та роза в твоих волосах была изумительной.

— Ты же знаешь, Бьянка всегда привлекает внимание, — смеюсь я. И мгновенно в моей голове проносится воспоминание о том, как Эдвард нежно проводит по моей щеке на тускло освещённой лестнице. Я выбрасываю его из головы и быстро пытаюсь придумать, что бы ей сказать. — А вы думали о том, чтобы сбежать?

Глаза Поппи округляются. Слава Богу, она отставляет свою чашку, иначе пролила бы на простыни шоколад.

— Катриона Бредшоу! Я считала тебя... леди.

— Хм... — я машу рукой в сторону книжных полок. — Я много читаю. Наверное, больше чем должна. Но серьезно, если ты не можешь получить одобрение родителей, разве нет места... — задумываюсь, как же называется та деревня? — места под названием Руби Ред, на севере Лодчена, где правила вступления в брак не такие жёсткие.

— Бог мой, — Поппи выпрямляет спину, её глаза сверкают. — Ты, наверное, шутишь, Кэт. Я не смогу этого сделать. Мама сдерёт с меня кожу заживо, а папа повесит.

— Твои родители настолько страшные?

Поппи смеётся и качает головой.

— Я преувеличиваю. У них взрывной характер, но их гнев не длится долго. Это как гроза — какое-то время гремит гром, потом выходит солнце.

— Тогда что самое худшее может произойти, если ты не боишься гнева твоих родителей? — спрашиваю я.

— Папа может не дать мне приданого. Джонатан говорит, что когда у него появится свободный день, он поедет со мной домой, и мы попытаемся убедить папу, что хотя он и не так много зарабатывает, он происходит из уважаемой семьи, — дувушка хмыкает. — Если мы сбежим, у местных газет, наконец, появятся читатели. С сенсациями всегда так.

— И то правда, — это очень похоже на нашу школьную газету, необходимо привлечь такого супер горячего парня как Габриель, чтобы увеличить читательскую аудиторию. — Плохие новости всегда быстро расходятся. Хм, не то чтобы ваш побег стал плохой новостью...ну, если вы всё-таки решитесь сбежать...

Входит Марта.

— Простите, леди, но мисс Клер ждёт внизу мисс Поппи.

— О, Боже, — подруга тянется за своими туфлями. — Мне нужно идти.

— Надеюсь, у тебя всё будет хорошо, Поппи, — говорю я, сжимая её руку. — Прости, я не могу много сделать для тебя, но если ты решишь сбежать, то с радостью соглашусь стать вашей свидетельницей.

Поппи смеётся и пожимает в ответ мою руку,

Когда она уходит, я ложусь на кровать и смотрю в потолок. Со сколькими же трудностями приходится сталкиваться людям в этом мире. Потом представляю побег Поппи. Исходя из того, что и она и Давенпорт вполне смелые (по крайней мере, в игре в крокет),

если они так уверены с браком, тогда почему нет?

С этим хотя бы будет проще справиться, чем с законом о восьмичасовом рабочем дне.

И тут я резко сажусь. *Местные газеты... сенсационные новости... плохие новости быстро расходятся.*

В моей голове появляется идея. Дерзкий, вероятно глупый план, который Эдвард, мистер Уэллсли или Конский Хвост Годфри никогда не одобряют, но можно попытаться.

— Ты уверена, что хочешь это сделать? — спрашивает Крю. Он парит в воздухе невидимый для всех, кроме меня.

— Нет, — отвечаю ему, — но не знаю, что ещё можно сделать.

В принципе, я уже начинаю сомневаться. Спросив у нескольких человек, как добраться до хлопковой фабрики Эндрю МакВина, оказываюсь в грязном, промозглom и мрачном районе. Из труб валят тяжёлые столбы дыма, крошечные пучки хлопка, вылетающие из фабрики, плавают в мутном воздухе, который воняет конским навозом и жаром от угля. Мимо проносится огромная фура, нагруженная кирпичами и сеном. Впереди виднеется здание — изначальный цвет кирпичей едва виден за осевшей сажей. Некоторые работники, слоняющиеся поблизости, уже бросают на меня странные взгляды.

— Привет, сладенькая! — зовёт меня мужчина с вставными зубами. — Заблудилась? Я могу тебе помочь!

Качаю головой, потуже затягиваю свою шаль. Если бы со мной не было Крю, у меня бы не хватило смелости продолжать дальше.

Моя мысль проста. Я напишу историю о фабричных детях, напечатаю и распространю её. Уверена, мистер Уэллсли мне поможет. Мне известно, что у него есть печатный станок, так что он сможет напечатать эти петиции. У меня нет никакого опыта в интервью, но ничего страшного. Никто из писателей школьной газеты не брал интервью у детей-рабочих, которые выглядят так, словно попали сюда прямо из 19-го века.

Крю не заинтересован в плане, но я убеждаю его пойти со мной. Если со мной что-нибудь случится, пока я нахожусь в книжке, король будет скучать по своему развлечению. Судя по рассказам Крю, король и его подданные с таким же рвением наблюдают за моими успехами, как и мама, когда смотрит воскресные сериалы.

Так как большая железная дверь закрыта, не осмеливаясь подойти и постучать, начинаю обходить здание. Мои ботинки хлюпают по грязи, чуть раньше прошёл дождь. Становится слышно жужжание и стук работающих машин внутри. Мне кажется, я слышу крик какого-то человека, но никто не отвечает (или мне не слышно), и скоро снова раздаётся лишь жужжание и стук.

— Девочка! — Крю спускается ко мне. — Сюда. Я нашёл маленькую дверь, где ты сможешь попробовать войти.

Приподнимая свои юбки, иду по лужам. Прости, Марта. На днях я получила от неё нагоняй за грязную одежду. Без стиральных машинок им приходится выделять целый день, чтобы стирать вручную. Она ненавидит этот день больше, чем что-либо другое, а учитывая, сколько у неё работы, можно представить, какой трудоёмкий и утомительный этот процесс.

В любом случае, я достигаю той части фабрики, где нахожу маленькую коричневую дверь, о которой упоминал Крю. Она слегка приоткрыта. Возле двери стоит бочка, в которую капает дождевая вода с крыши. Я смотрю на дверь из-за угла, и прячусь за стеной. Не могу это сделать. Я не могу открыть дверь, проникнуть на фабрику и потребовать интервью. И, кроме того, мужчина, чей крик я слышала, наверное, наблюдает за детьми. Молли

упоминала, что её накажут, если она опоздает вернуться на фабрику вовремя.

— Ну? — Крю зависает всего лишь в паре дюймов от моей головы. — Ты заходишь, или нет?

Маленькая дверь открывается. Распахивается, если точнее. Из неё выходит толстый мужчина с длинным шрамом на руке, тащивший за ухо маленького мальчика. Он швыряет мальчика на землю и смотрит на него.

— Третий раз за сегодня! — рычит мужчина. — Ты хочешь здесь работать дальше или нет, парень?

Мальчик, скорчившись, лежит на земле. Думаю, он кивает, но не уверена, потому что вижу только его спину.

— Тогда ты не должен спать! — мужчина наклоняется, хватая мальчика за воротник и тащит его к бочке. Я в ужасе замираю, когда мужчина окунает ребёнка в бочку, игнорируя его взмахи руками, словно хочет утопить.

Дрожащими руками хватаюсь за свой зонтик, но не успеваю сделать шаг вперёд, как мужчина вытаскивает из воды откашливающегося мальчика. Его волосы полностью промокли и прилипли к голове. Вода стекает вниз, к его ботинкам. Или скорее, к куче тряпок, которая служит ему ботинками.

— Ты — обещаешь — что — не — будешь — опять — спать?

Мужчина делает ударение на каждом слове, и его голос дрожит от ярости. Мне нужно что-нибудь сделать. Шёпотом я прошу Крю немного поколдовать.

— Не отвечаешь? Или хочешь, чтобы я ещё раз тебя окунул?

На этот раз мальчик быстро кивает головой.

— Тогда тащи свою ленивую задницу внутрь, — мужчина отпускает мальчика и сильно его толкает. — Если ещё раз увижу, что ты спишь, то получишь двадцать ударов плетью.

НЕТ! Я устремляюсь вперёд, держа в руках зонтик, а Крю плывёт по воздуху впереди меня. В его присутствии чувствую себя более свободно.

— Хорошо, Кэт, — бормочу сама себе. — Сейчас или никогда!

Глава 27

Я бью мужчину зонтиком по голове, он стонет и разворачивается.

— Кто ты...

Я снова ударяю его. На этот раз Крю мне помогает — зонтик опускается на него с силой железной биты. Не то, чтобы мне известно, на что похож удар железной битой, но у меня такое чувство, что эффект такой же. Мужчина хватается за голову и оседает на землю. После третьего удара зонтиком он теряет сознание. Я тучу зонтиком в его грудь, чтобы убедиться, что тот, и правда, отключился. Он слегка дёргается, но не приходит в чувство.

— Хм... эй ты, — обращаюсь я к мальчику. — Как тебя зовут?

Он смотрит на меня как на пришельца. Мне приходится повторить свой вопрос.

— А... Ангус.

— Хорошо, Ангус, ты знаешь девочку по имени Молли? У неё супер короткие волосы и примерно такой рост.

Мальчик кивает.

— Ты можешь сходить за ней для меня? Я — Кэт... друг... другого друга, мистера

Уэллсли. Она знает меня.

Ангус бросает ещё один взгляд на лежащего на земле без сознания мужчину, а потом ныряет внутрь. Если бы это был фильм, то я бы его связала и всунула ему в рот кляп, но у меня нет верёвки.

Появляется Молли с выражением любопытства на лице. Её глаза расширяются, когда она видит на земле мужчину.

— Мистер Толливер! Он мёртв?

— Надеюсь, что нет, — ответив, бросаю взгляд на Крю. Гоблин качает головой. — Я всего лишь вырубил его своим зонтиком.

— Вы атаковали его, леди? — Молли смотрит на мой большой чёрный зонтик, потом снова переводит взгляд на меня. Что-то вроде восхищения читается на её лице и в голосе.

— Из-за грязи он поскользнулся, так что это было легко, — говорю я, кивая на землю. — В любом случае, у нас не так много времени. Мне нужна твоя помощь.

— Моя? — Молли удивлённо на меня смотрит. — Такой леди как вы?

— Да. Вообще-то, это может быть полезно и для вас. Мне нужно взять у вас интервью, и я напишу статью и опубликую её в газете. Или в журнале. И там, и там, если получится.

На её лице потихоньку начинает проявляться понимание.

— Леди, вы хотите, чтобы я рассказала о том, как с нами обращаются, и потом об этом узнают все?

— Точно. Я надеюсь, что таким способом мы сможем привлечь внимание публики к детскому труду, чтобы принцу удалось принять закон в парламенте. В нем говорится, что ваш рабочий день не должен длиться больше восьми часов.

Молли и Ангус переглядываются.

— Восемь часов, леди? — в голосе Молли слышится недоверчивость. Ангус же просто смотрит на меня.

— Таков план. В идеале, мне бы хотелось, чтобы закон был изменён, и вам больше не пришлось работать, но для этого потребуются слишком большие изменения. Нам нужно начать с чего-нибудь поменьше, — сенсационные новости продаются. — Кроме Джимми, какие серьёзные травмы получали другие?

Молли делает глубокий вдох.

— У Уны оторвало три пальца. Уилл потерял ухо. Джейми попал в госпиталь из-за проблем с лёгкими — в прошлом году он умер.

— И Полли, — встревает Ангус.

— Чёрт, не могу поверить, что забыла о Полли. Ей пришлось хуже всего — её засосала машина, и половина костей были раздроблены или разбиты. Мы все думали, что она умрёт, но та выжила. Полли единственная из нас, кто может уходить на два часа раньше, но мы не против. Она умрёт, если будет работать столько же, сколько и мы.

У меня в желудке словно оседает камень. Я крепче сжимаю зонтик, но с другой стороны, мой мозг твердит мне, что если меня тошнит просто когда я слушаю об их травмах, то какой же эффект будет иметь рассказ, когда его будут читать в газете?

— Хорошо, Молли. Ангус. Давайте начнём.

— А как же мистер Толливер? — спрашивает Ангус. Он всё ещё выглядит испуганным, когда смотрит на мужчину, которого я вырубил. Нельзя, чтобы этот мужчина вмешался в интервью.

— Есть здесь какая-нибудь верёвка?

— Нужно засунуть его под работающую машину, — говорит Молли. — Он не посмеет сдвинуться даже на дюйм.

— Мы не можем так сделать! — вскрикивает Ангус. — Мистер МакВин убьёт нас.

В конце концов, мы берём ключи из кармана мистера Толивера и закрываем дверь изнутри. Я обмениваюсь предостерегающими взглядами с Крю, и одними губами велю ему следить за мистером Толивером.

В воздухе тепло и влажно, а из-за хлопка, летающего вокруг, хочется чихать и кашлять. Машины — огромные, ужасные, двигающиеся чудовища. И с ними работают дети от шести до шестнадцати лет, поднимая хлопок с пола, регулируя валы, бегая взад и вперёд. У всех них сгорбленные спины, землистого цвета кожа, кривые коленки и тела настолько худые, что их можно разбить, как кегли.

Некоторые смотрят на меня, когда я вхожу, но большинство слишком заняты, чтобы заметить. Нельзя интервьюировать их, пока они все заняты, звук машин просто оглушает.

Я хватаю Молли за руку.

— Мы можем выключить машины?

На миг она колеблется, затем пожимает плечами и показывает мне, как вытащить рычаг из ближайшей машины, с некоторым трепетом мне удаётся с ней справиться. Подбегает Ангус и говорит детям, работающим с машиной, отойти. Раздаётся ужасный скрипящий шум, колёса постепенно начинают замедляться, машина останавливается.

Выключив первую машину, справляться с остальными становится всё легче. Пока я работаю над оставшимися, Молли и Ангус объясняют другим детям причину моего визита. Закончив с последней машиной, вытираю пот со лба и опускаюсь на табуретку. Чувствую себя героиней экшена, которая только что остановила тикающую бомбу.

— Хм... — я неуклюже машу обеими руками. — Привет. Я знаю, что вам интересно, почему я здесь. У... хм... у меня был друг, который работал здесь.

— Она подруга Джимми, — говорит Молли.

Недоверие и непонимание появляется на детских лицах. Они не верят, что я, хорошо одетая леди, могу в принципе быть знакома с Джимми.

Тем не менее, решаю продолжать.

— Сестра Джимми была моей горничной. Когда он умер, я не смогла просто стоять и ничего не делать. Я просила парламент изменить закон, но они не преуспели в этом. Так что сейчас мне нужно, чтобы эта история стала известна публике. Если всю страну будет волновать то, как ужасны ваши условия работы, тогда в следующий раз нам повезёт больше.

Дети переглядываются. Один из старших ребят, лет четырнадцати или пятнадцати, начинает говорить.

— Почему вы это делаете? — спрашивает он с подозрительным блеском в глазах. — Какая вам от этого выгода?

— Никакой, кроме облегчения и возможности больше не видеть поломанные или мёртвые тела.

— Захлопни свой рот, Иан, — внезапно произносит Молли. — Леди, которая вырубила мистера Толивера — друг.

— Она ударила его зонтиком, — говорит Ангус.

Теперь дети смотрят на меня с внезапным уважением. Иан пихает рядом стоящего мальчика и говорит ему что-то, чего мне не слышно. Но остальные, кажется, меняют своё мнение обо мне.

— Мы, правда, сможем больше не работать, если вы напишите свою историю? — нетерпеливо спрашивает девочка. Её левая рука ампутирована; меня передергивает. Чёртовы машины.

— Мы начнём с уменьшения рабочих часов, — отвечаю я, вытаскивая блокнот и карандаш. — Ладно. Давайте начнём, пока не вернулся этот ужасный мистер Толивер.

Теперь, когда я всё объяснила, дети хотят говорить. По крайней мере, те, кто смог бодрствовать. Большинство из них просто повалились на пол и начали дремать. Среди них была крошечная девочка, лет четырех или пяти. Я беру её к себе на колени, чтобы она смогла свернуться клубочком на плотном бархате, как котёнок.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я у девочки, у которой нет руки. — Сколько тебе лет?

— Уна. Мне десять.

Того же возраста, что и Пейдж.

— Хорошо, Уна, — я стараюсь копировать действия Блейка, когда он кого-нибудь интервьюировал. — Можешь сказать мне, как долго ты работаешь каждый день?

— С шести утра до восьми вечера. Когда торговля идёт бойко, они заставляют нас работать с пяти до девяти.

Я бормочу себе под нос ругательство.

— Включая выходные?

Она кивает.

— Как тебе удаётся не спать?

— Мистер Толивер порет нас, — когда я в шоке смотрю на неё, Ангус поясняет. — Он использует свой кожаный ремень, чтобы пороть нас.

— А вы не пытались сбежать?

Уна кивает.

— И меня потом за это сильно выпороли. Но лучше уж пусть меня побьют, чем наложат штраф. Иногда он так поступает, когда количества проданного хлопка недостаточно.

Задавая новые вопросы, я узнаю, что их могут штрафовать за разговоры, свист, недостаточную чистоту машин (за малейшую грязь на деталях), и что иногда мистер Толивер меняет время, и обвиняет их в опоздании, в результате чего их тоже штрафуют.

Я подавляю своё бессилие, пока всё записываю. Клянусь себе, что до того, как покину этот сказочный мир, опубликую то, что сегодня напишу. Даже если при этом мне придётся написать сотню копий и распространять их на людных площадях.

Вечером возвращаюсь домой мокрая и продрогшая. Снова начался дождь, когда я покидаю хлопковую фабрику, и мой мозг лихорадит после интервью. Забираясь в коляску, вижу, как Вен бросает на меня подозрительный взгляд, но ничего ему не объясняю. Мы с ним заключили сделку: если он не болтает о том, где я бываю, то я не рассказываю леди Бредшоу, что он хранит медальон с локоном волос Бьянки.

— Святые небеса, мисс, — говорит Марта, когда я снимаю свою накидку и шагаю на ковёр в прихожей, пытаюсь стряхнуть столько грязи, сколько возможно. — От вас ужасно воняет, где вы были?

— Нигде, просто попала под дождь, — отвечаю я. — Ты можешь наполнить для меня ванну в моей комнате?

Марта пощелкивает языком.

— Я бы заставила вас тереть себя с головы до ног, даже если бы вы не просили об этом. Теперь мне придётся разлить немного бергамотового масла в прихожей, иначе мадам

определённо унюхает этот запах, когда вернётся.

Ванна ещё один трудоёмкий процесс, во время которого Марта и ещё одна горничная носят оловянные вёдра с горячей водой вверх по лестнице. Я не принимаю ванны также часто, как в современном мире, но к счастью, погода достаточно холодная, и от меня не сильно воняет. Однако сегодня, мне крайне необходимо тщательно вымыться. Я погружаюсь в воду и издаю удовлетворительный вздох. Не думала, что так сильно привяжусь к этому миру, но это произошло.

Я провожу целый вечер, редактируя свои записи, складывая вместе предложения, фрагменты, проверяя ошибки и убирая лишние слова. Странно исписывать все страницы вручную, вместо того, чтобы печатать всё на компьютере, но я удовлетворена и горжусь результатом.

На следующий день, еду в «Книжный Червь», хотя говорю леди Бредшоу, что еду к Генри.

Магазин ОПЯТЬ закрыт. Интересно, какой гнусный заговор они готовят в подвале. Может быть, они планируют взорвать парламент, так как там сидят идиоты. Как бы то ни было, я подхожу и стучу в дверь.

Никто не отвечает.

Я сжимаю руку в кулак и замахиwaюсь, как молотком.

— Леди! — голос мистера Уэллсли доносится из-за глазка. — Мы сейчас как раз посреди встречи...

— Тогда впустите меня.

Я драматично машу пачкой бумаг перед глазком. Как и любой нормальный человек, мистер Уэллсли не может противостоять любопытству. Раздаётся звук отодвигаемого засова, и дверь со скрипом открывается.

Глава 28

— Что это за бумаги? — мистер Уэллсли улыбается. — Поддельные документы короля? Или первые главы написанного тобой сенсационного романа?

— Бинго. Ваше второе предположение почти верное, — я кладу свой сверток на прилавок. — Я была на хлопковой фабрике Эндрю МакВина и опросила детей, которые там работают. Это — результат.

Из горла мистера Уэллсли вырывается странный звук.

— Ты что сделала?

В проходе появляется Эдвард. Генри, наверное, всё ещё осаждают девушки, которых подбирает ему его мать. Бедный парень.

— Мы должны привлечь большее внимания публики, особенно тех, кто не боится нанести обиду владельцам фабрик, — отвечаю я, наслаждаясь видом полнейшего изумления на его лице. — Так как мне нельзя и дальше выливать вино на МакВина, то решила перейти к более изобретательным методам.

— Но, девочка, — фыркает мистер Уэллсли, — как ты смогла заставить детей говорить? Не говоря уже о наличии надзирателя, которого нанял МакВин, чтобы следить за рабочими.

— Так вот, как он называется — надзиратель? Я вырубилa его, — машу своим зонтиком в комичной демонстрации.

Оба, мистер Уэллсли и Эдвард смотрят на меня так, словно я спятила, но не виню их. Может быть, в какой-то мере так и есть.

— Ты не могла вырубить мужчину зонтиком, — протестует мистер Уэллсли.

— Наверное, мне повезло, — самодовольно отвечаю я. — Спросите Ангуса с фабрики — он был там, когда я била Толивера по голове.

Эдвард просматривает мой отчёт; единственное вменяемое действие в данный момент. После того, как он пролистывает несколько страниц, его челюсть напрягается.

На лестнице раздаются тяжёлые шаги. Появляется Годфри; когда тот видит меня, его глаза сужаются.

— Сколько времени вам ещё нужно? — требовательно спрашивает он. — Мы ждём.

— Мои извинения за задержку, — отвечает Эдвард. — Но могу вас заверить, она вполне оправдана. Вот эта леди принесла нам интересные новости.

Годфри фыркает.

— Высочество, я не буду вас останавливать, если вы хотите уйти с леди. Определенно, её компания более предпочтительна.

— Меня зовут Катриона, — вмешиваюсь я, переводя взгляд с него на Эдварда. — А не "леди". И буду очень признательна, если вы не будете разговаривать так, словно я невидимка, — я распрямляю плечи и вздёргиваю подбородок, следуя недавнему примеру Эллы. Я покину этот мир, когда добьюсь счастливого завершения этой сказки, так что терять мне нечего.

Эдвард улыбается медленной понимающей улыбкой, от которой я нервничаю.

Мистер Уэллсли вытягивает обе руки вперёд, определённо не желая больше ругаться.

— Тогда почему бы нам всем не спуститься вниз и не обсудить, что мы можем сделать с бумагами девочки?

Годфри всё ещё выглядит недовольным, но затем разворачивается и резко уходит. Эдвард делает знак мистеру Уэллсли и мне, пропуская нас вперёд.

В подвале, вокруг стола собрались те же мужчины, которых я видела в прошлый раз. Неудивительно, что они выглядят смущёнными, когда я всплываю так, словно опоздала на их собрание.

Мистер Уэллсли прочищает горло.

— Джентльмены, это леди Катриона Бредшоу, вторая дочь последнего графа Бредшоу. Вы все, без сомнения, помните её, потому что она очень особенный мой покровитель. Сегодня, она принесла нам кое-что, что может помочь нашей кампании.

Он рассказывает о том, как мне удалось проникнуть на фабрику МакВина и провести интервью. Разумеется, все смотрят на меня, как на пришельца (в принципе это не так уж необоснованно), но вероятно, из уважения к мистеру Уэллсли и Эдварду, они ведут себя не так враждебно, как в прошлый раз. И все же, большинство смотрят на меня с недоверием, и по правде говоря, я их не виню. Даже если меня и радует мой поступок.

— Сплошные выдумки, — рычит мужчина с бородой.

Эдвард держит в руках мой отчет.

— Может быть, у вас сложится другое мнение, когда вы это прочитаете.

Мужчина недоверчиво читает вслух несколько строк. Когда он заканчивает интервью с Уной, один из мужчин произносит.

— Эта девочка — моя племянница, — тихо говорит он. — Я был в больнице, когда она лишилась пальцев. По этой причине я здесь.

Повисает тишина.

— Теперь, когда вы убедились, что я была там, — произношу я, — можем ли мы напечатать историю?

Годфри и остальные переглядываются. Мистер Уэллсли откашливается.

— Ты именно это планировала, девочка?

— Боже, а это разве не очевидно? Разумеется, придётся сделать кучу печатных копий. Лучшее что мы можем сделать — это распространить историю среди как можно большего количества людей. Распространить как можно больше. Не могу представить кого-нибудь, кто после прочитанного не захочет нас поддержать.

— Я свяжусь с редактором *«Ателия Сегодня»* и посмотрю, сможем ли мы втиснуть это в следующий выпуск, — говорит мистер Уэллсли. — А также попробую связаться с несколькими журналами; у меня есть связи с руководителями.

— И памфлеты, — встречаю я, внезапно вдохновившись кампанией, которую мы придумали к выборам президента класса. — Можно поставить стеллаж в магазине, и передать копии в другие книжные магазины.

— Точно! — мужчина в твидовой шляпе хлопает по колену. — Мы можем распространять их как рекламные листки, наподобие того, как старик Меллори рекламирует своё виски!

— И не только в книжные, — добавляет мистер Уэллсли. — Может быть, в ресторанах и пабах тоже согласятся взять их?

— Пабы не будут полезными, — подаёт голос дядя Уны, — Большинство посетителей не смогут их прочитать.

— Заплатим кому-нибудь, кто умеет рисовать, — говорит мистер Твидовая Шляпа. — Наклеим рисунки на стену. Или будем раздавать их на углах с оживлённым движением.

Мы начинаем обсуждать, как ещё можно распространять написанную мной статью. Необходимо сделать её легкодоступной, везде, от газет и журналов, до памфлетов. Я предлагаю раздавать памфлеты в парке, где совершают утреннюю прогулку богачи и титулованные особы. Когда Годфри поднимает вопрос о цене, Эдвард скрещивает руки и говорит присылать все счета ему во дворец.

— На этом пока всё, — говорит мистер Уэллсли. — Есть ещё что-нибудь, что ты бы хотела сделать, девочка? В следующий раз ты наденешь бриджи и пойдёшь в армию.

Я усмехаюсь. *О, вы ещё так много не знаете.* Интересно, что бы он сказал, узнав, что я годами носила брюки и шорты.

Годфри смотрит на меня долгим, тяжёлым взглядом. Затем качает головой.

— Хорошая работа, леди.

— Спасибо.

— Смелый поступок, — я имею в виду, для леди.

Я изо всех сил стараюсь не закатывать глаза.

— Ну, нам теперь пора приступать к работе, — серьёзным голосом произносит мистер Уэллсли. — Девочка, тебе не пора домой? Эдвард, а ты, кажется, упоминал о торжественном ужине, на котором ты должен быть?

Эдвард не радуется при упоминании об ужине, но кивает.

— Я провожу Кэт на улицу, — сначала меня удивляет, почему он принимает как само собой разумеющееся то, что я должна уйти с ним, но не спорю, так как хочу поговорить с ним об Элле и, по правде говоря, я очень устала и с большим удовольствием оказалась бы

сейчас в кровати.

Мистер Уэллсли поднимает палец вверх и подмигивает.

— Удачи.

Когда мы поднимаемся по лестнице, рука Эдварда оказывается рядом с моим локтем. Я спотыкаюсь о стопку книг в кожаном переплете и останавливаюсь, чтобы поднять несколько, которые лежат на полу.

— Кэт, — тихо произносит он. Что-то в его голосе побуждает меня поднять взгляд; его глаза сверкают. Ощущая лёгкую тревогу, пячусь назад, пока моя спина не оказывается прижатой к книжным полкам.

— Ты вообще когда-нибудь думаешь о своей безопасности? Это же надо, отправиться на хлопковую фабрику, чтобы самой опрашивать детей?

Мне хочется начать спорить, что я была не одна. Крю спас бы меня, если бы мне грозила опасность, но ничего из этого не могу ему сказать.

— Риск того стоил, — я смотрю на него, убеждая себя в том, принц он или нет, я не буду пятиться от него.

— Нет, это не так, — его тон строгий. — В этот раз тебе повезло, но я не позволю тебе рисковать собой снова. Это понятно?

— Ну разумеется, — фыркаю я. Его тон такой, словно он мой телохранитель. — И какой же гениальный план ты разработал, когда закон был отклонен? Что ты сделал, чтобы собрать больше подписей под петицией?

— Моим приоритетом является твоя безопасность.

— А моим — безопасность тех детей.

Мы устраиваем битву взглядов, пока он не вздыхает и не запускает руку в свои волосы.

— Обещай мне, Кэт. Если ты ещё когда-нибудь придумаешь такой же опасный план, как и этот, ты возьмёшь с собой Бертрама.

Но Бертрам его конюший; Я не могу... у меня нет прав приказывать ему. Однако, исходя из твёрдого, непоколебимого тона Эдварда, решаю не спорить с ним.

— Хорошо.

С явным облегчением он улыбается. Прежде чем я смогла спросить его об Элле, он подходит ко мне и опирается рукой о книжную полку позади меня, частично поймав меня в ловушку. В голове звучат сигналы тревоги, но ноги приклеиваются к тому месту, где я стою.

— Через месяц во дворце будет бал, — произносит он. — На следующей неделе мы начинаем рассылать приглашения.

Давно пора.

— Это... это замечательно, — отвечаю я, чувствуя, как на душе легчает. Хотя бы это идёт согласно плану.

— Не могу дождаться, чтобы увидеть, на что похожи балы во дворце.

— Хорошо, — улыбается он. Одной из его улыбок, которая заставляет меня таять, как мороженое. — Ты окажешь мне честь быть на балу моей партнершей?

— Прошу прощения?

— Потанцуй со мной, Кэт. Я прошу тебя оставить для меня первый вальс, открывающий бал. И следующий танец тоже, если ты не против.

Адреналин проносится по всему моему телу. *Этого не может быть!* Принц приглашает меня на бал. Вместо меня должна быть Элла.

— Ты уверен, что хочешь так рисковать? — спрашиваю я. Может мне удастся отпугнуть

его? — Я упала на задницу перед королевой. Есть большая вероятность того, что я снова споткнусь и потяну тебя за собой.

Уголки его губ поднимаются.

— Ничего не имею против. И, кроме того, я могу успеть тебя поймать.

— Я... — я сплываю. В моей голове проносятся сотни причин, по которым мне следует отказать ему. Любая девушка здесь убьёт меня за это. Но не могу... не хочу этого делать. Мне не хочется его злить. А ещё я хочу танцевать с ним в сверкающем бальном зале, с хрустальными люстрами, разрисованными потолками и шёлковыми гобеленами.

— При одном условии, — наконец отвечаю я. — Оставь один танец и для Эллы.

— Эллы? — хмурится он.

— Да, моей бывшей служанке, о которой я просила, чтобы ты предложил ей работу. Как у неё дела, кстати?

— Я предложил ей работу в теплицах с Галеном. Кажется, она вполне довольна.

— Рада, что у неё всё налаживается, — отвечаю я. — Пообещай мне, что будешь чаще проверять её. Когда ты узнаешь Эллу ближе, ты поймёшь, что она очень милая девушка, и если она наденет красивое платье, все будут оборачиваться ей вслед.

Эдвард кивает, но выражение его лица остаётся беспечным. Лучше не переусердствовать с восхвалением, иначе у него возникнут подозрения.

— И, кроме того, мне известно, что она хотела бы пойти на бал, а я хочу, чтобы она хорошо провела время.

— Так и будет, если таково твоё желание, — отвечает он.

Он согласился! Да!

— Спасибо тебе, — я улыбаюсь ему. Его глаза темнеют, в точности как в тот день на лестнице, в доме Генри. Медленно он наклоняет голову.

ТРЕВОГА!

— Господи, ты только посмотри на часы! — я вытаскиваю свои карманные часы и машу ими перед ним, как щитом. — Разве мистер Уэллсли не говорил, что ты должен быть на ужине? Не хочется, чтобы меня винили в твоём опоздании.

Я не осмеливаюсь смотреть на него или дожждаться его ответа, и проскальзывая мимо него, несусь к двери, сердце бешено бьётся, а голова гудит. Мне нужно отказать от приглашения на бал. Это же очевидно, что его влечение ко мне возрастает. Но как объяснить, почему мне нельзя его принимать?

Глава 29

Бал.

Наконец-то он состоится.

«Золушка» будет там, и принц пригласит её на танец. Счастливый конец приближается.

Да, точно! И кого я обманываю? Если мне не удастся придумать, как повлиять на Эдварда и Эллу, велика вероятность того, что все остальные танцы с Эллой станут танцевать Генри, тогда как принц сфокусируется на мне. Чёрт, если его родители прикажут ему выбрать невесту, в точности как в сказке, он, возможно, даже сделает предложение.

Эдвард... Он в точности такой, каким должен быть сказочный принц, в нём есть всё, о чём только может мечтать любая девушка. Умный, сострадательный, чертовски

сексуальный. Его беспокойство за меня слегка властное, но простительное, а исходя из его статуса и старомодного восприятия женщин в Ателии — довольно милое. Каждый раз, когда он мне улыбается, прикасается ко мне, каждый раз, когда пытается проявить обо мне заботу, моё сердце тает.

Я люблю его. Но затем осознаю, что стану открывать с ним бал, но не смогу остаться, и меня охватывает желание свернуться калачиком в постели и плакать. Элла, несмотря на её добродушие и миловидность, не любит его. Почему, ну почему я создала такой сумбур в сказке?

В мою комнату входит Марта и несёт в руках грушевидную керамическую вазу с букетом из фиалок, лаванды и астр.

— От одного из поклонников мисс Бьянки, — бодро поясняет она и ставит вазу на мой ночной столик. — Мы уже заполнили две вазы цветами из огромного присланного букета. Если так и будет продолжаться, мы сможем открыть цветочную лавку.

Я выдавливаю смехок, и от этого звука Марта замирает.

— С вами всё в порядке, мисс? Вы выглядите так, словно проснулись после ночного кошмара.

— Всё в порядке, — автоматически отвечаю я. — Ничего такого, о чём стоит беспокоиться, правда.

Она ошибочно считает, что причиной мрачного настроения является букет Бьянки.

— Придёт и ваше время, мисс. Вы не такая красивая, как ваша сестра, но у вас есть сердце. Когда молодой человек выберет вас вместо вашей сестры, вы будете знать, что его чувства настоящие.

С этим не поспоришь; Я лишь улыбаюсь в ответ и заверяю её, что совершенно не волнуюсь о своих перспективах в браке.

Когда Марта уходит, я бросаю взгляд на вазу. Моя комната становится приятнее, когда на подоконнике стоят розы Эдварда, а теперь ещё и этот красивый букет. На вазе нарисована лесная нимфа, с вплетёнными в волосы листьями. Это напоминает мне о вазе, увиденной на ужине у Менсфилдов.

Меня осеняет. Леди Грегори говорила, что когда люди засыпают, фейри с ваз оживают и играют. Может ли существовать малейшая вероятность того, что она знает, как их вызвать? В данный момент, для того, чтобы между Эллой и Эдвардом возникла привязанность, мне необходимо чудо. Мне очень, очень нужно немного магического вмешательства.

Хотя, это будет и нелегко, ведь она тётя лорда Менсфилда, и если вспомнить, что я сделала на их ужине, сомневаюсь, что Менсфилды будут рады меня видеть. Может быть, они даже захлопнут дверь у меня перед носом, прежде чем мне позволят увидаться с леди Грегори.

Какое-то время я в задумчивости меряю шагами комнату, пока не качаю головой и не начинаю смеяться. Я была на фабрике Эндрю МакВина, вырубил человека (правда мне помогал Крю, но он бы этого не сделал, не сделай я первый шаг) и опросила там дюжину детей. Визит к леди Грегори — это как кусочек торта. И, судя по её дружелюбному отношению ко мне, может быть она согласится поделиться со мной инсайдерской информацией, которой она располагает о фейри.

— Лорд и леди в данный момент отсутствуют, — отвечает лакей, когда я стою на пороге особняка Менсфилдов.

— Не проблема. Мне нужно увидеть леди Грегори, — я передаю дворецкому свою

карточку. С тех пор, как Генри прислал приглашение, адресованное лично мне, леди Бредшоу позволила мне иметь собственные карточки для визитов. Я не получаю удовольствия от визитов, но мне вроде как нравится не полагаться на Бьянку, как придаток.

Дворецкий возвращается через минуту.

— Она примет вас в своей комнате, леди. Следуйте за мной, пожалуйста.

Комната леди Грегори маленькая, и по правде сказать, она выглядит вполне похожей на номер в какой-нибудь гостинице в современном мире. Бледно-голубые обои, с рисунком из маргариток, картины в белых рамах, ковёр и постельное покрывало в тёплых пастельных тонах. Это странно, удобно, и выглядит не таким великолепным как другие комнаты в доме.

— Надеюсь, ты не возражаешь, если мы посидим здесь? — приветливо спрашивает леди Грегори. — Я как раз вяжу пару шерстяных носков для своего пра-пра-племянника, и не очень удобно носить за собой туда-сюда корзинку и спицы.

— О, совсем не против, — отвечаю я. Она мне почему-то напоминает мисс Марпл.

— Присаживайся вон в то кресло, если оно тебе подходит, — предлагает она, указывая на низенькую софу, на которую накинута яркое разноцветное покрывало. — Да, я сама сделала это покрывало. Это одна из тех вещей, которыми можно занять себя в моём возрасте. Как насчет чашечки чаю?

Я не слишком люблю чай, но не хочу отказываться. И, кроме того, чай подразумевает более длинный разговор.

— Да, пожалуйста, — вежливо отвечаю я, вспоминая то, чему меня учили на уроках этикета. — Если это не создаёт для вас никаких затруднений.

— О, разумеется, никаких. Тогда две чашки. И принесите булочки, которые недавно испёк повар, если остальные их ещё не съели, — она выгибает бровь и смотрит на меня. — Булочки божественны. Один кусочек — и вы забудете обо всех проблемах в мире.

Софа оказывается такой же удобной, как и выглядит. Я усаживаюсь на сидении, наслаждаясь тем, как глубоко и уютно на ней можно устроиться.

— У вас очень милая комната, — произношу я, выражая вслух свои мысли.

— Спасибо, дорогая, — улыбается леди Грегори. — Видите вон ту сумку, на двери? Её тоже сделала я, и в прошлом году она выиграла приз на ежегодном шоу «Дамского общества по вязанию крючком».

Мы болтаем об этом и других пустяках, пока не возвращается дворецкий с чаем и булочками. Леди Грегори опускает пальцы в миску с водой и с таким изяществом вытирает руки салфеткой, словно ей семнадцать.

— А теперь, дорогая, — говорит она, голосом нашего школьного психолога. — О чём ты хочешь поговорить со мной?

— Ну... — неуверенно начинаю я, — Я думала о том, что вы рассказали о фейри на том ужине.

— О, да, я хорошо его помню. Вечер был просто незабываемым.

Я вспыхиваю, но радуюсь тому, что это, кажется, её лишь забавляет.

— Мне всего лишь любопытно, не знаете ли вы, как найти фейри?

Её рука замирает в воздухе.

— Найти... фейри?

— Я... по правде говоря, на меня наложили проклятие, — выпаливаю я. Если бы на её месте был кто-нибудь другой, то не стала бы признаваться, но эта леди такая дружелюбная, и кажется, знает больше, чем видно на первый взгляд, что просто не смогла удержаться. —

Чтобы разрушить проклятие, мне нужно помочь Эл... другу. Но я не могу сделать это самостоятельно. Мне нужна помощь — помощь фейри.

Она склоняет голову.

— Они очень строго относятся к своей магии, — тихо произносит она, не задавая ни одного вопроса о проклятии или об Элле.

— Меня интересует одна из них, — быстро говорю я, хотя и не уверена в этом. — Я слышала, что она крёстная моей подруги.

— Тогда зачем тебе нужно искать фейри, если ты уверена, что она поможет твоей подруге?

— Понятия не имею, почему фея-крёстная не появляется, но мне только недавно стало известно, что она в горах возле Руби Ред.

Это чистейшей воды предположение, которое возникло из рассказа Марты, но, очевидно, я близка к истине. Чашка леди Грегори со стуком опускается на стол, а горячий чай проливается на белую вязаную скатерть. Встревожившись, хватаю салфетку и бросаюсь его вытирать, но уже поздно.

— Это, это пустяки, — говорит леди Грегори. — Её всё равно нужно стирать. Насчёт твоего вопроса...

У неё становится странный мечтательный взгляд. На секунду, если просто смотреть ей в глаза и игнорировать морщинистое лицо, можно подумать, что она выглядит как юная девушка.

— Я никогда никому не рассказывала, потому что никто бы не поверил мне, но думаю, что ты сможешь понять. Ты знаешь о том, что я старая дева?

Я качаю головой.

— Так считают все остальные; они видят меня матроной, вечно занятой вязанием, — леди Грегори улыбается. — Но на самом деле, я была замужем пятнадцать лет. За Лисандером, моим мужем-фейри.

Я даплюсь своей булочкой.

— Замужем за фейри? Тогда... почему...

— Я оставила его, — просто отвечает она. Без горя, беспокойства, просто как факт. — Но не сожалею об этом. Также как и не жалею о тех годах... они подарили мне самые дорогие воспоминания. Я бы не променяла свои пятнадцать лет с Лисандером на пятьдесят лет с королем Ателии.

— Мне было семнадцать, молодая и беззаботная. Я ехала в Руби Ред со своим возлюбленным. Он был сыном нашего викария, так что ты понимаешь, что родители яростно протестовали против нашего брака. Вообще-то, именно я убедила его сбежать со мной. По дороге на нас напали разбойники. Мой любимый был убит. Вонзив кинжал в того, кто его убил, пока остальные разбойники кружили вокруг меня, я уже приготовилась умереть, защищая свою честь, когда в воздухе внезапно появилась яркая вспышка. Он был высокий, с длинными волосами, его красота была не из этого мира. Я никогда не видела никого, более прекрасного.

Леди Грегори делает глоток чая. У меня перед глазами возникают эльфы из *«Властелина колец»*.

— Я была сильно ранена, и он отнёс меня в убежище фейри. Мы влюбились, Лисандер и я. Так как мои отношения с родителями были шаткими и напряжёнными, я согласилась выйти за него замуж, позволив им поверить в мою гибель. У нас было пятнадцать

невероятно счастливых лет — пока я не обнаружила у себя первый седой волос.

Я, кажется, догадываюсь, что она расскажет дальше, но молчу.

— Фейри не стареют. Ты можешь сказать, что существуют пары, где жена старше, но на что это будет похоже, когда мне пятьдесят, а он выглядит двадцатилетним? Когда я умру, а он будет жить вечно?

Теперь всё, и правда, становится похоже на *«Властелина колец»*. Только Арвен и Арагорн поменялись местами.

— Лисандер умолял меня остаться. Он говорил, что даже если его тело и выглядит юным, его сердце и ум старше моих. Я даже услышала, как кто-то предлагал ему наложить любовное заклятие.

Я наостряю уши.

— Любовное зелье?

— Не совсем, но близко. Вместо того чтобы пить зелье, ты втираешь волшебный порошок в палец. К кому бы ты ни прикоснулась, моментально в тебя влюбится. Он будет подчиняться любому желанию.

Мои глаза расширяются. Звучит очень жутко.

Леди Грегори кивает.

— Ты сама понимаешь, что это не слишком желанное состояние. Я уверена, что если Лисандер применит это ко мне, то сбегу при первой же возможности, но тот лишь промолчал, а потом отказался. Он скорее позволил бы мне уйти по собственной воле, чем оставаться в теле, контролируемом магией. Я почти согласилась остаться, но в итоге, не смогла. При каждом взгляде в зеркало, я видела каждую новую морщинку на своём лице. Так что сказала ему, что должна попрощаться с ним.

Её голос стал мягче; она смотрела на свои руки, морщинистые и тонкие, как бумага.

— А были ли какие-нибудь проблемы, когда вы вернулись? — не могу не спросить я.

— На моё счастье, в землях фейри время идёт быстрее, — отвечает она. — Вернувшись в горы, я обнаружила, что прошло лишь две недели. Год жизни в том месте прошёл здесь как один день.

— А... — я пытаюсь осмыслить услышанное. — А вы знаете, как туда вернуться? Вы помните это?

Леди Грегори грустно качает головой.

— Я никогда не пыталась вернуться, но если ты действительно хочешь попасть туда, то должен быть способ. Ты можешь оказать мне услугу?

Я киваю.

— Если это мне по силам.

Леди Грегори встаёт и медленно подходит к комоду возле кровати. Из самого нижнего ящика она вынимает красивую резную шкатулку с рубином на крышке, затем открывает её и достаёт самый изысканный букет из лилий, который я когда-либо видела. Цветы серебристо-белые, и мне кажется, что по краям они блестят. Она вынимает один цветок из букета и передаёт мне.

— Возьми её, — говорит Леди Грегори, вкладывая его мне в руки. Лилия оказывается холодной и мягкой, как будто сделана из шёлка. — Когда твоя карета подъедет к горам — остановись у источника, не важно, река это будет или пруд, и скажи "Лисандер, приди ко мне". Может быть, он появится, и ты сможешь спросить его о фейри, которой интересуешься.

— Вы никогда не возвращались?

— Я не могу, — мягко говорит она. — Но если ты увидишь его, отдай ему это. — Из шкатулки она вынимает аккуратный вязаный мешочек в форме сердца, наполненный сухими цветами. Посредине вышиты две буквы Л и М, переплетающиеся между собой. — М — это от Маргарет, так меня зовут, — объясняет она. — Я всегда хотела отдать ему это, но у меня никогда не хватало смелости вернуться. Или найти кого-нибудь, кому можно было бы довериться, чтобы он его передал. Ты сможешь сделать это для меня?

Мне хочется убедить её отправиться со мной, но не делаю этого. Судя по её серебристо-седым волосам и морщинистому лицу, я бы сказала, что ей уже как минимум шестьдесят. Даже если Лисандер и не станет возражать, знаю, что Маргарет будет против.

Я накрываю рукой мешочек и лилию.

— Я сделаю это.

— Спасибо тебе, дорогая, — улыбается леди Грегори. — Желаю тебе удачи и надеюсь, ты разрушишь проклятие и добьёшься того, чего хочешь.

Я улыбаюсь в ответ, но не говорю ей, что часть меня больше не хочет разрушать проклятие.

Теперь мне становится ясно, что делать дальше. Мне нужно отправиться в Руби Ред.

Но как? Мне доставляет кучу неприятностей и неудобств убеждать Вена возить меня по городу. Как же мне взять коляску на несколько дней. Интересно, есть ли здесь железная дорога? Я понятия не имею, сколько времени мне понадобится. Проклятие, мне просто необходим «Гугл Планета». Мне не хватает современного мира больше, чем когда-либо.

Я смотрю в окно на кареты, которые едут по дороге. Я привыкла пользоваться коляской, но для путешествия, которое займет несколько дней... бр-р-р.

— Привет, девочка, — мои мысли прерывает знакомый голос. — Ты лишишься части волос, если будешь и дальше так их дёргать. Дорогому Эдди это не понравится.

Я разворачиваюсь к нему.

— Крю, мне нужен ковёр-самолет. Или портал. Или шкаф из «Нарнии». Что угодно, чтобы путешествовать на дальние расстояния, но без лошадей и карет.

— Я что, по-твоему — Всемогуший? — язвительно спрашивает он. — Что взбрело в твою голову?

— Кажется, мне известно, где может быть фея-крёстная. Мне нужно уехать из города, — я рассказываю ему так быстро, как могу всё, что узнала от Марты и леди Грегори, и даже показываю ему лилию.

Крю впечатлён. Его глаза расширяются, и он хватается за лилию, вертя её в своих маленьких, грязных ручках.

— Мне кажется, что ты добила хорошего прогресса, девочка. Я должен пойти, рассказать все королю...

— погоди секунду! Туда всё равно очень далеко добираться — буквально. Как мне попасть в Руби Ред?

— Без понятия. Наверное, тебе нужно купить путеводитель. И нет, не смотри на меня так. У меня нет сил для того, чтобы транспортировать людей.

Мои плечи поникают. Похоже, что если я всё-таки поеду в Руби Ред, мне придётся исчезнуть на несколько дней. Интересно, что творится на дорогах в эти дни. На леди Грегори напала толпа грабителей.

Крю усаживается на подоконнике.

— Девочка, ты сделала больше, чем ты думаешь. Если эта леди Грегори не лжёт, ты очень скоро отыщешь фею-крёстную. И рискну сказать, что твоя маленькая проблема с Эдди будет решена. Тебе больше не понадобится соблазнять герцога Генри.

— Что ты имеешь в виду? — у идей Крю обычно бывает противоположный результат.

— Заклятие, о котором она упоминала, — гоблин показывает свои острые зубки, его глаза блестят. — Пусть Элла использует его на Эдди. Он влюбится в неё, и ты получишь свой счастливый конец.

Глава 30

— ЗАТКНИСЬ!

Крю кувыркается в воздухе и издаёт пукающий звук.

— Разве это не гениальная идея, девочка? Так как Эдди влюблён в тебя, похоже — это единственный способ отвлечь его внимание на Эллу.

Но я не хочу, чтобы он влюблялся в Эллу.

— Разве это не станет обманом?

Гоблин фыркает.

— А как иначе он согласится жениться на "Золушке"?

— Я сделаю всё возможное, кроме использования любовного зелья, — в отчаянии отвечаю я. — Даже если мне нельзя остаться с Эдвардом, он ещё и мой друг. Я не могу так с ним поступить.

— Конечно, но так ты скорее вернёшься к своей семье. Немного хитрых манипуляций не повредит.

Да, я знаю, что моральные принципы, прежде всего. И всё же, даже если мне удастся заставить себя воспользоваться этим заклятием фейри, то, как мне убедить их дать его мне? Не говоря уже о том, что я до сих пор не знаю, как мне попасть в Руби Ред.

Когда Бьянка возвращается с пикника, леди Бредшоу торжественно входит в гостиную с таким видом, словно выиграла приз в лотерее.

— Девочки! — кричит она, размахивая большим белым конвертом с овальной красной печатью. — Наконец-то король и королева решили устроить бал! — "Радужно приглашаем вас посетить бал, который даёт Его королевское Высочество Эдвард". — Бьянка, дорогая, мы должны завтра же утром отправиться за покупками. Тебе нужно новое платье, туфли, перчатки, всё! Нам необходимо сделать всё возможное, чтобы ты смогла привлечь взгляд Его Высочества.

Она говорит так, словно я невидимка.

— А в приглашении сказано, что на этом балу принц выберет себе невесту?

— Глупое дитя! — леди Бредшоу презрительно смотрит на меня. — Разумеется, они не будут писать ничего подобного в приглашении, но мы все знаем цель этого бала. На днях леди Менсфилд сказала мне, что король и королева имели личный разговор с принцем. Эдвард согласился на бал при условии, что они одобряют его выбор.

— Было бы ужасно неловко, если бы в приглашении упоминалось о том, что принц ищет себе жену, — говорит Бьянка, бросая на меня точно такой же презрительный взгляд.

Ну да, это похоже на Эдварда. Это как разместить объявление на «Match.com», вот только он в этом не нуждается. Интересно, почему в оригинале сказки принц позволяет

своему посланнику объявить всему королевству, что ему нужна жена. Неужели королевская особа была в таком отчаянии.

— Потанцуй со мной, Кэт, — говорил он в тот раз, и в его глазах было столько надежды. Я глотаю кофе и морщусь от горького вкуса; кажется, сегодня даже он сбежал у повара.

Леди Бредшоу кашляет.

— Это всё неважно. Мы должны подготовить твой гардероб к этому балу как можно скорее. Я продам семейные драгоценности. Если ты станешь королевой, у тебя должно быть самое лучшее платье и карета во всей стране. О, и у тебя тоже, Катриона, — произносит она так, словно только что вспоминает о моём существовании. — Не забывай пока о герцоге Генри. Хотя герцогиня попыталась представить ему нескольких леди, пока он не согласился пригласить на чай во второй раз хотя бы одну из них.

Моё нежелание видимо явно читается у меня на лице, потому что она складывает руки и говорит.

— Я устала от того, что ты вечно сидишь в углу, Катриона. Имей в виду, что твой первейший долг — выбрать подходящего мужа. Хотя ты меркнешь в сравнении с твоей сестрой, и даже если не встанешь у неё на пути, на балу всё равно есть шанс, что кто-то тебя заметит. На данный момент меня больше беспокоит то, что твоё поведение отпугивает больше, чем твой внешний вид.

Вот таким образом, следующим же днём меня потащили на Хай Стрит. Когда Бьянка входит в магазин одежды, все портнихи сразу же устремляют на неё взгляд. Наверное, дело в бале и перспективе стать королевой — она кажется даже более прекрасной, чем когда я видела её в первый раз. Её глаза сияют как драгоценные камни, фигура тоненькая, хотя и с изгибами во всех нужных местах, её движения грациозные и уверенные, как у королевы.

Я скучаю, чуть ли не до слез, пока портнихи выются вокруг Бьянки, восхищаясь её лицом, волосами и фигурой.

— Платье для бала, мадам? О, безусловно, оно будет выделяться среди всех!

Когда приходит моя очередь, их энтузиазм становится более умеренным. И так как я тоже не испытываю рвения, процесс идёт быстрее.

— Ой! — вскрикиваю я, когда портниха стягивает сантиметром мою грудь. — Я не смогу дышать, если платье будет таким узким!

— Тогда тебе придётся целый месяц просидеть на хлебе и воде, — ледяным тоном говорит леди Бредшоу. — Seriously, Катриона, сколько раз тебе говорить не прикасаться к десерту? Мне придётся переговорить с Мартой, когда мы вернёмся.

— Но я не смогу танцевать, если не смогу дышать, — говорю я.

— Ты справишься. Если у всех остальных получается похудеть, не вижу причин, чтобы ты тоже не смогла.

Кажется, проходит вечность, когда мы, наконец, заканчиваем. Бьянка заявляет, что ей нужны новые туфли, я же отказываюсь.

— Мне не нужны никакие туфли на каблуках, — говорю я. — Если я буду танцевать полуголодная, то совершенно точно споткнусь и упаду.

— Не говори со мной таким тоном! — сердито смотрит на меня леди Бредшоу. — Хорошо. По крайней мере, так меньше людей увидят твои ноги. Бьянка, дорогая, пошли. Нам лучше взять полоску этой ткани, чтобы убедиться, что туфли будут совпадать с цветом.

Пока они устраивают охоту на туфли, я бесцельно брожу по улице, размышляя над тем, сколько придётся колдовать Крю, чтобы помочь мне оказаться в Руби Ред. С другой стороны,

если бы у него было много сил, то у меня с самого начала было бы намного меньше проблем.

Я делаю длинный, театральный вдох и сворачиваю за угол. Моих ушей достигают диссонирующие звуки — крики и вопли. Передо мной растягивается длинная узкая улица, переполненная людьми. Судя по аккуратной, но элегантно одежде, здесь в основном представители среднего класса.

— Мисс? — юноша с бледным лицом протягивает мне жёлтый памфлет с текстом, напечатанным полужирным шрифтом. — Не хотите ли взглянуть на нашу кампанию?

Я беру листок и чуть его не роняю. Заголовок гласит: *"Проклятие фабричной системы"*. Мой отчёт, дополненный двенадцатью интервью, занимает всю первую страницу и следующую. Некоторые места отредактированы, я допустила несколько грамматических и орфографических ошибок, но все ужасны подробности остались нетронутыми.

— Сейчас всё дело в заголовках, — говорит мне молодой человек. — Не думаю, что вы читали рассказ об ужасной судьбе детей, работающих на фабриках?

Разумеется, читала, потому что сама написала её. Я поискала своё имя, но его не указали вместе с отчётом. Были лишь фразы вроде "Исследователь побывал на фабрике и провел серию интервью...", они были в самом первом абзаце.

В конце улицы люди плотной группой собрались у платформы. Несколько человек, стоявших на сцене, выглядят знакомо — мужчина разворачивается, и его конский хвост напоминает мне о Годфри. Вообще-то это и есть Годфри!

— Мы собрались здесь, — громко говорит Годфри, — чтобы заявить, что больше не должна проливаться ничья кровь! Мы здесь, чтобы протестовать против того, чтобы убийцам наших детей и дальше позволяли продолжать их убивать!

В толпе раздаются одобрителные крики.

— Хорошо сказано!

— Больше никаких убийств!

Годфри продолжает.

— Вы все читали отчёт с правдивыми свидетельствами того, что наши дети страдают. Скажите мне, хотите ли вы, чтобы будущее нашего королевства вырвалось из этой дыры? Чтобы дети даже не имели возможности дожить до старости?

— НЕТ! — кричат в толпе, некоторые добавляют к выкрикам поднятые в воздух кулаки.

— Вы соглашаетесь с тем, что это убийство, заставляя детей работать больше двенадцати часов в день?

— ДА!

— Вы соглашаетесь с необходимостью принятия закона, чтобы предотвратить новые травмы и новые смерти?

— ДА!

Другой мужчина, стоящий рядом с Годфри, чьё лицо мне знакомо по магазину мистера Уэллсли, начинает раздавать стопки листков.

— Тогда я говорю вам, — кричит Годфри, — подпишите эту петицию, чтобы мы могли показать нашу ярость парламенту! Пусть наши голоса услышат! Пусть жестокость прекратится!

Мои глаза наполняются слезами. Когда я писала отчет, то всего лишь хотела сделать всё возможное, чтобы помочь. Но даже тогда я не ожидала, что толчок будет таким сильным.

Пока по толпе распространяют карандаши и петиции, среди шума прорезается ещё один голос.

— Прошу прощения, сэр, — мужчина, одетый в безукоризненный чёрный костюм, пробирается к сцене. — Я ставлю вопрос о правдивости этого отчета.

Годфри осматривает его, сужая глаза.

— Что вы сказали?

— Раз уж вы просите, — продолжает мужчина. — Как вы можете доказать, что всё написанное в этом отчёте правда? Во-первых, у всех детей придуманные имена.

— Это для того, чтобы защитить их, — рычит Годфри. — Предосторожность никогда не помешает.

— Тогда, что насчёт автора? — мужчина машет пальцем. — Он что, трус, который пишет провокационные материалы, но боится указать своё имя? Если положение и правда такое ужасное, как вы говорите, то как автор смог посетить фабрику и опросить так много детей за одно утро, когда предполагается, что они должны работать, и что у них есть надзиратель?

— Вы хотите сказать, что здесь сплошная ложь? — лицо Годфри перекашивается от ярости.

— Я не хочу сказать именно это, сэр, — хотя выражение его лица самодовольное. — Я лишь имею в виду, что отчёт кажется преувеличением, и что поставленные вопросы, если можно так выразиться, сформулированы так, чтобы вызвать симпатию к детям.

Годфри зол. Он хватает мужчину за воротник и рычит.

— Преувеличение, говоришь? Почему бы нам не пойти на фабрику и не увидеть все лично?

— Нет! — кричу я. Если Годфри ударит его, это плохо повлияет на поддержку петиции. — Не бей его, Годфри! — затем, когда все головы поворачиваются ко мне, я делаю глубокий вдох. — Сэр, могу вас заверить, что всё написанное здесь — правда. Потому что отчёт писала я.

Тишина. Юноша с бледным лицом возле меня роняет пачку памфлетов, которые он раздавал. В толпе раздаётся бормотание, кто-то даже смеётся.

— Молодая леди берёт интервью?

— Она что, выжила из ума?

Я пробираюсь через толпу, пока не достигаю платформы. Это, скорее всего, глупый поступок, но нельзя упускать такой шанс. Я не могу позволить, чтобы в толпе разрослись семена сомнения как раз тогда, когда люди пожелали подписать петицию.

— Маленький мальчик, которого я знала, умер, работая на фабрике Эндрю МакВина. Половина его головы и плечо были раздроблены машиной, когда он собирал под ней хлопок, — говорю я. Кто-то из женщин потрясённо выдохнул. — Его мать только что выздоровела после тяжелой болезни, и у них было много счетов за лекарства, но не существует никаких компенсаций. Она даже не смогла позволить себе организовать похороны. — Новые вздохи толпы. Мужчина в чёрном костюме, кажется, хочет что-то сказать, но я смотрю на него.

— Поэтому я хотела что-нибудь сделать. Я могла просто оплатить похороны, но знаю, что это лишь временное решение. Я не хочу, чтобы дети и дальше страдали. Поэтому решила, что лучше всего открыть людям глаза, — моё сердце яростно бьётся, горло болит, но я заставляю себя говорить дальше. — Я отправилась на фабрику и вырубил надзирателя мистера Толивера своим зонтиком.

Кто-то фыркает. Хотя на лицах читается симпатия, кое-кто поднимает брови. Они не

верят в то, что я способна пересилить взрослого мужчину. Но не могу же я рассказывать им о Крю.

Я говорю громче, пытаюсь придать голосу больше уверенности и силы.

— Разумеется, мне это удалось не с первой же попытки. Пришлось ударить его три раза, и он свалился в грязь.

Появляются улыбки, и я воодушевлённо продолжаю.

— Затем я сказала детям отключить машины, чтобы мы смогли поговорить без их шума. Они были испуганы, но хотели получить отдых от работы. Старшие смогли говорить, но большинство из них просто заснуло. Это говорит о том, насколько они устают.

— Это ужасное место — фабрика. Там так жарко и влажно, что пот струится по спине. Воздух ужасен, потому что множество людей собраны в одной комнате с работающими машинами. Я не думала, что смогу там выдержать хотя бы один час, но дети примерно такого роста, — я показываю на свой локоть, — и такие худые, — я изображаю ширину, — которой не смог бы добиться даже самый жёсткий корсет, вынуждены работать там как минимум двенадцать часов в день, иногда шестнадцать. Не говоря уже о риске для их жизни! Я видела машины, которые двигаются как огромные крутящиеся чудовища. Одно неверное движение, и вы можете потерять палец, конечность или даже голову, — я содрогаюсь при воспоминаниях. — Это кошмар, — добавляю я, и мой голос смягчается. Но так как среди толпы царит тишина, уверена, они слышали каждое слово.

— Я — Катриона Бредшоу, приёмная дочь графа Бредшоу, клянусь, что всё, что я рассказала — правда. Если у вас есть хоть капля сострадания, то призываю вас помочь принять новый закон, который уменьшит рабочие часы до восьми в день. Я... Я не хочу больше видеть, как умирают дети.

Смелость покидает меня. Спускаясь с платформы, начинаю пробираться через толпу. Несколько людей пытаются заговорить со мной, но я качаю головой и бросаюсь бежать. Один короткий миг на той сцене, и я морально истощена. У меня по лбу катится холодный пот, мои ладони скользкие и влажные.

Чёрт, ну зачем я только пошла и вела себя как идиотка, разболтав о том, что участвовала в этом? Что скажут в аристократическом обществе, когда история выйдет наружу? Леди Бредшоу повесит меня на трубе дымохода!

Я даже не догадывалась, что час расплаты придёт ко мне лишь мгновением позже.

Глава 31

После того, как я уйду, у меня появляется единственное желание — найти наименее людное место. Неудивительно, что я заблудилась в лабиринте улиц и аллей. Обнаружив, что нахожусь у довольно грязного на вид паба, совершенно не похожего на модные магазины, по которым нас таскала леди Бредшоу, паникую и начинаю оглядываться, пытаюсь понять, куда мне нужно двигаться. Всего лишь несколько мгновений назад мне хотелось уйти из тесного обувного магазина, сейчас же я с радостью расцеловала бы его витрины.

От внезапного сильного толчка я падаю на землю.

— Ой! — мой подбородок и локти болят от сильного удара о твёрдую поверхность. Я пытаюсь подняться, но тут же чей-то ботинок ударяет меня в бок, прямо по ребрам.

— Пронырливая стерва! — раздаётся рык сверху. Ещё не оправившись от боли, я

поднимаю взгляд от ботинок вверх, к их хозяину. Плотная фигура, заострённый подбородок и шрам на правой руке. Вот так совпадение! Надо мной возвышается надзиратель мистер Толливер, его глаза налиты кровью и пылают злостью, пока он размахивает в воздухе бутылкой.

— Из-за тебя, — Толивер выплёвывает слова, словно яд, — я потерял всё. Всё! — он хватается меня за руку и рывком поднимает с земли. От него разит алкоголем, дыхание отвратительное и вонючее.

Я изо всех сил стараюсь вырваться из его стальной хватки, и продолжаю крутиться и извиваться; во имя Господа, в его руках бутылка! Если он ударит ею меня по голове, всё будет кончено. На секунду мне приходит в голову мысль, а могу ли я по-настоящему умереть, находясь в сказочном мире?

— Отпустите меня! — ору я. — Убирайтесь!

— Сначала я должен преподать тебе урок, — рычит Толивер, поднимая вверх руку с бутылкой. — Научить тебя не совать нос туда, куда не следует.

Он замирает, а затем валится на землю, словно шарик, из которого выпустили воздух. Бутылка, со звоном ударившись о землю, разбивается на несколько частей.

Бертрам, личный помощник Эдварда, с телосложением гориллы и милым лицом, с которого ещё не сошла детская пухлость. В данный момент он больше смахивает на Кинг Конга, чем на ангела. На его лице застывает грозное выражение, когда тот опускает свой мясистый кулак. Даже я пячусь назад.

— Леди Кэт! — он шагает в мою сторону. — Примите мои глубочайшие извинения за то, что не пришёл на помощь раньше.

— Как вы нашли меня? — я оглядываюсь вокруг в поисках Эдварда, но видимо, здесь только Бертрам.

— Сегодня мой выходной, леди. Я просто зашёл сюда выпить пинту, — он кивает в сторону паба, — когда услышал чей-то крик, а потом почувствовал, что моё сердце вот-вот выпрыгнет. Если бы с вами что-нибудь случилось, Его Высочество скормил бы меня собакам. С вами же всё в порядке, вы не пострадали? Я прямо сейчас отведу вас к доктору.

— Я в порядке, — отвечаю я, хотя и не могу сдерживать дрожь при виде осколков стекла на земле. — Мне нужно вернуться. Я ходила за покупками с моей матерью и Бьянкой.

— Искали новое платье для бала? — Бертрам ухмыляется и машет пальцем. — Вам не стоит об этом волноваться, так как Его Высочество абсолютно точно в вас влюблён. Никогда раньше не видел, чтобы он был так очарован, хотя обычно девушки сами на него бросаются.

Я предпочитаю молчать.

— О, я вас смутил, не так ли? А теперь давайте вернём вас вашей семье, пока они не начали беспокоиться, — Бертрам хватается мистера Толливера и перекидывает его через плечо, как будто тот мешок с картошкой. — Нужно отнести эту мразь к ближайшему констеблю. Нельзя позволять, чтобы он шатался по округе и снова нападал на вас.

Когда мы подходим к главной улице, я с облегчением вижу, как Бьянка и леди Бредшоу покидают ювелирный магазин.

— Миллион раз «спасибо», — благодарю я Бертрама. — Сегодня вы спасли мне жизнь.

— Не стоит упоминать об этом, леди Кэт. Скоро вы станете частью королевской семьи, так что я просто начал выполнять свои обязанности немного раньше.

Нельзя позволить ему болтать о моих отношениях с Эдвардом на публике, поэтому ещё раз быстро благодарю и поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Катриона! — леди Бредшоу поправляет свои очки. — Что это за молодой человек, с которым ты разговаривала?

— Кажется, это один из слуг принца, — говорит Бьянка, сузив глаза. — С каких это пор ты заводишь знакомства с его слугами?

— О, так он работает на принца? — притворяюсь удивлённой. — Я просто уронила свою перчатку, а он её поднял, — и добавляю, чтобы отвлечь их внимание от Бертрама, — так вы уже всё купили, чтобы выглядеть как принцесса?

Леди Бредшоу фыркает.

— Вряд ли в магазине ещё что-нибудь осталось. Это же бал! Все молодые леди со средствами разгромили магазин.

Я борюсь со смехом. Всё, что идёт плохо для Бьянки, — хорошо для меня.

И тем не менее, скоро я снова меряю шагами комнату, стараясь не вырвать у себя все волосы. У меня всё ещё нет плана, как исчезнуть из дома и отправиться на поиски фейри. Понятия не имею, как сбежать. На этот раз мне не удастся заставить Вена отвезти меня, чем бы я ни пыталась его подкупить или пригрозить, не говоря уже о том, что страшно путешествовать одной. Не смотря на то, что я уже вполне привыкла к Ателии, мысль о недельном путешествии приводит меня в ужас.

Что, если на карету нападут грабители? Что, если меня похитят, изнасилуют и мой труп оставят гнить где-нибудь в лесу?

Боже, Кэт! У тебя, определённо, болезненное воображение.

— Мисс Катриона, — в комнату заглядывает Марта. — К вам пришла мисс Поппи.

Лишь взглянув на Поппи, мне сразу становится понятно, что что-то не так. Её глаза опухли, и кажется, она едва сдерживает рвущиеся наружу потоки слёз.

Я быстро помогаю ей сесть.

— Марта, принеси немного горячего шоколада. С большой порцией молока.

Потом снимаю с неё пальто и перчатки, нахожу чистый платок и сажусь рядом на стул.

— Ты можешь рассказать, что случилось?

По её щеке катится большая слезинка.

— Это из-за мистера Давенпорта?

Губы девушки дрожат, и она рыдает. Я просто сижу и позволяю ей выплакаться. Когда Марта приносит шоколад, ставлю его на туалетный столик и прошу закрыть двери.

— Я... Я написала домой и рассказала им о Джонатане, — произносит Поппи, всё ещё вытирая слезы. — А сегодня получила письмо от папы. Он в ЯРОСТИ, Кэт. Говорит, что ожидал от меня большего, чем завести отношения с ремесленником. И он едет в столицу, чтобы увезти меня домой.

— Это ужасно, — я хлопаю её по спине. — Мне очень жаль об этом слышать. Наверное, всё из-за того, что мистер Давенпорт недостаточно хорош для него?

— Джонатан лучше любого из всех богатых и титулованных павлинов, которые мне встречались, — с жаром говорит подруга. — Мне всё равно, что он всего лишь юрист. Он честно зарабатывает себе на жизнь. Большинство герцогов и графов и дня не работали.

Я борюсь с желанием закричать "Так держать, девочка!", но просто киваю. У неё есть моя мысленная поддержка, но нельзя игнорировать материальные аспекты. Мама вышла за папу, поддавшись дикой страсти, и смотрите, чем всё обернулось.

— Поппи, представь, что вы поженитесь. Брак предполагает ответственность. Существуют счета, по которым нужно платить. Закладная за дом, вода и электри... Я хотела

сказать, уголь. Вам нужно питаться три раза в день. И если у вас появится ребёнок, это будет означать и появление новых счетов. Вы думали обо всём этом?

Поппи поражённо на меня смотрит.

— Кэт, ты много знаешь о ведении домашнего хозяйства.

— Не так уж и много, — поспешно отвечаю я. — В любом случае, вы обсуждали это с Давенпортом?

— Он всё подсчитал. Мы должны жить скромно, что означает, что я не смогу позволить себе покупать каждую неделю новое платье, и мы не будем устраивать вечеринок и суаре.

— И что ты на это скажешь?

— Поблагодарю за это Господа, — усмехаясь, отвечает Поппи. — Сначала мне нравилось ходить в театр и на балы, но потом я устала от сезона, и по правде говоря, мне больше нравится простая жизнь. Я с большим удовольствием буду ложиться спать в подходящее время, а не тащиться в кровать на ноющих ногах в три часа ночи.

— Ладно. До тех пор, пока он готов поддерживать тебя. Итак, когда приедет твой отец, Давенпорт попытается убедить его?

— Не уверена, что мы можем так рисковать, — девушка опускает глаза на свои руки. — Папа может быть ужасным тираном. Он написал, что если я не выйду замуж за кого-нибудь из моего круга, то он скорее выдаст меня замуж за кузена Уилки, чем позволит аутсайдеру наложить руки на моё приданое.

— Твоего кузена?

Поппи кивает.

— Уилки не такой несносный как Элджернон, но он ужасно скучный. Он также не испытывает ко мне никакой привязанности, но женится на мне, если папа ему велит. Так что я сказала Давенпорту, что единственный способ избежать папы и Уилки — это побег. Мы едем в Руби Ред.

Я чуть не опрокидываю свою чашку с горячим шоколадом.

— Быть этого не может.

— Что ты сказала? — с недоумением спрашивает Поппи.

— Хм... ты же не можешь говорить всерьёз.

— Кэт, именно ты и предложила мне сбежать.

— Да, но я не очень-то верила, что ты меня слушаешь.

Подруга обеими руками берёт мою руку.

— Кэт, я могу тебя попросить об огромной услуге?

— Если это будет в моих силах... разумеется, — заикаясь, отвечаю я. Она выглядит такой серьёзной.

— Могу я попросить тебя поехать с нами и быть нашим свидетелем?

Чёрт меня подери, не могу в это поверить.

— Я?

— Всё из-за того, что сейчас по закону, если брак заключается в таком месте как Руби Ред, свидетель не должен быть жителем деревни, разве что он не является родственником пары. Слишком много пар сбегало в Руби Ред, чтобы пожениться без родительского разрешения. Давенпорт просил своих друзей, но большинство из них вряд ли смогут на неделю уйти с работы. А потом я вспомнила, что слышала от одной из твоих служанок, что у графа Бредшоу было поместье возле Руби Ред... так, что... я подумала, может быть ты не станешь возражать против поездки туда, — Поппи закусывает губу и сжимает пальцами

колени. — Прости, Кэт! Понимаю, что прошу слишком много, и что твоя мама скорее всего не одобрит этого...

— Я еду, — это предложение пришло в самое подходящее время.

Ее глаза округляются и расширяются.

— Серьёзно, Кэт? Ты абсолютно уверена?

— Идея с поездкой в имение звучит неплохо, — говорю я, пытаюсь не очень явно продемонстрировать желание. Правда, это мой единственный шанс найти фею-крёстную. — На данный момент с меня хватит высшего общества. Смена обстановки пойдёт мне на пользу. Итак, когда мы едем?

В глазах Поппи появляется решимость.

— Через два дня. Мы должны исчезнуть до того, как папа нас найдёт.

Отлично!

Когда Поппи уходит, я зову Марту и в более спокойном ключе рассказываю ей о своих планах, прося помочь упаковать вещи для недельного путешествия. Она принимает всё более спокойно, чем ожидалось.

— Я подозревала, что вы планируете уехать. Я слышала ваш разговор, когда мисс Поппи приходила в прошлый раз. Но как вы собираетесь рассказать об этом мадам?

Я раздумываю о возможности того, что леди Бредшоу запретит мне ехать. Да, это вполне вероятно.

— Оставлю ей записку, — отвечаю я. — Уверена, она вполне сможет обойтись без меня одну неделю.

Марта поджигает губы. В этот момент входит горничная с конвертом. Моё сердце начинает биться, когда узнаю королевскую печать.

Записка гласит: "Приезжай во дворец. Есть важные новости".

А ниже — подпись принца.

Глава 32

Ехать или не ехать?

Я взвешиваю свои варианты. Даже оттолкнув Эдварда на лестнице, уверена, что он всё ещё меня хочет. Ради Бога, принц предложил открыть с ним бал. Но если я откажусь, может ли он послать Бертрама, или даже герцога, чтобы меня привезти? Или ещё хуже, Эдвард может сам за мной приехать? Исходя из того, что Бьянка до безумия хочет заполучить принца, мне определённо не хочется, чтобы она узнала о моей дружбе с Эдвардом.

Придётся ехать. Мне необходимо вежливо донести до него, что я не заинтересована. Может, мне удастся найти кого-нибудь, чтобы мы могли вместе сопровождать Поппи в Руби Ред; устроим там двойную свадьбу. Ну да, как будто можно за двадцать четыре часа найти себе мужа. Но, даже если мне и удастся, это всё равно не заставит Эдварда обратить внимание на Эллу.

Вен закатывает глаза, когда я велю ему возить меня во дворец.

— Зачем вам понадобилось туда ехать?

Я задумываюсь.

— Мне... мне нужно увидеться с садовником, — отвечаю ему. — Он подарил мне розы, и я хочу попросить у него больше.

— Тогда мы можем просто поехать в цветочную лавку.

Вздыхаю. Очевидно, что он не испытывает восторга от перспективы долгой поездки во дворец.

— Если ты не отвезёшь меня, я буду вынуждена нанять кэб на улице. Или даже поехать на омнибусе. Мама не будет рада услышать, что я пала так низко.

Вен смотрит на меня, но усаживается на своё место и берёт хлыст.

— Вперёд.

Приехав во дворец, схожу с коляски, и ко мне почти сразу же подбегает молодой великан, одетый в форму дворцовой стражи.

— Леди Кэт, — ухмыляется Бертрам, низко кланяясь. — Его Высочество ждёт. Позвольте сопровождать вас.

Я следую за ним по дворцовому лабиринту, пока мы не добираемся до увитой плющом стены, которая выглядит знакомой. Я была здесь раньше.

Бертрам стучит в дверь серией неровных ударов, как будто использует какой-то код. Могу поспорить, что это одна из анти-социальных стратегий Эдварда.

Дверь распаивается. Лицо Эдварда светлеет, когда он встречается со мной взглядом, но даже не улыбается, но могу поклясться, что его глаза блестят, хоть и не явно.

— Кэт, — он отходит в сторону, чтобы пропустить меня, и я вхожу. — Бертрам, благодарю за то, что привёл её. Пока твои услуги мне больше не понадобятся.

Бертрам кланяется.

— Да, Ваше Высочество. Всегда рад вам служить.

Эдвард закрывает двери. Я сглатываю, чувствуя, что мы словно опять заперты в библиотеке. И всё же, моё сердце сжимается, когда я осматриваю его личный сад. Здесь появились новые цветы, а ещё он добавил маленький фонтан в середине дорожки.

Прежде чем я успеваю присесть на скамейку, на которой сидела в прошлый раз, Эдвард кладёт обе руки мне на плечи и разворачивает к себе лицом. — Бертрам рассказал, что на тебя напали, — он внимательно осматривает меня. — Ты пострадала? Я вызову нашего семейного врача, если это необходимо.

Моё сердце начинает биться; как мне хочется броситься в его объятия.... то есть, хочу сказать, бежать от него. — Бертрам пришёл как раз вовремя. Как ты сам можешь видеть, я в полном порядке.

— Я узнал, что мужчина, напавший на тебя, работал на Эндрю МакВина. Полагаю то что он потерял работу, имеет отношение к твоему отчёту.

— Он тот, кого я ударила зонтиком по голове, — пожимаю плечами, пытаюсь представить всё так, словно это не имеет никакого значения.

Эдвард сжимает челюсть. — Я лично прослежу, чтобы он получил по справедливости. Нападать на молодую женщину посреди улицы... ты права, Кэт. Правительство — это не что иное, как сборище дураков.

— погоди секунду, — я касаюсь его руки. — я не защищаю его, особенно увидев, как он издевается над детьми. Но не хочу, чтобы эмоции управляли твоими действиями. Не наказывай его сильнее, чем он того заслуживает. И, кроме того, я тоже совершила насилие, напав на Толливера, чтобы иметь возможность опросить детей. Разве мне не нужно понести наказание?

Явно расстроившись, он качает головой. — Как ты можешь быть такой страстной, когда защищаешь детей, но при этом остаёшься совершенно спокойной, когда речь идёт о тебе?

Потому, что я — удивительный человек, который заслуживает медали... нет. Я не настолько эгоистична, и с удовольствием увидела бы Толливера за решёткой, но меня тревожит мрачное выражение лица Эдварда. Если бы не существовало законов, он бы с удовольствием наказал Толливера сильнее, чем тот заслуживает.

Я импульсивно касаюсь его руки. — Эдвард, всё в порядке. Для меня намного важнее принятие закона, чем наказание этого человека.

Его лицо смягчается. — Вообще-то, это напомнило мне, почему я послал тебе срочный вызов. Помимо желания убедиться лично, что ты не получила повреждения, хочу сообщить, что восьмичасовой закон этим утром прошёл второе чтение.

У меня становится легче на сердце. — Но это ведь не значит, что законопроект примут как закон? Будет третье чтение?

— Нет, — признаётся он. — Я тебе говорил, что это немалое достижение для принятия нового закона, Кэт. Законопроект представят к третьему чтению, когда мой отец даст своё королевское разрешение. Однако, я настроен оптимистично. Сегодня законопроект приняли в соотношении 300 к 120. С такой уверенной победой можно смело предположить, что в третьем чтении не возникнет больших проблем.

— Правда? Те, кто получает выгоду от накопленного богатства, тоже проголосовали за закон?

— Мне удалось убедить приехать в столицу Джона Элиота, совестливого фабриканта, который живёт всего лишь в пятидесяти милях отсюда. Элиот указал, что сокращение рабочих часов лишь увеличит производительность труда и возможность получения образования юными работниками, это значит, что они будут более универсальными в работе. Генри привлёк нескольких врачей, которые поклялись, что если дети и дальше будут работать в подобных условиях, количество населения сократится. Не говоря уже о том, что твой отчёт цитировали и передавали из рук в руки. Те, кто поддерживал фабричных работников мало что могли сказать в свою защиту. Перед открытием сессии я сказал им, что этот закон будет рано или поздно принят, так что они, в любом случае, могут послужить доброй воле.

Я смеюсь. — Думала, у тебя лишь консультативная роль! А выглядит так, словно ты им угрожал.

Эдвард тоже ухмыляется. — В этот раз я бы так не сказал. С тех пор как ты начала раскачивать средний класс, опубликовав своё интервью с детьми, публичная поддержка в нашу пользу лишь усилилась. Большинство людей, сидящих в парламенте, были готовы проголосовать "за", так что я лишь подтолкнул их в правильном направлении.

— О, как бы мне хотелось это увидеть своими глазами, — говорю я. Если бы это был современный мир, можно было бы увидеть всё на "Ютубе". — Но, полагаю, женщины в парламент не допускаются?

— Ты можешь сделать это своей следующей целью, — улыбаясь, отвечает принц. — Можешь быть спокойна, у тебя будет моя поддержка в борьбе за равные права для женщин.

— Да, но... — я останавливаюсь. К этому времени меня уже не будет.

— Что-то случилось? — его лицо мрачнеет. — Иногда ты возбуждена из-за какого-то события, но вдруг делаешь сознательное усилие, чтобы сдержать своё восхищение. Словно ты что-то мысленно обдумываешь. — Он выжидает, думая, что я объясню то, что скрываю.

Не имея возможности открыть ему истинную причину, через несколько мучительных секунд выпаливаю. — Что ж, если у тебя больше нет для меня никаких важных новостей,

мне лучше уйти.

— Погоди, — быстро говорит парень, блокируя мне выход. — Что ты делаешь завтра?

Это выражение в его глазах — нетерпение, выжидание, вызывает у меня укол боли. Завтра я поеду в Руби Ред с Поппи и мистером Давенпортом.

— Если у тебя есть пара свободных часов, — продолжает Эдвард, делая шаг ко мне, — не откажешься ли ты завтра выпить чаю со мной? Если погода будет такой же прекрасной, как и сегодня, я смогу устроить столик здесь. Никто нас не побеспокоит.

Он что, приглашает меня на свидание? Это так мило с его стороны, и я очень хочу согласиться, но...

— Не могу, — выдавливаю я, избегая смотреть ему в глаза. — Прости, но я не смогу прийти.

Пауза.

— Кэт, — медленно начинает он, — что-то тебя беспокоит. Это снова твоя сестра? Я же говорил тебе, что все её усилия ни к чему не приведут.

— Хм...

Эдвард делает ещё один шаг ко мне. — Тогда... ты нашла кого-то другого? У твоей матери есть уже кто-нибудь на примете?

Рендалл и Элджернон МакВины всплывают у меня перед глазами. Я смеюсь. — Нет! То есть да, она пыталась представить меня сыновьям Эндрю МакВина. МакВин, ради всего святого! Ты согласишься, что я могу заинтересоваться одним из них? И, кроме того, Рендалл сходит с ума по Бьянке. Как и все остальные.

— Кроме меня.

Он находится так близко, что я начинаю паниковать.

— Я... хм... Я завтра уезжаю. В Руби Ред. Помочь подруге, которая решила устроить побег.

Это срабатывает. Парень останавливается и смотрит на меня как на сумасшедшую.

— Катриона Бредшоу. Ты это всерьёз? Недельная поездка в Руби Ред ради того, чтобы помочь подруге?

По большей части ради того, чтобы найти фею-крёстную Эллы и отдать этому Лисандеру, парню леди Грегори, связанное крючком сердце. — Ей нужен свидетель, чтобы всё было легально, — и вкратце объясняю ему ситуацию с Поппи. — Так что сам понимаешь, с таким отцом как у неё, побег — это единственный выход.

— Сначала ты сопровождаешь свою служанку на поиски врача для её матери, потом проливаешь вино на одного из богатейших людей страны. Затем берёшь интервью у детей с фабрики и публикуешь отчёт. А теперь ты помогаешь своей подруге с её побегом? — он качает головой. В его глазах читается восхищение, явное и неподдельное. — В тот момент, когда я восхищаюсь твоим последним деянием, ты умудряешься удивить меня следующим.

По правде говоря, я немного чокнутая девчонка из маленького городка, которая не может... не могла... даже заговорить с парнем и при этом не заикаться. Если бы не моя миссия, я бы не смогла совершить все те безумные вещи о которых ты говоришь.

— Всякое бывает, — невнятно мямлю я.

— И всё-таки, это не объясняет твои колебания по отношению ко мне. Да, Кэт, не отрицай. Я давно хотел спросить, но твои мысли были заняты работающими детьми. Итак, скажи мне, почему ты меня отталкиваешь. Дважды, если моя память меня не подводит.

— Я.... — тяжело вздыхаю и пячусь назад, пока моя спина не упирается в каменную

стену. — Потому что я...

Эдвард так близко, что я чувствую кедровый запах его пальто. Он так пристально на меня смотрит, что я лишь чудом не испаряюсь. Теплота накрывает меня, когда мои юбки соприкасаются с его брюками. Его руки надёжно обхватывают мою талию, лишая возможности бежать.

— Катриона Бредшоу, — выдыхает он. — Сколько тебе нужно времени понять то, что я влюблён в тебя?

На этот раз он намерен не дать мне ни малейшего шанса сбежать. В один миг Эдвард признаётся мне в любви, а в следующую секунду его губы крепко прижимаются к моим.

Мой мозг отключается.

Понятия не имею, как долго мы стояли, обнимаясь и целуясь так, словно не существует никакого завтра. Сначала Эдвард робкий и нежный, потом усиливает нажим и притягивает меня ближе, пока я не оказываюсь прижатой к его телу, чувствуя твёрдость мужской груди. Поцелуи становятся глубже, губы Эдварда горячие и требовательные, и меня пробирает дрожь, превращая всё тело в вязкую субстанцию. Если бы он не держал меня, я бы упала.

Кэт, ты — идиотка. Ты же знала, что он тобой увлечён, но не попыталась его остановить, либо же не приложила достаточно усилий. Признайся же, тебе это нравится! И смотри, куда тебя всё привело. Если ты хочешь снова увидеть маму и Пейдж, нужно сказать ему "нет". Ну же, ты можешь это сделать.

Но я могу думать только о жарком огне между нами. Лишь когда он перемещается к моей шее, я, наконец, могу обрести некое подобие реальности.

— От... отпусти меня.

Кажется, Эдвард меня не слышит, и не могу сказать, что виню его в этом. Мой голос звучит томно, медленно, с придыханием. Словно я его поощряю.

Так что я делаю то, что видела по ТВ — поднимаю коленку и бью в пах.

Эдвард ругается, хватка слабеет, но он всё ещё продолжает меня обнимать.

Сейчас. Если ты не освободишься сейчас, то не сделаешь этого никогда.

Я с силой отпихиваю его, и как только он падает, пробегаю мимо него в дальний конец сада.

— Кэт..., — на лице Эдварда боль и неверие.

— Ты спятил, — на удивление, мой голос твёрд. — Прошу, пообещай не упоминать о том, что только что произошло.

На мгновение повисает тишина.

— Я так понимаю, что меня отвергают, — медленно произносит он. — Я был дураком, когда считал, что мой статус даёт мне преимущества, хотя должен был понимать, что из всех людей тебя он будет заботить меньше всего; что тебе вообще может не понравиться тот факт, что я — принц.

— Всё совсем не так, — выпаливаю я.

— Тогда объясни мне, почему ты не хочешь дать мне шанс, — боль снова возвращается в его взгляд. — Существует кто-нибудь другой? Ты же не влюблена в Генри?

— Нет! Конечно же, нет, — это настолько нелепое предположение, что я смеюсь и вытираю свои ладони о платье. — Я... пропади всё пропадом! Слушай, я расскажу тебе правду, но ты мне не поверишь.

— Посмотрим, — он использует повелительный тон, который не допускает никаких возражений.

Итак, я рассказываю ему всю историю, что не принадлежу к этой стране, что каким-то таинственным образом оказалась в теле Катрионы Бредшоу, и что моё настоящее имя — Кэтрин Уилсон.

Эдвард молча меня слушает. В принципе, в его глазах мелькают вспышки недоверия, и похоже, он хочет задать мне парочку вопросов, но не роняет ни слова, пока я не заканчиваю. — Невероятно.

— Говорила же, — бормочу я. — Ты мне не веришь.

— Я не хочу тебе верить, — жестко отвечает он. — Из всех возможных причин, именно эта лежит за гранью моих ожиданий. Ты попала в тело младшей дочери леди Бредшоу, из мира, который полностью отличается от моего. Мир, где коляски ездят на газолине, лампочки питаются от электричества, и камеры по размеру меньше твоей руки. Сомневаюсь, что даже ученые королевской академии смогли бы представить себе подобный мир.

Я складываю руки. Разумеется, он считает мою историю невероятной. Наверное, мне нужно чувствовать облегчение оттого, что меня не называли сумасшедшей и не приказали отправить в лечебницу.

— Ты помнишь, как мы в первый раз встретились? — спрашиваю я.

Мягкая улыбка касается его губ. — Разве я могу об этом забыть.

— Генри был удивлён, когда я опознала йод, но в моём мире он совершенно привычная вещь. Девушкам даются равные возможности для обучения. В школе мне пришлось ходить на уроки химии, физики и математики, так же как истории и литературы. Мне не приходилось изучать, как правильно наливать чай или делать реверанс.

— Так ты поэтому потеряла равновесие во время представления королеве?

Я корчу гримасу. — Спасибо, что напомнил.

— Это многое объясняет, — он трёт висок. — Твою своеобразную речь, заботу о благосостоянии общественности, твою веру в то, что классы должны быть запрещены. Это объясняет, почему у тебя, леди из высшего общества, такие странные понятия.

— Я не такая уж особенная, — быстро отвечаю ему. — Серьёзно, ты думаешь обо мне лучше, чем я заслуживаю. Единственное отличие меня от других девушек — это моё происхождение. Если бы моя лучшая подруга разорвала ту книжку и попала сюда вместо меня, ты был бы заинтригован точно также, и влюбился бы в неё вместо меня.

— Я не стал бы утверждать этого с той же уверенностью. Даже если все девушки в твоём мире думают в похожих терминах, сомневаюсь, что у всех них хватило бы смелости провести интервью и раздавать памфлеты. Или облить вином высокомерного фабриканта.

Мы смеёмся, но недолго. Эдвард скрещивает руки и криво улыбается. — Значит, исходя из твоих объяснений, я должен жениться на твоей горничной?

— Сводной сестре, — поправляю я. — По крайней мере, я думаю, что это она и есть. Хоть Марта и говорит, что девочка умерла, было подтверждено, что Адам Снайдер работал на мою мать, и что именно он принёс Эллу к миссис Татчер. Мне нужно найти доказательства того, что девушка действительно дочь графа Бредшоу, и отыскать её крёстную.

Он опускает глаза. Внезапно мне хочется подойти и обнять его, но не могу. Если Эдвард опять меня поцелует, не уверена, что на этот раз у меня хватит сил или желания его остановить.

— Итак..., — я заставляю себя заговорить. — Вот вся история. Ты всё делал правильно. Проблема во мне.

Парень не отвечает. Никогда не думала, что тишина может быть такой болезненной.

— Ты могла бы остаться, — тихо произносит он. — Могла бы не разрушать проклятие.

— Не могу, — мне слышно, как хрипит мой голос. — В Окли у меня осталась семья.

Моя мама и Пейдж, и я не могу их оставить. Мне нужно вернуться в современный мир. Пожалуйста, послушай меня. Женись на Элле; она будет идеальной женой. Со временем, с годами, ты забудешь меня.

Он трёт глаза руками. Его голос низкий, но не настолько, чтобы не услышать его. — Как будто такое вообще возможно.

— Пожалуйста, — я вытираю слёзы, которые наполняют мои глаза. — Если я действительно тебе нравлюсь, тогда ты должен позволить мне вернуться к семье.

Тут он смотрит мне в глаза, и у меня наворачиваются слезы. Всё, что угодно, *что угодно*, лишь бы стереть это ужасное удручённое выражение его лица.

— Понимаю, почему тебе необходимо уйти, — говорит Эдвард, хотя каждое слово даётся ему с явным трудом. — Было бы эгоистично удерживать тебя. Но мне НУЖНО знать одну вещь. Ты хотя бы любила меня?

Скажи "нет". Так ему будет легче тебя забыть.

По моей щеке катится слеза.

— Да, — шепчу я. — Я... Я всё время твердила себе, что не должна влюбляться в тебя, но просто не смогла.

Его охватывает облегчение.

— Хорошо, — он заключает меня в объятия, прижимает к груди и кладёт подбородок на мою макушку. На секунду чувствую себя в раю, вдыхая его запах, прижимаясь к нему, прислушиваясь к шуму воды льющегося рядом фонтана и щебету птиц на деревьях.

Потом он целует меня, сильным яростным поцелуем и подталкивает к двери.

— Иди.

Глава 33

— Крю? Как давно ты здесь?

Он сидит на ночном столике у моей кровати. — Твои глаза опухли как персики. Что случилось, девочка?

Я подтягиваю одеяло к подбородку.

— Королёв любопытно, — продолжает Крю. — Я видел в бумагах, что законопроект, предложенный Эдди, приняли сегодня, так что ты можешь сосредоточиться на своей цели. Кстати, что вообще сейчас происходит между тобой и Эдди? Как ты убедишь его переключиться на Эллу теперь, когда она работает во дворце?

— Колдовство с памятью, — выпаливаю я. — Мне оно необходимо. Нужно стереть у Эдварда воспоминания обо мне. Я не могу больше так продолжать.

— Ага! Эдди признался тебе в любви? Он становился на колени? Говорил что-нибудь, вроде "О, моя дорогая Катриона, выведи меня из бездны отчаяния"?

— Заткнись! — я швыряю в него свою залитую слезами подушку.

— Что, я угадал, он признавался в любви, опустившись на колени? — Крю выглядит довольным. — Отлично! Мораг поспорила с королём, и кажется, она выигрывает. И по твоему крику, полагаю, что ты ему отказала?

Я сердито на него смотрю. — Моя жизнь — не дурацкое пари. Скажи своему королю, чтобы он отменил свои идиотские правила. С меня довольно!

— Успокойся, девочка, ты же не хочешь, чтобы я доложил королю, как ты его проклинаешь. Это не облегчит твою жизнь. И кроме того, уже достигнут значительный прогресс, разве не так? У тебя всё ещё есть сила, чтобы изменить решение Эдди. Ты можешь отправиться на поиски любовного заклęcia, и он влюбится в Золушку.

— Но Элла не любит его! Она хочет Генри!

— Тогда добудь для неё другое заклęcie, — Крю пожимает плечами. — Слушай, тебе не нужно отказываться от Эдди. Можно просто сказать ему, что с нетерпением ждёшь бала. Он будет счастлив, и во время бала, ты сможешь наложить на него заклęcie.

— Это будет нечестная игра, — говорю я. — Он заслуживает знать правду. Я рассказала ему, что я не из Ателии, и о проклятии, и книге.

Крю сваливается с прикроватного столика, а секундой позже взлетает в воздух, и его крылышки хлопают.

— ТЫ ВСЕ ЕМУ РАССКАЗАЛА? — кричит он. — И он тебе поверил?

Я киваю. — Эдвард сказал, что это объясняет моё необычное поведение.

Крю закатывает глаза. — А ты рассказала ему о заклęтии, которое планируешь использовать на нём?

Я молчу. Знаю, это бессердечно с моей стороны, даже считая, что Эдвард должен знать правду, но у меня не хватило смелости сказать, что планирую его обмануть.

На секунду закрываю глаза. В моей голове, живые как никогда, мелькают воспоминания о моей семье, как слайд-шоу на веб-сайте. Пейдж, умоляющая рассказать ей сказку на ночь. Мама, криком поднимающая нас с Пейдж по утрам. Мы втроём перед телевизором, смеёмся над глупыми сюжетами и дурацкой рекламой.

Я должна довести всё до конца.

Наш план побега вполне прост. Мистер Давенпорт нанимает коляску, которая заберёт меня, когда леди Бредшоу отправится с Бьянкой за покупками. Хотя они пришли вчера к согласию насчёт платья Бьянки для бала (после целого часа споров), теперь пришёл черёд аксессуаров. Надеюсь, они всё утро и пол дня проведут в квартале магазинов.

В записке леди Бредшоу объясняю ей, что отправляюсь в путешествие в поместье графа. После недавнего нападения мистера Толливера, мне хочется какое-то время отдохнуть. Отмазка жалкая, но это всё, что у меня есть. Марта обещает, что не скажет леди Бредшоу, куда Я поехала, но сомневаюсь, что это будет иметь значение. После того как выяснится, что Поппи и мистер Давенпорт исчезли, Клер определённо оповестит Бьянку.

Я прикасаюсь к лилии, которую леди Грегори дала мне, чтобы попытаться вызвать Лисандера. Хотя материал похож на шёлк, лилия на ощупь тёплая и живая, как настоящий цветок. Если мне и нужно доказательство, что магия (помимо появлений Крю) существует, оно прямо передо мной.

Марта входит в комнату и нетерпеливо машет мне рукой. — Они уже здесь, мисс! Вам лучше идти, пока все в доме не начали спрашивать.

Я закидываю за плечо свою сумку. — Спасибо, Марта. Я вернусь, как только со свадьбой всё будет покончено.

Она кивает. — Вы не забыли взять лишнюю пару нижнего белья? И кашемировую шаль? Погода на севере может быть неустойчивой, даже летом.

— Всё упаковала, — улыбаюсь ей. — Не знаю, что бы я без тебя делала.

Служанка хлопает меня по руке. — Будьте осторожны, мисс.

Карета ждёт у задней двери. Она выглядит почти новой, чистой и отполированной. Забираясь в нее, замечаю, что она достаточно вместительна для четверых человек. Подушки не такие тяжёлые, как в коляске Вена. Карета удобнее, чем, по моему мнению, мог позволить себе мистер Давенпорт. Это хорошо. Я ценю комфорт, который получу в этом ужасно длинном путешествии.

Внутри сидит тихая и бледная Поппи. Она с испуганным видом прижимается к мистеру Давенпорту.

— Доброе утро, — я засовываю сумку себе под ноги. — Всё будет хорошо, Поппи. Думай об этом. Если не сбежать вовремя, твой отец найдёт тебя, и ты отправишься домой готовиться к свадьбе с твоим кузеном.

Она выпрямляется. — Я никогда в жизни не выйду за него. Несколько дней пути легче вынести, чем всю жизнь с ним.

Мистер Давенпорт сжимает её руку и с благодарностью улыбается мне.

— Я волновался, что тебе не хватит сообразительности выйти за меня замуж, — говорит он, разглаживая волосы жестом, напомнившим мне об Эдварде. — Время ещё есть, ты же знаешь. Хотя не отвечаю за последствия, если мы покинем город.

Поппи хлопает его по руке. — Прекрати, Джонатан. Ты мне совершенно не помогаешь успокоиться.

Какое-то время они препираются, ничего взрывоопасного, так что я откидываюсь на сидении и стараюсь расслабиться, что тоже кажется безумием, как этот мой план побега.

Карета едет по улице, пока мне не начинает казаться, что мы останавливаемся. Через какое-то время, именно это и происходит.

— Здесь что, пробка? — я приподнимаю занавески.

Давенпорт тоже выглядывает на улицу. — Мы подъехали к воротам. Они нас проверят, чтобы убедиться, что мы не везём ничего нелегального, и всё будет в порядке. Когда мы выедем из города, родным Поппи будет сложнее её преследовать.

— Нелегальные товары, — поддразнивает его Поппи. — Посмотри на себя, ты же сам юрист, и вот обходишь закон.

— Всё ради тебя, — ухмыляется он. — В любом случае, нам не о чем волноваться. Мы все выглядим вполне респектабельно, карета в отличном состоянии, и они не настолько строги как проверяющие при въезде в город.

Мы останавливаемся. Кто-то стучит по дверце. Мистер Давенпорт предупреждающе смотрит на меня и Поппи, потом открывает дверцу и выглядывает наружу.

— Я отвожу своих сестёр домой на север, — говорит он с абсолютно другим акцентом. Интересно, где он его подцепил.

— Вы, случайно, не мистер Давенпорт?

Голос кажется мне знакомым, и я выглядываю в окно. Среди нескольких здоровенных охранников стоит Бертрам, и при виде меня в его глазах мелькает узнавание.

— Наконец-то я вас нашёл, — говорит он, и пытается залезть внутрь. Мистер Давенпорт твёрдо упирается рукой ему в грудь, пытаясь остановить. Должна накинуть ему баллы за то, что огромная фигура Бертрама не запугивает его.

— Сэр! — сурово произносит мистер Давенпорт. — В соответствии с каким законом этой страны незнакомцу позволено нарушать пространство чужой собственности?

Бертрам чешет голову. — Я здесь, чтобы сопровождать мисс Катриону в её поездке, сэр.

Приказ Его Высочества.

Теперь все смотрят на меня. Я тоже в шоке.

— Мистер Давенпорт, впустите его, — говорю я. — Позвольте мне вначале задать ему пару вопросов.

— Вы видели его среди служащих принца? — спрашивает мистер Давенпорт.

— Да.

В это же самое время, кто-то из городских стражей кричит нам ехать дальше, чтобы не задерживать движение. Бертрам усаживается в карету и хрипит; он такой высокий, что ударяется головой о крышу. В результате, я оказываюсь прижатой к дальнему краю сидения.

— Простите, мисс, — говорит Бертрам, отвязывая свой меч и размещая его под ногами. — Но Его Высочество велел мне защищать вас всю дорогу и удостовериться, что вы вернётесь в целости и сохранности, так что я не собираюсь всё испортить.

Поппи бросает на меня недоверчивый взгляд, который я с лёгкостью перевожу как "Тебе придётся мне кое-что объяснить."

— Он... — мои щеки горят, и стараюсь фокусироваться на пятнышке позади головы Бертрама. — Так он велел тебе ждать у ворот?

Бертрам ухмыляется и кивает. Предполагаю, что Эдвард не рассказал ему о моём отказе, иначе он не был бы таким жизнерадостным.

— Скажите, вы правда едете в Руби Ред? — обращается он к мистеру Давенпорту и Поппи. — Во имя короля, не пугайтесь так. Я получил приказ всего лишь сопровождать леди Кэт.

— Леди Кэт? — прерывает Поппи, подняв брови.

Бертрам ухмыляется. — Его Высочество называет её Кэт, так что я следую его примеру. В любом случае, у меня нет намерений, вам навредить. И кроме того, полагаю, вы можете воспользоваться мной, как лишним свидетелем у алтаря.

Мистер Давенпорт всё ещё настороженно смотрит на него. — А как вы узнали, что мы едем в Руби Ред? Вы же ждали, пока мы не подъедем к воротам, не так ли?

Бертрам бросает на меня взгляд. Я кашляю. Может, хватит уже об этом.

— Хм, простите, но он узнал об этом от меня. Его Высочество, я имею в виду. Простите, я правда не хотела вас выдавать, но не верю что Эдвард... то есть принц... тот человек, который станет вмешиваться в личные дела, иначе бы вас предупредила.

— Его Высочество собирался сегодня пригласить Кэт на чай, — добавляет Бертрам. — Но так как она согласилась сопровождать вас, он не успокоился, пока та не сказала ему, что едет в Руби Ред. Вы не должны беспокоиться о том, что их могли услышать. Они были в личном саду Его Высочества.

Спасибо тебе, Бертрам! Ты оо-о-о-очень мне помог.

Теперь Поппи смотрит на меня полуоткрыв рот. Даже мистер Давенпорт бросает сомнительный взгляд на меня.

— Можете ли вы дать слово, что сопровождаете нас исключительно ради защиты мисс Катрионы Бредшоу? Что в случае, если её отец будет нас преследовать, вы поможете нам сбежать?

Бертрам протягивает руку. — Можете рассчитывать на меня, сэр. Вообще-то мне даже нужно поблагодарить вас. Меня всегда интересовало, на что похожи свадьбы в Руби Ред, и так как моя мама повесила бы меня, если бы я попытался сбежать, это единственный способ туда попасть.

Следующий час пути мы проводим в безвредной беседе о погоде и дороге. Могу сказать, что Поппи изнывает от любопытства; она вертит свой носовой платок, пока он не превращается в мятую тряпку, и всё время смотрит на меня, не решаясь заговорить.

Когда мы останавливаемся, чтобы выпить воды и дать лошадям отдохнуть, она хватается за руку и тащит к деревьям, чтобы убедиться, что нас никто не услышит.

— Кэт, — укоризненно говорит подруга. — Почему ты мне не сказала, что Его Высочество ухаживает за тобой?

Это напоминает мне об эпизоде в двенадцать лет, когда мама поймала меня за кражей доли конфет Пейдж на Хеллоуин из банки для печенья. — Прости меня, — отвечаю я, опустив глаза в траву. — Всё... сложно.

— Я же всё тебе рассказала о Джонатане. Я доверилась тебе в нашем побеге, — её голос звенит от боли. — Почему ты не рассказала мне об этом? Не понимаю, почему ты хранишь это в секрете? Клер бы разрезвонила всем на свете, если бы Его Высочество пригласил её на чай.

Я улыбаюсь, когда представляю Клер стоящей на крыше с мегафоном. И всё же, не могу отрицать, что утаивала это от Поппи, хотя у меня была уважительная причина.

— Прости меня, правда, — сомневаюсь, стоит ли ей рассказывать, но потом решаю послать всё к чёрту. На этом открытом пространстве я чувствую себя менее скованно, когда поблизости никого нет. — Я расскажу тебе всё, но пообещай никому не говорить.

Она кивает с твёрдым выражением лица.

— Всё дело в том... на мне лежит проклятие.

Поппи дёргает головой, её глаза расширяются. — Ты шутишь, Кэт. В этом мире не существует магии.

— Я тоже так думала, — отвечаю ей. — Но однажды, я разорвала картинку в книжке, и обнаружила, что весь мой мир переменялся. — И рассказываю ей о том, как оказалась в Ателии, о том, как мне нужно, чтобы Элла вышла замуж за Эдварда, и как в результате моих усилий, вместо неё принц увлёкся мной. Подруга смотрит так, словно у меня только что выросли рога, но когда я дохожу до момента, когда Эдвард перевязывал мою ногу, она забывает обо всём и сосредотачивается на нашем "ухаживании". Всё как в некоторых любовных романах — пока читатель заинтересован в отношениях между героем и героиней, любой изъян или несоответствие могут быть упущены.

И всё же, по окончании моего рассказа, она медленно качает головой и смотрит на меня полными недоверия глазами.

— Этого не может быть! Ты хочешь сказать, что я героиня в книжке?

— Знаю, всё похоже на выдумку, — отвечаю я, отчаянно желая, чтобы у меня оказался телефон или планшет, чтобы доказать свою правоту. — Я бы сама не поверила, если бы это не случилось со мной.

— Тот день, когда мы играли в крокет. Твоя служанка упала в воду, и ты просила Его Высочество вытащить её. Это был трюк, чтобы заставить его заметить Эллу?

— Да, но он не сработал.

— Потому что принц любит тебя.

Ее слова пускают стрелу мне в сердце.

— Поверь... Мне не хочется его отвергать, — мой голос похож на еле сдерживаемый плач. — Если бы у меня не осталась дома семьи, я бы согласилась быть с ним. Он самый добрый и замечательный, и ладно, самый удивительный человек из всех, кого я когда-либо

встречала, но я не могу. Мне нужно попасть домой.

Поппи трёт лоб. — Если твоя семья из другого мира, может тогда можно просто попросить короля переместить их сюда?

По моей щеке катится слеза, и я яростно смахиваю её. Это невозможно. Она не представляет, как сильно современный мир отличается от этого. Ателия была поучительной, иногда весёлой, но не встретив Эдварда, я была бы просто счастлива вернуться назад. — Мой мир слишком отличается от вашего. И кроме того, Эдвард может быть... и влюблён в меня сейчас, но он же принц. У него никогда не будет недостатка в женщинах... ты сама слышала как девушки болтают о нём. Может быть, однажды, он устанет от меня.

— Но это несправедливо по отношению к нему! Ты даже не даёшь ему шанс.

— Значит, ты веришь мне?

Поппи закусывает нижнюю губу. — Я... Я не знаю. Честно говоря, не могу представить, что где-нибудь существует страна, в которой не нужен король. Или что тебе не нужно разрешение родителей, чтобы пожениться. Это самая странная история, из всею мною услышанных. Но я верю, что у тебя есть важная причина для отказа принцу, хотя и хочу, чтобы её у тебя не было. Бедный Эдвард! Единственная женщина, которую он хочет, не может его принять.

Издали слышится крик. Бертам зовёт нас ехать дальше.

— Пошли, — говорю я, подавляя дикое желание прыгнуть в реку. Два признания за два дня. — Нам лучше ехать дальше, пока твой отец не нашёл нас.

Поппи подпрыгивает. — Боже, я совсем забыла! — мы подхватываем юбки и спешим к карете. Пока мы ещё не добрались до Бертрама и мистера Давенпорта, она хватает меня за руку и шепчет. — Кэт, мне не важно, откуда ты появилась, но ты найдёшь решение. Просто обязана!

Глава 34

Поздно вечером мы добираемся до маленького городка. Несколько часов назад начался дождь, и температура резко понизилась. Я натягиваю шаль, радуясь, что Марта настояла, чтобы я взяла с собой тёплую одежду. Когда мы находим гостиницу, мистер Давенпорт проводит нас от кареты под большим чёрным зонтиком.

— Помните о плане, — предупреждает он нас, прежде чем мы входим внутрь. — Мисс Катриона и Поппи — мои сестры, которые проводили сезон в городе, но из-за плохих новостей о внезапной болезни нашей матери, мы вынуждены возвращаться домой.

— А как насчёт меня? — спрашивает Бертрам, указывая на свою грудь.

— Наёмный работник, — кратко отвечает мистер Давенпорт.

Бертрам бросает на него возмущенный взгляд.

— Ваша внешность и манеры просто не соотносятся с благородным семейством, — спокойно объясняет мистер Давенпорт. — Будет лучше, если мы скажем, что наняли вас для защиты от неприятностей в дороге. Что не так уж далеко от правды.

Бертрам перестаёт хмуриться, хотя всё ещё кажется слегка обиженным. Я хлопаю его по руке и ободряюще улыбаюсь.

Ужин приносят в наши комнаты. К Поппи, вероятно под действием усталости и погоды, возвращается её бледность и беспокойство. Я скучаю по её жизнерадостности, хотя и не

знаю, как могу утешить.

— Поппи, — осторожно начинаю я. — Ты едва прикоснулась к еде. Нам завтра ехать целый день. Тебе нужны будут все силы.

Она пристально смотрит на стол, не делая ни малейшего движения. — Кэт, мне страшно.

Ой-ой. — Из-за всего этого? Ты не уверена, хочешь ли замуж за мистера Давенпорта?

Она глубоко вздыхает и переводит взгляд на огонь в камине. — Не могу перестать думать о том, как отреагирует папа, когда обнаружит нас. Может мне стоило дожидаться его и постараться всё объяснить, — подруга дёргается и вытаскивает носовой платок. — Я просто ужасная дочь. А ты готова бросить принца ради своей семьи.

— У меня другая ситуация, — быстро отвечаю я. — Леди Бредшоу не угрожает мне браком с моим кузеном. — Другой мир или нет, я бы всё равно сбежала. Даже представить себе не могу брак с близким родственником. Фу. — Поппи Монтгомери, ты любишь мистера Давенпорта?

— Да, — твёрдо произносит она. Без малейших колебаний. — Просто... побег. Если бы я только могла выйти за него замуж как положено, не скрываясь как преступница.

— Пока ты уверена в своих чувствах к мистеру Давенпорту, в том, что ты не сбегаешь просто, чтобы избежать твоего отца, я не вижу причин для беспокойства, — говорю я и кладу руку на её запястье. — Слушай, если хочешь, можем вернуться. Это твой выбор. Но если ты твёрдо уверена, что мистер Д. — ТОТ ЕДИНСТВЕННЫЙ, тогда тебе не о чем беспокоиться.

— Тот единственный? — переспрашивает Поппи, сдвигая брови. — Это что, фраза из твоего мира?

Я киваю.

— Или ты можешь называть его Мистер Идеал. Ну, понимаешь, как противоположное неправильному выбору.

Она хихикает, и напряжение между нами спадает.

— О, Кэт, — подруга игриво пихает меня в плечо. — Очень легко увидеть, почему ты так нравишься принцу. Ты такая... другая. Как глоток свежего воздуха.

Я криво улыбаюсь. — Это только потому, что у меня другое воспитание. Я не особенная снежинка, — она поднимает брови, услышав это непривычное выражение. — Любая девушка из моего мира, попав под проклятие, действовала бы точно так же.

Несмотря на усталость после дороги, я ещё долгое время лежу, уставившись в потолок. Не могу перестать думать о том, что сейчас чувствует Эдвард. Если он меня любит, то должен попытаться двигаться дальше. Он должен последовать моему совету и переключиться на Эллу. Меня передёргивает при мысли о них вместе, не важно, какой чудесной парой они будут, а потом я проклиная себя за эгоизм. *Ты сама оттолкнула Эдварда*, напоминаю себе. Он должен остаться с "Золушкой", чтобы я могла вернуться домой. Ты просила его пожертвовать собой в выборе невесты. И всё же, я с неохотой думаю о том, что он может начать интересоваться кем-нибудь другим.

На следующий день Поппи выглядит больше похожей на саму себя. У неё тёмные круги под глазами, но это следствие усталости. Она улыбается и даже шутит по поводу водянистой овсянки, которую нам подают на завтрак. Когда мы садимся в карету, подруга прижимается к мистеру Давенпорту с удовлетворённым вздохом. Слава Богу, она привела в порядок свои мысли.

— У нас впереди целый день пути, если мы хотим добраться до Руби Ред к полуночи, — говорит мистер Давенпорт, посмотрев на свои карманные часы.

Я корчу рожицу. Это значит ещё как минимум двенадцать часов в дороге, если не считать времени, когда нам придётся остановиться, чтобы сменить лошадей и перекусить. Как хочется, чтобы сейчас у меня был мой бэушный планшет, который мама подарила мне на мой прошлый день рождения.

Верная своему характеру, не успеваю я насчитать десятый коттедж после того как мы трогаемся, Поппи произносит.

— Как давно вы служите во дворце, мистер Бертрам? — спрашивает она.

— С тех самых пор, как я ещё цеплялся за фартук моей матери, — жизнерадостно отвечает Бертрам.

— Вы хорошо знаете Его Высочество? Можете нам рассказать о нём? — спрашивает Поппи, бросая на меня многозначительный взгляд.

— Это знак для меня, что мне нужно начать ревновать? — со смешком спрашивает мистер Давенпорт. Поппи игриво отбрасывает его руку.

— Я, разумеется, спрашиваю об этом из чистого любопытства. Не волнуйтесь сэр, я не буду потом распространять о принце никаких историй.

Бертрам ухмыляется. — Ну, всё, что я могу сказать, если бы у меня была сестра, я бы без колебаний позволил ей выйти замуж за Эдварда. Конечно, при условии, что он тоже будет ею увлечён. Как вы понимаете, ему весьма сложно угодить.

Уж мне ли не знать об этом! Он проигнорировал Бьянку, Клер, и Бог знает скольких ещё невероятных красавиц. Даже леди Бредшоу как-то сказала, что герцог Генри намного быстрее влюбляется. Просто удивительно, как Эдвард не превратился в плейбоя. Что ещё более удивительно, так это то, что он хочет меня.

— Скажите, кроме Кэт, скольким девушкам удалось привлечь его внимание? — спрашивает Поппи. Я кидаю на неё взгляд, но она меня игнорирует. Получив такую необычную возможность, подруга превратилась в гончую, взявшую след.

— Вы не должны рассказывать ничего, что может расстроить Его Высочество, — говорю я, хотя мой голос недостаточно решительный. По правде говоря, мне тоже не терпится узнать.

Бертрам чешет голову. — Ну, не думаю, что это как-нибудь ему навредит, и кроме того, у вас есть право знать, кто у него был. Сначала была Иза, дочка садовника.

— Галена? — вырывается у меня.

— Нет, Тима. Сейчас он на пенсии, и вы не сможете его отыскать. И в любом случае, она была тихой крошкой, но ходячей энци... энци...

— Энциклопедией, — предполагает мистер Давенпорт.

— Именно, сэр, — Бертрам с благодарностью ему улыбается. — Иза знала всё о растениях и садоводстве. Она могла сразу же сказать, какое растение растёт в определённое время года. И была как поток свежего воздуха в море утончённых леди, так что я не удивлён, что она понравилась Эдварду.

— Что случилось потом? — спрашиваю я. На удивление, я не испытываю ревности при мысли о первой любви принца. Может быть потому, что она была похожа на нормального человека с недостатками. — Почему Иза не смогла быть с ним? Из-за своего происхождения?

— Вы совершенно правы, леди Кэт, но она также не была достаточно сильна, чтобы за

него бороться. Когда Тим узнал обо всём, он забеспокоился, что его дочку поглотит придворная жизнь, и у него был с ней долгий разговор. Девушка признала, что вполне согласна на мирную жизнь в деревне, так что однажды Тим нашёл кандидата, за которого она вышла замуж. Наверное, сейчас у неё уже есть дети.

— О, — я бы не стала обвинять девушку, хотя и никогда её не видела. Сомневаюсь, что та смогла бы выжить, будучи королевой. Взгляните-ка на Принцессу Диану. — А как же Эдвард? Он пытался её переубедить?

— Пытался, но как я уже говорил, она была слишком мягкой, чтобы принять его. Не так уж легко быть будущей королевой, скажу я вам. Когда Иза уехала, он некоторое время хандрил, хотя и не мог ничего поделать, даже будучи принцем. Дочь всегда должна подчиняться отцу...

Поппи улыбается мне виноватой улыбкой.

— И у неё не было достаточно силы воли, чтобы постоять за себя. И, кроме того, я всегда считал это лишь увлечением. Даже если бы они поженились, между ними не было искры, они обращались бы друг с другом только уважительно, — Бертрам сделал глоток воды из своей бутылки. — Затем была леди Гвендолин. Она была красоткой, одной из самых красивых женщин, что я видел при дворе, а я их достаточно повидал. Но, кроме того, у неё были мозги. Девушка могла цитировать стихи, считать, писать красивые письма. В самом начале она поразила Эдварда, и все думали, что она будет хорошей королевой, но оказалось, что та была слишком поспешной. Однажды Эдвард преподнёс ей подарок на день рождения. Гвендолин начала вести себя как будущая королева, капризная, и считая, что всё принадлежит ей.

Поппи одними губами произнесла. — Бьянка.

Я кивнула. — Эта леди Гвендолин гораздо больше похожа на сестру Бьянки, чем я.

— Когда Эдвард увидел, как она ударила служанку за то, что та пролила чай на её платье, это стало концом всего. Девушка ужасно вела себя, бросилась на колени, разрыдалась, но он держался твёрдо. Ему не нравятся люди, которые обращаются со слугами как с грязью.

— Очень хорошо с его стороны, — комментирует мистер Давенпорт.

— Это всё его учителя, — Бертрам пожимает плечами. — Король настаивал, чтобы его учили как обычного ученика, вместо того, чтобы обращаться с ним согласно его положению. Если принц ронял карандаш или книгу, то должен был сам их поднимать. Он жил в комнате вместе с тремя другими ребятами, и даже до сих пор сам застилает свою кровать. Король не хотел, чтобы его сын вырос испорченным. Его светлость, герцог Генри посещал уроки вместе с ним и интересовался медициной.

— Так вот почему Генри захотел стать врачом, — бормочу я. Это также объясняет то, почему Эдвард спокойно воспринимает мою заботу о бедняках.

— Так или иначе, Иза и леди Гвендолин были двумя единственными девушками, к которым Его Высочество проявил интерес. Королева беспокоится о нём, но ему не так уж легко найти кого-нибудь, поскольку он ненавидит мероприятия при дворе. Но потом появились вы, — Бертрам кивает на меня, и я вспыхиваю. Мне нужно остановить его, но не успеваю.

— Когда он впервые увидел вас, то был в состоянии лет... летар...

— Летаргии? — снова предполагает мистер Давенпорт.

— Проклятие, как же вы это выговариваете. Итак, как я уже говорил, принц впал в

летаргию после посещения трехчасового банкета. Но потом увидел вас, хорошо одетую леди, которая держала за руку свою служанку, как будто вы с ней были подругами, могу поклясться, Эдвард, словно ожил. А когда вы просунули ногу в дверь, он фыркнул. И тогда я сказал себе — это та самая.

— Погодите минутку, — встревает Поппи. — А как получилось, что при дворе почти не сплетничают о любовных связях принца?

Бертрам хмыкает, — Его Высочество всегда тщательно скрывает свои увлечения, у него есть опыт. Если бы он был ловеласом, всегда можно было бы это выяснить, но правда в том, что до леди Кэт у него было лишь две девушки. Большая редкость для двадцатилетнего мужчины, а он к тому же ещё и принц, — Бертрам с пониманием мне ухмыляется. — К тому же, леди Кэт назвала его дураком, когда они впервые встретились, так что он не хотел, чтобы об этом болтали. Но сейчас она согласилась пойти на бал с ним, так что до свадьбы уже недалеко. И поэтому я сделал бы всё что угодно, чтобы защитить леди Кэт, даже если бы Эдвард не приказал мне этого.

Между нами повисает тишина. Я ёжусь от дискомфорта и начинаю смотреть в окно, чтобы не встречаться взглядом с Поппи.

Чем больше мне становится известно об Эдварде, тем больше ненавижу себя за то, что позволила ему себя полюбить.

Глава 35

Когда мы, наконец, добираемся до Руби Ред, все смертельно уставшие, включая Бертрама, а это уже о чём-то говорит. У нас сводит ноги, мы продрогли до костей и едва можем передвигаться. Так же было в тот раз, когда я поехала на один день в Чикаго из Окли на автобусе. Я была в дороге девять часов, и хотя по пути мы несколько раз останавливались, я постоянно ёрзала в кресле и всё время смотрела на свои часы. Это было даже хуже. Несмотря на то, что в карете полно подушек, она намного менее устойчивая, а на дорогах определённо больше ям в сравнении с гладкими, современными, асфальтированными шоссе.

Мы входим в первую же гостиницу, которая попадаетсся нам по дороге. На этот раз мистер Давенпорт даже не пытается скрыть цель нашего приезда.

— Мы хотим пожениться, — он притягивает Поппи к себе. — Вы не могли бы показать нам ближайшее место, где мы сможем совершить церемонию?

Хозяин гостиницы даже не моргает.

— Прямо на том месте, где стоите, — у него сильный акцент, отличающийся от того, с каким говорят в столице. К счастью, он говорит достаточно медленно, чтобы я могла разобрать.

— Здесь? — сомневающимся тоном спрашивает Поппи, оглядываясь вокруг. Это небольшая комнатка, в которой нет места даже для алтаря.

— У нас есть комната специально для этих целей, — произносит хозяин, как будто говорит о том, что все и так должны знать. — Если вы хотите совершить обряд, вам необходимы три вещи, — он начинает загибать пальцы. — Кольца, свидетели, и оплата. И вам нужно заполнить лицензию на брак после церемонии, иначе она будет нелегальной.

— Всё готово, — мистер Давенпорт предъявляет кольца. Серебро выглядит вполне настоящим, узор простой, но элегантный. Радует, что у него достаточно хороший вкус, и он

не взял ничего безвкусного. — А эти двое — наши свидетели.

Хозяин гостиницы бросает на нас быстрый взгляд. — Вы оба из столицы?

— Из дворца, — Бертрам надувается от гордости.

— Да, — говорю я. В конце концов, в законе лишь говорится о том, что свидетели не должны быть жителями Руби Ред.

— Отлично! — хозяин гостиницы хлопает в ладоши. — Иф! У нас тут хотят пожениться!

Появляется шумная, пухлая женщина средних лет, похлопывая руками по бокам. — Кто невеста? — спрашивает она. Я указываю на Поппи.

— У тебя есть платье для церемонии, дорогая? — спрашивает она деловым тоном, который один в один схож с голосом её супруга.

— Д... да. В моём сундуке.

— Хорошо. Пошли со мной, надо тебя подготовить. Ты выглядишь так, словно вы ехали сюда без остановок. Я приготовлю для вас обоих горячую ванну.

— И для нас тоже, — быстро говорю я.

Всё проходит довольно быстро. Хозяин гостиницы Дугал и его жена Аоифь, вместе с несколькими нанятыми помощниками приготовили нам ванны и накормили хлебом и супом. Когда все были готовы, Иф провела нас в комнату наверху, довольно большую, с камином и креслами.

— Присаживайтесь, — предлагает она нам с Бертрамом. Затем передаёт мне корзинку с шёлковыми цветами. — Нужно бросить их, когда церемония закончится. А теперь я пойду, подготовлю невесту.

Входит мистер Давенпорт с Дугалом. Жених переоделся в чёрный бархатный костюм, слегка помятый, но всё равно, вполне подходящий по случаю. Он слегка нервничает, когда поправляет своё пальто. Редкое выражение лица для человека, которого Бертрам никак не заставил волноваться.

У Дугала из кармана торчит нечто жёлтое и шёлковое. Он проводит мистера Давенпорта к центру комнаты, лицом к камину. Затем поворачивается к нам, а ему велит оставаться на месте.

Я выпрямляюсь в своём кресле. Я и раньше бывала на свадьбе, но это было в церкви, с кучей гостей. Эта, несмотря на то, что проходила в меньшем помещении, не казалась менее тщательной. Даже если она и была результатом побега.

Дверь снова открывается. Входит сияющая Иф, за ней следует Поппи, опустив глаза в пол, но когда она оказывается рядом с мистером Давенпортом, то поднимает глаза и улыбается.

Она прекрасна, в том же самом платье цвета жёлтых лютиков, что и в день представления королеве. Кроме жемчужного ожерелья, на ней больше нет никаких украшений, её причёска не произведение искусства, и всё же, она просто прелестна, с лёгким налётом стыдливости, а щеки такие же розовые, как и розы, которые она несёт в руках. Понятия не имею, где Иф раздобыла их за такое короткое время, но видимо, она эксперт по подобным свадьбам.

Глаза мистера Давенпорта на секунду расширяются, а потом его взгляд смягчается. Наверное, он не имел возможности видеть Поппи в день представления ко двору. У его горла бьётся жилка, он берёт Поппи за руку и крепко сжимает.

Дуглас откашливается. — Что ж, мы можем начинать. Друзья, мы собрались здесь,

чтобы стать свидетелями соединения мистера Джонатана Давенпорта и мисс Поппи Монтгомери... — он всё говорит и говорит, и речь очень похожа на ту, которую я слышала на свадьбе у моей тёти.

— А теперь, если нет никаких возражений, я объявляю вас...

Дверь распахивается, и внутрь врываются несколько мужчин. В точности как в фильме, когда злодей прерывает свадьбу как раз в тот момент, когда пара готова сказать "да".

Поппи разворачивается, и её лицо становится мертвенно бледным.

— Неблагодарная девчонка! — ревёт мужчина, одетый в тёмно-зелёное пальто. — Поппи, ты опозорила себя. Ты немедленно едешь домой, иначе я силой увезу тебя.

Дугал насмешливо поднимает бровь. — Вы — отец невесты?

— Для тебя — сэр Монтгомери, неотесанная деревенщина, — рычит Монтгомери. Дуглас щетинится, но прежде чем успевает ответить, мистер Давенпорт шагает вперёд с выражением лица человека, готового сразиться с тьмой.

— Простите, сэр, но вы на земле Руби Ред. В законе чётко сказано, что вы не можете силой увезти её отсюда без согласия, даже если вы её кровный родственник.

Монтгомери выглядит так, словно готов убить. — Силой! Ты смеешь говорить со мной о силе, ты — высокомерный щенок? Ты соблазнил мою дочь и убедил её сбежать с тобой!

— Между нами существует взаимное притяжение, — мистер Давенпорт крепче сжимает руку Поппи, и это, кажется, придаёт ей силы.

— Папа, Джонатан — самый лучший мужчина из всех, кого я когда-либо встречала, после вас, разумеется. Я люблю его. Я хочу выйти за него замуж.

Я поднимаю пальцы вверх. Так как я сижу достаточно близко, Монтгомери замечает меня.

— А вы кто такая? Вы выглядите как уважаемая леди. Вы в курсе, что участвуете в том, что может навлечь позор на вашу семью?

— Следите за своими словами, сэр, — Бертрам поднимается. Он откидывает своё пальто, чтобы показать королевский герб на рубашке. — Я — слуга Его королевского высочества, Эдварда, принца Ателии. Эта девушка — будущая невеста принца, и, следовательно, вы разговариваете с будущей королевой Ателии.

У сэра Монтгомери отвисает челюсть. У меня тоже.

— Вы держите меня за дурака? Эта некрасивая, отвергающая закон женщина... принц хочет жениться на НЕЙ?

На самом деле, я должна отрицать заявление Бертрама, но ради Поппи я поднимаю голову и стараюсь выглядеть по-королевски, как Бьянка.

Бертрам усмехается. — Я могу поклясться вам, сэр, если хотите, — он вытаскивает свой меч, и рубины на рукояти блестят в свете огня. Монтгомери смотрит на меч, затем снова на рубашку Бертрама. Его брови сдвигаются, один из его людей что-то шепчет ему и кивает.

— Простите, — вклинивается мистер Давенпорт. — Но разве то, что принц послал своего личного телохранителя сопровождать нас, не является достаточным доказательством того, что он поддерживает этот брак? Или вы хотите сказать, что отрицаете власть королевской семьи?

Стоп... Я думала, что у принца здесь уже нет власти. Но увидев колебания сэра Монтгомери, решаю, что видимо, влияния Эдварда ещё вполне достаточно.

— Ну? — нетерпеливо произносит Дугал. — Вы всё ещё протестуете против свадьбы?

Монтгомери долго смотрит на мистера Давенпорта, затем переводит взгляд на свою

дочь.

— Ты должна вернуться домой, — наконец произносит он.

— Папа! — Поппи выглядит возмущенной. — Но я...

— Через неделю, — продолжает Монтгомери, его тон грубый. — В нашем доме должна состояться подобающая свадьба. Твоя мать никогда не простит тебя, если не будет присутствовать при твоём венчании.

— О! — Поппи бросается к отцу и крепко обнимает его. — Благодарю вас, папа, спасибо!

— Хватит визга, — произносит Монтгомери, хотя и ласково гладит её. — Давенпорт? Пообещайте мне, что в независимости от того, что случится дальше, вы останетесь рядом с ней, будете оберегать её, и будете ей верны. Иначе я буду преследовать вас с самым огромным ружьём, которым владею, и имейте в виду, у меня репутация лучшего стрелка в округе.

Мистер Давенпорт даже глазом не моргнул. — Я вам обещаю.

— Тогда убедитесь, что вы вернётесь в графство через неделю.

Поппи виснет на руке у отца. — Папа, разве вы не собираетесь остаться? Хотя бы, чтобы выпить за нас?

Монтгомери качает головой. — Нужно возвращаться и начинать приготовления. Господь знает, что вздумала устроить твоя мать.

Дверь за ним закрывается. Я с облегчением вздыхаю. Отец Поппи не такой жестокий, как я себе представляла.

— Продолжим, — бодро произносит Дугал, словно только что в комнату не врывался злой отец, чтобы прервать церемонию. — Эта лента — знак того, что вы связаны. — Он извлекает жёлтый шёлк из кармана и обвязывает вокруг их запястий. — Не развязывайте её до следующего утра. Теперь вы можете поцеловать свою невесту.

Мистер Давенпорт улыбается, склоняется и чмокает её в губы. К моему удивлению, Поппи обнимает его и притягивает за шею для более глубокого поцелуя. Бертрам свистит.

Иф хлопает в ладоши. — Великолепно! Теперь, когда с церемонией покончено, что вы скажете на то, что я подам вам свадебный ужин?

На следующее утро Поппи улыбается и смущается. Видимо, её первый раз прошёл вполне удачно. Она краснеет, когда Иф отводит её в сторонку и говорит, что брак останется нелегальным, пока не будет консуммирован.

— Доброе утро, миссис Давенпорт? — я подмигиваю ей. — Как вы сегодня? Цветёте и пахнете?

Она вспыхивает. — Вообще-то я жутко голодна. Это хлеб с изюмом? Я могу съесть целую буханку.

Мы собираемся в той же комнате, где проводилась церемония прошлым вечером. Мистер Давенпорт отправляется получать разрешение на брак. Бертрам сидит в уголке и поглощает овсянку так жадно, словно не ел несколько дней (что было не так уж далеко от правды). Когда мы прибыли, в гостинице было лишь две свободные комнаты, так что Бертраму пришлось спать на конюшне. Я раздумывала о том, чтобы предложить ему спать со мной в одной комнате, но, исходя из здешних старомодных обычаев, решила не упоминать об этом. К счастью, он не возражал против ночёвки в конюшне; но всего лишь мельком заметил, что будет рад вернуться.

— Еще кофе? — спрашивает меня Иф, сильный аромат витает в воздухе. — Овсянка вам

нравится, Ваше высочество?

— О, пожалуйста, — стону я. — Просто "леди" вполне достаточно. Я не принцесса.

— Но скоро станете, — произносит Иф с таким видом, как будто только что выиграла в лотерею. — Не могу дождаться, когда смогу хвастаться перед соседями, что у меня наверху спала королева! Я принесу ещё еды, вам предстоит долгий обратный путь.

И она уходит, напевая какой-то мотивчик.

Бертрам дочиста опустошает тарелку и отрыгивает. — Я пойду, присмотрю за каретой, леди Кэт. — Он поднимается из своего уголка. — Необходимо побыстрее вернуть вас Его высочеству, — и он, насвистывая, скрывается за дверью.

Поппи вопросительно смотрит на меня. — А он знает, что ты не планируешь выходить за принца?

— Не думаю, чтобы Эдвард хотел, чтобы кто-нибудь об этом узнал, — легко отвечаю я, но внутри у меня всё сжимается.

Поппи вздыхает. — Я понимаю, ты скучаешь по своей семье, но мне очень жаль Его высочество. И я буду скучать по тебе, Кэт. Ты стала моей лучшей подругой со времен моего приезда в столицу.

Я не знаю, что мне ответить, но крепко сжимаю её руку. — Вы сможете покончить со всем до бала?

— Того, что устраивает принц?

Я киваю.

— Ни за что в жизни не пропущу его, — усмехается Поппи. — Тогда увидимся на балу, если не получится раньше.

Мы нанимаем отдельные кареты, так как её графство находится на юго-западе от Руби Ред, тогда как в столицу нужно ехать на юго-восток.

Дорога назад менее нервная, но без Поппи рядом скучнее. Поскольку мистер Давенпорт и Поппи воспользовались той каретой, на которой мы ехали, Бертрам попросту нанимает другую и сам садится ею управлять.

— Мы поедем быстрее, без лишнего веса, — говорит он мне.

Я сижу внутри, погрузившись в раздумья, и касаюсь лилии, которая лежит в ароматизированном мешочке в моём ридикюле. Мне кажется, что она становится теплее и ярче, как будто оживает, находясь поблизости от места своего происхождения.

Действительно ли я смогу найти фейри? Помогут ли они мне доставить Эллу на бал? Что сейчас делает Эдвард?

Смахиваю слёзы, а затем сжимаю в кулаки ткань на своих юбках. *Ты сказала ему всю правду, Кэт! Теперь сфокусируйся на своей миссии, ты уже близко.*

Глава 36

Я дожидаюсь, пока мы остановимся, чтобы дать лошадям отдохнуть. Ополаскиваю лицо водой из ручья и говорю Бертраму, что мне нужно какое-то время, чтобы побыть наедине с собой. Потом, когда он исчезает, тихо читаю молитву и вытаскиваю лилию из ридикюля.

— Приди ко мне, Лисандер.

Через секунду всё ещё ничего не происходит. Проклятие! Леди Грегори солгала. Или, может, Лисандер нашёл себе другую. Или...

Мир мерцает и исчезает. На меня накатывает тошнота. Чувство, словно я лечу в чёрную дыру. Не то, чтобы у меня был какой-то опыт, но моё воображение берёт верх над разумом. Затем с поверхности озера исчезает рябь, и всё снова становится чётким.

Ого! Озеро исчезло. Я нахожусь в огромном лесу, который выглядит волшебным. У деревьев вокруг меня серебряные листья и золотые стволы. В ветвях построены причудливые жёлтые дома; Я ищу лестницы, но их не видно. Наверное, феири могут летать. Как Крю. С веток деревьев свисают многочисленные лампочки. Ничего себе, я вижу сон во сне. Это как *"Начало"*, только более сюрреалистичное.

За моей спиной шелестят листья, давая знак, что кто-то идёт ко мне. Я дёргаюсь и разворачиваюсь.

— Леголас, — выдыхаю я.

У мужчины передо мной настолько идеальные черты, настолько симметричные, что он не может быть человеком. Словно математик просчитал идеальные пропорции человеческого лица, а Творец спроектировал это создание по результатам. Эдвард самый сексуальный парень, которого я когда-либо встречала, но я знаю, что он человек. Этот мужчина с полупрозрачной кожей, серебристыми глазами и заострёнными ушами, определённо, нет.

— Моё имя — Лисандер, — серебристые глаза превращаются в узкие щёлочки. — Кто ты, человек? Почему у тебя моя лилия? Где Маргарет?

Могущественная сила отрывает меня от земли. Я взлетаю на несколько футов вверх, и та же сила охватывает мою талию железной хваткой. — Леди Грегори, она дала мне эту лилию, чтобы я смогла найти вас.

Невидимая хватка исчезает, и я падаю на землю, больно ударившись коленями. Трубящие места, и удивляюсь, что леди Грегори могла в нём найти. Да, конечно, он просто нереально прекрасен, но что это за приветствие?

— Мои извинения, — произносит Леголас... то есть Лисандер. — Друг Маргарет — друг феири, — он опускает глаза, его ресницы отбрасывают тень на глаза. — Она всё ещё не желает вернуться ко мне?

Голос феири низкий, но в нём чувствуется оттенок тоски. На секунду мне становится его жаль, но я не могу винить леди Грегори. На вид ему не больше двадцати пяти. Не говоря уже о его безумной, неземной красоте.

Я выуживаю из ридикюля связанное крючком сердце. — Она передала вам подарок, который сама сделала.

Сердце вылетает из моих рук. Я поражена. Если феири такие могущественные, у меня не возникнет проблем с моей миссией. Разумеется, если они согласятся помочь.

Лисандер ловит сердце. Я впиваюсь в него взглядом. На секунду, в его глазу что-то блестит, а потом сразу же исчезает.

— С ней всё в порядке?

Я колеблюсь. Не уверена, что должна ему отвечать. Если я скажу, что у неё всё отлично, его может ранить то, что ей без него хорошо. Но если скажу, что нет, что она всё ещё томится по нему... Даже представить себе не могу, что тогда будет.

— Она в порядке, — произношу я. В конце концов, он любил её достаточно сильно, чтобы отпустить, — её жизнь насыщена и продуктивна, она состоит в обществе по вязанию крючком, появляется в свете. Вообще-то, я с ней и познакомилась на вечеринке.

— Она замужем?

— Нет. Все считают её старой девой. А вы? Вы женились?

Он смотрит на меня, и я даже пугаюсь взгляда этих серебристых глаз. — Ты оскорбляешь меня, человек. В нашей культуре брак — это на всю жизнь. Мы не практикуем человеческие пороки, такие как измена, полигамия или развод.

Это потому, что вы ничего не знаете о людях. А как быть, если муж жесток или наркоман? Как быть если жена — алкоголичка? И всё же, я вынуждена добавить ему баллы за моногамию.

— Человек, — говорит Лисандер ледяным голосом. — Если у тебя нет больше для меня никаких сообщений, ты можешь уходить.

— Стойте! — быстро говорю я, пока он не выдворил меня из мира фей своей безумной магией. — Я ещё не закончила. Меня зовут Катриона Бредшоу; Я приёмная дочь графа Бредшоу, и хочу вас спросить...

Лицо Лисандера бледнеет ещё сильнее, не думала, что это возможно. Не говоря ни слова, он исчезает, или, скорее, ускользает так быстро, что я не успеваю спросить его, куда он отправился.

Вот вам и гостеприимство. Я испытываю желание побродить вокруг, но в воздухе прямо таки висит ощущение магии. А если я прикоснусь к дереву и превращусь в белку?

В мгновение ока Лисандер возвращается, и следом за ним появляется девушка — фейри. Она намного ниже его, вероятно, даже ниже меня, у неё миленькие щёки, которые ещё не утратили детской пухлости. Лисандер слишком идеален по человеческим стандартам. Эта фейри, наоборот, выглядит скорее как соседская девчонка. Она хорошенькая, но не для конкурса красоты. Видимо, не все фейри рождаются одинаковыми.

Увидев меня, она морщит лоб и издаёт пронзительный визг.

— Вот это да! Подумать только! Ты — вторая дочка! Ты так выросла.

Я смотрю на неё, изо всех сил напрягая память, но понятия не имею кто она. Ни малейшего намёка. — Вы меня знаете?

Девушка кивает и приближается. — Рыжие волосы и веснушки, так отличаешься от своей сестры. Ты больше похожа на своего отца.

Она знает меня и Бьянку. Интересно, как много она знает об Элле.

— Простите, — произношу я, пытаюсь говорить как можно более вежливо и уважительно. — А вы случайно не знаете также родную дочь графа Бредшоу?

— Разумеется, знает, — отрывисто произносит Лисандер. — Мэг уберегала её, когда слуга твоей матери хотел её утопить.

Я хватаюсь рукой за горло. Всё, что рассказала мне Марта, проносится в моей голове. — Но... как?

— Пятнадцать лет назад Мэг пыталась собрать молнию для одного необычного заклинания, когда мимо проехала карета графа.

— Молнии? Вы можете собирать здесь молнии?

— Нет. В наших землях нет экстремальных погодных условий. Здесь царит вечная весна, — в голосе Лисандера чувствуется горечь. — Маргарет жаловалась, что это чересчур идиллически.

Мэг склоняет голову. — Это была случайность. Я не хотела... но... заклятие сорвалось. Я хотела поглотить молнии своей палочкой, но промахнулась и попала в карету.

Лисандер скрещивает руки. — Мэг редко удаётся колдовать без последствий.

— Я старалась! — возмущённо кричит она. — Но не моя вина, что я полукровка.

— Что значит полукровка?

Уголки губ Лисандера изгибаются. — Ты что, не догадалась до сих пор? Она — моя дочь. Мы с Маргарет решили, что для неё будет безопаснее остаться с моим народом.

У меня перехватывает дыхание. Так вот почему черты Мэг более несовершеннолетние, более человеческие, в сравнении с её отцом. Вот почему фея-крестная никогда не показывалась перед "Золушкой". Потому что она живёт в другом царстве.

— Граф принял на себя всю силу удара, — вздрагивая, продолжила Мэг. — Было слишком поздно, чтобы его спасти. Осознав, какую ужасную ошибку совершила, я смогла перенести вас, девочки, в ближайший коттедж. А позже, когда я пришла, чтобы убедиться, что с вами всё в порядке, услышала, как овдовевшая леди велит своему слуге взять дочь графа якобы на прогулку, и утопить её в реке. Я не могла позволить этому случиться, особенно тогда, когда смерть её отца произошла частично по моей вине.

По моей спине пробегает холодок. — Из-за того, что Элла была единственной наследницей состояния своего отца?

Мэг кивает. — Когда слуга привёл девочку к реке и попытался толкнуть её, вмешалась я. Появившись перед ним, сказала, что девочка находится под моей защитой. Слуга взмолился, он сказал, что не может не подчиниться своей госпоже, что у него есть семья, о которой нужно заботиться. Так что я создала подобие трупа. Очень тяжело сотворить из воздуха объект или человека, так что за основу я взяла несколько веточек, — Мэг робко смотрит на своего отца. — Я создала иллюзию, которая могла обманывать людей в течение одного дня, и заставила того слугу поклясться, что он доставит эту девочку в безопасное место. У него был друг в столице по имени Татчер, который давно хотел иметь детей.

Теперь все кусочки головоломки встают на свои места. Итак, Элла действительно была дочкой графа. Она может выйти замуж за принца.

— Так значит, вы не крёстная мать Эллы, — произношу я. — Когда леди Бредшоу пыталась утопить её, вы лишь пытались исправить свои ошибки.

— Хотя мы и выше людей, мы не рассматриваем их как муравьёв, которых можно с лёгкостью раздавить, — холодно произносит Лисандер.

— Но вы лишь оставались поблизости достаточно долго, чтобы убедиться, что Элла выживет, — говорю я. — А вы знали, что Татчер умер и оставил семью без средств к существованию? Вы хоть задумались о том, что Элла никогда не узнает, что она дочь графа? Знали, что ей пришлось работать служанкой у собственной мачехи, которая отобрала всё, что ей принадлежало?

Лисандер поднимает брови. — Ты также получаешь преимущества от наследства.

Я отмахиваюсь от него. Я устала после путешествия, и хочу лишь вернуться в столицу. **СРОЧНО!**

— Мне очень жаль Эллу, — говорю я, стараясь повернуть разговор в нужное русло. — Скоро во дворце состоится бал. Она призналась мне, что очень хочет на него попасть, но не может, потому что всего лишь служанка. Вы можете мне помочь?

Мэг подпрыгивает и тянет своего отца за рукав. — Пожалуйста, можно мне пойти? Прошло так много времени с тех пор, как ты позволял мне посетить мир людей. Обещаю, что буду себя хорошо вести! И я так хочу увидеть маму.

Лисандер скрещивает руки на груди. — Но твоя магия всё ещё несовершенно. Ничего из созданного тобой не остаётся надолго.

— Это именно то, что мне нужно, — пылко говорю я. — Всё должно исчезнуть к

полуночи. Кроме туфель.

Я ухватываюсь за сидение, когда карета несётся вперёд, подпрыгивая на неровной дороге. Теперь, когда задание, о котором он знал, выполнено, Бертрам стремится вернуться в столицу.

Я открываю свой ридикюль (сейчас он влажный и покрытый грязью). Внутри лежит зеркальце, которое мне дала Мэг. После того, как Лисандер запустил все нужные нам заклинания, он сказал, что для любовного заклятия необходимо несколько дней подготовки. В это время мы станем общаться с помощью зеркала, наподобие того, которое использовала Белль из диснеевского мультика. Меня вроде как охватывает чувство облегчения, Мэг не путешествует со мной, потому как я не представляю, как мне удастся скрыть её от Бертрама. Мэг могла становиться невидимой, но она признала, что у неё проблемы с тем, чтобы поддерживать это состояние постоянно.

— Иногда появляется моя голова, иногда ноги, — признаётся она. Фу. Я определённо не хочу, чтобы это произошло.

Я всё ещё пребываю в шоке от того, что моя миссия так хорошо продвигается. Поппи счастливо вышла замуж за мистера Давенпорта, вязаное сердце леди Грегори доставлено её мужу-фейри. И ещё, фея-крёстная согласилась доставить Эллу на бал. Остался последний шаг. Осталось пережить бал, и я буду дома.

Дом. Красивое мамино лицо, часто нахмуренное, когда она пытается свести концы с концами в домашнем бюджете. Лицо Пейдж, без веснушек, невинно-очаровательное, когда она умоляет меня рассказать ей сказку на ночь, или пародирует мультяшных героев. И школа... никогда не думала, что буду скучать по ней, но это так. И лентяйничать с друзьями в магазине, даже скучный старый магазин у нас намного более восхитительнее, чем магазины Ателии в стиле девятнадцатого века.

И тут я вспоминаю об Эдварде, и у меня в горле образуется комок. Я до сих пор чувствую на себе его руки, его жар и мягкость губ, вижу его глаза, наполненные любовью и желанием.

Он всего лишь персонаж из книжки, убеждаю я себя. Он абсолютно ничего для меня не значит.

Глава 37

Когда мы возвращаемся, наступает позднее утро. Бертрам предлагает проводить меня до дверей, но я отказываюсь. Если он снова начнёт болтать обо мне, как о будущей королеве, понятия не имею, как мне удастся справиться с последующей реакцией леди Бредшоу и Бьянки.

Вен выдёргивает сорняки на узенькой дорожке, окружающей крыльцо. Он вздрагивает, когда я выхожу из коляски, но потом резко поворачивается ко мне спиной. Наверное, встал не с той ноги. А может, Бьянка оскорбила его, сказав, чтобы тот никогда в жизни не считал себя достойным соскребать грязь с её туфель.

Я проскальзываю в дом через заднюю дверь. К моему ужасу, леди Бредшоу как раз раздаёт указания на кухне. При моем появлении, у поварихи перехватывает дыхание. Шлёп! Пудинг падает из её рук и растекается по полу клейкой массой, но, кажется, на это никто не обращает внимания.

Леди Бредшоу готова взорваться. Пройдя через кухню в два шага, она взмахивает бархатным рукавом, и мою щеку пронзает жгучая боль. Я вскрикиваю и отшатываюсь. Разумеется, мне больно, но больше меня расстраивает то, что она поднимает на меня руку. Всего лишь пару дней назад она обращалась ко мне "дорогая Катриона"

— За всю свою жизнь, — проговаривает леди Бредшоу сквозь стиснутые зубы. — Я никогда не думала, что моя дочь может стать причиной такого скандала.

О Боже! По её тону можно подумать, что я совершила убийство. Я только что вернулась домой, а первое, что её заботит — это моя репутация, а не безопасность?

— Я же оставила записку, — произношу я, не пытаясь скрыть вызов ни в своём поведении, ни в тоне, но она не обращает на меня ни малейшего внимания. Для неё я всего лишь продукт брачного рынка.

— Леди! — пытается вмешиваться Марта. — Леди Катрионе нужно отдохнуть, она определённо устала после долгой дороги.

— Не припоминаю, чтобы я просила твоего совета, как мне обращаться с моей дочерью, — шипит леди Бредшоу. — Катриона, это правда, что ты уехала в Руби Ред потому, что Поппи Монтгомери была нужна свидетельница после того, как та сбежала с солиситором?

Я напрягаюсь, пытаюсь придумать какую-нибудь ложь, но в голову ничего не приходит.

— Да.

Теперь проявляется её ярость. Она выглядит так, словно готова вышвырнуть меня из дома. Буквально. — Неисправимая девчонка! После всего, что я для тебя сделала... если это выйдет наружу, ты испортишь все шансы твоей сестры на счастье! Королевская семья не нуждается в золовке, которая способна на такие позорные поступки. Никакого чувства приличия, морали... ты навлекла позор на всех нас.

Я просто не в состоянии смолчать.

— А что заставляет вас думать, что Бьянка сможет привлечь принца? — слова вырываются прежде, чем я успеваю заткнуться. — У неё уже было достаточно возможностей, но он до сих пор не выказал к ней никакого интереса.

— Именно поэтому мы должны воспользоваться предстоящим балом, — Леди Бредшоу смотрит на меня. — Король и королева ожидают, что Эдвард выберет на бал свою будущую невесту. Больше у него нет никаких оправданий, чтобы увернуться от этого. Это самый большой шанс для Бьянки засиять.

Я не произношу ни слова. Остается лишь надеяться на то, что любовное заклятие Мэг сработает.

— Я изменила своё решение, — Леди Бредшоу делает глубокий вдох. — Во избежание того, что ты в дальнейшем сможешь каким-нибудь образом помешать Бьянке стать королевой, язапрещаю тебе ехать на бал.

На секунду моё сердце останавливается. Я должна быть там. Должна убедиться, что Элла и Эдвард влюбятся друг в друга. И я... Я должна увидеть Эдварда в последний раз перед тем, как он переключится на Эллу.

Выражение лица леди Бредшоу твёрдое и неприступное. Теперь, зная, что она отдала приказ утопить Эллу, я не могу представить её лицо без надписи на лбу — "убийца!". Я не должна проговориться о том, что знаю о преступлении, что она совершила, чтобы получить этот большой красивый дом с дорогой мебелью и штатом прислуги. Я могу выдать её, но никакого мёртвого тела не найдут. Элла выжила благодаря Мэг. В офисе констебля меня

поднимут на смех.

— А как насчет герцога? — спрашиваю я. — Он все еще может пожелать меня увидеть.

— Теперь я могу вполне уверенно сказать, что он относится к тебе не больше чем как к другу. Появилась абсурдная сплетня о том, что он привязан к Элле, но она никак не подтверждена, — леди Бредшоу поворачивается к слугам. — Если я увижу, что кто-нибудь не подчиняется мне, вас сразу же отправят паковать вещи.

Марта и другие слуги переглядываются. В глазах Марты я читаю сожаление, но она молчит.

А затем вижу в дверном проёме Бьянку, входящую в кухню. В её взгляде определённо чувствуется ненависть ко мне. Сестра никогда особо меня не любила, но сейчас, похоже, готова задушить. Наверное, она в ярости оттого, что я смогла уменьшить её шансы выйти за принца.

Возвращаясь в свою комнату, обнаруживаю, что леди Бредшоу серьёзно настроена. Все мои роскошные наряды пропали, осталось лишь ужасное коричневое платье и ещё несколько похожих. Симпатичные туфли и ботиночки тоже исчезли — не то, чтобы меня это сильно расстроило, но без вещей мой шкаф выглядит пустым. Убрали даже мои книги! У меня мелькает мысль отправиться к леди Бредшоу и угрозами потребовать вернуть их, но скорее всего, все мои книги сгорели. И, кроме того, дверь комнаты заперли снаружи.

Ну, мне хотя бы оставили двуспальную кровать с балдахином. Я падаю на неё лицом вниз и зарываюсь носом в подушки, вдыхая запах. Ммм... Марта, должно быть, что-то сделала с подушками и простынями, потому что от них исходит аромат смеси лаванды и лимона. После всей безумной поездки в Руби Ред, я соскучилась по удобствам городской жизни. На мгновение забываю о том, что меня заперли во второй раз, что мне нужно волноваться, как доставить Эллу на бал, и просто закрываю глаза, желая забыть обо всех своих проблемах... хотя бы на пару минут.

И тут я слышу отрывистый шум. Кудачущий голос. — Девочка! Ты вернулась!

Я так устала, что даже не открываю глаза. — Вернись в другой раз, Крю, я до смерти устала.

Мне на спину льется вода.

— Эй! — я сажусь. Крю парит в воздухе, его заострённые уши виднеются за кувшином, который он держит в руках. Проклятие! Из этого кувшина я наливаю воду в тазик, чтобы помыть грязные руки.

— Ты не мог бы хотя бы предупреждать меня? — я смотрю на него. На одеяле сейчас остались большие следы сырости.

— Ты всегда можешь сказать, что это из-за твоей неуклюжести, в этом ты точно хороша, — ухмыляется Крю. — Нам всем интересно, как прошло твоё путешествие. Твоя маленькая подружка вышла замуж? Ты нашла фейри?

Увидев, что кувшин, висевший в воздухе снова наклоняется, я сдаюсь. Мне придётся многое объяснять, если Марта обнаружит, что одеяло насквозь промокло. Так что, с неохотой, всё ему рассказываю. Крю хмыкает, когда я описываю то, как Монтгомери прервал церемонию, и как он сник, узнав, что Бертрам и "будущая королева Ателии" оказались в свидетелях.

— Хорошая работа, девочка, — говорит он. — Король ставил на то, что ты не сможешь найти фейри. А Мораг была уверена, что ты не сможешь её убедить. Теперь они оба проиграли пари. Ха!

— Ты ставил на то, что у меня получится? — недоверчиво спрашиваю я. — Но у меня же всегда было плохо с удачей.

— Они выбрали другие варианты, так что у меня не было выбора.

Я закатываю глаза. На секунду мне кажется, что он в меня верит.

Но в любом случае, Крю пребывает в хорошем настроении. — Не гримасничай, девочка! Смотри, ты начинала с нулевыми шансами, а сейчас почти добилась успеха!

— Пока нет! — я рассказываю ему, что леди Бредшоу снова заперла меня. На этот раз даже герцог не сможет помочь мне выбраться. — Как мне сбежать отсюда и сказать Элле, что она должна пойти на бал?

— Если предположить, что герцог без ума от неё, то может быть, она и так уже приглашена.

— Так получится ещё хуже, — стону я. — И кроме того, мне нужно передать ей любовное заклятие. Эдвард тот, в кого она должна влюбиться, — я смотрю на него. — А ты сможешь вытащить меня из дома с помощью своей магии?

Кувшин перемещается обратно на столик.

— Могу попробовать, — говорит Крю, на удивление, согласившись сотрудничать. Или, возможно, он считает, что сюжет пострадает, если я не смогу попасть на бал. — Но ты намного тяжелее кувшина. Ничего не смогу обещать, если мне не удастся перенести тебя с этого этажа на нижний.

Проклятие! Моя комната на третьем этаже. Что скажут соседи, если увидят, как я спускаюсь на землю? У них здесь сжигают ведьм на костре? Или ещё хуже, что если Крю не удастся, и я упаду на землю? Я могу сломать ногу, или, что хуже, шею. Интересно, что будет, если я умру в книге. Но не решаюсь задать этот вопрос вслух.

Меня так и подмывает швырнуть стул в дверь и посмотреть, сломается ли она. Но мне нельзя выходить из дома через парадную дверь. Не все слуги меня любят. Вену, например, надоело, что я заставляю его возить меня туда-сюда. Можно попросить Марту послать сообщение Элле, но не знаю, разрешено ли ей приходить ко мне. Вот если бы Эдвард появился здесь лично... Ха-ха. Это точно не произойдет. Как будто бы отвергнутый поклонник станет показываться здесь, не говоря уже о присутствии здесь Бьянки.

Открывая свой стол, вынимаю альманах и подсчитываю количество дней оставшихся до бала. Меньше двух недель.

Следующие несколько дней я провожу в полнейшей фрустрации. Мне разрешено спускаться вниз, чтобы поесть, но когда я заканчиваю, слугам приказывают проводить меня наверх и запереть дверь. Без своих книг мне кажется, что схожу с ума. Я хожу по комнате, сворачиваюсь на кровати, ору на Крю, и даже начинаю задумываться о риске левитирования через окно.

Наконец, на третий день зеркало светится. Появляется лицо Мэг.

— Заклятие готово! — с триумфом объявляет она, с видом ребёнка, который только что закончил собирать пазл.

— Отлично, — отвечаю я. — Теперь тащи свой зад сюда, — раздаётся треск, похожий на звук вентилятора, а затем зеркало начинает мигать. Из него появляется голова Мэг, залитая золотистым сиянием, и я с криком отпрыгиваю назад. Сначала как-то дико наблюдать за тем, как она выползает, но потом, когда фейри застревает, становится смешно.

Мэг ёрзает и пыхтит, пока не показывается верхняя часть её тела; она хватается за края зеркала и пытается протиснуться дальше, но почему-то снова застревает.

— Дай мне руку, — взмаливается она.

Я хватаю её и тяну. Мэг сдвигается примерно на пару дюймов.

— Иногда такое случается, — девушка кажется смущённой. — Прошло много времени с моего последнего путешествия подобным образом.

— Я бы сказал, что это всё из-за некомпетентности, — раздражающий голос Крю наполняет комнату. Я оглядываюсь вокруг. Он сидит на каминной полке, скрестив ноги и ухмыляясь от уха до уха и, определённо, не собирается помогать, потому что всегда упивается неудачами других.

— Кто ты? — резко спрашивает Мэг.

Я тяну ещё раз, и она, наконец, протискивается с противным чавкающим звуком, со стуком приземляясь на пол.

— Ой! — Мэг трёт свои локти. — Почему вы используете дерево для пола? Мох гораздо лучше.

— У нас есть ковры, — начинаю я, но потом останавливаюсь. Никогда не видела в Ателии, чтобы те полностью застлали пол, даже в доме у лорда Мэнсфилда или во дворце. Предполагаю, что это из-за сложностей с их чисткой без пылесоса.

— Ого! — Крю взлетает и зависает над Мэг с насмешливым выражением лица. — Значит ты — фея-крёстная, да? Думаю, ты выглядишь слегка недалёкой.

Мэг разворачивается к нему. — Кто ты такой, чтобы называть меня недалёкой, ты, создание с острыми ушами?

Я удерживаюсь от комментария на тему того, что уши Мэг тоже заострённые. Она делает упор на уродливость — жабье лицо Крю определённо более неэстетичное, по сравнению с по-детски розовыми щёчками Мэг и её василькового цвета глазами.

Крю фыркает. — Должен просветить тебя, что в королевстве гоблинов женщины сражаются за моё внимание.

— Правда? — теперь Мэг фыркает. — У них должно быть совсем непритязательные вкусы насчёт мужчин.

— Ладно, прекратите, — я встаю между ними. Мэг всё ещё корчит рожи Крю, так что мне приходится махать рукой перед её лицом. — Слушай, у нас не так много времени. Мне нужно попасть во дворец и сказать Элле, что она должна идти на бал, а затем привести её сюда, чтобы ты могла наложить на неё любовное заклятие, Мэг, — мой лучший вариант — дожждаться пока Бьянка и леди Бредшоу уедут на бал. Фея-крестная сможет сотворить своё волшебство с тыквой, мышами и платьем, хотя увидев её борьбу с зеркалом, у меня появляются сомнения. Не ожидала, что фея-крестная окажется такой некомпетентной. Наверное, поэтому в оригинальной сказке она не могла сделать так, чтобы платье Золушки пережило полночь.

— А почему ты должна попасть во дворец сейчас? — спрашивает Мэг.

Я объясняю ситуацию с Эллой. — Но леди Бредшоу запретила мне выходить. Есть ли возможность помочь мне попасть во дворец?

Мэг чешет голову. — Мне неизвестно, где он находится.

Как и мне; Я всегда полагалась на Вена.

— Я знаю, — говорит Крю. Удивляюсь, что он желает помочь. Наверное, хочет доказать своё превосходство.

— Хорошо, но нам всё равно нужно найти способ выбраться отсюда, — стону я. — Мэг, у тебя есть какие-нибудь идеи?

Глава 38

Не успевает она ответить, как кто-то стучит в дверь, а потом слышен звук поворачиваемого в замке ключа. Я замираю. Мэг вытаскивает из кармана деревянную палочку и начинает размахивать ею вокруг себя. Её тело начинает медленно исчезать там, где она проходит палочкой. К тому времени, как её рука достигает головы, девушка полностью исчезает. Крю остаётся на месте. Так как он происходит не из сказочного мира, кроме меня его никто не может видеть.

Входит Марта, неся в руках ведро и кувшин.

— Вы снова разговариваете сами с собой, мисс?

— Мне просто скучно, — отвечаю я. Что не так уж далеко от правды. До появления Мэг, по крайней мере.

На её лице появляется выражение сочувствия. — Я так и подумала. Держите, — она опускает ведро, вынимает какую-то одежду и выуживает небольшую толстую книжку в твёрдой обложке.

— Мне удалось спрятать её прежде, чем мадам сожгла остальные. Держите её под подушкой, чтобы она не нашла.

Я с благодарностью улыбаюсь, тронутая этим жестом. — Спасибо, Марта, я, правда, ценю это.

Женщина качает головой и отмахивается. — Это меньшее, что я могу сделать, мисс. Сожалею, что мадам запретила вам идти на бал.

— Всё в порядке, — быстро говорю я. — Вообще-то, она даже оказывает мне услугу. И мужчинам, которые будут на балу. Их ноги будут в безопасности без меня.

Она чувствует, что я всего лишь играю на публику.

— Просто постарайтесь не натворить ещё чего-нибудь, — говорит Марта. — Мы пытаемся говорить с леди Бредшоу, может она и отменит всё в последнюю минуту.

Когда она уходит, я прижимаю ухо к двери. Убедившись, что она удалилась, говорю Мэг, что та может снова стать видимой.

— Ладно. У меня есть идея. Во-первых, ты можешь сделать меня невидимой?

Мэг колеблется. — Это не будет длиться долго. Больше двух минут, и заклятие ослабеет. Может появиться ваша голова.

В любом случае, я не могу быть невидимкой всё время. Я меряю шагами комнату, раздумывая над проблемой. А что, если она сможет создать плащ-невидимку, как в "*Гарри Поттере*"?

Я спрашиваю об этом у Мэг. Сначала девушка сомневается, но замечая на вешалке мой плащ, её лицо светлеет.

— Это можно. При наличии реального объекта, я могу наложить на него заклятие. Это намного легче, чем создавать иллюзию из воздуха.

— Отлично, — я чувствую облегчение. Можно было бы догадаться, учитывая тот факт, что фее-крёстной понадобилась тыква, чтобы сотворить карету. — И ещё, на случай, если снова появится Марта или ещё кто-нибудь, ты могла бы создать мою копию?

Мэг оглядывается. Она отодвигает плащ и смотрит на вешалку, затем взмахивает своей палочкой. Деревянную вешалку окутывает столб дыма, и когда тот рассеивается, вместо

вешалки стоит грубая версия меня. Странное ощущение, словно я смотрю на свою отфотошопленную фотографию. Контуры моего тела нечёткие, а голова размыта.

Крю хихикает.

— Оо-о, так и представляю себе лицо Марты, когда она увидит этот манекен и с криками выбежит из комнаты.

Мэг смотрит на него. Злость подпитывает её решимость, и когда она вновь взмахивает палочкой, я уже смотрю на своего двойника. Нас не отличить.

— Вот! — произносит девушка, глядя на Крю с самодовольной улыбкой. — Теперь можно отправляться во дворец.

Хотя мы и принимаем меры предосторожности, дорога во дворец оказывается нелёгкой. Без кареты мне требуется два часа, чтобы дойти пешком. Мои ноги ноют. Я испытываю искушение запрыгнуть сзади на чью-нибудь карету, но понятия не имею, какая из них следует во дворец. К тому же, я волнуюсь, что капюшон может упасть, и моя голова окажется на виду у всех.

Крю летит сверху, указывая мне дорогу. Я проскальзываю внутрь вместе с другими придворными, стараясь ни на кого не налететь, и беспокоясь о том, что магия Мэг может исчезнуть. Наконец, я оказываюсь внутри, истекая потом, словно только что пробежала марафон, и умирая от жажды, будто только что пересекла Сахару.

— Крю, — хриплю я. — Мне нужно немного воды.

Он проводит меня к фонтану в саду. Я набираю воду в ладонь и пью, пока полностью не утоляю жажду. Потом ныряю в лабиринт, снимаю плащ и стараюсь привести себя в порядок. Влажные от пота волосы прилипают к шее. Пытаюсь расчесать их пальцами, а потом начинаю искать теплицы. Скорее всего, Гален должен быть там.

Перед входом в теплицу резко останавливаюсь.

Элла держит в руках растение, корни которого покрыты грязью и болтаются в воздухе, видимо, она пересаживает его в другой горшок. Эдвард возвышается над ней, давая указания. Его тело так близко, что он может обнять её, если раскроет руки. На её щеках румянец, но от страха или уважения, она не пятится назад.

Я замираю на месте.

— Во имя Бартелиуса! — говорит Крю. — Это пахнет мелодрамой! Героиня застаёт героя с другой женщиной без малейшей подготовки или продуманного сценария. Погодите, я ещё расскажу об этом королю!

Я велю себе оставаться спокойной. Разве не об этом я просила Эдварда — переключиться вместо меня на Эллу? Его действия — лишь доказательство его бескорыстия и готовности идти навстречу моим желаниям. Сомневаюсь, что он так быстро может влюбиться в Эллу, и всё же, в моём горле образовывается комок, и я сглатываю.

Резко отбросив с глаз прядь волос, вхожу в теплицу. Несколько работников смотрят на меня, но я их игнорирую и иду прямо к Элле и Эдварду.

Принц поднимает глаза в ту же секунду, как я вхожу. Изумление, боль и обида отражаются на его лице, но он быстро скрывает все эмоции под маской холодности и спокойствия.

— Что я могу сделать для вас, леди Катриона?

Эдвард никогда не называл меня полным именем. Только теперь я понимаю, как ласково это звучало, когда он называл меня Кэт.

— Выше высочество, — я приседаю, не осмеливаясь смотреть ему в глаза. — Мне

нужно поговорить с Эллой, если вы можете её отпустить.

Девушка сияет, когда видит меня, она выглядит очень хорошенькой и просто светится, а я моментально желаю, чтобы Эдварда здесь не было.

— Могу я уйти, Ваше Высочество? — Элла поднимает на Эдварда умоляющий взгляд своих невинных голубых глаз. Уверена, ни один мужчина не сможет ей отказать.

Он кивает. — Иди.

Мы с Эллой выходим в сад. Я нахожу длинную скамейку в тихом месте и делаю ей знак присесть рядом со мной.

— Я уже не твоя хозяйка, — говорю я ей в ответ на её колебания. — Как твои дела? Кажется, Его Высочество хорошо с тобой обращается.

Она заливается краской от лица до шеи. — Я много узнала о растениях от него и мистера Галена. — Она склоняет голову, её большие глаза становятся сосредоточенными. — А как насчет вас, мисс? Я собиралась навестить вас, когда у меня будет свободный день. Мистер Гален сказал, что мы получим короткий выходной после бала.

— А ты разве не собираешься на бал? — вырывается у меня.

Её руки взлетают к груди. — Откуда вы знаете, что Его Высочество пригласил меня?

На секунду меня охватывает ревность, затем накатывает облегчение. Эдвард достаточно внимательный, чтобы исполнить моё желание, хотя он и не любит Эллу. К тому же, вряд ли она склонна проявить несогласие, если босс приглашает её на бал. Я должна чувствовать радость, что счастливый конец приближается, но вместо этого в груди поселяется тяжесть.

— Фантастика, — произношу я, пытаюсь казаться жизнерадостной. — Тогда приходи к моему дому в ночь бала. Мы сможем одеться и поехать вместе.

Она опускает взгляд на свои руки. — Мисс Катриона, можно спросить вас об одной вещи?

Пожалуйста, не говори мне, что ты тоскуешь по Генри.

— Почему вы все так добры ко мне? Вы, Его Высочество, мистер Генри... вы так много для меня делаете, — она прикусывает губу. — Простите, но это пугает меня. Я не чувствую, что поступаю правильно, когда принимаю вашу доброту.

Я колеблюсь. Можно ли сказать ей правду? Что, если Элла начнёт настаивать, чтобы я осталась в Ателии? Можете называть меня подлой, но я не могу заставить себя сказать ей о моих попытках заставить её быть с Эдвардом, чтобы вернуться к своей семье. На мгновение сжимаю кулаки, потом расслабляюсь. *Они — герои книжки*, в миллиардный раз повторяю про себя. Я не могу причинить им реальный вред.

Но мне также не удастся придумать ложь на пустом месте. Стараюсь изо всех сил, но в голову ничего не приходит.

— Ты права, — наконец говорю я. — Есть причина, по которой я тебе помогаю, но прямо сейчас не могу тебе рассказать. Поверь мне, Элла, я просто жду подходящего момента.

Девушка ничего не понимает, но медленно кивает головой. — После всего, что вы для меня сделали, я готова на всё, что вы просите.

— После бала, — обещаю я. — Когда он закончится, я расскажу тебе, что происходит. — Может быть до того, как Эдвард появится с хрустальной туфелькой, мне удастся поведать ей, что она дочь графа Бредшоу. Это окажется вполне веской причиной, почему я ей помогаю вернуть ту жизнь, которую она заслуживает, и сможет убрать все сомнения в том, что она недостаточно хороша для принца. И когда Эдвард объявит Эллу

своей невестой, она станет частью королевской семьи, и даже выше своего изначального титула.

— Кстати, как твоя мама? Как Билли?

Её глаза сияют. — Я внесла залог за квартиру для мамочки в более хорошем районе.

— Правда? — раздумывая о её доходах, даже в качестве дворцовой прислуги, сомневаюсь, что она могла убедить продавца.

— Мистер Генри согласился быть моим поручителем, — застенчиво произносит Элла. — Без него я бы не смогла это сделать. Я не должна была позволять ему, но очень хотела, чтобы мамочка переехала в лучшее место. Она заслуживает этого после того, как тяжело работала ради нас. — Её лицо теперь полностью розовеет.

Только не это, она всё ещё влюблена в Генри.

Внезапно появляется Крю. — Следи за временем, девочка. Не забывай, что тебе ещё нужно вернуться домой.

Я встаю. Он прав. Моя копия выглядит достаточно реальной, но не думаю, что мой "близнец" сможет спуститься к обеду.

— Мне нужно возвращаться, — говорю я. — Пообещай мне, что мы пойдем на бал вместе?

Элла кивает. Хотя ей всё ещё некомфортно, я бы сказала, что она с нетерпением ждёт бала. Серьёзно, какая девушка бы не ждала?

Попрощавшись с Эллой, направляюсь к лабиринту, где спрятала свой плащ-невидимку.

Кто-то хватает меня за руку, а затем прижимает к каменной стене; Я выдыхаю от боли. Передо мной возникает Эдвард. Я пытаюсь оттолкнуть его, но другой рукой он упирается в стену прямо возле моего плеча, заключив меня в ловушку.

Отлично! Нас окружают густые заросли, скрывая от посторонних глаз, и это всё моя вина. Я позаботилась о том, чтобы выбрать безопасное место, где бы могла спрятать свой плащ-невидимку.

— Что ты здесь делаешь? — рычит он, его глаза пылают.

— Я... Я хотела поговорить с Эллой, — заикаясь, отвечаю я.

— Точно, — его голос полон горечи. — Ты пришла, чтобы убедиться, что она идёт на бал со мной?

Он пристально смотрит на меня, а я — на него.

— А если и так? Я что, прервала интимный момент в теплице?

— Ревнуешь? — он улыбается, но улыбка натянутая, вымученная и не затрагивает его глаза.

— Нет, — рявкаю я. — Даже не знаю, как тебя благодарить, серьёзно.

Теперь он снова выглядит взбешённым, и придвигается так близко, что я почти распластываюсь на стене. Эдвард тяжело дышит, его грудь вздымается и опускается, хотя он не произносит ни слова. Я чувствую, что он с трудом себя контролирует.

Я сглатываю и смаргиваю слезинки, появляющиеся на глазах. Иррациональная ревность и злость к нему испаряются. Меня ранит его готовность переключиться на Эллу, но, по правде говоря, в этом мне нужно винить только себя.

Я кладу ладони ему на грудь. Жар опалает мои руки. — Прости меня, — шепчу я. — Эдвард, ты же знаешь, я должна вернуться к своей семье. Мне жаль, что приходится просить тебя... сделать это.

А затем осторожно отталкиваю его подальше от себя, но он всё ещё пристально на меня

смотрит. Потом поднимает руку, очерчивает ею мои глаза, нос, губы, подбородок. Мне следует стряхнуть его руку, но не могу заставить себя сдвинуться с места, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не броситься в его объятия.

Наконец, Эдвард опускает руку. — Не волнуйся, — на этот раз его голос мягкий, но решительный. — Ты получишь то, чего добиваешься.

А затем он удаляется, оставив меня чувствовать себя полной негодяйкой.

Глава 39

— Тыква, есть. Мыши, есть. Ящерицы? Я не собираюсь использовать ящериц! — голос Мэг поднимается до визга.

— Тише, — шиплю я. — Остальные не могут слышать Крю, но с Мэг всё по-другому. Она признаётся, что хотя и может стать невидимой, не может контролировать свой голос. Она не летучая мышь, которая способна посылать специальные сигналы.

— Так всё было в оригинальной сказке. Мыши стали лошадьми, крысы превратились в кучеров, а ящерицы стали лакеями. Или, возможно, ты сможешь их заменить? — с надеждой спрашиваю я, поскольку тоже не являюсь фанаткой превращения ящериц в людей.

— Как насчёт тараканов? — спрашивает Крю.

— НЕТ! — кричим мы с Мэг одновременно. У нас однажды в доме завелись тараканы, и я клянусь, это самые отвратительные создания из всех когда-либо населявших планету. Я всё ещё не могу простить режиссера *«Зачарованной»* за то, что включил тараканов в песню героини.

— Пауки? — продолжает Крю.

Меня передёргивает. Мэг кажется испуганной и отшатывается.

Крю продолжает перечислять мерзких тварей: кузнечики, сороконожки, змеи... пока я его не останавливаю.

— А почему бы нам не использовать кого-нибудь нормального? Например, кошку или собаку?

Мэг сияет.

— Точно! На заднем дворе живёт выводок котят. Коты могут превратиться в очень грациозных людей.

— Слава Богу, — с облегчением говорю я. — Теперь у нас остались платье для Эллы и туфельки. Ты можешь трансформировать для неё одно из моих платьев? — я распахиваю свой гардероб. Фейри с любопытством во взгляде подходит ко мне.

— Крю, присматривай снаружи, — шепчу я. Если Марта войдет, когда Мэг станет колдовать...

Я сажусь на кровать, пока Мэг развешивает моё коричневое платье на вешалке (которая выполняет роль моего "близнеца") и взмахивает палочкой.

Пф-ф! Появляется платье с бусинками длиной до бедра.

— Ни за что! — в смятении произношу я. — Оно похоже на костюм для спортивной гимнастики.

— А что такое спортивная гимнастика? — спрашивает Мэг. — Мы надеваем такие платья на вечеринки.

— Не обращай внимания; попробуй ещё раз. В этом мире мы носим платья с огромными

юбками и тугими корсетами.

Мэг взмахивает палочкой. На этот раз появляется розовое платье Барби из слоёв тюля. Нет, нет, нет! Слишком пёстро. Даже украшения на талии выглядят пластиковыми.

— Хм, а мы можем попробовать что-нибудь более... элегантное? И изменить цвет. У Эллы чудесные светлые волосы медового оттенка.

Пф-ф! Вместо розового, появляется роскошное белое атласное платье, похожее на подвенечное. По корсажу идут украшения из бриллиантов. Юбка — облако кружев и лент. Мечта любой женщины.

— Да! — я не удерживаюсь от аплодисментов. — Не думаю, что даже самый модный дизайнер придумал бы такое. — Теперь понятно, зачем нужна фея-крёстная. Некоторые вещи может сотворить только магия.

Мэг выглядит довольной собой. Она поднимает бровь на Крю, который в ответ высовывает язык. — Пух и перья.

— Что у нас дальше по списку? — спрашивает фейри.

— Туфельки. Но они не должны исчезать после полуночи.

— Думаю, пара лишних часов не станет проблемой, — отвечает она после минутного колебания.

Мой карандаш опускается в конец списка.

— Любовное заклятие, — произношу я. — Как ты собираешься заставить Эллу использовать его?

— Сперва мне нужно что-нибудь от принца, чтобы заклятие знало, на кого направить энергию любви.

Я стону.

— Почему ты мне не сказала, когда мы ходили во дворец?

Она робко смотрит на меня.

— Я забыла. Мы были слишком заняты тем, как сделать тебя невидимкой.

— Может, воспользуемся монетой? — предлагает Крю. — На части монет используется лицо принца на обороте.

— Не сработает, — отвечает Мэг. — Это должно быть что-то, чем владел принц. Монета прошла через слишком большое количество рук, чтобы определить изначального владельца.

Я подхожу к своему комоду и роюсь в ящике с носовыми платками. Слава небесам, он всё ещё здесь. Галстук Эдварда, которым он перевязывал мою ногу. Я с тоской пробегаю пальцами по гладкому шёлку, прежде чем отдаю его.

— Держи. Это галстук принца. И не спрашивай, как я его получила.

— У тебя есть перчатки? — спрашивает Мэг. — Я вынимаю пару сатиновых перчаток, по длине доходивших до локтя.

— Откуда они у тебя? — спрашивает гоблин. — Разве мистресс не конфисковала всю твою одежду, чтобы ты не смогла пойти на бал?

— Это Бьянки. Я стащила пару, когда на мне был плащ-невидимка. У неё их так много, что она вряд ли заметит.

— Хорошо, — Мэг кладет галстук на мой комод, затем вынимает бутылочку и откупоривает её. Никакой жидкости там нет, лишь серебристый дымок клубится в воздухе. Она взмахивает палочкой, галстук окутывает дымком, и он становится розовым, как леденец на День Валентина. Ещё один взмах палочки, и дымок оседает на перчатках. Я с

восхищением наблюдаю, как дымок постепенно исчезает, пока перчатки впитывают розовый туман как губка. Вскоре он полностью исчезает. Теперь перчатки выглядят совершенно обычными.

— Готово! — её голос высокий и пронзительный. — Всё, что ей нужно — прикоснуться к принцу перчаткой, и он влюбится в неё!

— Сколько держится заклятие?

— Как и все остальные, — Мэг качает головой. — Оно потеряет свою силу после полуночи в ночь бала.

— Хорошо, — произношу я. — Когда закончится наш первый танец с Эдвардом, я отведу его к Элле. Он обещал мне, что будет танцевать с ней. Одно прикосновение, и он в неё влюбится.

Всё готово. Скоро я увижу маму и Пейдж.

Ты должна радоваться, с яростью твержу самой себе. Всего лишь несколько дней, и ты покинешь Ателию.

Дни, оставшиеся до бала, проходят быстрее, чем я ожидаю. Леди Бредшоу и Бьянка откладывают посещение мероприятия и бросают все силы на подготовку к балу. Так как Элла ушла, Бьянка нанимает нескольких новых служанок, чтобы они её причесывали и одевали, так как ни одной из новеньких не удаётся полностью воплотить умения Эллы. Мэг практикуется в том, чтобы платье и туфли смогли продержаться достаточное количество времени. Всё должно в точности соответствовать — платье исчезает после полуночи, туфельки — остаются. Крю сидит на каминной полке и поддразнивает её, но в принципе, он оказывается полезным. Когда Мэг поддразнивают, её рвение усиливается.

— Плохо, что мы не можем также практиковаться на тыкве, мышах и котятках, — говорю я.

— Не волнуйся, — бодрым тоном отвечает Мэг. — Я отточу свои умения на наряде, так что нет никаких причин волноваться, что с остальным ничего не получится.

— Ты уверена? — спрашивает Крю. — Карета будет значительно больше, а превращать животных в людей значительно отличается от создания иллюзии из неодушевленного предмета.

Мэг смотрит на него. — А что умеешь делать ты, демон с крапчатой кожей?

— Я гоблин, — ворчит Крю.

— Ладно, ребята, прекращайте, — говорю я. — Бал сегодня вечером. Мы должны работать сообща, чтобы довести всё до конца.

После ещё нескольких секунд переглядываний, Мэг прячет свою палочку в карман.

— Я устала, — зевает она. — Сколько времени осталось до приезда Эллы?

Я смотрю на часы. Пять вечера. Я просила Эллу встретиться с нами в девять. К этому времени Бьянка уже совершенно точно будет на балу.

— Осталось ещё четыре часа, — отвечаю я. — Может, тебе лучше передохнуть. Побереги силы до приезда Эллы.

Мэг кивает. Какое-то время она сидит на кровати, а потом встаёт. — Папа просил меня передать маме украшение, — фейри вытаскивает из своего бездонного кармана сверкающее ожерелье. Бриллианты такие изысканные, что я снова вспоминаю, зачем нужна фея-крёстная. Из всех платьев и аксессуаров, которые я видела на Бьянке, ничто даже близко не напоминает то, что создала Мэг.

Она начинает делать себя невидимой. Исчезнув наполовину, когда остаётся только

верхняя часть её тела, девушка внезапно перестаёт махать своей палочкой.

— Кстати, а где находится мамин дом? Прошло много времени с тех пор, как я была там в последний раз.

— Крю, ты можешь ей показать? — спрашиваю я. Совершенно очевидно, что мне выйти не удастся, но даже если бы и смогла, то всё равно не знаю дороги.

Гоблин фыркает. — А волшебное слово?

— Пожалуйста, Крю, — убеждаю я его. — Если бы не леди Грегори, я бы никогда не нашла Лисандера и Мэг. А ты знаешь, что без Мэг тебе нечего будет рассказать королю.

После упрашиваний Крю соглашается. Я даже рада, что он тоже уйдет. Прямо сейчас мне хочется побыть в одиночестве.

Я плюхаюсь на кровать. Сегодняшняя ночь станет последней, или завтрашний день. Как там говорит Крю — счастливый конец наступит со звоном свадебных колоколов? Меня охватывает лёгкое чувство вины за то, что краля Эллу у Генри, но я стараюсь себя переубедить. Мама Клер говорила, что герцог легко влюбляется, как мистер Бингли в *«Гордости и Предубеждении»*. Остаётся надеяться, что ему не потребуется много времени, чтобы найти новую девушку.

В любом случае, все на балу увидят, что Эдвард увлечён Эллой, никто не поставит под сомнение его выбор. Я закрываю глаза. Мой разум заполняют образы того роскошного атласного белого платья. Увидев впервые Бьянку и Эллу, у меня были сомнения, что Элла сможет превзойти Бьянку, но теперь они рассеиваются. Платье, созданное феями, просто вгоняет все виденные мной платья, а я их видела очень много, в краску стыда. Оно вне конкуренции.

Со стороны двери слышится щелчок, кто-то открывает её. Я сажусь на кровати. Наверное, Марта принесла поднос с ужином.

К моему удивлению, входит Бьянка.

Я смотрю на неё. Она никогда раньше не заходила в мою комнату.

Бьянка уже готова к балу, одетая в изумительное платье аметистового цвета, которое подчеркивает все достоинства её фигуры модели Виктории Сикрет. У платья глубокий вырез, подчеркивающий её лебединую шею и пышную грудь. В другой день я, возможно, и была бы поражена, но после платья Эллы, созданного Мэг, едва ли моргаю.

— Ты подлая маленькая змея, — шипит она. — Ты обманула меня.

Что-то не так. О чём она говорит?

— Понятия не имею о чём ты.

Бьянка скрещивает руки на груди. — Вен мне всё рассказал. Всё это время ты ездила к Его высочеству, а не к герцогу, как ты убеждала нас, — она хватает меня за руку, её острые ногти впиваются мне в кожу. Я вскрикиваю от боли и выдёргиваю руку, но девушка хватает меня за волосы.

Бьянка смотрит на меня пристально и оценивающе. — В тебе нет ничего особенного. Ни красоты, ни грации, ни видимого интеллекта. Что за колдовство ты использовала, чтобы привлечь его?

— Ты спятила? — я пытаюсь вырваться, но тут кто-то хватает меня, заворачивая мои руки за спину.

Краем глаза я замечаю рыжие волосы и долговязую фигуру.

— Вен? — не веря своим глазам, произношу я. — Ты сошёл с ума? Отпусти меня!

Но тот лишь усиливает хватку.

Глаза Бьянки мечутся по комнате. На случай, если придёт Марта, Мэг оставила платье и туфли в изначальном виде, но перчатки остались на кровати нетронутыми.

— Ты нашла ведьму, которая заколдовала перчатки?

— Нет! — я пытаюсь рвануться к ней, но Вен удерживает меня.

Бьянка поднимает перчатки и начинает с любопытством их рассматривать.

— Я слышала голоса в своей комнате, — говорит она, указывая на вентиляционное отверстие возле потолка. Моё сердце замирает. Значит, голос Мэг был слишком громким, либо же стены чересчур тонкие. — Всё что ей нужно, это прикоснуться к принцу перчаткой, и он влюбится в неё.

— Ты слышала неправильно, — рычу я, пытаюсь вырваться, но Вен слишком силен.

— Тогда ты не станешь возражать, если я возьму их, — Бьянка машет перчатками перед моим носом. — По твоему взволнованному виду могу сказать, что мои подозрения оправданы. И вообще-то, я всего лишь возвращаю то, что ты у меня украла.

Её тон просто сочится ядом. Она не просто возвращает свои перчатки.

— Когда Вен рассказал мне о том, что ты соблазнила принца, то решила, что он выжил из ума. Как мог Его Высочество заинтересоваться такой бледной дурнушкой как ты? Всё можно объяснить только колдовством, — девушка натягивает перчатки на руки. — Сегодня я выясню, как именно ты поймала принца в ловушку.

Я попытаюсь закричать, но Вен закрывает ладонью мой рот.

— Отведи её вниз в подвал и запри там, — велит Бьянка. Она смотрит на часы. — Я должна ехать. Нельзя заставлять Его высочество ждать.

А затем уходит с моими заколдованными перчатками. Я борюсь, но это бесполезно. Вен тащит меня вниз по лестнице, крепко закрывая рот. Мимо нас проходит горничная с полной корзиной белья, но Бьянка заставляет её умолкнуть, бросая на неё ледяной взгляд. Думаю, то, что я постоянно добавляла ей работы своей грязной одеждой, мне никак не поможет.

Меня притаскивают в подвал. На короткую долю секунды Вен отводит от меня глаза и бормочет. — Простите, мисс, — затем тяжелая дверь закрывается.

Голос Бьянки, зловещий и грозный, эхом разносился в воздухе. — Я предупреждала тебя, Катриона. Никто и никогда не помешает мне стать королевой.

Глава 40

Я барабаню по двери подвала и кричу, пока у меня не садится голос. Ничего.

Никто не осмеливается меня выпустить. Понятия не имею, в курсе ли леди Бредшоу, что я нахожусь в подвале, но так как мне запретили идти на бал, скучать по мне она не станет.

Я осматриваюсь. По крайней мере, голод мне не грозит. Я испытываю искушение открыть бутылку вина, но выпивка сейчас не пойдёт мне на пользу.

Вместо этого я набрасываюсь на хлеб и сыр, лежащие на столе, и съедаю их. Не могу поверить, что Вен предал меня. Даже несмотря на свою влюблённость в Бьянку, он нарушил код "хозяин — слуга", когда схватил меня. Но, если задуматься, то чему удивляться. Я постоянно изводила его, заставляя повсюду меня возить. А так как Бьянка хотела узнать больше об Эдварде, благодаря моей дружбе с Генри, ей пришлось обратиться к Вену, поскольку Я не давала ей никакой информации. А Вен сделает ради Бьянки всё, что угодно, прямо как Адам Снайдер, который был готов утопить ребенка ради леди Бредшоу.

Сколько времени прошло? Если Бьянка уже уехала, то сейчас она на пути во дворец. Я сжимаю зубы. Надеюсь, здесь существуют дорожные пробки.

Жалея о том, что у меня нет часов, я сижу на жёстком каменном полу, обхватив руками голову. На сердце тяжело. Я проваливаюсь в эпических масштабах. Бьянка очарует Эдварда с помощью заклятия, и на балу он объявит, что планирует жениться на ней. Я застряну в Ателии навсегда. Мне придётся склоняться перед Бьянкой и называть её "Ваше величество". И, что хуже всего, она получит Эдварда, а мне придётся видеть их вместе.

Не-е-е-е-е-е-т!

Я бегу к двери, вытаскиваю булавку из своей причёски и начинаю ковыряться ею в замке. Даже если мне и удастся выбраться, Вен и другие слуги определённо станут препятствовать моему побегу. Но, по крайней мере, снаружи у меня больше возможностей, чем за этой тяжёлой дверью.

Я тужусь над замком, но булавка выскальзывает из моих рук и падает на пол. В отчаянии ударяю кулаком в дверь.

— Девочка?

— Крю! — никогда раньше я так ему не радовалась и даже могу расцеловать его уродливое лицо. — Вытащи меня отсюда! Бьянка забрала волшебные перчатки и собирается использовать заклятие на Эдварде!

Крю выглядит поражённым. — Украла заклятие? Не ожидал, что она сможет тебя надуть.

— Эй! — я смотрю на него. Он не должен восхищаться Бьянкой. — Не думаю, что король гоблинов обрадуется, если она станет королевой.

— Полагаю, что нет, — соглашается Крю. — И Мораг взбесится, если эта павлиниха соберёт все плоды твоих трудов.

Пока он говорит, замок взрывается облаком пыли, дверь с треском открывается, и показывается застенчиво улыбающаяся Мэг.

— Я собиралась *открыть* дверь, но...

Я шагаю вперёд и сжимаю её в крепком объятии. — Ты проделала отличную работу.

— Как ты вообще здесь оказалась? — став серьёзным, спрашивает Крю. — Мы испытали шок, когда вернулись и обнаружили, что твоя комната пуста.

— Бьянка украла заклятие, — я рассказываю ей о том, что она заперла меня и отправилась во дворец. Мэг возмущена.

— Ну и нервы у твоей сестры! Мы должны остановить её, пока та не добралась до принца.

Я замечаю Вена, свалившегося у двери в подвал.

— Павлиниха угрожала ему, — говорит Крю. Он легонько пихает Вена в спину, но храп — единственная реакция предателя. — Однажды он напился и пытался её поцеловать.

— Правда? — я удивлена, что Бьянка его не убила, казалось, она вполне способна заколоть кого-нибудь одним из своих острых каблуков. — Почему ты мне не сказал?

Гоблин пожимает плечами. — Не было подходящей возможности. И, в любом случае, она держала его тем, что пригрозит нападением на дочь графа, и он на годы попадёт за решетку.

Это объясняло кающийся вид Вена, когда тот запирает меня в подвале. Я закатываю глаза. — Он под заклятием?

— Я заставила его спать, — в воздухе показывается ещё одно остроухое существо. Как и

у Крю, у неё крылышки на спине, но она намного красивее и грациознее. — Как и всех остальных в доме.

Святые угодники! Длинные распущенные волосы и платье с неровными краями. Это одна из фейри с вазы в доме лорда Мэнсфилда.

— Тилли настояла на том, чтобы пойти со мной, — поясняет Мэг. — Она услышала твою историю и захотела помочь.

— И я, — появляется ещё одна фейри. — У меня уже готова карета. У тебя очень странные идеи, Мэг. Зачем нужно создавать карету из тыквы, а лошадей из мышей? Лисандер будет смеяться, когда услышит об этом.

Я воздерживаюсь от замечания, что Лисандер и так об этом знает, хотя и представить себе не могу, что он вообще может смеяться над чем-нибудь.

— Хм, не хочу показаться неблагодарной, но мне нужно спешить во дворец.

— Нам остаётся лишь поработать над твоим платьем, — жизнерадостно говорит Мэг. — Ты ни в коем случае не должна ехать в этом ужасном коричневом платье. Тилли, Лавиния, помогите мне.

Три фейри взмахивают палочками, и мена окутывает холодный туман. Когда он рассеивается, мою кожу покрывает нечто гладкое и роскошное.

Я бегу в гостиную и встаю перед зеркалом. У меня перехватывает дыхание.

На мне элегантное небесно-голубое платье с юбкой, которая струится, словно вода. Оно не такое ослепительное, как свадебное платье Эллы, но подходит мне намного лучше. Я бы выглядела нелепо в том море шёлка и кружев, но это платье, при всей его простоте, просто создано для меня. Я приподнимаю юбку, и из-под неё выглядывают блестящие серебристые туфельки. На удивление, хотя каблуки высокие и тонкие, мои ноги не ощущают дискомфорта. Вот она, магия в действии.

— Теперь ты готова, дорогая, — с гордостью произносит Мэг. — Теперь можешь ехать во дворец.

Я подхожу к лестнице, но останавливаюсь у перил. Эллы ещё нет. Взгляд на часы говорит мне, что сейчас лишь половина девятого.

— А как же быть с Эллой?

— Мы подождём её здесь, — говорит Мэг. — Когда она придет, мы отправим её на бал. То белое платье не должно пропасть даром. Особенно после того, как я потратила на него столько времени.

— Разве ты не говорила, что должна остановить свою сестру, чтобы она не использовала любовное заклятие на принце? — резко спрашивает Тилли.

— Нужно спешить, — добавляет Лавиния. — Из-за того, что во дворце сегодня бал, путь займёт больше времени. Главная дорога будет забита.

Я киваю, подбираю свои юбки и спешу к карете. Она оказывается оранжевого цвета, но помимо этого выглядит в точности как в "Диснейленде".

Мужчина, одетый в униформу кучера, придерживает для меня дверцу открытой. Его широкие скулы и плоский нос напоминают кошачью мордочку.

— Бал ждёт вас, леди, — мурлычет он, его голос оказывается глубоким и чувственным. Наверное, результат трансформации из кошки. Я рада, что мы не последовали оригиналу с использованием ящериц.

Усаживаюсь на роскошные бархатные подушки, расшитые золотой нитью. Затем дверца захлопывается, я слышу свист кнута, и вот мы уже мчимся во дворец.

— Готова, девочка? — Крю появляется в районе потолка.

— Ты едешь со мной?

— Я не пропущу такое ни за что в жизни, — ухмыляется он, — И кроме того, я смогу быстрее тебя найти принца.

— Было бы неплохо, — с благодарностью отвечаю я. На балу соберутся толпы народа. Крю очень поможет, если проведет для меня поиски.

Закрываю глаза и стараюсь успокоиться, делая глубокий вдох. Если бы я не была на нервах из-за того, что Бьянка забрала перчатки, я даже была бы довольна собой. Потому что не могу не чувствовать себя "Золушкой", когда еду на бал в своём платье, находясь в карете из тыквы

В дневное время вид дворца впечатляющий, но ночью он оказывается просто волшебным. Море жёлто-золотых окон сверкает в стенах замка. В сиренево-чёрном небе вспыхивают огни фейерверков. В воздухе разносятся отдаленные звуки оркестра.

У входа образовывается целая пробка из карет. Когда мы, наконец, приближаемся, я слышу отрывистую фразу: — Приглашение?

Дерьмо! Совсем вылетело из головы. Раньше мне никогда не требовалось приглашение, чтобы попасть во дворец.

— Я — леди Катриона Бредшоу, — говорю я, пытаюсь выглядеть высокомерной и гордой, как Бьянка. — Мои мать и сестра уже прибыли, а я слегка задержалась. Пожалуйста, позвольте мне присоединиться к ним.

Мужчина, прищурившись, смотрит на меня. — Вы совсем не похожи на леди Бьянку.

О нет, только не снова.

— Ты — идиот! — говорит другой мужчина. — Разве ты не понял, кто это?

Появляется Бертрам с выражением облегчения на лице. — Наконец-то вы здесь, леди Кэт! Я уже начал волноваться, что вы не придёте вовремя для первого танца, — он подходит чуть ближе и присвистывает. — Это платье очень хорошо смотрится на вас, если мне позволено так выразиться. Не удивительно, что вы опоздали.

— Ты знаешь, где сейчас Эдвард? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами. — Как хозяин, он будет повсюду. Не волнуйтесь, просто найдите самую большую группу незамужних женщин. Идите и спасите его, — Бертрам хмыкает и машет рукой. — Пусть она проезжает!

Я практически выпрыгиваю из кареты, когда та останавливается. Моё чувство направления полный отстой, но сегодня мне не нужно об этом волноваться. Нужно просто следовать за остальными гостями.

На удивление, дорога на бал проходит не через дворец, а через сады. Наверное, потому, что так не требуется постоянно открывать и закрывать двери. За границей сада открывается огромный внутренний двор. Широкая спиральная лестница идёт от двора к ярко освещённому замку наверху.

Там должна быть бальная зала. Оттуда доносится музыка.

— Крю, — громким шёпотом произношу я. — Если увидишь где-нибудь Бьянку, мне плевать, если ты подставишь ей ножку или сбросишь на неё паука, просто убедись, что она не доберётся до Эдварда.

Крю смотрит на меня так, словно я вручаю ему подарок на день рождения.

— А можно швырнуть пирог ей в лицо?

— Два. Или три. Действуй на свое усмотрение.

Он выглядит довольным и исчезает. Я осматриваю толпу в поисках Эдварда, но, несмотря на слова Бертрама, его трудно отыскать. Даже при необходимости приглашений, в замке полно народа. Не помогает и то, что заросли и кусты скрывают людей, и мне приходится вставать на цыпочки, чтобы лучше всё видеть.

Я решаю попытать счастья в бальной зале. Осторожно следя, чтобы не споткнуться в своем платье, направляюсь к лестнице. К моему удивлению, я ловлю на себе несколько восхищённых взглядов. Один мужчина даже останавливается, чтобы узнать, кто я, а затем предлагает мне танцевать с ним первый вальс.

— Нет, спасибо, — отказываюсь я, пытаюсь не выглядеть нетерпеливой. Мне нужно отыскать либо Бьянку, либо Эдварда. Я не планирую танцы.

Он хмурится, и уходит, бормоча под нос.

— Она считает, что для неё лишь принц будет достаточно хорош.

— Вы ошибаетесь, — произносит знакомый голос. — Только принц и будет достаточно хорош для неё.

Мистер Уэллсли в парадном костюме и при галстуке. Если бы я не услышала его голос, то не узнала.

Я не могу не остановиться на минутку. — Мистер Уэллсли! Как у вас дела?

— Управлять магазином как всегда хлопотно, — усмехаясь, отвечает он. — А ещё обсуждать новые изменения в законы о труде. Но давай не будем сегодня говорить о делах! Не окажешь ли мне честь потанцевать со мной позже, девочка?

— Я бы с удовольствием, но не могу. Вы видели принца? — увидев на его лице понимающую улыбку, быстро продолжаю. — Нет, это не то, что вы подумали! Мне нужно сказать ему нечто очень важное.

— Кэт! — это оказывается Поппи. На ней красивое платье лавандового цвета и золотые серьги. Мистер Давенпорт стоит рядом с ней и широко улыбается. А позади неё, к моему удивлению, сэр Монтгомери и красивая светловолосая леди, видимо мама Поппи. В леди Монтгомери что-то знакомое, но я не могу понять, что именно. Уверена, нас никогда не представляли друг другу раньше.

— Миссис Давенпорт, — ухмыляюсь я. — Рада, что вы вовремя смогли вернуться в столицу.

— Ты только что приехала? — спрашивает Поппи, улыбаясь мне в ответ.

— Да, я...

В воздухе материализуется Крю. — Эдди в бальной зале. Бьянка возле него.

Проклятие!

— Прости, мне нужно идти, — выдыхаю я. — Эм... зов природы. Увидимся позже!

Не задумываясь о том, уместно ли для леди говорить, что она должна воспользоваться уборной, я улыбаюсь им извиняющейся улыбкой и бегу. Сердце словно стучит у меня в ушах — Я должна остановить Бьянку!

Я бегу по лестнице, игнорируя других гостей, которые рассматривают меня, пробегающую мимо них. Пьерр обругал бы меня, если бы увидел. Леди не носят по лестницам, словно чрезмерно активное дитя.

Я врываюсь в бальный зал, или, скорее, залы. Комната, в которой стою я, переходит в другую, отделённую лишь резной аркой. Тяжёлые малиновые шторы частично скрывают высокие, в два этажа, окна. С потолка свисает огромная люстра, по размерам напоминающая небольшую лодку, она, должно быть, удерживает сотни свечей. Я протискиваюсь мимо

гостей в смежную залу, на втором этаже которой имеется балкон. Посреди балкона на огромном двойном малиново-золотом троне сидят двое людей в коронах. Моё сердце бьётся быстрее, должно быть, это король и королева.

Затем я снова обращаю свое внимание на Крю; он зависает у мраморного столпа и указывает вниз.

У столпа стоит Эдвард и беседует с Генри и несколькими хорошо одетыми молодыми мужчинами. Вокруг них, словно стая стервятников, вьётся толпа девушек.

Ближайшая ко мне девушка выражает нетерпение.

— Почему они не торопятся? Музыка играет уже целую вечность!

— Шш-ш! Принцу *придётся* танцевать, рано или поздно, — шипит ей в ответ женщина средних лет. — Перестань дуться и улыбнись. У тебя не должно быть хмурого лица, если Его Высочество вдруг посмотрит на тебя.

И тут я замечаю Бьянку, пробирающуюся к столпу. Понятия не имею, как она это сделала, наверное, тыкала своим веером в любого, кто вставал у неё на пути, но постепенно она всё ближе и ближе подбирается к Эдварду. Не сомневаюсь, что Бьянка собирается пригласить его на танец, а так как сегодня он — хозяин бала, вряд ли принц откажется.

Девушка поправляет перчатки. Одно прикосновение, и Эдвард будет под воздействием её заклятия.

Я не могу позволить, чтобы это случилось.

Глава 41

Вдруг раздаётся визг девушки, которая жаловалась своей матери.

— Аа-а-ай! Здесь мышь! Огромная!

— Девочка! — кричит Крю. — Твой шанс!

Нет времени размышлять, откуда он взял мышь, но я ему благодарна в любом случае. Пока девушки вокруг меня начинают кричать и подпрыгивать, бегу к столпу и хватаю Эдварда за руку.

— Кэт? — выдыхает он.

— Просто заткнись и пошли со мной, — шиплю я.

Он не протестует, пока я утаскиваю его с единственной мыслью в голове — увести как можно дальше от Бьянки. Не имея ни малейшего понятия о планировке дворца, в тысяче комнат которого можно с лёгкостью заблудиться, то, каким-то образом, мы оказываемся в тупике пустынного коридора. Я хватаюсь за ближайшую дверную ручку, открываю дверь, вталкиваю принца внутрь, забегаю за ним, захлопываю дверь и наваливаюсь на неё спиной.

Внутри царит кромешная темнота, и пахнет кислотой. Моя нога цепляется за что-то деревянное, наверное, метла. Господи! Мы оказываемся в крошечном помещении, где хранятся принадлежности для уборки.

— Ваше Высочество? — слышится в коридоре голос Бьянки.

Проклятие! Я надеюсь лишь на то, что звук её голоса на него не действует. Слишком темно, чтобы видеть выражение его лица, но уверена, что сейчас он пребывает в состоянии шока.

— Что ты де...

Я закрываю его рот своей рукой. — Слушай, — шепчу я. — Бьянка располагает

заклятием фейри, которое должно сработать на тебе. Когда она прикоснётся к тебе своей перчаткой, ты в неё влюбишься.

Его губы двигаются под моей рукой, поражённая ощущениями, я одёргиваю руку.

— Ты это серьёзно? — по счастью, его голос достаточно тихий. — *Заклятие*? Которое она планирует использовать на мне?

— Позже объясню, как она его получила, но да. Когда ты сойдёшь с ума от любви к ней, то сделаешь ей предложение и объявишь всем, что она — твоя невеста. Вот почему я пыталась увести тебя подальше как можно быстрее. Или ты решил, что я похитила тебя ради развлечения?

Тот тихонько хмыкает.

Снаружи слышатся ещё шаги. — Куда он пошёл? — голос слуги. — Может быть, вернулся в бальный зал? — ещё один голос. — Нет... уверен, что принц направился в эту сторону...

— Проклятие, — шепчу я. — Почему бы им просто не уйти?

— Мы можем выйти.

Как будто я могу так рисковать. Какие выводы сделают слуги, когда я выйду вслед за принцем из этой крошечной комнаты?

Почти чувствую его дыхание над своей головой; он слишком близко. Я пытаюсь отойти, но цепляюсь ногой за нечто вроде совка. Спотыкаюсь, тихо вскрикиваю, и следующее, что ощущаю, это его руки, которые крепко меня удерживают.

На секунду мы оба замираем. Затем я начинаю вырываться, но Эдвард просто усиливает хватку. Он наклоняет голову, его губы прикасаются к моему уху, я ощущаю покалывание по всему телу.

— Тише, любовь моя, — шепчет он. — Или ты хочешь, чтобы они здесь нас нашли?

Судя по тону его голоса, Эдварду наплевать, если нас поймают. Но я не могу рисковать и позволить нас обнаружить. Так что перестаю вырываться, что даёт ему возможность притянуть меня ближе к своей груди. Его губы касаются моего лба, словно он хочет поставить на мне свою метку, когда целует мои веки, заставляя меня вспыхнуть и смутиться.

— Ты... — выговариваю я сквозь стиснутые зубы. — Ты... *приспособленец*.

— Так и есть, — бормочет Эдвард, его дыхание горячее на моем лице. — Каждый раз, когда я пытаюсь прикоснуться к тебе, ты меня отталкиваешь. Так что не нужно удивляться, что я решил воспользоваться подвернувшимся моментом.

— Но, я же объяснила тебе, почему не могу...

Эдвард закрывает мне рот поцелуем. Поцелуй требовательный, отчаянный, полный страсти. *"Я хочу тебя"*, — говорит он. — *"Перестань убегать от меня"*. Я не могу оттолкнуть его, не производя никакого шума. И меня слегка тревожит то, что мне и не хочется его отталкивать.

Когда он, наконец, меня отпускает, мы оба задыхаемся.

— Кэт, — хрипло произносит Эдвард, его дыхание прерывистое. — Сколько бы ты ни говорила мне, что ты из другого мира... Я не могу себе представить, что должен выбрать кого-то другого, кроме тебя.

Моё сердце сжимается. В горле образовывается комок. На секунду я хочу сказать, что остаюсь, но с другой стороны, я *не могу* оставить семью, в которой жила на протяжении семнадцати лет, ради человека, с которым знакома меньше года. Они нуждаются во мне больше, чем Эдвард. Я не могу поступить с ними как отец, который оставил нас.

Мы молча стоим в тесной тёмной комнате.

— Кажется, все ушли, — тихо произносит Эдвард.

Я прижимаю ухо к двери. Если никто не остался в засаде, мы в безопасности. И всё же, я заставляю его пообещать, что он не выйдет, пока я не буду уверена, что в коридоре никого нет.

Никого.

Я с облегчением вздыхаю. Локон волос падает на мой лоб, проклятие, это он виноват, что испортил мне причёску.

— Разве мы не собираемся вернуться в бальный зал?

— Сейчас?

— Ты обещала танцевать со мной первый танец, — Эдвард легонько стучит по моему лбу. — Пойдем, дорогая. В данный момент все, скорее всего, строят предположения, куда мы с тобой запропалились.

Чёрт, он прав! Я краснею, когда вспоминаю, чем именно мы занимались в крошечной подсобке.

— А что же насчёт Бьянки? — спрашиваю я. — Что, если она подкрадётся к тебе? Я не могу позволить ей тебя получить.

Эдвард усмехается. — Я позабочусь об этом, — мы идём по коридору, пока не наткнёмся на кого-то из слуг. Эдвард останавливает его и велит найти Бертрама.

— Передай ему, что он должен охранять Бьянку Бредшоу, — велит он. — Она не должна приближаться к нам ближе, чем на двадцать футов. Я хочу танцевать с моей леди так, чтобы нас не беспокоили.

Слуга с любопытством смотрит на меня, потом кланяется и спешит прочь.

Когда мы входим в бальный зал, все смотрят на нас. Как будто мы оказываемся на красной дорожке церемонии вручения "Оскара". Я жалею, что на мне сейчас нет мантии-невидимки Мэг. Рядом со мной Эдвард тихо хмыкает.

— Нервничаешь?

— А ты как думаешь! — я пытаюсь выдернуть у него свою руку, но он не отпускает. — Каждая девушка в этом зале сейчас мечет в меня стрелы.

Эдвард слабо улыбается и даёт сигнал оркестру. В воздухе раздаётся комбинация звуков скрипок, флейт и кларнетов.

Моё сердце бешено бьётся, когда Эдвард ведёт меня к центру залы. Несмотря на все его речи о том, что он не любит публичные мероприятия, кажется, он наслаждается собой. На его губах играет загадочная кривоватая улыбка.

Я отрываю от него свой взгляд и оглядываюсь. Леди Бредшоу просто окаменела от шока, уверена, если её толкнуть, она упадёт и рассыплется. Поппи и мистер Давенпорт держатся за руки и широко улыбаются. Мистер Уэллсли улыбается нам, подняв два пальца вверх. Бьянка сохраняет свое фирменно лицо ледяной королевы, но её взгляд полон ярости. Если бы Бертрам не стоял рядом с ней, слегка вытянув руку, как будто удерживая взбешенного быка, она бы могла даже попытаться меня убить, несмотря на присутствие свидетелей.

На балконе, королева оставляет своё место на троне и подходит к балюстраде. Я не могу рассмотреть выражение её лица, но вполне уверена, что смотрит она на нас.

— Кэт.

Я снова смотрю на Эдварда, который оглядывает меня со смесью веселья и раздражения.

— Расслабься, — он берёт мою руку. — Подумай о том, как мало времени у нас осталось, почему бы не забыть о своей миссии, хотя бы на несколько минут?

Другую руку он кладёт мне на талию, притягивая меня так близко, что я утыкаюсь носом в его грудь. Вряд ли Пьерр одобрил бы такую откровенную интимность. Посреди зала, перед сотнями гостей.

Я бросаю на него взгляд и, в отместку, наступаю на ногу. Он, кажется, не обращает на это ни малейшего внимания, наклоняет голову и шепчет мне в ухо.

— Я люблю тебя.

Я в шоке смотрю на него. Так мило с его стороны сказать это, но и очень жестоко. Теперь мне будет вдвойне тяжелее прощаться с ним.

Но у меня нет шанса спорить с ним. Начался вальс, и мне требуются все силы, чтобы не выставить себя душой на танцполе. Я делаю шаги вперёд, назад, вращаюсь, отклоняюсь, держусь в такт музыке. К счастью для меня, Эдвард — хороший танцор. Когда я постепенно привыкаю к ритму и движениям, этот момент становится просто нереальным. Волшебным. Хочется, чтобы этот танец не прекращался.

Но мелодия заканчивается. Всё всегда заканчивается.

Когда музыка стихает, я замечаю, как гости у входа начинают поворачивать головы и перешёптываться.

В открытую дверь входит самая прекрасная девушка, которую я когда-либо видела.

"Золушка" прибыла.

Всё в точности, как в сказке. Частично, благодаря её собственной красоте, частично из-за чар, которые наложили на неё фейри, Элла привлекает внимание всех, кто находится в бальной зале.

Снежно белое бальное платье, созданное Мэг, просто идеально подходит для Эллы, обтекая её сияющим блеском бриллиантов и шёлка. Серебряная тиара украшает золотистые волосы, уложенные в высокую причёску, открывающую её кремовую кожу от шеи до ключиц. Голубые глаза девушки широко распахнуты и смотрят с благоговением, когда она входит в зал, губы слегка приоткрыты. Если бы я не видела это платье раньше, я бы не узнала её. Уродливый (по правде сказать, не такой уж уродливый) утенок полностью превратился в прекрасного лебедя.

Даже Эдвард смотрит на неё. Я игнорирую нарастающее во мне раздражение и говорю себе, что мне пора удалиться. Это то, чего я добивалась всё это время, чтобы принц влюбился в "Золушку". Я начинаю пятиться назад, дюйм за дюймом, но не успеваю уйти незамеченной, его рука крепко обхватывает меня за талию, вполне эффективно останавливая мой побег.

Теплота разливается по моему телу. Эдвард не забыл меня, хотя и временно отвлёкся на красоту Эллы. Но с другой стороны, я понятия не имею, что мне делать теперь. Я оглядываюсь в поисках Крю, но гоблин исчез. Или просто прячется от меня. Для него не составляет никакого труда скрыться за одним из столбов или занавеской.

И тут воздух словно пререзает злобный голос.

— Как ты посмела! — шипит леди Бредшоу. Она указывает пальцем на Эллу. — Где ты украла это платье? Как проникла во дворец?

Она двигается в сторону Эллы, словно хочет её схватить, но Генри выступает вперёд и хватается леди Бредшоу за руку.

— Задумайтесь, где вы находитесь, — его тон вежливый, но непреклонный. — Вы же не

хотите устроить сцену на балу у принца.

Частично злость леди Бредшоу утихает, но она не сдвигается с места.

— Она моя служанка, — рычит женщина. — У неё нет никаких прав здесь находиться.

В толпе гостей слышится шёпот недоверия и удивления.

— У неё есть приглашение, — спокойно отвечает Генри. — Иначе она не ни в ком случае не смогла бы пройти.

Леди Бредшоу вздёргивает подбородок. — Ты посмеешь отрицать это, Элла? Ты работала в моём доме десять лет, и вот как ты мне за это отплатила?

А она права. Появиться на балу и отнять у её дочери шанс оказаться в центре внимания. Так держать, Элла! Подходящая месть женщине, которая пыталась тебя утопить.

Элла бросает испуганный взгляд на свою бывшую работодателяницу, открывает рот, но не произносит ни звука.

— Ответь мне, — настаивает леди Бредшоу. — Служанка, притворяющаяся благородной. Ты осознаёшь чудовищность преступления, которое совершила?

— Достаточно! — резко говорю я. Если выяснится, что Элла принадлежит к низшему рабочему классу, то сомневаюсь, что король и королева одобряют, когда Эдвард выберет её. Это если не упоминать о том, что он, видимо, вообще не собирался объявлять Эллу своим выбором.

— Она не служанка. Она дочка графа Бредшоу и его первой жены.

С тем же успехом можно было бы просто взорвать бомбу. Гости моментально начинают переговариваться, показывать пальцами и высказывать недоверие.

Элла поворачивается ко мне. — Мисс Катриона, о чём вы говорите? — шепчет она. — Мамочка даже не знает, кто мои настоящие родители.

— Помнишь тот день, когда я пришла в теплицы?

Её рука подлетает ко рту. — То, что вы не могли мне рассказать... это *оно*?

— Катриона! — вырывается у леди Бредшоу. — Ты совсем потеряла рассудок?

Я встречаю её яростный взгляд. Наклонившись чуть вперед, слегка понижаю голос. — Ребёнок, которого вы приказали утопить — выжил.

Кровь отливает от её лица. На секунду она становится уязвимой, как маленькая девочка.

— Как ты...

— Так вот почему она кажется такой знакомой! — восклицает какая-то женщина. Мама Поппи, леди Монтгомери, протискивается к Элле и пристально смотрит на неё. — Боже... ну разве она не точная копия Оливии?

— Кто такая Оливия? — спрашиваю я.

— Первая жена графа, — отвечает Эдвард. — Она была во дворце, когда я был ребёнком. Я едва её помню, так как она переехала далеко от столицы, когда вышла замуж за графа Бредшоу. Леди Монтгомери её младшая сестра.

У меня отвисает челюсть. Так вот почему та показалась мне такой знакомой. Её медово-золотистые волосы были в точности такими же, как и у Эллы. Трудно было не поверить в их родство.

Эдвард делает шаг вперед. — У этой леди... — он указывает на Эллу, — есть все права здесь находиться. Все остальные проблемы мы можем отложить до завтра. А пока не будем отвлекать остальных гостей от бала, — он поднимает руку, и вскоре звуки музыки снова наполняют зал.

Леди Монтгомери уводит Эллу с танцпола, а Поппи и сэр Монтгомери не отстают от

них ни на шаг. Вау, похоже, что Поппи и Элла оказались кузинами.

— Эдвард, — мне удастся высвободить свою руку из его руки. — Кажется, тебе пора пригласить её на танец.

Он застывает и пристально смотрит на меня, словно желая убедиться в моей искренности.

— Это то, чего ты действительно хочешь?

Я не смотрю ему в глаза. — Ты обещал.

Мёртвая тишина возникает между нами, густая и тяжелая.

— Как ты пожелаешь, — произносит Эдвард, его голос срывается.

Я молча смотрю, как принц приближается к Элле, окружённой своей новой семьей. Он кланяется Элле, предлагает руку и ведет её на танцпол. Поппи разворачивается и вопросительно смотрит на меня. Я улыбаюсь и отворачиваюсь. Именно так всё и должно быть.

Я пробираюсь между гостями, которые смотрят на танцпол. Девушка шепчет своей подруге, что принц поменял меня на другую. Я лишь улыбаюсь ей и продолжаю идти дальше. Так будет только лучше, красота Эллы настолько потрясающая, что никто не обвинит Эдварда в том, что он обратил на неё внимание.

Мне не хочется смотреть, как они танцуют, точно так же, как и не настроена на разговоры, хоть мистер Уэллсли и направлялся ко мне с выражением сожаления на лице. Я лишь хочу, чтобы все оставили меня в покое.

Я иду по дворцу и вскоре оказываюсь на балконе, выходящем в сад. Там опираюсь на балюстраду и смотрю вверх. Луна бледная, светлая и круглая, моя единственная ночная спутница. Налетевший ветерок ерошит мои волосы. За моей спиной слышатся отдалённые звуки музыки и разговоров. Это может быть моя последняя ночь в Ателии.

Не знаю, как долго стою здесь и пытаюсь утешить себя тем, что, наконец, окажусь дома, когда слышится знакомый треск.

— Эй, девочка, — Крю висает в воздухе. — Бартелиус очень впечатлён твоими успехами, но он всё ещё хочет увидеть, как ты доведешь всё до "жили долго и счастливо".

— Убирайся, Крю!

Тот садится на балюстраду. — Ты не выглядишь счастливой. Не хочешь покинуть Эдди?

— Убирайся!

— Ладно, ладно, — пыхтит Крю. — Я просто хочу тебя предупредить, что уже почти полночь. Помни, тебе всё ещё нужно, чтобы Эдди сделал предложение "Золушке" до того, как исчезнет её платье.

— Почти полночь? — я смотрю вверх. Здесь, на главной башне, лицом к луне, находятся такие же часы, как "Биг Бен", который я видела на открытках с видами Лондона. Длинная стрелка почти приблизилась к короткой.

Проклятие! Я не ожидала, что полночь наступит так скоро. Магия Мэг исчезнет, что если это случится, когда Элла будет посреди танцпола? Мне нужно убрать её оттуда. О, и надеюсь, что Эдвард уже успел сделать ей предложение. Лучше бы так и было.

Я поворачиваюсь на каблуках, бегу назад в бальный зал и с балкона второго этажа лихорадочно пытаюсь найти Эллу. Её сверкающее белое свадебное платье легко заметить. Но я не могу её найти. Эдварда тоже не видно. Наверное, они вышли на улицу, в сад. Если вспомнить, что Эдвард не любит толпы людей, это вполне вероятно. Сомневаюсь, что он станет делать предложение, когда все будут на него пялиться.

Бегу к двери, протискиваюсь между гостями, словно полицейский в погоне за убийцей, и выбегаю через двойные двери прямо в сад. Слыша вздохи, вижу удивлённые взгляды, но, разумеется, мне всё равно. Я должна найти Эллу, понятия не имею, объяснила ли ей Мэг, что она должна уехать до полуночи.

Травинки, холодные и сырые касаются моей правой ноги. Каким-то образом, в своей лихорадочной пробежке, я потеряла туфлю. Но у меня нет времени её искать. Я ругаюсь, снимаю другую туфлю, сую её в карман, а затем продолжаю бежать.

Пробегая мимо грядок с тюльпанами, натыкаюсь на Поппи и Мистера Давенпорта.

— Вы видели Эллу? — выпаливаю я.

— Она уехала домой, — отвечает Поппи, внимательно посмотрев на меня. — Кэт, с тобой всё в порядке? Где твои туфли?

— Уже уехала?

— Она сказала, что её ждут там к двенадцати часам. Что это платье ей одолжили, и она должна вернуть его до полуночи.

Я с изумлением смотрю на неё. Не могу поверить, что она в принципе обратила внимание на предупреждение феи-крёстной. В отличие от меня. Я знала историю досконально, но всё ещё здесь и выгляжу как идиотка.

Часы бьют.

Полночь.

Опуская глаза, вижу, что подол моего платья начинает менять цвет. Я прикрываю рот рукой, чтобы сдержать крик. Я должна уехать, должна попасть домой.

И припускаюсь бежать. Поппи что-то кричит за моей спиной, но я не обращаю внимания.

Во дворе я ищу взглядом свою карету, но после лихорадочных поисков вижу лишь тыкву, принявшую свой изначальный вид. Кучер и мыши тоже трансформировались; вообще-то, кот уже вовсю гоняется за мышами, бегая под каретами.

Такого! Чёрт подери! Не должно было случиться!

— Лади Кэт! — крик Бертрама эхом разносится в воздухе. Он бежит ко мне и хватается меня за локоть. — Его Высочество везде вас ищет.

Не хочу идти к нему. Но вполне уверена, что не смогу покинуть дворец, потому что Бертрам — профессионально натренированный телохранитель, и в данный момент намеревается отвести меня к Эдварду. Кроме того, моя карета исчезла. Элла уехала. Я не могу идти домой босая, к тому же, не зная дороги. Вероятнее всего, лучший выход сейчас — это найти Эдварда и потребовать ответа, о чём он вообще думает.

Когда мы начинаем идти, Бертрам с любопытством смотрит на меня. — Почему на вас сейчас другое платье?

Я выдавливаю жалкое объяснение, что не хотела испачкать новое. Когда мы приближаемся к лабиринту, замечаю, что навстречу нам идет Эдвард. Когда он замечает меня, на его лице появляется выражение явного облегчения.

— Кэт, — его глаза опускаются к моим ногам, он моментально хватается меня за плечи и заставляет присесть на скамейку. Господи, это же та самая скамейка, возле которой мы встретились после моей катастрофы в день представления ко двору.

— Почему ты сбежала и оставила свою туфлю? — спрашивает принц, развязывая свой белый шёлковый галстук.

— Я... Я искала Эллу, — *ну же, Кэт. Спроси его, сделал ли он предложение.*

Но слова застревают в горле, когда тот опускается передо мной на колени и поднимает мою правую ногу, которая кровоточит после пореза об острый камешек.

— Генри предложил проводить её домой.

— *Что?* — я пытаюсь подняться, но он кладёт левую руку мне на плечо и держит на месте.

— Сиди спокойно, — раздраженно бурчит Эдвард. — Не двигайся, пока я не закончу перевязывать твою ногу.

Я усаживаюсь обратно на скамейку. — Так, хм, ты...?

Он поднимает лицо; его глаза, словно тёмные, бездонные озера. — Нет.

Наверное, я должна разозлиться. После всего, через что я прошла, чтобы привести Эллу на этот бал, после того, как заставила его пообещать, что он позволит мне вернуться к семье; все мои усилия оказались напрасными. И всё же, у меня вырывается предательский вздох облегчения.

— Слава Богу!

Эдвард поднимает бровь, слегка удивляясь. — Разве ты не говорила мне, что я должен на ней жениться?

— Да, но... — я отвожу взгляд. Он смотрит на меня со смесью удивления и нежности. Мои губы становятся сухими, и я фокусируюсь на своих коленях. — Ты знаешь почему.

— Нет, — его глаза блестят. — Скажи мне, почему ты радуешься тому, что я не сделал Элле предложение.

— Потому что я тебя люблю, чёрт тебя подери! — слова срываются с моих губ. К чёрту всю сказку, больше нельзя лгать самой себе.

Лицо Эдварда сияет, словно освещённое лучом света. Стоя передо мной на коленях, он хватается меня за руки и притягивает ближе. Его мягкие тёплые губы прижимаются к моим.

— Как долго я ждал, чтобы услышать от тебя эти слова, — проговаривает он, его дыхание щекочет мой подбородок. — Теперь я могу отпустить тебя.

Я сглатываю и пытаюсь сдержать рвущиеся наружу слёзы. Пришло время для прощания.

— Ты выйдешь за меня замуж, Кэт?

Что? Сначала он говорит, что отпускает меня, а потом предлагает выйти за него замуж?

Парень криво усмехается. — Ты считаешь, что счастливый конец наступит, когда я женюсь на Элле?

Я начинаю качать головой. Понимание даётся мне медленно. — Но... если ты и я...

— Именно. Единственный способ разрушить проклятие и вернуться к своей семье — это выйти за меня замуж. У меня нет никаких чувств к Элле; между нами существует только дружба. Но с тобой.... — он сжимает мои руки... — я буду самым счастливым человеком, если ты согласишься стать моей невестой.

Жар опалает моё лицо. — Тогда почему ты мне раньше не сказал?

— В самом начале я подумывал о том, чтобы жениться на Элле. Без счастливой концовки я смог бы удержать тебя в Ателии.

— Значит, в тот день, когда вы с Эллой были в теплицах... ты пытался флиртовать с ней только потому, что не хотел, чтобы я уходила?

Он кивает. — Однако я передумал, решив, что не могу позволить, чтобы мой эгоизм встал на пути к твоему возвращению в семью. Кроме того, я не хочу стоять на пути Генри. Герцогиня может и была против, но теперь, когда она знает, что Элла — дочь графа, она

даст своё согласие.

Слезинка катится по моей щеке и падает на тыльную сторону моей руки. Сладость, грусть, горечь, счастье... во мне бушует вихрь противоречивых эмоций. Ирония! Всё это время я была так поглощена оригинальной историей, что совершенно не думала о том, что счастливый конец свершится тогда, когда я сама выйду замуж за принца. Но когда мы поженимся, моя миссия будет выполнена, и мне нужно будет вернуться домой. А если я всё же решу остаться, то какая жизнь ждёт нас, когда мы оба будем желать друг друга, но не сможем пожениться? Не говоря уже о том, что я не могу забыть мою собственную семью.

Эдвард вынимает из кармана серебристую туфельку и одевает её на мою перевязанную ногу. Как он нашёл её? Откуда узнал, что она моя?

— Выходи за меня, Кэт, — говорит он, убирая пальцем мои слёзы. — Скажи, что ты будешь моей.

Никак не могу перестать плакать. Я не заслуживаю его, правда, не заслуживаю.

— Кэт?

Обнимаю его за шею.

— Да, — всхлипываю я. — Я выйду за тебя.

Глава 42

Читатель, я вышла за него замуж.

Хотя и не сразу же после бала. После беседы с королём и королевой, мы назначили свадьбу через шесть месяцев. Для королевской свадьбы требуется значительная подготовка. К тому же, ни Эдвард, ни я не жаждали пожениться немедленно.

Гален отыскал вдову Адама Снайдера и добился от неё письменного признания, добыв, таким образом, доказательства того, что Элла, в самом деле, дочь графа и, следовательно, племянница леди Монтгомери и кузина Поппи. После нескольких судебных заседаний леди Бредшоу приказали передать две трети своих активов, вместе с загородным поместьем графа Бредшоу, Элле, которая использовала часть денег, чтобы выплатить оставшуюся сумму за жильё для миссис Татчер и Билли. С помощью мистера Давенпорта она организовала фонд для детей из самых бедных и нуждающихся классов. Приют и средняя школа также обеспечиваются из средств фонда.

К моему удивлению, деушка не соглашается выйти за Генри, по крайней мере, не в ближайшем будущем.

— Я больше не бедная девушка, которая во всём на него полагается. У меня есть работа во дворце, и мне нужно научиться, как управлять фондом. Нам обоим нужно время, чтобы привыкнуть к новому положению. А мне, к тому же, нужно познакомиться с моими новыми родственниками.

С помощью кредита от сэра Монтгомери, Поппи и мистер Давенпорт покупают таунхаус для среднего класса. Подруга часто навещает меня во дворце, пока не беременеет. Элла вызывается какое-то время помогать своей кухне. Благодаря её ловким умелым рукам и доброму характеру, они с Поппи прекрасно ладят.

Бьянка исчезает из столицы на несколько недель. Позже Мэг рассказывает мне, что моя "сестра" пыталась найти фейри (наверное, она хотела заполучить ещё одно любовное заклятие), но в отсутствие связей потерпела неудачу. Когда та возвращается, то обнаруживает, что Клер помолвлена с Рендаллом Маквином, и принимает предложение от племянника лорда Мэнсфилда.

Леди Грегори не возвращается к Лисандеру, но Мэг продолжает навещать её в столице и держит в курсе новостей о муже-фейри. Девушка несколько улучшает свои магические способности, но я всё ещё не доверяю ей накладывать заклятие с продолжительностью более двенадцати часов.

Я переезжаю во дворец на следующий день после бала, с твёрдым намерением проводить с Эдвардом как можно больше времени. Король и королева с энтузиазмом встречают меня; Бертрам сообщает мне, что они просто благодарны мне за то, что я смогла убедить Эдварда связать себя узами брака. Большую часть времени мы продолжаем усиленно работать над улучшением жизни жителей страны. Я знакоблю его с понятиями отпуска по болезни, пособию для матерей, страхованию здоровья и прочим, которые глубоко его поражают. Часы отдыха мы проводим в его личном саду, где он даёт мне уроки ботаники и садоводства. Я едва ли запоминаю хоть что-нибудь, потому что эти уроки, в основном, заканчиваются жаркими поцелуями. Это одно из немногих мест во дворце, наряду с подсобкой, где мы можем получить хоть немного личного пространства. Никто из нас не упоминает о моём уходе, чтобы не испортить то немногое, что нам остаётся.

Церемония венчания проходит в часовне дворца, за ней должен следовать свадебный пир только для самых близких друзей, после которого карета увезёт нас на медовый месяц в один из замков, принадлежащих кому-то из предков Эдварда. Я настаиваю на том, чтобы церемония была как можно проще. Мы не хотим тратить время на обсуждение того, какой кусок говядины подавать в качестве закуски, или сколько видов цветов должно входить в букет невесты.

— А теперь я объявляю вас мужем и женой.

Я поднимаю глаза и улыбаюсь Эдварду, который поднимает мою белую фату и целует меня. Это долгий томный поцелуй, окончания которого я не хочу. Я запускаю пальцы в его волосы и притягиваю голову; он обнимает меня за талию и прижимает сильнее. Я слышу неодобрительную ремарку какой-то благородной леди насчёт непозволительной страсти на людях.

Нам плевать. Возможно, это наш последний поцелуй. Я игнорирую пустоту в своём животе, тяжело сглатываю и стараюсь выглядеть сияющей, чтобы продемонстрировать лучащуюся счастьем невесту.

— Я люблю тебя.

Мы произносим это одновременно. Он улыбается; Я хихикаю. Звенят свадебные колокола.

А потом мир начинает вращаться, всё быстрее и быстрее; как будто я катаюсь на кружащейся на бешеной скорости карусели.

На задворках своего сознания я слышу голос Крю.

— *А потом, они жили долго и счастливо.*

Глава 43

Я прихожу в себя. Боль пульсирует в моей голове. Перед глазами проносятся размытые образы. Я моргаю, и постепенно мир обретает свои очертания.

— Кэт! — надо мной склоняется Пэйдж. Когда я начинаю тереть глаза, она с облегчением на меня смотрит. — Мам, она очнулась!

— Что случилось? — хриплю я.

— Ты упала с лестницы, когда спускалась с чердака, — поясняет сестра, потом

поднимает руку. — Сколько пальцев?

— Три, — я сажусь и стону. Моя спина ноет, через сколько ступенек я пролетела? Наверное, мне ещё повезло, что не сломала себе ногу.

Появляется мама с обеспокоенным выражением лица. — Детка, с тобой всё в порядке? Ты так долго была без сознания, что я уже собиралась вызывать врача.

— Я в порядке, — отвечаю я. — Просто чуть кружится голова, но это скоро пройдет.

— Иди и приляг на диван. Пейдж, сходи, принеси немного тёплой воды и аспирин.

Встаю и начинаю идти, но мой палец цепляется за что-то твёрдое. Обложка книги.

Нахмурившись, я поднимаю книгу. Она новенькая, страницы ровные и гладкие. На обложке изображена тоненькая рыжеволосая девушка в роскошном голубом платье и заголовок "Ужасная сводная сестра".

Мама хмурит брови. — Ты купила новую книжку?

— Не припоминаю, чтобы брала её, — отвечаю я. — Серьёзно, не помню, чтобы покупала книгу с твёрдой обложкой, они чертовски дорогие. Боже, должно быть, я сильно ударила головой.

Усевшись на диван, пролистываю книгу. Это пересказ "Золушки", вот только главной героиней была ужасная сводная сестра по имени Катриона Бредшоу.

Я решаю, что всё же читала эту книгу. Принца звали Эдвард, и у него был кузен, который в итоге остался с "Золушкой". Вполне естественно, что когда я пролистываю в конец, он точно такой, как и ожидалось. Я знаю историю, просто не помню, когда купила книгу. Может быть, Тара дала её мне; она знает, что я люблю новые версии старых сказок.

Звонит мой мобильник. Снова Блейк.

— Эй, Кэт, — голос возбуждённый. — Я столкнулся с Габриелем в "Taco Bell". Он согласился на интервью. Завтра за ланчем мы пробежимся по вопросам, а потом после занятий опросим его. Ты согласна?

— Да, конечно, — отвечаю я, задумавшись, почему в конце он показался мне слегка робким. — Звучит отлично.

Он удивляется. — А ты разве не сомневалась, когда я спрашивал тебя раньше?

Разве? — ну, теперь нет. — Увидимся завтра.

— Ты выглядишь по-другому, — комментирует Тара.

Я рассматриваю себя. На мне миленькая белая блузка с пуговицами в форме сердечек и джинсовая юбка из секонд-хэнда, достаточно короткая для флирта, но не настолько, чтобы выглядеть при этом шлюхой. Я слегка крашусь, всего лишь немного туши и чуть-чуть тонального крема, чтобы скрыть свои веснушки.

— Я надевала эту одежду и раньше.

— Я о том, что ты кажешься более спокойной и целеустремленной. Как будто кто-то вколол тебе сыворотку уверенности. И кстати, твой хвост. Обычно, ты распускаешь волосы.

Прикасаюсь к своим волосам. Я крепко завязала их таким образом, чтобы кончики чуть щекотали мне затылок. По правде говоря, понятия не имею, что на меня нашло. С тех пор, как я упала с лестницы и была без сознания, у меня такое чувство, будто бы я пережила какие-то приключения и вышла победительницей.

Тара наклоняется ближе. — Слышала, что сегодня ты интервьюируешь Габриеля Кастеллано. Ты нервничаешь?

— Немного, — я вздрагиваю, вспоминая, как наткнулась на него вчера и отправила его в неправильном направлении. — Но с нетерпением этого жду, честно. Он показался очень

милым парнем.

— Ого! А ты *изменилась*, — произносит Тара с ноткой восхищения в голосе. — Когда я в последний раз упоминала Габриеля, ты краснела и заикалась. Кто ты, и куда дела привычную, застенчивую Кэт?

— Выкрала, и теперь она лежит связанная под кроватью, — смеюсь я.

Блейк устраивает нам встречу в учебной комнате библиотеки. Он год проработал там волонтером и уговорил библиотекаря позволить нам использовать её, хоть и не в учебных целях.

Габриель появляется на несколько минут раньше, чем договаривались. Обычно среди популярных людей опоздание считается признаком стиля, так что я приятно удивлена его пунктуальности.

— Привет, Габриель, — здороваюсь я. — Я — Кэтрин, но можешь называть меня просто Кэт.

Какое-то мгновение он изучает меня, потом на его лице отражается узнавание. — Мы случайно не с тобой вчера встречались?

— Ага, это была я, — я ухмыляюсь. — Рада, что сегодня у тебя не возникает сложностей с ориентированием в школе.

Мы улыбаемся друг другу. Блейк делает знак, что пора приступать к интервью.

Я вытаскиваю свой блокнот и задерживаю карандаш над чистой страницей. — Итак, Габриель, давай начнём с обычных вопросов...

После интервью я чувствую себя отлично. Правда, отлично. С ним очень легко общаться и, на удивление, я ни разу не заикнулась. Иногда, пока я записывала его ответы, то чувствовала, как он смотрит на меня, но это меня не отвлекало. Словно я привыкла, что привлекательные парни находят меня интересной.

Когда мы заканчиваем, Габриель проводит меня до дверей и придерживает их для меня. Блейк остаётся на месте, ему ещё час работать волонтером.

— Спасибо, что пришёл сегодня, — улыбаясь, говорю я. — Ты сохранишь нам читателей. Теперь все экземпляры просто разлетятся, когда девушки увидят твоё фото на первой странице.

— Всегда пожалуйста, — он улыбается в ответ. Серьёзно, парень просто невероятен. Его глаза потрясающего орехового цвета с золотистыми искорками, тёплые и дружелюбные.

Я киваю и иду дальше, но через пару секунд он догоняет меня.

— Эй, Кэт? Если ты ничем не занята в эти выходные...

Я жду. Поверить не могу, что сейчас нервничает именно он.

— Ты не... Если ты ещё ничего не планировала, как насчет экскурсии по городу для меня?

Очко в твою пользу, Кэт. Потрясающий парень предлагает тебе встретиться.

Моё лицо горит, но я умудряюсь оставаться спокойной. Я смотрю на него, и уголки моих губ изгибаются. На заднем фоне играют фанфары.

— Почему бы и нет.

Продолжение следует

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[1] Омнибус — огромная, запряжённая лошадьми карета в роли общественного

транспорта.